Сборникъ латышской литературы

Подъ редакціей
В. Брюсова
М. Горькаго

СБОРНИКЪ ЛАТЫШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
В. БРЮСОВА
М. ГОРЬКАГО

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПАРУСЬ" А. Н. ТИХОНОВА

ПЕТРОГРАДЪ

Петроградъ. Дозволено военной цензурой. 21 ноября 1916 г.

Типо-лит. Акц. О-ва „Просвѣщеніе“. Петроградъ, Забалканскій пр., 75

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Цѣль, которую преслѣдуетъ издательство, выпуская предлагаемый сборникъ, заключается въ томъ, чтобы познакомить русскаго читателя съ наиболѣе характерными и значительными произведеніями латышской литературы, начиная съ момента ея исторического самоопредѣленія — вплоть до настоящаго времени.

Тѣсныя рамки сборника не позволяютъ, къ сожалѣнію, выполнить эту задачу съ исчерпывающей полнотой: многіе изъ видныхъ образцовъ латышскаго литературнаго творчества, въ виду ихъ значительныхъ размѣровъ, остались вовсе за предѣлами сборника, нѣкоторые — помѣщены въ сокращенномъ видѣ, но, разумѣется, безъ нарушенія ихъ художественной цѣльности.

Выборъ литературнаго матеріала, помѣщеннаго въ сборникѣ, — сдѣланъ по указанію группы латышей во главѣ съ А. П. Куршинскимъ, А. И. Предкальнъ, Д. Х. Стучка, П. И. Стучка, И. Э. Янсонъ. Редактированіе стихотворнаго отдѣла русскихъ переводовъ принадлежитъ В. Я. Брюсову, редактированіе прозы — М. Горькому и А. Сереброву.

Всѣмъ названнымъ лицамъ, а также и всѣмъ писателямъ-участникамъ издательство приноситъ свою глубокую благодарность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, издательство считаетъ своимъ долгомъ извиниться передъ тѣми изъ авторовъ, чьи произведенія не могли быть, по тѣмъ или другимъ причинамъ, напечатаны въ сборникѣ или помѣщены неполностью, а равно и передъ тѣми изъ латышскихъ писателей, съ кѣмъ, за незнаніемъ ихъ мѣстопребыванія, издательство не имѣло возможности вступить въ предварительные переговоры относительно ихъ участія въ сборникѣ.

Петроградъ.
Ноябрь, 1916 г.

ЛАТЫШСКОЕ ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТІЕ и ЛАТЫШСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Исторія латышскаго народа — исторія его порабощенія, исторія гнета и произвола крѣпостной зависимости, постепеннаго разложенія крѣпостного права и борьбы латышскаго крестьянства за свое экономическое и политическое освобожденіе. Начиная съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, борьба эта ведется подъ знаменемъ національной идеи противъ привилегированнаго нѣмецкаго баронства и нѣмецкаго бюргерства, пока при быстромъ развитіи капитализма не совершается процессъ рѣзкаго классоваго разслоенія въ самой латышской массѣ и — въ періодъ 90-хъ годовъ — національные конфликты и національныя стремленія не смѣняются острой и упорной классовой борьбой.

Латышская народная поэзія — памятникъ коллективнаго народнаго творчества въ крѣпостномъ періодѣ — ярко свидѣтельствуетъ о художественной одаренности латышскаго народа. Тяжелое и долгое крѣпостное рабство не убило духовной энергіи народа, и со времени паденія крѣпостного права мы наблюдаемъ быстрый ростъ общаго культурнаго уровня латышскаго народа. Исторія латышской литературы отражаетъ и выражаетъ процессъ духовнаго раскрѣпощенія латышскаго народа, ростъ его національнаго и культурнаго самосознанія, настроенія и идеалы его соціальныхъ группировокъ. Несмотря на крайне трудныя условія, въ которыхъ пришлось развиваться латышской литературѣ, на невѣроятныя цензурныя притѣсненія, на провинціальную замкнутость и общую отсталость отъ европейской мысли, — латышская литература въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ стремительно двинулась впередъ и являла картину многообѣщающаго расцвѣта. Латышская литература пришла уже въ соприкосновеніе съ вліяніемъ западно-европейской и русской литературы, она переросла рамки этнографическаго разсказа, и, кромѣ богатой лирики, мы встрѣчаемъ въ ней зачатки новой драмы и соціальнаго романа. Латышская литература смѣло можетъ выдержать сопоставленіе съ литературами молодыхъ европей-

скихъ народовъ (напримѣръ, съ финской, сербской, чешской и др.), которые также въ прошломъ столѣтіи пробудились къ самостоятельной культурной жизни и творчеству.

I.

Завоеваніе и колонизація Прибалтійскаго края нѣмецкими рыцарями-крестоносцами начались въ XIII столѣтіи. Мѣстное населеніе подпадаетъ подъ владычество пришлыхъ завоевателей, и въ краѣ съ теченіемъ времени образовался и установился тотъ прочный феодальный порядокъ, какой господствовалъ тогда въ Западной Европѣ. Вначалѣ мѣстное населеніе обязано было вассаламъ рыцарскаго ордена и католической церкви платить извѣстныя подати, исполнять нѣкоторыя повинности и подчиняться суду своихъ владыкъ, но постепенно крестьяне переходятъ въ крѣпостную зависимость и въ XV столѣтіи являются уже прикрѣпленными къ землѣ. Постоянные кровавые раздоры между орденомъ, епископствомъ и городами могли только ухудшить положеніе крѣпостныхъ, и реформація, нисколько не коснувшись латышскихъ и эстонскихъ крестьянъ, еще болѣе усилила власть и могущество феодаловъ-помѣщиковъ.

Въ срединѣ XVI столѣтія нагрянула кровавая Ливонская война, и подъ натискомъ Московской Руси распалось своеобразное церковно-рыцарское государство Ливоніи. Ревель и Эстляндія отошли къ Швеціи, часть ливонскихъ земель взяла Данія, Лифляндія подчинилась Польшѣ, Курляндія была присоединена какъ вассальное герцогство. Важно отмѣтить, что, отдаваясь подъ власть Польши (въ 1561 году), мѣстное дворянство выговорило себѣ исключительныя права и привилегіи, извѣстныя подъ названіемъ «привилегій Сигизмунда Августа», которыя окончательно утвердили прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ *.

Въ войнѣ 1600—1621 годовъ Швеція покорила Лифляндію, около ста лѣтъ провинція эта находилась подъ шведскимъ режимомъ. «Шведскія времена» считаются относительно самымъ мягкимъ періодомъ въ исторіи латышскаго крестьянства, такъ какъ, по разнымъ политическимъ и экономическимъ причинамъ, шведская корона, вступивъ въ борьбу съ лифляндскимъ дворянствомъ, старалась урѣзать его привилегированное господство и облегчить участь подневольнаго крѣпостного населенія. Была произведена опись и оцѣнка крестьянскаго землевладѣнія и опредѣлено количество повинностей и податей каждаго крестьянскаго участка; было отнято (въ 1632 году) у помѣщиковъ право уголовнаго судопроизводства, право жизни и смерти надъ имъ подвластными крестьянами и т. д. Но, несмотря на нѣкоторыя облегченія, крѣпостное право не было отмѣнено, и народная масса попрежнему осталась подъ тяжелой властью своихъ господъ.

Начало XVIII столѣтія въ исторіи Прибалтійскаго края ознамено-

* Подлинность этого историческаго документа оспаривается, но онъ правильно выражаетъ всю сумму присвоенныхъ тогда дворянамъ правъ.

вано кровопролитной и опустошительной Сѣверной войной (1700—1721 годы). Послѣ взятія Риги (въ 1710 году) русскій фельдмаршалъ Шереметевъ, съ согласія Петра I, подписалъ условія капитуляціи, представленныя лифляндскимъ дворянствомъ и бюргерствомъ гор. Риги. «Аккордные пункты» возстановили всѣ привилегіи дворянства и отдали мѣстное крестьянское населеніе подъ неограниченную власть помѣщиковъ. Съ присоединеніемъ Лифляндіи къ Россіи крѣпостное право развилось до своихъ крайнихъ предѣловъ и въ столѣтіе гуманистовъ и философовъ превратилось въ настоящее рабство. Нигдѣ въ Европѣ крѣпостное право не приняло такой ужасающей и жестокой формы, какъ въ Прибалтійскомъ краѣ, нигдѣ не царствовалъ такой неограниченный произволъ и гнетъ феодальныхъ помѣщиковъ, какъ въ латифундіяхъ остзейскихъ бароновъ! Но наконецъ истощилось и безграничное терпѣніе порабощеннаго населенія: начались крестьянскіе бунты, которые, въ концѣ концовъ, заставили и русское правительство, неизмѣнно благосклонное къ прибалтійскимъ феодаламъ, вмѣшаться въ ихъ домашнія дѣла. Отмѣна крѣпостного права въ остзейскихъ провинціяхъ отнынѣ не снимается съ порядка дня исторіи. Вся эпоха съ конца XVIII вѣка до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія знаменуетъ собою медленное разложеніе крѣпостного права, при чемъ, этотъ процессъ шелъ крайне туго и тяжело, пока наконецъ мѣстное крестьянское населеніе не добилось нѣкоторой экономической самостоятельности и правового положенія. Но остатки прежняго феодальнаго могущества балтійскихъ бароновъ были настолько еще прочны и крѣпки, что ихъ окончательно не уничтожили даже событія 1905 года...

Итакъ, передъ нашими глазами — исторія крѣпостного рабства, продолжающагося непрерывно въ теченіе *семи столѣтій*. Война за войной растаптывала Прибалтійскій край, смѣнялись верховные властители края, но неизмѣнно остались тѣ же привилегированные помѣщики-угнетатели и то же безправное угнетенное населеніе, тѣ же ужасы и бѣдствія крѣпостной эпохи, та же тяжелая барщина, розги, издѣвательства. Крѣпостное право въ Прибалтійскомъ краѣ приняло чрезмѣрно жестокій характеръ еще потому, что классъ дворянъ-помѣщиковъ, забравшій въ свои руки всю экономическую и политическую власть, принадлежалъ и принадлежитъ къ чужой національности. Прежніе ливонскіе рыцари и теперешніе остзейскіе бароны смотрѣли на коренное мѣстное населеніе, на «ненѣмцевъ» (Undeutsche), какъ на низшую расу, и были вполнѣ убѣждены, что эти «ненѣмцы» самимъ Господомъ Богомъ созданы для вѣчнаго рабства и подчиненія *.

Вѣковой періодъ крѣпостной зависимости не могъ не искалѣчить и изранить народной психики, не могъ не наложить своего отпечатка на

---

* Когда въ концѣ XVIII столѣтія сталъ подниматься вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного рабства, то остзейскіе феодалы выдвинули свою оригинальную теорію, что латыши будто бы происходятъ отъ Богомъ проклятыхъ языческихъ племенъ Стараго Завѣта и что поэтому имъ прирожденъ „духъ рабства“...

народный характеръ. Исторія сдѣлала изъ латышскаго крестьянина упорнаго, выносливаго труженика, но она наградила его рабской психикой и рабскими добродѣтелями — покорностью, податливостью и угодливостью передъ сильными и власть имущими. Эти черты мы встрѣчаемъ на всемъ протяженіи латышской общественной и культурной исторіи вплоть до революціоннаго періода, когда новый классъ — промышленный пролетаріатъ — своей героической борьбой выпрямляетъ придавленную народную психику.

Тяжелое наслѣдіе вѣкового рабства отразилось, конечно, и на характерѣ латышской народной литературы: не говоря уже о содержаніи латышской словесности въ каждомъ данномъ періодѣ, пережитое историческое прошлое сказывается во всемъ меланхоличномъ настроеніи народной поэзіи и даже въ самой формѣ художественной воспріимчивости. Въ латышской литературѣ — за исключеніемъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій — главнымъ мотивомъ является не борьба, а покорность судьбѣ, не стремленіе къ лучшему будущему, а — рядомъ съ практическимъ устраиваніемъ родного уголка — сантиментальная мечтательность, не яркія, смѣлыя чувства протеста, а въ лучшемъ случаѣ созерцательная грусть. Все богатство латышской литературы — въ ея *лирикѣ;* писать о латышской литературѣ — значитъ писать о латышской лирикѣ. Но чрезмѣрный лиризмъ всегда является поэтическимъ знаменателемъ пассивныхъ натуръ и пассивныхъ эпохъ, а именно этотъ льющійся черезъ край лиризмъ характеризуетъ всю латышскую поэзію вплоть до новѣйшаго времени.

Настоящимъ памятникомъ крѣпостного періода нужно считать латышскія *народныя пѣсни.* Историческая судьба народа, его трудовой бытъ, вѣковыя страданія и минутныя радости, — все это нашло свое выраженіе въ народной пѣснѣ. Въ пѣснѣ крѣпостной народъ изливалъ свое переполненное горемъ, наболѣвшее сердце, свои думы и мечты; пѣсня смягчала его долю и скрашивала его бѣдную, суровую жизнь; пѣсня своимъ ритмомъ облегчала его безпрестанный трудъ, — и поэтому народная пѣсня провожала крѣпостного латыша отъ колыбели до могилы. У латышей нѣтъ своихъ сказочныхъ народныхъ героевъ, своего цикла эпическихъ былинъ и сказаній, но сотни и тысячи четверостишій народной лирики раскрываютъ передъ нами до самой глубины пережитую эпоху и развертываютъ въ широкой картинѣ трудовой бытъ латышскаго народа. Латышскія народныя пѣсни — это своего рода историческая эпопея народной жизни и народнаго труда.

Народная пѣсня всегда ясна, цѣльна и свѣжа, какъ росой покрытый, нетронутый лугъ; она поражаетъ насъ не только наивной задушевной простотой, мѣткой образностью, ритмической стройностью, но и своей поэтической красотой и интимной нѣжностью. Кажется какимъ-то непонятнымъ чудомъ, какъ при дикомъ, грубомъ варварствѣ крѣпостного рабства народъ могъ сохранить свое поэтическое дарованіе и вложить въ пѣсню столько чуткости и отзывчивости, столько художественнаго созерцанія жизни и природы!

Народная пѣсня является продуктомъ коллективнаго творчества: она рождается за работой, облегчая однообразную тяжесть труда, и даетъ выходъ накопившимся чувствамъ и думамъ. Она обнимаетъ всю жизнь крѣпостного латыша, связана съ различными семейными празднествами и обрядами, поется парнями и дѣвушками въ пору любви, ею провожаютъ и на погостъ. Главнымъ мотивомъ латышской народной поэзіи — какъ мы уже отмѣтили — является суровая трудовая доля народа. Центръ, властвующій надъ всей народной жизнью, феодальное имѣніе — «мыза», — съ его богатствомъ и могуществомъ, съ его строгими барами и господами. Туда обращены взоры изнывающаго въ тяжелой работѣ народа, туда въ безсильной злобѣ несутся его стоны и проклятія. «Кто это», спрашиваетъ народная пѣсня, «поетъ безъ солнышка вечеромъ? Это — все сироты, отбывающія барщину строгихъ господъ». А въ другой пѣснѣ умоляютъ солнышко, чтобы оно скорѣе зашло, такъ какъ «строгіе господа» не позволяютъ кончать работу до заката солнца. Вмѣстѣ съ грустными крѣпостными пѣснями поются еще и, такъ называемыя, сиротскія, — въ положеніи сироты народъ видѣлъ олицетвореніе своей судьбы.

Съ латышской народной пѣсней вступила въ борьбу духовная литература, особенно съ конца XVIII столѣтія. Просвѣщеннымъ пасторамъ того времени народные обряды, народныя сказанія и пѣсни казались языческимъ суевѣріемъ и варварскимъ пережиткомъ. Стараются вырывать дикіе полевые цвѣтки народной поэзіи и на ихъ мѣстѣ посадить полезныя растенія христіанско-дидактической письменности, но этотъ опытъ вначалѣ не приноситъ особеннаго успѣха, — корни народной пѣсни остаются нетронутыми, и пасторская литература мало проникаетъ въ народную среду. Серьезная опасность угрожаетъ народной пѣснѣ только тогда, когда сами народныя массы захвачены религіознымъ сектанствомъ (напримѣръ, гернгутерствомъ * въ первой половинѣ прошлаго столѣтія), когда наивное, жизнерадостное міросозерцаніе народа рушится передъ христіанскими молитвами и самобичеваніями проповѣдниковъ, вышедшихъ изъ самого народа. Но народная пѣсня все еще уцѣлѣла рядомъ съ унылымъ пѣснопѣніемъ «молитвенныхъ домовъ», такъ какъ не измѣнилась та соціально-историческая почва, которая вырастила пѣсню, а именно — крѣпостная барщина. Народная поэзія замираетъ только тогда, когда прежній бытъ крѣпостного труда уступаетъ мѣсто новымъ хозяйственнымъ отношеніямъ, когда на мѣстѣ примитивной замкнутости возникаетъ новый міръ съ новыми интересами, съ новыми умственными запросами. Окончательный ударъ народной пѣснѣ наноситъ капиталистическая современность и въ крестьянскомъ хозяйствѣ: вмѣсто прялки, ручного жернова и цѣповъ появляются сельскохозяйственныя машины; народные напѣвы и мелодіи изгоняются вальсами и польками.

---

* Послѣдователи Цинцендорфа, основателя братской общины Гернгутъ, особенно были распространены въ Лифляндіи.

Первымъ обратилъ вниманіе на латышскую народную пѣсню великій нѣмецкій гуманистъ Гердеръ (нѣсколько четверостишій приведены въ его «Stimmen der Völker in Liedern»). Послѣ него, уже въ XIX столѣтіи различные прибалтійскіе пасторы, занимаясь изученіемъ латышскаго языка, начинаютъ попутно собирать образцы народнаго творчества. Громадная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ знатоку латышскаго языка и латышской старины Августу Биленштейну. Но собираніе латышскихъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ и пр. только тогда переходитъ въ надежныя руки, когда — при пробужденіи латышскаго національнаго самосознанія — оно становится своего рода національнымъ дѣломъ, когда каждому сознательному патріоту вмѣняется въ обязанность спасать отъ забвенія духовныя драгоцѣнности народа. Главнымъ иниціаторомъ по собиранію латышскихъ народныхъ пѣсенъ и вообще латышскаго фольклора является Трейландъ-Бривземнексъ. Имя Лерхисъ-Пушкайтиса связано съ изданіемъ латышскихъ басенъ и сказокъ (всего собрано имъ около 6 000), но громадное дѣло собиранія латышскихъ народныхъ пѣсенъ выполнено и доведено до конца *Христіаномъ Барономъ*. Латышскія народныя пѣсни въ 6 объемистыхъ томахъ изданы теперь Императорской Академіей Наукъ (послѣдній томъ вышелъ изъ печати осенью 1915 года); число собранныхъ пѣсенъ, въ общемъ, превышаетъ 210 000 (изъ нихъ основныхъ текстовъ 35 790, остальные — варіанты) изъ 400 различныхъ мѣстностей Латышскаго края. Тридцать лѣтъ своей жизни провелъ Хр. Баронъ надъ трудомъ, собирая, разсматривая и раскладывая громадный матеріалъ съ терпѣніемъ и искусствомъ стариннаго мастера, пока наконецъ не была создана изъ отдѣльныхъ драгоцѣнныхъ камней великолѣпная картина латышской народной поэзіи. Это поистинѣ памятникъ нерукотворный народной лирики.

* * *

Начатки латышской письменности относятся къ первымъ десятилѣтіямъ XVI столѣтія («Отче нашъ» Симона Грунау и переводъ десяти заповѣдей Ник. Рамма). Первая книга на латышскомъ языкѣ — переводъ, такъ называемаго, маленькаго катехизиса Лютера — появляется въ 1586 году подъ названіемъ «Enchiridion», потомъ послѣдовалъ латышскій псалтырь («Undeutsche Psalmen») въ 1587 году. Принципъ лютеранскаго вѣроисповѣданія требовалъ, чтобы богослуженіе совершалось на народномъ языкѣ, и цѣль этихъ изданій — спасать «бѣдныхъ темныхъ ненѣмцевъ» (arme, einfältige Undeutsche) отъ «идолопоклонства, суевѣрія, колдовства и прочихъ грѣховъ». Пропаганда лютеранства появляется какъ разъ въ эпоху полнаго закрѣпощенія крестьянской массы, она, по-своему, должна служить интересамъ крѣпостного права и налагать узду на строптивые умы темнаго, забитаго населенія. Что можетъ быть характернѣе первой книги на латышскомъ языкѣ, гдѣ въ исповѣди тогдашняго крѣпостного латыша перечень его грѣховъ состоитъ въ томъ, что онъ недостаточно усердно служилъ своему госпо-

дину, что онъ разгнѣвалъ его своимъ непослушаніемъ и этимъ вводилъ его въ сквернословіе, что онъ ропталъ противъ своей госпожи и т. д. * Таково было евангельское ученіе, какое тогдашняя церковь несла народу.

Послѣ распада Ливонскаго ордена церковь въ Прибалтійскомъ краѣ играетъ роль прислужницы феодаловъ. Это и не могло быть иначе, такъ какъ приходскихъ пасторовъ по своему усмотрѣнію и выбору назначалъ самъ баронъ-помѣщикъ (право патроната съ нѣкоторыми ограниченіями сохранились еще до нашихъ дней) **. Отнюдь не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что во время крѣпостного права пасторъ своими проповѣдями по воскресеньямъ продолжалъ то же самое дѣло, какое по буднямъ исполнялъ мызный староста своей палкой. Вся духовная литература того времени, всѣ эти псалтыри и сборники проповѣдей, предназначенные для несчастныхъ «нонѣмцевъ», проникнуты строго крѣпостнической тенденціей, которая въ общераспространенномъ сборникѣ проповѣдей Банкава выражена въ слѣдующей краткой кнутобойной формулѣ: «Слушайся господина, слушайся госпожу, а если ты не будешь слушаться, то послушаніе будетъ написано тебѣ на спинѣ».

Конечно, были исключенія и среди тогдашнихъ духовныхъ пастырей: нашлись и среди нихъ люди, которыхъ влекла къ народу искренняя жалость и которые всѣми силами стремились поднимать нравственный и умственный уровень угнетенныхъ народныхъ массъ. Но и самые гуманные, самые просвѣщенные среди нихъ никакъ не могли освободиться отъ убѣжденій, что барщина и розга — необходимая вещь для латышскаго крестьянина и что коренное населеніе края на вѣки вѣковъ должно оставаться у сохи и трудиться на своихъ нѣмецкихъ господъ.

Первыя латышскія книги напечатаны прямо варварскимъ правописаніемъ, но потомъ нѣмецкій алфавитъ приспособляется къ звуковымъ явленіямъ латышскаго языка (надъ этимъ, главнымъ образомъ, потрудился Георгій Манцеліусъ въ началѣ XVII столѣтія). Устанавливается единый латышскій литературный языкъ, который постепенно очищается и освобождается отъ примѣсей германизмовъ. Краеугольнымъ камнемъ латышской письменности нужно считать переводъ Священнаго Писанія пасторомъ *Эрнестомъ Глюкомъ* (1652—1705 годы). Для перевода Библіи на латышскій языкъ шведское правительство опредѣлило субсидію въ 7500 талеровъ, и весь громадный трудъ былъ законченъ въ теченіе 8 лѣтъ (1681—1689 годы). До Глюка и послѣ него мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ пасторовъ, любителей латышской духовной словесности, которые пишутъ, переводятъ и сочиняютъ различныя руководства церковной службы, псалтыри и сборники проповѣдей въ такомъ изобиліи, что къ концу XVIII столѣтія однихъ ду-

---

* Cp. Ad. Bezzenberger, Litauische und Lettische Drucke des 16. Jahrhunderts, Göttingen, 1874.

** Всего десять лѣтъ назадъ однимъ лифляндскимъ юнкеромъ была произнесена характерная фраза: „Какъ стадо овецъ не должно знать, какую собаку я нанимаю для нихъ, такъ и латышскіе прихожане не имѣютъ права знать, какого пастора я имъ назначаю!“

ховныхъ псалмовъ набирается до 800 номеровъ *. Всѣ эти произведенія служатъ опредѣленнымъ религіозно-моральнымъ цѣлямъ крѣпостной эпохи для насажденія страха Божія среди «нѣмцевъ» и поэтому чужды всякихъ поэтическихъ и эстетическихъ цѣнностей, хотя среди пишущихъ пасторовъ изрѣдка попадаются и люди съ несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ (напримѣръ, Фюрекеръ въ началѣ XVII вѣка).

Латышская свѣтская литература беретъ свое начало отъ *Готгарда Стендера* (1714—1796 годы). Стендеръ — своеобразная фигура лютеранскаго раціоналиста: онъ искренне преданъ дѣлу народнаго просвѣщенія и всю жизнь съ необычайной энергіей и трудоспособностью работаетъ надъ созданіемъ литературы для латышскаго народа. Кромѣ неизбѣжныхъ псалмовъ и библейскихъ разсказовъ, онъ составилъ латышскую грамматику и первый обширный латышскій словарь. Онъ первый изъ нѣмецкихъ пасторовъ рѣшился познакомить крѣпостного латыша съ началами географіи и космографіи, при чемъ эти свѣдѣнія должны служить «вящшему прославленію Всевышняго». Стендеръ, протестантскій раціоналистъ по своимъ взглядамъ и по своему складу ума, вступаетъ въ борьбу съ народной поэзіей, съ «грубыми пѣснями» (rohe Lieder) народа, и старается создавать имъ противовѣсъ въ видѣ то высокопарныхъ одъ и чувствительныхъ пасторалей, то нравоучительныхъ басенъ и виршей. Стендеръ, безспорно, самая крупная личность пасторскаго періода латышской литературы, онъ отъ всей души желаетъ помочь народу, но по своимъ убѣжденіямъ онъ все-таки остается крѣпостникомъ, и крѣпостныя отношенія для него — незыблемый, Богомъ установленный порядокъ.

Вліяніе Стендера было громадно; онъ создаетъ цѣлую литературную школу. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на отдѣльныхъ представителяхъ, среди которыхъ были люди или совершенно бездарные, или обладающіе весьма умѣреннымъ литературнымъ талантомъ. По-своему они много заботились о распространеніи грамотности, объ искорененіи невѣжества, пьянства и т. д., о преподаваніи различныхъ практическихъ совѣтовъ **, но въ одномъ сходятся они всѣ: въ признаніи существующаго феодальнаго порядка вещей. Для этой цѣли пишутся религіозные трактаты, издаются календари, переводятся и составляются всякія душеспасительныя книжки, которыя должны удовлетворять умственный голодъ народа. Въ тяжелые годы барщины, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, народъ вынужденъ былъ питаться хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ плевелами, — предназначенная для него духовная

---

* Уже въ концѣ XVIII столѣтія пасторъ Яннау жаловался, что для крѣпостныхъ латышей безпрестанно печатаютъ всякія духовныя книжки и велѣнія „закона Божія“, но что никто не рѣшается собрать и издать на латышскомъ языкѣ законоположенія, относящіяся къ правовому положенію латышскихъ крестьянъ.

** Отмѣтимъ здѣсь, что первое оригинальное драматическое произведеніе на латышскомъ языкѣ (написанное пасторомъ Эльверфельдомъ) посвящено вопросу о пользѣ оспопрививанія.

пища состояла изъ такихъ же плевелъ! Сперва латышская письменность всецѣло была дѣломъ нѣмецкихъ пасторовъ, но постепенно начинаютъ имъ помогать отдѣльные сельскіе учителя и пономари, вышедшіе изъ народа. Эти люди съ чрезвычайно скуднымъ образованіемъ, но съ похвальнымъ послушаніемъ и прилежаніемъ, по примѣру своихъ наставниковъ берутся за перо, и количество жалкой, убогой литературы для народа растетъ съ каждымъ годомъ.

Пасторскій періодъ латышской литературы уже покрытъ пылью забвенія, но онъ — какъ рубцы крѣпостныхъ розогъ — оставилъ чрезвычайно глубокій слѣдъ въ умственной и нравственной жизни народа. Эта литература, — какъ мы уже указали, — устрашая народъ грозными карами, утѣшала его загробнымъ блаженствомъ, воспитывала его въ духѣ рабскаго подчиненія и послушанія, сознательно содѣйствовала его духовному приниженію и закрѣпощенію. Пасторская литература создала тотъ прочный пластъ лютеранской церковной догмы и крѣпостнически-патріархальной морали, который надолго подавлялъ всякое свободное, самостоятельное стремленіе въ жизни народа; она окружала ореоломъ святыни существующій порядокъ вещей и клеймила, какъ грѣшниковъ и преступниковъ, всѣхъ, кто осмѣлился нарушить нормы этого порядка; она восхваляла терпѣніе, смиреніе и трудолюбіе крестьянъ и съ священнымъ ужасомъ отрицала всякую борьбу за лучшее будущее, всякій протестъ противъ униженія человѣческой личности. Крѣпостническая идеологія сохранила свою власть еще долго и тогда, когда уже были расшатаны основы патріархально-крѣпостническаго крестьянскаго быта: жизнь проложила себѣ новое русло, но умы все еще были опутаны крѣпкими реакціонно-клерикальными традиціями. Затхлая атмосфера крѣпостной крестьянской избы господствуетъ въ латышской литературѣ вплоть до второй половины прошлаго столѣтія, и ту же убогую косность мысли и рабскую прописную мораль мы встрѣчаемъ еще у нѣкоторыхъ писателей національно-буржуазнаго періода. Если латышскіе писатели новѣйшей эпохи уже освободились изъ узкаго круга консервативныхъ, патріархальныхъ традицій и представленій, то въ дряблости и безволіи выведенныхъ ими типовъ, въ отсутствіи смѣлыхъ, сильныхъ чувствъ и мыслей, въ лирической расплывчатости и въ общей безцвѣтности и посредственности самыхъ литературныхъ произведеній все еще чувствуется тяжелое духовное наслѣдіе крѣпостного прошлаго.

II.

Среди благообразныхъ, строгихъ лютеранскихъ пасторовъ, убѣжденныхъ защитниковъ крѣпостного права, въ концѣ XVIII вѣка рѣзко выдѣляется неспокойная, протестующая личность *Гарлиба Меркеля* (1769—1850 годы).

Великія гуманныя идеи французской революціи проникли въ

феодальную глушь Прибалтійскаго края, и здѣсь ихъ страстнымъ поборникомъ явился Меркель, сынъ лифляндскаго пастора, за «вольнодумство» отрѣшеннаго отъ духовнаго сана. Воспитанный на сочиненіяхъ Руссо, Вольтера и другихъ французскихъ энциклопедистовъ, молодой домашній учитель начинаетъ съ негодующей критикой относиться къ окружающей его крѣпостной дѣйствительности, и у него созрѣваетъ планъ выступить съ безпощаднымъ обличеніемъ крѣпостного варварства. Меркель отправляется въ Германію, и въ 1797 году въ Лейпцигѣ появляется въ печати его знаменитая книга: «Die Letten vorzüglich in Liefland am Ende des philosophischen Jahrhunderts» (Латыши, преимущественно въ Лифляндіи, на исходѣ философскаго вѣка). Памфлетъ Меркеля обратилъ на себя всеобщее вниманіе и вызвалъ такой же переполохъ среди крѣпостниковъ Прибалтійскаго края *, какой вызвала книга Радищева среди русскихъ крѣпостниковъ. Года черезъ два Меркель выступилъ съ новой книгой «Die Vorzeit Lieflands» (Древняя исторія Ливоніи), съ историческимъ обвинительнымъ актомъ противъ «рыцарскаго и поповскаго духа» прославленной ливонской старины. Потомъ въ 1802 году послѣдовала его сантиментальная поэтическая фантазія «Vannem Ymanta», гдѣ онъ воспѣваетъ благородство коренныхъ жителей края и коварство пришлыхъ нѣмецкихъ завоевателей.

Свой походъ противъ крѣпостного рабства Меркель, какъ истинный сынъ вѣка, предпринимаетъ во имя разума, во имя правъ человѣка. Силою таланта и искреннимъ чувствомъ возмущенія дышатъ страницы его сочиненій, гдѣ онъ рисуетъ ужасное безправное положеніе крѣпостныхъ латышей и взываетъ къ достоинству и свободѣ человѣческой личности. Меркель обращается къ «мудрости и благородству» русскихъ монарховъ, онъ пытается увѣщать тѣхъ немногихъ представителей лифляндскаго дворянства, въ которыхъ еще не умерла человѣческая совѣсть, но при этомъ онъ вынужденъ неоднократно указывать, что невыносимая тяжесть существующихъ крѣпостныхъ отношеній рано или поздно приведетъ къ революціонному взрыву, къ возстанію народныхъ массъ. Его книга «Латыши» кончается пророческимъ призывомъ: «Я не берусь предсказывать, какого рода катастрофой разрѣшится судьба латышей. Я кладу свой трудъ передъ глазами человѣчества какъ обвинительный матеріалъ въ томъ страшномъ судебномъ процессѣ, какой будетъ рано или поздно начатъ будущностью противъ угнетателей моей родины. Будущность пусть судитъ и вынесетъ приговоръ! Ея приговоръ будетъ страшенъ и скоръ!». Пророчество это сбылось только черезъ сто лѣтъ, въ 1905 году.

Въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ Меркель цѣликомъ принимаетъ ученіе Руссо о блаженномъ, счастливомъ состояніи человѣчества въ доисторическій періодъ, когда люди еще не испорчены сомнитель-

* Самое убійственное обвиненіе, какое прибалтійскіе феодалы рѣшились бросить въ лицо Меркелю, это предположеніе, что онъ, вѣроятно, и самъ латышъ! „Von den Letten kamst du, Lette“, шипѣли они въ своихъ памфлетахъ. Ср. „Paradiesgärtlein für Garlieb Merkel“, Köln, 1806.

ными дарами цивилизаціи и когда «естественное состояніе» народа не нарушено насиліемъ и произволомъ господствующихъ классовъ. Таковымъ рисуется Меркелю историческое прошлое Прибалтійскаго края, когда «кроткіе, мирные» латыши и эсты обманомъ и насиліемъ были покорены пришлыми рыцарями и монахами. Наивная идеализація первобытныхъ племенъ Прибалтійскаго края, разумѣется, не выдерживаетъ исторической критики, но историческая концепція Меркеля — какъ мы дальше увидимъ — сыграла громадную роль въ эпоху національнаго пробужденія латышей. Легенды о свободномъ, счастливомъ прошломъ латышскаго народа вдохновляли не только Меркеля въ его тяжбѣ съ феодальнымъ крѣпостничествомъ на исходѣ XVIII вѣка, но она снова ожила черезъ 50—60 лѣтъ и стала символомъ національнаго возрожденія, когда латышское крестьянство и городская мелкая буржуазія начали борьбу за свою экономическую самостоятельность. Меркель самъ не написалъ ни одной страницы на латышскомъ языкѣ, но онъ оказалъ чрезвычайно глубокое вліяніе на исторію латышской общественной мысли, и отголоски этого вліянія можно уловить въ латышской литературѣ вплоть до самой новѣйшей эпохи.

Меркель выступаетъ съ своей освободительной пропагандой какъ разъ въ тотъ моментъ, когда фундаментъ крѣпостного рабства далъ уже трещины, и крестьянскія волненія заставили прибалтійское дворянство и русское правительство рѣшиться на какія-либо измѣненія существующихъ отношеній. Сила Меркеля состояла въ его обличающемъ протестѣ: какъ только съ абстрактной высоты гуманныхъ принциповъ онъ спускается на землю, его практическія предложенія поражаютъ своей скудной умѣренностью. Для него важенъ самъ принципъ свободной человѣческой личности, и поэтому онъ не только удовлетворялся, но даже восторгался реформою «освобожденія» прибалтійскихъ крестьянъ (въ 1817—1819 годахъ).

Реформа 1817—19 годовъ состояла въ томъ, что формально было отмѣнено право собственности помѣщика на личность крестьянина, но зато у крестьянъ была отнята вся ихъ земля и объявлена исключительной собственностью помѣщиковъ. Прибалтійское дворянство дѣйствительно могло радоваться, что оно такъ выгодно провело «освобожденіе крестьянъ», но несчастные крестьяне благодаря «освободительной» реформѣ попали въ еще худшую кабалу. Барщина приняла неслыханные размѣры, рядъ голодныхъ годовъ довелъ крестьянство до отчаянія, и въ 40-хъ годахъ снова разразились крестьянскія волненія, принявшія своеобразную религіозную окраску. Крестьянство, не зная никакого другого исхода, начало массами присоединяться къ православію въ наивной надеждѣ, что «русская вѣра» защититъ ихъ отъ притѣсненій нѣмецкихъ бароновъ и обезпечитъ землей и волей. Но на массовый переходъ въ православіе (въ теченіе 5 лѣтъ въ одной только Лифляндіи было присоединено до 100 000 крестьянъ) въ высшихъ административныхъ сферахъ взглянули какъ на опасный бунтъ! Немедленно были снаряжены карательныя экспедиціи въ Прибалтійскій

край, и новокрещенные латыши были подвергнуты самымъ жестокимъ истязаніямъ!... *

Но одні͏̈ми экзекуціями нельзя было искоренить народное недовольство, и опять засуетились правительственныя комиссіи и дворянскіе ландтаги. Крѣпостное право отживало свой вѣкъ, — для самихъ помѣщиковъ стало болѣе выгоднымъ дѣломъ отъ барщины перейти къ денежной арендѣ. Итакъ, послѣ долгихъ затяжекъ, въ 60-хъ годахъ латышскіе и эстонскіе крестьяне наконецъ были освобождены отъ крѣпостной зависимости и добились извѣстныхъ правъ (напримѣръ, права свободнаго передвиженія, отмѣны тѣлесныхъ наказаній и т. д.). Прибалтійское дворянство отступало медленно, шагъ за шагомъ, используя каждое новое законоположеніе въ своихъ интересахъ и сохраняя неприкосновенными самыя важныя и драгоцѣнныя для себя привилегіи. Попрежнему грозно возвышались баронскіе замки надъ крестьянскими усадьбами, феодально-крѣпостной строй не былъ окончательно ликвидированъ, и поэтому новые конфликты, новыя столкновенія стали неизбѣжными.

Въ 60-хъ годахъ въ защиту латышскихъ крестьянъ стали уже не одиночки изъ чужого лагеря (въ родѣ Меркеля), но свои же латышскіе интеллигенты, вышедшіе изъ народныхъ низовъ и оставшіеся вѣрными своему классу. Мы застаемъ цѣлую группу, такъ называемыхъ, «*младолатышей*» (Хр. Вальдемаръ, Андр. Спагисъ, Ю. Аллунанъ, Хр. Баронъ и др.): съ бодрой вѣрой въ свое дѣло, они стараются разбудить самосознаніе и самодѣятельность народныхъ массъ, зовутъ ихъ къ лучшему будущему и отъ имени ихъ выставляютъ требованія экономическихъ и политическихъ реформъ. Младолатыши начинаютъ свою дѣятельность по примѣру Меркеля: подобно ему, они въ рядѣ памфлетовъ (изданныхъ за границей на нѣмецкомъ языкѣ) освѣщаютъ невыносимое положеніе «свободныхъ» крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ и возлагаютъ свои надежды на вліятельныхъ заступниковъ, на вмѣшательство государственной власти. Но, сравнительно съ Меркелемъ, великая разница состояла въ томъ, что младолатыши, кромѣ того и прежде всего, на родномъ языкѣ обращаются къ самимъ массамъ и зовутъ ихъ къ защитѣ своихъ правъ и интересовъ, къ общественной и культурной самодѣятельности.

Главой и душой младолатышей былъ *Христіанъ Вальдемаръ* (1825—1891 годы), человѣкъ съ необычайной энергіей, со всесторонней инціативой, съ рѣдкимъ даромъ организатора и практическаго дѣятеля. Вальдемару стоило громаднаго труда пробить себѣ дорогу, и всю свою жизнь онъ положилъ на то, чтобы поднять свой народъ на болѣе высокую соціальную и культурную ступень. Интриги и преслѣдованія балтійскихъ феодаловъ прервали его дѣятельность, и вторую половину своей жизни онъ вынужденъ былъ провести внѣ Латыш-

---

* Событія 40-хъ годовъ описаны Ю. Самаринымъ въ его книгѣ „Окраины Россіи“, т. VI.

скаго края, въ Москвѣ (за Вальдемаромъ числятся крупныя заслуги по развитію морского судоходства и морскихъ школъ въ Россіи), но всюду и всегда онъ старался содѣйствовать всѣмъ культурно-прогрессивнымъ начинаніямъ среди латышей.

Вальдемаромъ и его товарищами въ 60-хъ годахъ былъ созданъ первый независимый латышскій органъ «Peterburgas Awises» («Петербургская Газета»), ставящій себѣ цѣлью знакомить латышей съ предстоящими преобразованіями въ Россіи и съ ходомъ событій въ Европѣ. «Peterburgas Awises» проповѣдывала ту простую истину, что латышскій крестьянинъ тоже человѣкъ, что онъ долженъ обладать извѣстными человѣческими правами, и ему должны быть доступны блага культуры, — но можно представить себѣ, какой опасной бунтарской ересью это казалось балтійской привилегированной кастѣ! Газета была подвергнута строжайшей цензурѣ, потомъ закрыта, и сама группа младолатышей разбита и разсѣяна. Но идеи ихъ проникли уже въ народную массу: освобожденіе отъ экономически-политической зависимости, отъ культурнаго верховенства правящихъ нѣмецкихъ классовъ становится теперь дѣломъ передовыхъ слоевъ раскрѣпощеннаго народа и ведетъ къ *національному самосознанію* и національному возрожденію. До тѣхъ поръ латыши были просто крѣпостнымъ сословіемъ, народомъ «безъ исторіи» (geschichtslose Nation), — теперь этотъ народъ самъ выступаетъ на арену и начинаетъ творить свою исторію, свою культуру.

Только что вышедшія изъ крѣпостной зависимости народныя массы вынуждены были сплотиться вмѣстѣ, чтобы общими силами отстаивать свои интересы и стремиться къ лучшему будущему. Матеріальный и культурный подъемъ новыхъ соціальныхъ группъ (латышскаго крестьянства и городской мелкой буржуазіи), ихъ натискъ на общаго врага совершается подъ знаменемъ національнаго пробужденія и единенія, такъ какъ правящіе классы — нѣмецкое баронство и бюргерство — принадлежатъ къ чужой національности. Среди латышской народной массы въ то время еще не опредѣлились столь рѣзко классовыя различія (хотя между хозяевами и безземельными батраками издавна существовала классовая рознь), а, кромѣ того, сохранившіеся пережитки феодальнаго прошлаго своимъ гнетомъ все еще объединяли и хозяевъ и батраковъ въ одно народное цѣлое. Такимъ образомъ, латышское національное движеніе, въ которомъ активная роль принадлежала — кромѣ немногочисленной интеллигенціи — передовымъ элементамъ крестьянства и городской мелкой буржуазіи, въ то время могло опираться на сочувствіе и поддержку широкихъ народныхъ массъ. Латышскія «національныя стремленія» въ своемъ началѣ носили несомнѣнно прогрессивный характеръ, выражая общія надежды и чаянія народной массы, стремящейся къ лучшему будущему.

Вмѣстѣ съ паденіемъ крѣпостного права предъ младолатышскими дѣятелями сталъ вопросъ: какимъ путемъ долженъ совершиться культурный подъемъ темныхъ, обездоленныхъ народныхъ массъ? Отвѣтъ былъ ясенъ: поднятіе общаго умственнаго уровня латышскаго насе-

ленія, пріобщеніе его къ благамъ европейской культуры возможно только посредствомъ развитія родного языка, родной школы, родной національной литературы. Младолатыши съ воодушевленіемъ взялись за дѣло: они положили начало самостоятельной латышской прессѣ и литературѣ, они не жалѣли усилій, чтобы распространить среди народа дѣйствительное просвѣщеніе, въ отличіе отъ сомнительныхъ суррогатовъ пасторской письменности. Такая работа представляла громадныя трудности: латышскій литературный языкъ былъ прекрасно приспособленъ къ требованіямъ церковныхъ проповѣдей, но въ немъ отсутствовали обозначенія для самыхъ элементарныхъ научныхъ и литературныхъ терминовъ. Но и эта задача была разрѣшена, и постепенно были отысканы и созданы на латышскомъ языкѣ выраженія для европейской культурной мысли, для ритмическихъ созвучій классической и современной поэзіи. *Юрисъ Аллунанъ*, публицистъ и поэтъ тогдашней эпохи, далъ примѣръ, какъ на грубомъ, презираемомъ языкѣ латышскихъ крестьянъ можно изложить и популярныя научныя статьи, и передать художественныя строфы Гейне и Гете. У младолатышей была пламенная вѣра въ будущее своего народа, и хотя они успѣли осуществить только ничтожную часть своихъ грандіозныхъ просвѣтительныхъ плановъ и мечтаній, все-таки ихъ усиліями была для латышскаго народа проложена тропинка къ европейской культурѣ.

Вальдемаръ и его товарищи — современники великихъ событій и преобразованій въ Россіи 60-хъ годовъ. Сильное идейное вліяніе на нихъ оказалъ примѣръ Меркеля, нѣкоторые изъ нихъ (напримѣръ, самъ Вальдемаръ) знакомились и съ ученіями европейскихъ буржуазныхъ экономистовъ и политиковъ, но, въ общемъ, ихъ двинула и несла впередъ переживаемая эпоха. По своимъ взглядамъ латышскіе дѣятели 60-хъ годовъ были умѣренные демократы, убѣжденные сторонники неотложныхъ реформъ, но противники революціонной народной борьбы. Они не полагались на натискъ народныхъ массъ и отнюдь не желали такого натиска, но надѣялись при проведеніи реформъ на предусмотрительность государственной власти и поэтому всячески старались обратить вниманіе вліятельныхъ русскихъ круговъ на прибалтійскія дѣла. Это стремленіе сблизило Вальдемара съ славянофильскими публицистами того времени, съ Катковымъ и Ив. Аксаковымъ, которые въ своихъ изданіяхъ — однако, отнюдь не изъ демократическихъ принциповъ — часто разоблачали остзейскіе порядки. Общая вражда къ преобладанію нѣмецкаго элемента породила извѣстную идейную связь между руководящей латышской интеллигенціей и русскими общественными кругами, — къ сожалѣнію, — славянофильскими и реакціонными. Латыши стали знакомы съ Россіей Каткова и Леонтьева, но имъ долго еще оставалась чужда Россія Герцена и Чернышевскаго...

Шестидесятые годы принесли значительныя облегченія латышскому крестьянству. Ту упорную трудоспособность, какая была пріобрѣтена въ періодъ вѣковой барщины, латышское населеніе переноситъ теперь на устройство собственнаго благосостоянія. Въ теченіе

немногихъ лѣтъ вводится раціональное хозяйство, расцвѣтаетъ школьное дѣло, кладется основаніе латышскимъ общественнымъ организаціямъ и культурнымъ начинаніямъ (широкимъ вліяніемъ въ свое время пользовалось основанное въ 1868 году Рижское Латышское общество, но этотъ центръ «національныхъ стремленій» превращается потомъ въ гнѣздо реакціонныхъ поползновеній). Въ 70-хъ годахъ центръ тяжести отъ широкихъ экономическихъ и политическихъ преобразованій постепенно переносится на мирную культурную работу, и поле дѣятельности латышскихъ патріотовъ значительно суживается. Главными культурными работниками въ этомъ періодѣ являются латышскіе сельскіе учителя, до нѣкоторой степени уже освободившіеся отъ тяжелой руки прежнихъ патроновъ; ихъ усиліями народное образованіе было поставлено на такую ступень, что въ отношеніи грамотности латыши стали теперь первыми среди другихъ народностей Россіи. Центральное мѣсто среди тогдашнихъ дѣятелей занимаетъ *О. Кронвальдъ;* своимъ энтузіазмомъ, своимъ ораторскимъ талантомъ онъ заражаетъ и вдохновляетъ всѣхъ и придаетъ имъ вѣру въ будущее латышскихъ «національныхъ стремленій». Латышское школьное дѣло, латышскій литературный языкъ многимъ обязаны Кронвальду; самъ онъ отнюдь не былъ узкимъ, ограниченнымъ націоналистомъ, ибо на первомъ планѣ для него стояли интересы общаго культурнаго развитія.

Въ 70-хъ годахъ, съ ростомъ національнаго самосознанія, начинаютъ обращать усиленное вниманіе на латышскій фольклоръ, и восторженные латышскіе націоналисты теперь только открываютъ настоящее богатство и красоту своихъ народныхъ пѣсенъ и сказаній. Врагамъ и насмѣшникамъ, отрицающимъ возможность самостоятельной латышской культуры, можно теперь съ гордостью противопоставить не только надежды на будущее, но и духовный кладъ прошлаго. Вмѣстѣ съ этимъ исключительную власть надъ умами пріобрѣтаетъ легенда о высокой культурѣ, о счастливой свободѣ латышскаго народа до пришествія нѣмцевъ, и варварская первобытность латышскихъ и литовскихъ племенъ рисуется въ родѣ классической Эллады съ ея богами и героями, съ ея жрецами и всенародными торжествами! Въ этой наивной фантазіи сказывается не только вся горечь за страданія и униженія минувшей крѣпостной эпохи, но въ ней раскрываются и обманчивыя, самонадѣянныя мечты новаго соціальнаго класса, пролагающаго себѣ путь къ матеріальному и культурному подъему. Вѣра въ прошлое выражаетъ въ то же время надежду на будущее, и туманная утопія старины прикрываетъ реальныя стремленія молодой латышской буржуазіи къ экономическому и общественному преобладанію въ краѣ, все еще находящемся подъ нѣмецкимъ господствомъ.

Возрожденіе національной культуры ставилось въ связь съ воскресеніемъ народной старины, и наши молодые національные поэты *Аусеклисъ* * (1850—1879 годы) и *Пумпуръ* (1841—1902 годы) съ искреннимъ

* Псевдонимъ, настоящая фамилія — Микусъ Крогземъ.

увлеченіемъ берутся за эту задачу. Только слишкомъ бѣдна была эта старина и слишкомъ мало соотвѣтствовала она разгоряченнымъ фантазіямъ латышскихъ націоналистовъ! Недостающихъ національныхъ боговъ и героевъ пришлось просто измышлять и лѣпить по какому-нибудь учебнику древней исторіи,—такая попытка заранѣе была уже обречена на плачевную неудачу. Если стихи Аусеклиса и Пумпура еще не окончательно забыты, то только благодаря ихъ бодрымъ, мужественнымъ аккордамъ, ихъ свѣжему поэтическому настроенію, которое, однако, идетъ ко дну подъ грузнымъ псевдо-миѳологическимъ балластомъ. Но послѣ нихъ выступаетъ уже цѣлая толпа патріотически настроенныхъ дилетантовъ; своими подражаніями и подѣлками народныхъ пѣсенъ они только засорили живой источникъ народной поэзіи. Неудачна была попытка воскресить умершую старину и вдохнуть жизнь въ восковыя фигуры поддѣльной національной миѳологіи. Всѣ усилія составить свой латышскій національный эпосъ, надъ чѣмъ такъ много трудился Лаутенбахъ, оказались напрасными, ибо во всѣхъ этихъ искусственныхъ потугахъ отсутствовалъ живой духъ поэзіи. Такой путь не могъ привести къ созданію самобытной національной литературы: искусственная фальсификація старины не могла замѣнить настоящую поэзію, не могла удовлетворить художественные запросы современнаго поколѣнія, ибо новыя времена требуютъ и новыхъ пѣсенъ.

Рѣка латышскихъ національныхъ стремленій быстро обмелѣла. Латышскіе націоналисты не ставили передъ собой широкихъ историческихъ задачъ, ихъ программа содержала весьма умѣренныя требованія, и мечтанія ограничивались устройствомъ родного уголка. Какъ только сельская и городская мелкая буржуазія достигла извѣстнаго матеріальнаго благосостоянія, ея патріотическій пылъ немедленно сталъ ослабѣвать. «Національныя стремленія» опошлились и превратились для многихъ въ дешевую рекламу; національный энтузіазмъ остывалъ и уступилъ мѣсто пустому фразерству и бахвальству; прежнихъ идеалистовъ замѣняютъ практическіе національные дѣльцы. Тщетно противъ такого поворота возставалъ даровитый журналистъ *Ю. Матерсъ* (1845—1885 годы), тщетно критиковалъ и обличалъ онъ узкую своекорыстную политику руководящихъ латышскихъ круговъ, — тѣ быстро отдѣлались отъ назойливаго протестанта, и Матерсъ умираетъ, загнанный и преслѣдуемый своими же соотечественниками.

Но если зажиточная латышская буржуазія успокаивается на занятыхъ уже позиціяхъ, то для латышскаго мелкаго крестьянства конецъ 70-хъ и начало 80-хъ годовъ означаетъ какъ разъ періодъ острыхъ конфликтовъ съ мѣстными баронами. На очереди стояла продажа арендуемыхъ крестьянскихъ усадебъ въ наслѣдственную собственность, и всѣхъ волновалъ вопросъ: совершится ли этотъ выкупъ при вмѣшательствѣ правительственной власти, или эта операція будетъ предоставлена «свободному соглашенію» сторонъ, т. е. корыстному своеволію остзейскихъ помѣщиковъ? Учащались столкновенія, и мѣстами вспыхивалъ аграрный терроръ (недаромъ въ то время Прибалтійскій край въ рус-

ской печати заслужилъ названіе «русской Ирландіи»). Но недовольство мелкаго крестьянства не разрослось до открытаго массоваго движенія и быстро потомъ пошло на убыль. Патріотическіе дѣльцы (или, какъ они назывались, «столпы народа») тѣмъ временемъ произносили безконечные тосты, писали прошенія, посылали вѣрноподданническія телеграммы. Ихъ единственной заботой было засвидѣтельствовать свою «лойяльность» передъ мѣстной и высшей администраціей, такъ какъ, по ихъ увѣреніямъ, не борьба за выдвинутыя требованія, а единственно и только безпредѣльная лойяльность можетъ снискать расположеніе высшихъ сферъ и обратить ихъ вниманіе на нужды мѣстнаго населенія. Несмотря на безрезультатность такой тактики, латышская буржуазія осталась и остается вѣрной ей и понынѣ.

80-е годы принесли латышскому крестьянству тяжелое разочарованіе. Аграрный вопросъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ рѣшенъ въ пользу мѣстныхъ бароновъ, ихъ привилегіи остались нетронутыми, и выкупъ крестьянскихъ усадебъ — кромѣ несоразмѣрно высокихъ цѣнъ — былъ обставленъ всякими повинностями и правовыми ограниченіями. Скоро потомъ начавшійся кризисъ (паденіе цѣнъ на сельскохозяйственные продукты) на долгіе годы придавилъ къ землѣ латышское крестьянство. Мечты и ожиданія націоналистовъ также потерпѣли полный крахъ: при введеніи русскихъ судебныхъ и полицейскихъ учрежденій въ концѣ 80-хъ годовъ не только не были приняты во вниманіе желанія мѣстнаго населенія, не только не было признано равноправіе латышскаго языка, но при общей системѣ *обрусенія* Прибалтійскаго края началось и гоненіе латышскаго языка и латышской народной школы. Латышская школа до сихъ поръ страдала отъ надзора клерикаловъ — нѣмецкихъ пасторовъ, теперь къ нимъ присоединяются русскіе чиновники, старающіеся своими обрусительными программами и циркулярами окончательно убить живой духъ народной школы. Натискъ воинствующихъ обрусителей и гонителей родного языка не встрѣтилъ никакого отпора со стороны руководящихъ національныхъ круговъ: еще ниже кланялись латышскіе «вожди», еще больше усердствовали они въ изъявленіи своихъ лойяльнѣйшихъ чувствъ. А тѣмъ временемъ постоянно усиливается общій реакціонный курсъ, латышская печать и литература прозябаютъ въ тискахъ цензуры, и всякая культурная работа разбивается объ административный произволъ. Послѣ шумныхъ «національныхъ стремленій» общественная жизнь при режимѣ Александра III погружается въ тяжелый, мертвящій сонъ. 80-е годы знаменуютъ и у насъ эпоху полнаго культурнаго застоя.

Но вернемся къ литературѣ этого періода. Прежде всего отмѣтимъ, что національное движеніе охватило только передовые слои латышскаго крестьянства и что въ сторонѣ отъ столбовой дороги «національныхъ стремленій» осталась старинная крестьянская усадьба съ ея соломенными крышами, съ ея патріархальнымъ бытомъ. Конечно, перемѣны новой эпохи коснулись и этого замкнутаго міра, но тѣмъ не менѣе здѣсь еще свято чтутъ завѣты предковъ, и полную силу сохра-

няютъ суровыя нормы крѣпостнической морали. Защитникомъ этой морали въ свое время выступаетъ *Ю. Нейкенъ* (1826—1868 годы); въ своихъ разсказахъ изъ народной жизни онъ обрушивается на «порчу нравовъ», на слабость и пороки подрастающаго поколѣнія. Но Нейкенъ не художникъ, а строгій, разгнѣванный пасторъ, его разсказы — та же черствая церковная проповѣдь въ посредственныхъ нравоучительныхъ картинахъ.

70-е годы свое отраженіе нашли въ произведеніи братьевъ *Каудзитъ* «Времена землемѣровъ». Сюжетъ этого обширнаго тяжеловѣснаго разсказа взятъ изъ эпохи, когда подготовлялся выкупъ крестьянскихъ усадебъ, и благодарная тема даетъ авторамъ возможность въ широкихъ штрихахъ изображать неприглядныя стороны будущихъ крестьянъ-собственниковъ, ихъ узкій эгоизмъ, завистливую жадность, погоню за участкомъ земли всякими правдами и неправдами. Среди сѣрой крестьянской толпы пестрятъ новомодные сельскіе «интеллигенты», карикатурные представители тогдашняго націонализма, и перо авторовъ рисуетъ ихъ съ безпощадно грубоватой сатирой. Но въ портретной галлереѣ братьевъ Каудзитъ въ такомъ же смѣшномъ нелѣпомъ видѣ выставлены и нѣкоторыя фигуры добраго, стараго времени, настоящіе духовные калѣки крѣпостного періода, съ ихъ рабскимъ страхомъ и ребяческимъ скудоуміемъ. Симпатіи авторовъ, почтенныхъ сельскихъ учителей и умѣренныхъ націоналистовъ, на сторонѣ тѣхъ скромныхъ, честныхъ представителей крестьянства, которые сохранили свойства и черты стараго крестьянскаго міра, главнымъ образомъ — прежнее трудолюбіе и серьезное, безкорыстное отношеніе къ своимъ ближнимъ. «Времена землемѣровъ» составили эпоху въ бѣдной латышской литературѣ и заняли въ ней почти такое же мѣсто, какъ «Мертвыя души» Гоголя въ исторіи русской литературы. Несмотря на наивно-старомодный тонъ повѣствованія, на довольно посредственный художественный талантъ авторовъ, «Времена землемѣровъ» достаточно вѣрно характеризуютъ извѣстную эпоху и широко охватываютъ латышскую крестьянскую жизнь (нѣкоторые типы нарисованы такъ удачно, что они сдѣлались нарицательными въ латышской литературѣ). Но ярче всего бросается въ глаза умственная бѣднота и слѣпота тогдашняго крестьянскаго населенія, и невольно вспоминаются слова Пушкина при чтеніи «Мертвыхъ душъ»: «Боже, какъ грустна Россія!»

Старый патріархальный строй крестьянскаго міра погибалъ безвозвратно. Капитализмъ прокладывалъ себѣ дорогу даже въ самыхъ отсталыхъ углахъ прибалтійской деревни, и какъ разъ во время тяжелаго сельскохозяйственнаго кризиса 80-хъ годовъ ломка прежнихъ устоевъ жизни чувствовалась особенно больно. Многимъ такъ и казалось, что вмѣстѣ съ старымъ укладомъ жизни рушатся и самыя прочныя моральныя основы крестьянскаго общежитія. Исчезающую благочестивую старину оплакиваетъ въ своихъ разсказахъ и очеркахъ *Яковъ Апситъ** (родился въ 1858 году), писатель съ строго религіознымъ міро-

* Янъ Лупземъ.

созерцаніемъ. Ему дорога старая крестьянская усадьба съ дѣдовскимъ порядкомъ жизни, гдѣ день начинаютъ и кончаютъ молитвой, гдѣ родители воспитываютъ дѣтей въ страхѣ Божіемъ, и гдѣ «молитвенный домъ» гернгутеровъ властвуетъ надъ умами. Съ рѣзкимъ осужденіемъ относится онъ къ нравамъ подрастающаго поколѣнія, ненавистны ему не только новые практическіе дѣльцы, въ своей дѣятельности мало считающіеся съ велѣніями десяти заповѣдей, но вообще всѣ новые люди деревни, отвернувшіеся отъ старыхъ патріархальныхъ завѣтовъ и идущіе своей дорогой. Имъ онъ противопоставляетъ свои излюбленные типы прежней крѣпостной формаціи: они трудятся въ потѣ лица своего, съ христіанскимъ смиреніемъ переносятъ всѣ невзгоды жизни и никогда не устаютъ творить добро. Таковъ его «Андреевъ отецъ» («Богатая родня»), совмѣщающій въ себѣ всѣ добродѣтели пережитаго крѣпостного рабства: полную безличность и покорность судьбѣ, христіанскую кротость и незлобивость. Апситъ больно чувствуетъ соціальную несправедливость существующаго порядка, когда его любимый «Андреевъ отецъ», прошедшій всю жизнь въ суровомъ трудѣ, долженъ кончить свои дни въ богадѣльнѣ для нищихъ, авторъ все же не знаетъ другого выхода, какъ обращеніе къ богатымъ и сильнымъ съ призывомъ: «будьте братьями! любите другъ друга!». Но призывъ Евангелія заглушается шумомъ и сутолокой капиталистическаго дѣлового оборота, современная жизнь не слушается указаній «старинной, толстой книги» (Библіи), — и самъ авторъ, разочаровавшись въ успѣхѣ своей проповѣди, послѣ нѣсколькихъ произведеній замолкъ.

Лучшимъ бытописателемъ латышскаго крестьянства, несомнѣнно, является *Рудольфъ Блауманъ* (1862—1908 годы). На окружающую деревенскую жизнь онъ смотритъ уже преимущественно глазами художника, а не моралиста; онъ несравненно болѣе крупный талантъ, чѣмъ его предшественники (Нейкенъ, бр. Каудзитъ, Апситъ), съ прекраснымъ пластическимъ дарованіемъ, съ веселымъ юморомъ, съ живымъ чувствомъ художественной мѣры. Въ его легкихъ, простыхъ разсказахъ чувствуется свѣжій ароматъ латышскихъ полей и луговъ, крѣпкая, здоровая жизнь крестьянской усадьбы съ ея простыми семейными отношеніями, съ ея несложными деревенскими драмами и трагедіями. Блауманъ не касается никакихъ общественныхъ и соціальныхъ вопросовъ, даже вѣковой конфликтъ между крестьянской усадьбой и баронскимъ имѣніемъ нашелъ свое отраженіе у него только въ одномъ разсказѣ («Андриксонъ»), но психологическіе сюжеты изъ крестьянской жизни иногда у него разработаны превосходно. Его лучшій очеркъ «Въ тѣни смерти» — трагедія погибающихъ рыбаковъ на оторванной льдинѣ, гдѣ люди съ спокойнымъ сознаніемъ, съ истиннымъ крестьянскимъ фатализмомъ ожидаютъ неизбѣжной смерти. Это настоящіе латыши, суровые, замкнутые, закаленные въ трудѣ и невзгодахъ. Въ разсказахъ и особенно въ драмахъ Блауманa («Злой духъ», «Блудный сынъ») все еще замѣтна закваска старой консервативной морали, но она уже смягчена вѣяніями новой эпохи и не носитъ характера прежней строгости

и непримиримости. Къ сожалѣнію, Блауману пришлось свой недюжинный талантъ растрачивать на фельетонныя шутки провинціальной печати, на плоскіе театральные фарсы, но все-таки онъ успѣлъ оставить нѣсколько драгоцѣнныхъ миніатюръ, напоминающихъ по духу Мопассана и Чехова.

Блауманъ стоитъ на перепутьѣ латышской литературы. Съ нимъ кончается періодъ замкнутаго провинціализма и націонализма, нравоучительнаго крестьянскаго разсказа и націоналистической псевдомифологіи, наивной деревенской идилліи и патріархальныхъ, крѣпостническихъ традицій. Начинается новая эпоха «бурь и натиска» современныхъ исканій и стремленій, классовыхъ столкновеній и идейныхъ вліяній западно-европейской мысли, переоцѣнки всѣхъ цѣнностей и грандіозныхъ революціонныхъ сотрясеній. Рождается литература съ новымъ содержаніемъ, съ новой художественной формой — латышская литература оставляетъ за собой старинную дѣдовскую усадьбу и направляется навстрѣчу современной общеевропейской культурѣ.

III.

Девяностые годы — эпоха перелома во всей латышской общественной и культурной исторіи.

Подъ покровомъ тяжелой реакціи 80-хъ годовъ въ экономической и соціальной жизни Прибалтійскаго края совершаются глубокія перемѣны. Быстрый ростъ капитализма, возникновеніе крупной фабричной промышленности, отливъ рабочихъ массъ изъ деревень въ города, — все это раскалываетъ прежнее народное цѣлое на отдѣльные, рѣзко обособленные классы. Новый классъ — промышленный пролетаріатъ — сравнительно скоро находитъ свою дорогу, проникается классовымъ самосознаніемъ и вступаетъ въ борьбу за свои экономическія и политическія требованія. Рабочее движеніе сотрясаетъ до самой глубины вѣками установившуюся косность и неподвижность, измѣняетъ и перерождаетъ народную психику, наполняя общественную и культурную жизнь новымъ содержаніемъ. Борьба классовъ стремительно растетъ и ширится, латышскій рабочій становится могучей силой въ краѣ, втягивая въ водоворотъ борьбы и другіе слои населенія. Нигдѣ въ Россіи великіе дни 1905 года не приняли такого рѣшительнаго характера, какъ въ Латышскомъ краѣ, нигдѣ народныя массы не стали такъ всецѣло подъ лозунги сознательнаго пролетаріата, нигдѣ окончательная побѣда народа не была такъ близка!

Приближеніе перелома въ народной жизни раньше всѣхъ почувствовала демократическая молодежь въ 90-хъ годахъ. Она была кровно связана съ народными низами, смутно сознавала происходящія перемѣны и нарождающіяся нужды новой эпохи и страстно искала новыхъ путей. Между тѣмъ въ латышской общественной жизни молодежь встрѣтила тотъ же мертвящій реакціонный застой, пресмыкающійся сервилизмъ, полное отсутствіе живой мысли, живыхъ идеаловъ. Все,

что въ періодъ національныхъ стремленій» плѣняло умы своей яркой свѣжестью, теперь завяло и засохло. Жизнь властно требовала новыхъ лозунговъ, и въ отвѣтъ на это послышались тѣ же истасканныя націоналистическія фразы отсталыхъ филистеровъ, претендующихъ на роль «національныхъ вождей».

Идеологія національзма давно уже не соотвѣтствовала совершившимся глубокимъ соціально-экономическимъ перемѣнамъ въ жизни народа и сковала только пробужденіе новаго общественнаго класса — пролетаріата. Необходимо было прорвать кругъ отжившей идеологіи, и поэтому критика молодого поколѣнія была, главнымъ образомъ, сосредоточена противъ націонализма, противъ всего, что латышская національная буржуазія считала неприкосновенной святыней. «Новое теченіе» (по-латышски — jaunà strâwa) устно и письменно проповѣдывало, что латышскій народъ составляетъ уже не прежнюю однородную массу, а расколотое классовое общество съ противоположными интересами и идеалами, что «національныя стремленія» утеряли свое идейное содержаніе и что вмѣсто національнаго единенія должна теперь вступить въ свои права классовая борьба. Ареной борьбы между старымъ и новымъ поколѣніемъ послужила литературная критика, гдѣ молодежь съ жаромъ обрушилась на безидейную мѣщанскую сантиментальность, на окаменѣлый этнографическій націонализмъ, на господствующіе литературные и общественные авторитеты.

Война была объявлена старому національно-мѣщанскому міровоззрѣнію, старымъ консервативно-крестьянскимъ традиціямъ; «новое теченіе» ставило своей цѣлью знакомить народныя массы съ культурными идеями Западной Европы, главнымъ образомъ, съ стремленіями и идеалами пролетаріата. Въ статьяхъ и рефератахъ засверкалъ цѣлый рядъ латышской публикѣ совершенно неизвѣстныхъ именъ: Марксъ и Энгельсъ, Дарвинъ и Гекель, Тэнъ и Брандесъ. Въ тихое мѣщанское захолустье Латышскаго края вихремъ ворвались волнующіе вопросы, радикальные лозунги, знаменующіе собой полный разрывъ со всѣмъ прошлымъ: освобожденіе личности и женская эмансипація, дарвинизмъ и матеріализмъ, классовая борьба и соціализмъ. Въ области литературы молодые провозгласили *реализмъ*, требуя, чтобы въ литературѣ вмѣсто мѣщанскаго псевдоромантизма нашли свое отраженіе великія соціальныя и моральныя проблемы современности, чтобы литература была проникнута извѣстнымъ идейнымъ направленіемъ и чтобы такъ или иначе освѣщала судьбу пролетаріата, его настоящее и будущее. Молодое поколѣніе не только пропагандировало Маркса и популяризовало Дарвина, оно читало и переводило драмы Гауптмана и Ибсена, романы Золя и повѣсти Мопасана, оно открыло для латышской публики новѣйшихъ скандинавскихъ и русскихъ писателей (Килланда, Арне Гарборга, Короленко, Горькаго, Чехова). Если мы представимъ себѣ, что до тѣхъ поръ латышская литература питалась крохами со стола нѣмецкаго литературнаго мѣщанства, что литературными авторитетами до эпохи 90-хъ годовъ у насъ считались третьестепенныя знаменитости то-

гдашнихъ нѣмецкихъ «семейныхъ журналовъ», то станетъ ясно, какъ глубоко прошла линія перелома и какъ широко этотъ переломъ раздвинулъ узкій горизонтъ латышской литературы. Начиная съ 90-хъ годовъ латышская общественная мысль и латышская литература неразрывно связаны съ великими культурными теченіями Западной Европы и Россіи.

Своимъ пѣвцомъ демократическая молодежь 90-хъ годовъ избрала *Эдуарда Вейденбаума* (1867—1892 годы). Онъ умеръ молодымъ и оставилъ (кромѣ нѣсколькихъ переведенныхъ одъ Горація) небольшую тетрадь собственныхъ стихотвореній, гдѣ нашли свое выраженіе исканія и сомнѣнія, восторженные порывы и припадки отчаянія молодого поколѣнія. Кажется страннымъ, какъ молодежь съ своимъ шумнымъ, жизнерадостнымъ энтузіазмомъ могла увлекаться и такими строфами, гдѣ тоскующая душа безнадежно больного поэта выливается въ мрачномъ пессимизмѣ, въ сплошномъ отрицаніи жизни, ея цѣлей и идеаловъ. Но такое идущее до конца отрицаніе и сама печальная судьба молодого поэта звучали рѣзкимъ, искреннимъ протестомъ противъ торжествующаго мѣщанскаго благополучія, противъ тупого самодовольства національной буржуазіи, и поэтому стихи Вейденбаума читались и принимались съ восторгомъ. Впрочемъ, рядомъ съ мрачными, горькими проклинаніями жизни у Вейденбаума молодежь нашла и его прекрасный, вдохновенный переводъ марсельезы.

Смерть унесла Вейденбаума раньше, чѣмъ зазвучали фанфары молодежи, идущей въ атаку противъ стараго буржуазнаго лагеря. Начался періодъ «бури и натиска» въ жизни и въ литературѣ, и въ эти годы приподнятыхъ настроеній общее вниманіе привлекала писательница *Аспазія* * (родилась въ 1868 году) своими стихами и драмами. Для начала, по традиціямъ Аусеклиса и Пумпура, она выбирала сюжеты для своихъ поэмъ изъ латышско-литовской старины, но въ ея драмѣ «Вайделоте» воины и жрицы уже не блѣдныя, туманныя тѣни отечественной миѳологіи, а типичныя фигуры романтизма съ пламенными, театральными страстями, съ пышнымъ поэтическимъ краснорѣчіемъ. Въ 90-хъ годахъ на очереди стоялъ женскій вопросъ, и Аспазія выступаетъ поборницей женской эмансипаціи въ драмѣ «Потерянныя права», гдѣ обольщенная дѣвушка, убивая своего обольстителя, мститъ за свое разбитое счастіе, за потерянное право любви и уваженія. Ненормальное положеніе современной молодой женщины въ родительской семьѣ и въ замужней жизни нарисовано въ драмѣ «Недостигнутая цѣль» самыми яркими красками. Несмотря на слишкомъ одностороннее изображеніе характеровъ, на чрезмѣрную театральность и напыщенную риторику, драмы Аспазіи были въ свое время встрѣчены рукоплесканіями и восторженными отзывами. Въ романтическомъ индивидуализмѣ, въ страстномъ утвержденіи своего «я», молодежь чувствовала протестъ противъ установленныхъ соціальныхъ и моральныхъ нормъ и хотѣла поэтому

* Эльза Плекшанъ, урожд. Розенбергъ, супруга поэта Райниса.

въ этихъ драмахъ увидѣть свою борьбу за право свободной личности, противъ старыхъ традицій и авторитарной власти. Черезъ десять лѣтъ, въ разгаръ революціи, Аспазія опять привлекла общее вниманіе своей символической драмой «Серебряное покрывало», хотя содержаніе и направленіе драмы не имѣли отношенія къ надвигающейся великой катастрофѣ.

Но настоящая область Аспазіи не драма, а лирика, гдѣ вполнѣ могли проявиться ея дарованіе, бурный темпераментъ и богатство красокъ и образовъ. Лирическія стихотворенія Аспазіи принадлежатъ къ лучшимъ въ латышской литературѣ: такого яростнаго вихря чувствъ и смѣлаго проявленія своего «я», такого блеска, пурпура и золота не знала наша лирика до Аспазіи. Въ послѣдніе годы Аспазія отъ прежняго романтическаго индивидуализма, отъ самонадѣянныхъ устремленій и поэтическихъ восклицаній переходитъ къ грустной резиньяціи, къ сентиментальному погруженію въ природу, къ тихимъ берегамъ далекихъ воспоминаній, но и здѣсь стихъ ея не теряетъ прежней виртуозности.

«Молодое теченіе» скоро было пресѣчено нагрянувшими репрессіями, и дѣятели его разсѣяны. Въ политическомъ отношеніи «молодое теченіе» (группировавшееся вокругъ газеты «Dеenas Lapa») представляло своего рода «легальный марксизмъ», съ примѣсью неяснаго радикализма и утопизма. Но и въ такомъ видѣ оно сыграло свою роль въ процессѣ классоваго пробужденія латышскаго пролетаріата и связало рабочія массы съ теоріей соціализма. Латышскіе рабочіе скоро освободились отъ первоначальныхъ наивныхъ иллюзій и подъ знаменемъ марксизма вступили на путь упорной классовой борьбы. Мы не можемъ здѣсь останавливаться на исторіи этой борьбы, сыгравшей такую громадную роль въ исторіи Латышскаго края и выдвинувшей латышскій пролетаріатъ въ первые ряды борющагося пролетаріата всей Россіи. Что касается культурнаго значенія классоваго пробужденія и классовой борьбы латышскихъ рабочихъ массъ, то эта борьба, ускоряя процессъ классоваго разслоеннія, тѣмъ самымъ расширила и углубила русло всей нашей общественной и культурной жизни, подняла общій умственный уровень народа и обогатила народную психику новыми интересами, новыми духовными запросами и культурными цѣнностями.

Стѣна прежняго замкнутаго націонализма была снесена, и наше тихое захолустье стало доступно всѣмъ теченіямъ и вліяніямъ европейской культурной мысли. И въ литературѣ возвратъ къ старымъ традиціямъ, къ старымъ художественнымъ пріемамъ оказался невозможнымъ. Такая перемѣна видна даже у писателей, оставшихся вѣрными старымъ завѣтамъ національной буржуазіи, какъ, напримѣръ, у *Андрея Недра* (родился въ 1871 году). Началъ онъ, какъ вообще всѣ латышскіе писатели, съ лирики, потомъ перешелъ къ очеркамъ изъ жизни интеллигенціи и далъ намъ нѣсколько цѣнныхъ психологическихъ документовъ, отражающихъ переживанія и шатанія латышскаго интеллигента между одинокой дорогой бездомнаго идеалиста и широкой карьерой практиче-

скаго дѣльца. Особенно характерна для Недра его современная сказка «Сынъ крестьянина», гдѣ въ лирическихъ изліяніяхъ и ярко нарисованныхъ картинахъ передъ глазами крестьянскаго юноши, искателя правды и счастія, развертываются контрасты современнаго общежитія. Недра пытался въ латышской литературѣ создать современный романъ и берется изображать («Въ дыму нови») два міра: нѣмецкую феодальную аристократію и латышскую интеллигентную буржуазію, которая, въ своемъ стремленіи къ богатству и власти, постепенно вытѣсняетъ старинное родовое дворянство съ его экономическихъ и соціальныхъ позицій. Несмотря на широкій размахъ автора и на отдѣльныя блестящія страницы, попытка Недра не удалась, такъ какъ отъ всего романа вѣетъ фальшивой идеализаціей, неискренней декламаціей и дешевыми эффектами уголовныхъ романовъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше Недра увлекался прославленіемъ наживы и эксплоатаціи, выставляя эти стремленія молодой латышской буржуазіи, какъ своего рода гражданскую доблесть и національный долгъ (см. его драму «Земля»). По этой наклонной плоскости Недра быстро катится внизъ, и въ періодъ 1905 года онъ стоитъ на стражѣ стараго порядка, пишетъ низкопробные памфлеты противъ соціалистовъ и т. д. Послѣ революціи прежній романистъ и безпріютный кандидатъ теологіи сталъ пасторомъ и раціональнымъ сельскимъ хозяиномъ.

Видное мѣсто въ новѣйшей латышской литературѣ занимаетъ *Янъ Порукъ* (1871—1912 годы). Родился и выросъ онъ въ такой же патріархальной крестьянской средѣ, какъ Апситъ, воспитывался въ строгой набожности, въ атмосферѣ гернгутерскаго «молитвеннаго дома», — но какая разница между тяжелыми, нравоучительными разсказами Апсита и нѣжными, лирическими акварелями Порука! Культъ грубой наживы, захватывающій все болѣе и болѣе латышскую буржуазію, ненавистенъ его тонкой артистической натурѣ, но у него нѣтъ силъ порвать съ буржуазнымъ лагеромъ, и это стало гибелью его таланта. Порукъ не идейный борецъ, а пассивный романтическій мечтатель: съ жалостливой грустью онъ созерцаетъ желѣзный, неумолимый ходъ жизни, гдѣ сильный побѣждаетъ слабаго, и съ ласковой любовью, переходящей часто въ слезливость, онъ рисуетъ своихъ безвольныхъ неудачниковъ и безпомощныхъ нытиковъ, сломанныхъ жестокостью и несправедливостью жизни. Лучше всего Поруку даются типы изъ его дѣтскихъ воспоминаній и простые, задушевные люди старой крестьянской усадьбы; иногда онъ пускается въ философскія размышленія (подъ вліяніемъ Ницше), но въ этой области онъ всегда былъ и остается дилетантомъ. Порукъ писалъ много, но благодаря поспѣшности и поверхностности оставилъ намъ только фрагменты и эскизы своего художественнаго дарованія. Самое цѣнное въ поэтическомъ наслѣдствѣ Порука — его небольшіе нѣжные очерки и его лирическіе, серебристо-чистые стихи. Жизнь сломила хрупкаго поэта, умеръ онъ въ психіатрической больницѣ.

Рядомъ съ Порукомъ можно поставить *Карла Скальбе* (родился въ

1879 году). Какъ многіе молодые поэты дореволюціоннаго періода, началъ онъ протестантомъ, въ бурю и непогоду собирался плыть въ далекія моря, но скоро вернулся въ мирную пристань буржуазнаго національизма. Въ своей юношеской сатирѣ «Поѣздка къ Снѣгурочкѣ» онъ страстно нападаетъ на сонную Ливонію, на страну «мира и довольства» и «жирныхъ свиней», но нападки его вызваны не гражданскимъ гнѣвомъ, а оскорбленнымъ чувствомъ эстета. Въ первый періодъ Скальбе пытался настраивать свою лиру на гражданскій ладъ, призывалъ къ труду, къ борьбѣ, но съ побѣдой реакціи перемѣнилъ тонъ и нашелъ свою настоящую область — мирную идиллическую пастораль. У Скальбе много интимнаго чувства природы; онъ прекрасно знакомъ съ мотивами и языкомъ народныхъ пѣсенъ и сказаній, и наивно трогательно звучитъ его пастушеская свирѣль, его лирическія пѣсни и сказки. Въ отличіе отъ Порука, Скальбе сумѣлъ приспособиться къ національному буржуазному лагерю, и во время войны мы застаемъ его военнымъ корреспондентомъ, гдѣ онъ къ ужасамъ и страданіямъ войны подходитъ съ наивнымъ патріотическимъ славословіемъ, съ слащавой лирической безмятежностью.

Среди латышскихъ лириковъ нельзя пройти мимо *Плудона* * (родился въ 1874 году), обладающаго рѣдкой музыкальностью и виртуозностью стиха. Особенно популярнымъ сдѣлали его имя поэмы «Requiem» и «Сынъ вдовы» — обычная трагедія латышской учащейся молодежи, гдѣ нищета и чрезмѣрный трудъ такъ рано уносятъ въ могилу наши молодыя дарованія, наши лучшія надежды. Плудонъ — разнообразный талантъ, онъ обогатилъ латышскую литературу, кромѣ своихъ поэмъ, прекрасными переводами новѣйшей нѣмецкой лирики.

Особнякомъ отъ толпы латышскихъ лириковъ стоитъ *Я. Райнисъ* ** (родился въ 1865 году), неоспоримо самый крупный латышскій поэтъ, къ твореніямъ котораго вполнѣ приложимъ масштабъ западно-европейскаго художника. Райнисъ — пѣвецъ борющагося пролетаріата, глашатай его конечной героической побѣды, истолкователь его высокихъ стремленій и мечтаній. Райнисъ — настоящій поэтъ, и поэзія его отличается не только вдохновеннымъ чувствомъ и глубокой мыслью, но и своеобразной оригинальностью и художественной чеканкой стиха. Райнисъ принадлежитъ къ дѣятелямъ 90-хъ годовъ, выступалъ сперва публицистомъ и началъ свою поэтическую карьеру, когда ему минуло уже 30 лѣтъ. Его поэзія свободна отъ юношеской незрѣлости и банальности, онъ испыталъ и пережилъ уже многое, когда началъ изливать въ стихахъ свои глубокія, одиночныя думы, свою убѣжденную вѣру въ высшіе идеалы человѣчества. Райниса не страшатъ временныя пораженія и неудачи, онъ не отчаивается при видѣ торжествующей тупой и грубой силы, и противъ нея онъ направляетъ свою ѣдкую иронію, свой острый сарказмъ. Онъ — мастеръ политической эпиграммы. Вѣра его въ грядущую побѣду народныхъ массъ несокрушима: для него су-

* Вилисъ Лейнекъ.

** Иванъ Христофоровичъ Плекшанъ, кандидатъ правъ Петроградскаго университета, съ 1906 года живетъ эмигрантомъ въ Швейцаріи.

ществуетъ только одна звѣзда, одна мечта — великая освободительная борьба страждущаго человѣчества, и въ своемъ вдохновенномъ порывѣ онъ иногда поднимается до пророческаго пафоса. Райнисъ — лучшій выразитель дореволюціонныхъ надеждъ и ожиданій, и его книга «Далекіе аккорды синяго вечера», вышедшая въ 1903 году, составила цѣлую эпоху въ латышской литературѣ.

Приближающіеся раскаты 1905 года находятъ звучное эхо въ поэзіи Райниса. Революціонная лирика его не рисуетъ массоваго броженія со стачками и демонстраціями, топота рабочихъ батальоновъ съ развернутыми знаменами, возстанія народа и горящихъ баронскихъ замковъ, — Райнисъ выражаетъ не коллективное дѣйствіе массъ, а индивидуальныя чувства и переживанія революціоннаго борца. «Безумству храбрыхъ» поетъ онъ свою пѣсню — неустрашимой отвагѣ и самоотверженному подвигу. Въ его революціонныхъ стихотвореніяхъ нѣтъ избитыхъ трескучихъ фразъ и «трафаретныхъ оборотовъ», — все у него проникнуто своеобразной силой и глубиной.

Самое цѣнное, что Райнисъ далъ пролетарскому движенію, это его сборники стихотвореній, выражающіе настроенія 1906—1908 годовъ. То были годы ужаснаго разгула контръ-революціи, когда смерть косила все живое и смѣлое въ народныхъ рядахъ, когда въ Латышскомъ краѣ неистовствовали карательныя дѣйствія балтійскихъ юнкеровъ и когда во всемъ краѣ почти каждый день рыли могилы разстрѣляннымъ и изувѣченнымъ. Только беззавѣтный массовый героизмъ и неустрашимая преданность народному дѣлу могли въ эти страшные годы отстоять боевое знамя... Трагедія народа, его глубокая скорбь, гордая, героическая стойкость и пламенная вѣра въ правоту начатой борьбы, — все это находитъ свой отзвукъ у Райниса и выражено у него съ искреннимъ чувствомъ, съ твердой мужественной силой. Его «Тихая книга» (вѣчная память павшимъ борцамъ) и «Тѣ, кто не забываютъ» принадлежатъ къ самому драгоцѣнному, что дала латышская лирика. Можно сказать, что такихъ книгъ имѣется мало у современнаго европейскаго пролетаріата, — революціонную поэзію Райниса смѣло можно сопоставить съ вдохновенными, пламенными строфами Фрейлиграта и Гервега.

Райнисъ не удовлетворился одной лирикой и поставилъ себѣ цѣлью создать новую латышскую драму. Его «Огонь и ночь» написана уже въ 1905 году, но увидѣла сцену только въ 1911 году и вызвала шумный успѣхъ. «Огонь и ночь» — лирическая драма, построенная на мотивахъ народныхъ сказаній, но Райнисъ пытается эти «старыя пѣсни» настраивать подъ «новые звуки» и простыя фигуры народныхъ сказаній сдѣлать символическими выразителями своихъ общественныхъ и національно-культурныхъ стремленій. Эту попытку онъ повторяетъ во всѣхъ своихъ слѣдующихъ драматическихъ произведеніяхъ. Такъ, «Золотой конь», извѣстная народная сказка о всадникѣ, спасающемъ отъ вѣчнаго сна принцессу, служитъ у Райниса канвой для символизаціи альтруизма и героическаго самоотверженія. Болѣе пла-

стичны и рельефны фигуры въ драмѣ «Индуль и Арія» (1912 года), въ трагедіи любви изъ эпохи завоеванія Латышскаго края нѣмецкими рыцарями (сюжетъ, напоминающій Ромео и Джульетту). Но и здѣсь Райнисъ не ограничивается изображеніемъ юношеской трагедіи въ извѣстной исторической обстановкѣ, а старается связать это историческое прошлое съ настоящимъ и устами своего героя выразить свои взгляды на судьбу латышскаго народа, его настоящее и будущее. Все болѣе и болѣе у Райниса классовыя пролетарскія стремленія отодвигаются назадъ и уступаютъ мѣсто національно-культурнымъ или, правильнѣе сказать, націоналистическимъ интересамъ и мотивамъ.

Въ драмахъ Райниса — богатство лирическаго чувства и изобиліе мѣткихъ образовъ и философскихъ сентенцій, но тщательная художественная обработка выбраннаго сюжета, яркіе символы и роскошные цвѣты лирики не могутъ замѣнить недостающую пластику характеровъ и драматическаго напряженія. Настоящая поэтическая область Райниса — лирика, и въ драмѣ онъ также остается преимущественно лирикомъ.

Говоря о Райнисѣ, нельзя не упомянуть его переводныхъ работъ: онъ далъ латышской читающей публикѣ прекрасный, глубоко продуманный переводъ «Фауста», имъ переведенъ еще цѣлый рядъ другихъ классическихъ произведеній («Эгмонтъ», «Ифигенія» Гете, «Вильгельмъ Телль» Шиллера, «Натанъ Мудрый» Лессинга, «Король Лиръ» Шекспира, «Борисъ Годуновъ» Пушкина, «Демонъ» Лермонтова, «Пѣсня о соколѣ» Горькаго и др.). Въ своихъ переводахъ Райнисъ является такимъ же глубокимъ знатокомъ поэзіи, мастеромъ стиха и латышскаго литературнаго слога, какъ въ своихъ оригинальныхъ произведеніяхъ.

Волна революціонной эпохи выдвинула Райниса на первое мѣсто въ латышской литературѣ и развернула его крупный поэтическій талантъ. Революція 1905 года означала громадный, неизмѣримый сдвигъ во всей общественной и культурной жизни Латышскаго края и развязала скрытыя творческія силы народа. Революція открываетъ новую эпоху въ исторіи латышскаго народа: она расшатала вѣковую власть прибалтійскаго баронства и искоренила вѣками воспитанный рабскій духъ народа, она сломила могущество старой феодальной касты и раздвинула путь новымъ общественнымъ силамъ — латышской буржуазіи и латышскому пролетаріату. Послѣ 1905 года иначе живутъ и чувствуютъ, иначе мыслятъ и дѣйствуютъ въ Латышскомъ краѣ, — создалась новая общественно-культурная атмосфера, ибо пережитый историческій сдвигъ не могъ не сказаться во всей культурной жизни края. Послѣ 1905 года мы наблюдаемъ необычайный быстрый ростъ латышской прессы и литературы, латышскихъ культурныхъ и художественныхъ начинаній.

На короткое время — въ годы контръ-революціи и общественнаго развала — литературную авансцену у насъ занимаютъ «декаденты». Выступаютъ они съ ликованіемъ, что литература освободилась и должна

оставаться свободной отъ подчиненія демократическимъ и соціалистическимъ теоріямъ, что пришло время «чистаго искусства» и свободнаго художественнаго индивидуализма и т. д. На дѣлѣ весь этотъ напыщенный эстетизмъ свелся къ слабому подражанію русскимъ декадентамъ и модернистамъ, — наши мѣстные литературные эстеты во всемъ старались копировать своихъ петроградскихъ и московскихъ учителей.

Латышское декадентство, какъ опредѣленное литературное теченіе, скоро распалось, и пѣвцы «чистаго искусства» нашли свое мѣсто въ лагерѣ латышской національной буржуазіи. Самый видный среди латышскихъ модернистовъ — *Викторъ Эглитъ* (родился въ 1877 году). Свою литературную карьеру онъ началъ по стопамъ Блаумана и Порука и обнаружилъ свѣжее, самостоятельное дарованіе. Его первые юношескіе разсказы привлекли общее вниманіе своимъ смѣлымъ рисункомъ и сочными красками, но чрезмѣрное стремленіе ко всякой новизнѣ побудило его слѣпо подражать русскимъ модернистамъ, заимствовать отъ нихъ символизмъ и мистицизмъ и этой подражательностью искалѣчить свой собственный поэтическій талантъ.

Среди прочихъ латышскихъ писателей, тѣсно примыкающихъ къ національно-буржуазному лагерю, приходится называть, — кромѣ Скальбе, — недавно умершаго Фаллія, Акуратера, Аустрыня, Фр. Барда, Вирза и др. Несмотря на индивидуальные оттѣнки, они объединены общими литературными настроеніями и общей писательской платформой: это, во-первыхъ, рѣзкое отграниченіе отъ пролетаріата, его цѣлей и идеаловъ; во-вторыхъ, стремленіе создать свою специфически «національную» литературу, при чемъ базисомъ такого «латышскаго ренессанса» должна служить растущая экономическая и соціальная мощь латышской буржуазіи. Ихъ громкія притязанія не увѣнчались успѣхомъ и дали пока весьма скромные результаты: латышскіе модернисты и націоналисты не создали ничего крупнаго и интереснаго ни въ драмѣ, ни въ романѣ, и только въ область лирики они внесли больше субъективизма, больше поэтической утонченности и усовершенствованія художественной формы и литературнаго стиля. Принципъ «чистаго искусства» и отрицаніе связи между литературой и общественными теченіями нисколько не помѣшали латышскимъ модернистамъ выступить въ роли публицистовъ и взять на себя защиту интересовъ національной буржуазіи.

Нигдѣ литературныя группы не разграничены между собою такъ рѣзко, нигдѣ литературныя разногласія не принимаютъ такого страстнаго, непримиримаго характера, какъ у насъ. Латышскіе писатели группируются по опредѣленнымъ общественнымъ теченіямъ и идейнымъ центрамъ: каждый лагерь имѣетъ свои органы печати, свой художественный и литературный журналъ, нѣтъ у латышей даже одного общаго «національнаго» театра, а наша метрополія, Рига, имѣетъ ихъ цѣлыхъ два: національно-буржуазный и культурно-демократическій. Такая литературная и культурная расколотость есть только выраженіе господствующаго у насъ классоваго антагонизма: въ латышской обще-

ственной жизни дѣйствуютъ теперь двѣ крупныя силы — буржуазія и пролетаріатъ, и между этими враждующими станами никакое примиреніе немыслимо. Событія 1905 года расчистили дорогу латышской сельской и городской буржуазіи, переживающей сейчасъ періодъ «первоначальнаго накопленія». Сѣтью крупныхъ сельскохозяйственныхъ и кредитныхъ организацій покрытъ весь край, и латышскій буржуа накладываетъ на все свою руку. Латышская буржуазія имѣетъ обширную прессу, начиная отъ черносотенныхъ до умѣренно-либеральныхъ изданій; цѣлый рядъ органовъ принадлежитъ извѣстной фирмѣ латышскихъ «экономистовъ», не брезгающей американской рекламой и пріемами настоящей желтой прессы. Латышская буржуазія головой ушла въ свои практическіе интересы и мало удѣляетъ вниманія культурнымъ и художественнымъ интересамъ. Вотъ почему надежды латышскихъ модернистовъ на національный «ренессансъ» остаются тщетными, ибо на жирной почвѣ мѣщанскаго матеріализма и практицизма трудно расцѣтать поэзіи и искусству.

Съ другой стороны — мы имѣемъ пролетаріатъ. Безконечныхъ жертвъ требуетъ его борьба, и массу силъ рабочій авангардъ долженъ тратить на отстаиваніе своихъ политическихъ и экономическихъ позицій, на созданіе своихъ классовыхъ организацій, своей печати, на пополненіе своихъ рядовъ. Кажется, что борьба за непосредственныя цѣли должна поглощать всю духовную энергію пролетаріата, что всѣ мысли и чувства заняты его прямыми классовыми задачами, но тѣмъ не менѣе мы среди латышскихъ рабочихъ встрѣчаемъ крайне живой интересъ къ вопросамъ литературы и искусства. Отмѣтимъ здѣсь, что «Новый латышскій театръ» въ Ригѣ, ставящій не только произведенія Райниса, но и драмы Гауптмана, Ибсена и современныхъ русскихъ писателей, опирается, главнымъ образомъ, на передовые слои рабочей демократіи. Каждое крупное литературное и культурное явленіе находитъ среди нихъ живой откликъ.

При тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ работаетъ и борется латышскій пролетаріатъ, и гдѣ трудъ и борьба требуютъ отъ него напряженія всѣхъ его живыхъ силъ, нельзя ожидать, чтобы онъ немедленно могъ выдвинуть изъ своей среды крупныхъ, замѣчательныхъ поэтовъ и писателей. Имѣется у насъ уже группа молодыхъ пролетарскихъ писателей, подражающихъ то Райнису, то Верхарну, но пока пролетарская лирика и беллетристика страдаетъ всѣми недостатками начинающихъ литераторовъ и проявила слишкомъ мало оригинальности и талантливости. Но важенъ общій глубокій интересъ къ поэзіи и искусству, важна отзывчивость и воспріимчивость, важно стремленіе къ міровой культурѣ, — и это служитъ вѣрной гарантіей будущаго культурнаго творчества.

Къ латышскому пролетаріату по своимъ общественнымъ и культурнымъ симпатіямъ пока примыкаютъ латышская демократическая интеллигенція и передовые элементы мелкой буржуазіи. Писатели изъ этой среды, болѣе или менѣе придерживающіеся традицій соціальнаго

реализма, находятъ широкую аудиторію и среди рабочихъ. Изъ группы латышскихъ реалистовъ приходится называть *Э. Бирзнека-Упита*, автора небольшихъ разсказовъ, рисующаго съ вдумчивой грустью мелкія драмы повседневной жизни. Самый сильный талантъ среди современныхъ латышскихъ реалистовъ — несомнѣнно *Андрей Упитъ*, писатель съ боевымъ темпераментомъ, съ широкимъ размахомъ и мѣткой рукой. Вначалѣ онъ находился подъ вліяніемъ Недра, но въ своихъ дальнѣйшихъ работахъ онъ преодолѣваетъ и подвергаетъ безпощадной критикѣ національный консерватизмъ и во имя демократическихъ идеаловъ и стремленій становится самымъ ярымъ противникомъ стараго крѣпостнически-патріархальнаго уклада жизни, старыхъ общественныхъ традицій и моральныхъ нормъ. Съ настоящимъ мастерствомъ написаны его «маленькія комедіи», гдѣ онъ съ жестокой ироніей разбиваетъ мелкія иллюзіи мѣщанскаго счастія и благополучія. Широко задумана его серія романовъ «Робежнеки». Здѣсь А. Упитъ, по образцу Золя, пытается изобразить переживаемую эпоху, борьбу стараго и новаго историческаго поколѣнія и смѣну общественныхъ формацій въ латышской жизни. Сильное впечатлѣніе оставляетъ его первый романъ «Новые ключи»: авторъ ломаетъ и разрушаетъ старую крестьянскую избу, — въ противоположность Апситу и прочимъ прославителямъ благочестивой старины, онъ ставитъ себѣ цѣлью раскрывать, сколько крестьянской жестокости и эгоизма, сколько лжи и фарисейства накопилось подъ этими старыми соломенными крышами, подъ покровомъ патріархальной христіанской морали. Особенно наглядно А. Упитъ умѣетъ изображать представителей стараго поколѣнія; гораздо слабѣе и блѣднѣе подъ его перомъ выходятъ люди новой эпохи. Слѣдующій романъ «Въ шелковой сѣти» приближаетъ насъ къ годамъ дореволюціонныхъ настроеній и столкновеній: вмѣсто разложенія патріархальной крестьянской семьи здѣсь передъ нашими глазами А. Упитъ выдвигаетъ моменты дальнѣйшаго классоваго разслоенія, гдѣ формируются двѣ враждебныя силы: латышская буржуазія и пролетаріатъ, обозначаются занятыя ими позиціи и опредѣляется ихъ классовая психологія.

Мы уже упомянули, съ какимъ стремительнымъ натискомъ послѣ 1905 года двинулась на общественную арену латышская буржуазія. Въ цѣломъ рядѣ произведеній («Послѣдній латышъ», «Золото» и др.) Упитъ изображаетъ всѣ неприглядныя, отталкивающія стороны этихъ новыхъ капиталистовъ, ихъ некультурность и самодовольство, ихъ ненасытную жадность и грубыя похожденія. Мѣстами авторъ даетъ сильныя, яркія картины, но, въ общемъ, приходится сказать, что Упитъ часто не соблюдаетъ необходимой художественной мѣры. Не говоря уже объ общей растянутости его романовъ и разсказовъ, нерѣдко соціальная сатира у него переходитъ въ шаржъ, психологическій анализъ замѣняется описаніемъ чисто физіологическихъ моментовъ, и безъ всякой художественной и психологической необходимости нагромождаются грубыя, откровенныя сцены.

А. Упитъ — не только даровитый романистъ, но и талантливый

художественный критикъ и публицистъ, рѣзко и страстно отстаивающій свои общедемократическіе идеалы и въ литературѣ, и въ искусствѣ.

Латышскіе реалисты группируются вокругъ журнала «Domas». Среди сотрудниковъ этого журнала приходится еще назвать Яунсудрабиня, Клявиня, Курція, Швабе и др. Швабе — писатель еще не опредѣлившійся: его первые очерки изъ быта «сѣрыхъ бароновъ» (латышской сельской буржуазіи) страдали черезчуръ навязчивой тенденціозностью, но потомъ онъ далъ нѣсколько попытокъ поэзіи города, съ несомнѣннымъ проблескомъ таланта.

* * *

Мы заканчиваемъ свой краткій обзоръ латышскаго общественно-культурнаго развитія и латышской литературы. Изъ этого бѣглаго очерка русскій читатель, надѣемся, могъ составить себѣ понятіе объ общественномъ и культурномъ подъемѣ латышской народной массы, о быстромъ ростѣ латышской литературы, о живомъ разнообразіи литературныхъ теченій и направленій. Латышскій край уже не представляетъ собой глухого, снѣгомъ занесеннаго провинціальнаго угла, — онъ пережилъ за послѣдніе двадцать лѣтъ стремительное, бурное историческое развитіе, которое расшатало и уничтожило вѣками застывшія отношенія крѣпостнически-крестьянскаго міра. 1905 годъ совершилъ громадный сдвигъ во всей общественной и культурной жизни края, развязалъ творческія силы народа и открылъ живые ключи его энергіи и инищіативы. Этотъ сдвигъ особенно ярко проявился въ подъемѣ общаго культурнаго уровня, въ ростѣ и расцвѣтѣ латышской литературы: соприкосновеніе съ общественной и культурной жизнью Западной Европы и Россіи вытѣснило прежнюю косность и скудость латышской культурной мысли, повысило общіе художественные запросы, пробудило къ жизни разнообразные таланты латышской поэзіи и латышскаго искусства. Правда, латышская культура еще молода и бѣдна, литература не можетъ сравняться съ литературой родины Ибсена, но если мы примемъ во вниманіе, какъ много дали уже за этотъ краткій періодъ латышскія литература, живопись и музыка, какой живой культурный интересъ проявили широкіе народные слои, какъ развивалось и направлялось латышское литературное и культурное творчество, — то мы имѣемъ полное основаніе сказать, что латышской литературѣ и латышскому искусству предстоитъ несомнѣнно хорошая будущность и что пока народъ успѣлъ проявить только ничтожную часть своего скрытаго внутренняго богатства.

Теперь Латышскій край растоптанъ войной: истреблено не только цвѣтущее матеріальное благосостояніе края, но и пріостановлена общественная жизнь края, разбросано и уничтожено все, что съ горячей любовью и упорнымъ трудомъ было создано культурной работой. Будущности латышскаго народа, какъ извѣстнаго культурнаго единства,

грозитъ серьезная опасность: какъ бы война ни кончилась, она не можетъ вернуть латышскому народу всѣ его громадныя культурныя потери. Мы не говоримъ уже о погибшихъ на войнѣ, но около полъ-миліона латышскихъ бѣженцевъ разсѣяны теперь по всей обширной Россіи, и большая часть изъ нихъ врядъ ли вернется на свою разоренную родину. И если мы примемъ во вниманіе, что всего въ Латышскомъ краѣ проживало только около $1^1/_2$ милліона латышскаго населенія, то такой громадный отливъ коренного населенія означаетъ страшную убыль латышской культурной общности и ставитъ вопросъ надъ всей будущей судьбой латышскаго народа и его культурнаго развитія.

Латышская литература и искусство, латышскія культурныя начинанія напоминаютъ теперь градомъ побитый молодой посѣвъ. Сумѣютъ ли ростки молодой латышской культуры пережить опустошенія войны и снова подняться къ дальнѣйшему развитію — это намъ скажетъ будущность, въ которую съ такой тревогой вглядываются теперь всѣ, кому дороги культурная работа латышскаго народа и особенно героическія стремленія латышскихъ народныхъ массъ къ идеаламъ свободной демократической культуры.

И. Янсонъ.

Лондонъ. 9 Февраля 1916 г.

ЛАТЫШСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ *.

1.

Канетъ солнце вечеромъ
Въ золотую лодочку;
Встанетъ утромъ солнышко,
Лодочка качается.

2.

Солнышко коней купаетъ
Въ синемъ морѣ вечеромъ;
Сидитъ солнце на горѣ,
Золото вожжей — въ рукѣ.

3.

Солнышко, что медлило,
Рано что не вышло ты?
— За горой я медлило,
Грѣло тамъ сироточку.

4.

Бѣлорогіе быки
Въ Даугѣ * ѣдятъ камышъ.
То не черные быки,
Это — божескіе кони!

5.

Двина черноглазая,
Вечеромъ ты — черная!
Какъ не черной литься ей:
Милыхъ столько жизней въ ней!

6.

Щука золото-зеленая,
Приходи играть со мной:
Вкругъ тебя — вода глубокая,
Челнъ изъ ясени со мной!

---

* Изъ Сборника Спрогиса.
* Дауга (Даугава) — Двина.

7.

Чьи тѣ горы, чьи тѣ долы?
Чьи зеленые дубы?
— Горы — Божьи, долы — счастья,
Пчелъ — зеленые дубы!

8.

Звѣзды числитъ мѣсяцъ:
Всѣ ль на мѣстѣ вечеромъ?
Всѣ на небѣ вечеромъ,
Утренней не видно!

9.

Братецъ, братецъ, въ лѣсъ поди,
На осины погляди:
Если алы листья стали,
Время дѣвицу посватать.

10.

Кто съ ольхи сдираетъ лыко?
Какъ прожить любовью братней?
Мы сдираемъ лыко съ липы,
Словъ любовныхъ ждемъ отъ милой.

11.

Дѣти дуба, дочки липы,
Завели съ рѣкой игру:
Дубы жолуди бросаютъ,
Липы — легкіе вѣнки.

12.

Наряжайтесь, дѣти дуба,
Въ блеклый липовый вѣнокъ!
Надѣвайте, дочки липы,
Ожерелье жолудей!

13.

Сладкимъ покоюсь я сномъ
На берегу морскомъ.
Валъ реветъ, камни бьетъ,
Сіяетъ прибрежье.

14.

Хозяинъ, баринъ нашъ!
Не бей насъ вечеромъ,
Побей насъ утречкомъ:
Пусть плачетъ солнышко!

15.

Черный змѣй на камнѣ въ морѣ
Мелетъ бѣлую муку:
Та мука да будетъ хлѣбомъ
Для безжалостныхъ господъ!

16.

На войну бы я пошла
Вмѣсто братца младшаго,
Да боюсь, что заблеститъ
Мой вѣночекъ дѣвичій!

17.

Сшей мнѣ, матушка, рубаху
Хорошенько, въ девять швовъ,
Да въ девятый, въ шовъ девятый,
Совѣтъ мудрый положи!

18.

Росы золотыя
Съ вѣтки внизъ сыплетъ дроздъ:
Слезы льютъ чужіе,
Лишь со мной рѣчь зайдетъ.

19.

Близко осень, валитъ листья,
Горько плачутъ дѣвушки.
Листья, падая, кружатся,
Съ плачемъ дѣвушка идетъ.

20.

Я нашла на пастбищѣ
Клеверъ четырехлиственный:
Два листка оставила
Для сестренки младшенькой.

21.

Лежи, братецъ, на межѣ,
Не ищи ты суженой:
Подойдетъ она сама,
Собирая цвѣтики.

22.

Запрягу въ соху я пчелку,
Срѣжу лéмахъ изъ метелки,
Подберу я красный клеверъ,
Чтобъ устроить пчелкѣ привязь!

23.

Разсвѣло! Сестрица брата,
Бери бисерный вѣнокъ,
Съ косъ твоихъ онъ пусть сіяетъ
Противъ утренней звѣзды!

24.

Обуваетъ горе ноги,
Чтобъ со мной идти вдвоемъ.
— По пути ты лучше, счастье,
Отправляйся босикомъ!

25.

Старыя березы выгнили,
Лишь осталася кора.
Старые герои вымерли,
Лишь остались имена.

26.

Пéркунъ ѣхалъ зà-море,
Тамъ хотѣлъ посвататься,
А приданымъ солнышко
Всѣ лѣса одаривало.

27.

Дубу — поясъ золотой,
Клену — пара рукавицъ,
Только хмелю напередъ —
Златъ чеканный перстенекъ!

В. Брюсовъ.

АУСЕКЛИСЪ.

БЕВЕРИНСКІЙ БАРДЪ.

Въ гордомъ замкѣ Беверина *
Талювальдисъ власть держалъ.
Онъ далече, онъ далече
Землю слухомъ наполнялъ.
Но съ враждою братцы-эсты
Шли на Латвіи предѣлъ
И на замокъ насѣдали,
Насылали скорыхъ стрѣлъ.
Въ вихрѣ сѣчи, въ вихрѣ сѣчи, замокъ ринется во прахъ!
Ай, ай, айяя! Замокъ ринется во прахъ!
Дубъ-кистень и ели палицъ темя храбрыхъ раздробятъ.
Ай, ай, айяя! Темя храбрыхъ раздробятъ!
Но явился въ окнахъ замка, въ окнахъ замка
Сѣдовласый, съ бородой, съ бородой,
Вайдалотисъ **, сверху глянулъ, сверху глянулъ, —
Лютня скорби подъ рукой, подъ рукой.
Зазвучала въ замкѣ лютня, пѣсню началъ старецъ.
Удержать въ рукахъ не могутъ эсты тяжкихъ палицъ.
Сразу битвы барабаны словно онѣмѣли,
И визжать уже не въ силахъ финскія свирѣли,
Вдругъ отъ звуковъ громкой пѣсни стрѣлы отлетѣли.
Грохотъ смолкъ, лишь громче пѣсня, громче лютни звонъ.
Гнетъ войны кровавой — пѣснью унесенъ.
Мощнымъ духомъ пѣсни былъ народъ спасенъ.

С. Шервинскій.

---

* Историческій замокъ Лифляндіи.
** Вайдалотисъ — жрецъ.

ТРИМПУЛА.*

Льетъ Стăбурагъ слезы, бушуетъ Двина,
И вѣтеръ свиститъ по оврагу.
Какъ стонутъ дубы! То не дѣды ль со сна
Бормочутъ загробную сагу?

На то ли намъ, Пéркунъ, ты вырылъ Двину,
Чтобъ воинамъ, въ даръ за отвагу,
Богамъ за подспорье въ лихую войну
Пить пригоршней трезвую влагу?

Умѣли же дѣды боговъ ублажать, —
Имъ пиво варили да брагу!
Чья въ Латвіи поступь бывала подъ стать
Въ день праздничный буднему шагу?

Хоръ дѣвичій, къ брегу съ вѣнками спѣши
Встрѣчать за ватагой ватагу
Веселую кравчихъ, несущихъ ковши, —
Предъ каждой по пестрому стягу!

Пусть въ руслѣ Двина высыхаетъ до дна! —
И море убудетъ ко благу, —
Коль чаша хмельная, какъ древле, полна,
Коль Тримпусу держимъ присягу.

Пляшите жъ и пойте, съ богами пьяны!
Въ честь Тримпусу — пива баклагу!
Пьютъ пращуры съ вами у старой Двины,
Слетясь къ заповѣдному прагу.

Отшедшихъ обычай святите, сыны:
Пиры, благочестье, отвагу!
Пьютъ пращуры съ вами у старой Двины
Любезную Тримпусу влагу.

Вяч. Ивановъ.

---

* Тримпусъ — Вакхъ, Тримпула — ода Вакху, Стабурагъ — живописная сталактитовая скала на лѣвомъ берегу Двины, Пѣркунъ (Перунъ) — латышскій Зевсъ или Юпитеръ, Латвія — латышскій край.

Ю. АЛЛУНАНЪ.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

Тамъ, на краю холма, налѣво, — я внималъ, —
Запѣли жалобно, и человѣкъ спускался,
Простившись съ ближними, въ пещеру, и пріялъ
Его навѣки мракъ, — и гулкій звонъ вздымался.

Подобенъ мотыльку летающему — малъ,
Ребенокъ, для кого міръ радостный являлся,
Тамъ, на другомъ краю, безумно ликовалъ, —
И колоколъ иной звучалъ, не унимался.

И въ души всѣхъ проникъ божественный покой,
Стада паслись въ лугахъ надъ тихою рѣкой,
И ель, молясь Творцу, склонялась надо мной.

Когда жъ колокола умолкли, звукъ тая,
Единый звонъ тогда въ тиши услышалъ я:
Въ немъ смерти зовъ слился съ призывомъ бытія.

К. Липскеровъ.

А. ПУМПУРЪ.

ГОЛОВА НА ТРЕХЪ МЕЧАХЪ.

У Кекавы, гдѣ вдоль поляны
Холмы, тамъ сосенъ старыхъ строй:
Подъ ними — древніе курганы
И мѣсто битвы роковой.

На трехъ мечахъ, тамъ, на курганѣ,
Лежала древле голова.
Надъ ней кудесникъ заклинаній
Твердилъ угрюмыя слова.

«Послѣдняя въ народѣ! Много
Одолѣвала ты враговъ!
И вотъ въ душѣ моей тревога,
Что нѣтъ главы у удальцовъ.

И безъ вождя отнынѣ бродятъ
Народа твоего сыны,
И слава о тебѣ уходитъ
Отъ береговъ родной Двины.

Въ курганѣ хладномъ спи, хранимый
На трехъ мечахъ желѣзныхъ, другъ,
Пока въ странѣ твоей родимой
Перекуютъ на лемехъ плугъ!

Придетъ ладья изъ Риги дальной
Съ сынами Латвіи: твой прахъ
Найдутъ въ одеждѣ погребальной
Здѣсь, на желѣзныхъ трехъ мечахъ,

Припомнятъ годы битвы этой
И славу предковъ, въ свой чередъ,
И новыми мечами свѣта
Вооружится весь народъ!»

В. Спасскій.

ИМАНТА.

Иманта, вѣрь, не умеръ:
Онъ, околдованъ, спитъ, —
Онъ подъ Горою Синей
Покоится, молчитъ.

Въ дворцѣ златомъ онъ дремлетъ...
Не заржавѣлъ закалъ
Меча, что брони рушилъ
И словно пламя сталъ.

И разъ въ столѣтье карликъ
Выходитъ на просторъ,
Глядитъ, — покровъ тумана
Не таетъ ли вдоль горъ.

Пока въ туманѣ сизомъ —
И горы и поля,
Вѣка героя будетъ
Въ себѣ скрывать земля.

Но разъ Перуна дѣти
Метнутъ своей стрѣлой, —
Исчезнутъ злые духи,
И схватитъ мечъ герой.

За ними дѣвы Солнца
Прогнать туманъ придутъ,
И зовы царства свѣта
Иманту воззовутъ.

В. Спасскій.

Р. и М. КАУДЗИТЪ.

ВРЕМЕНА ЗЕМЛЕМѢРОВЪ*.

ЧАСТЬ I.

Глава VI.

Въ концѣ сентября, въ день св. Михаила, съ большой сельской ярмарки разъѣзжались крестьяне. Темными ручьями они лились по всѣмъ дорогамъ на повозкахъ, верхомъ, пѣшкомъ, таща покупки, погоняя скотъ. На версты вокругъ ярмарки, раскинутой по высокому косогору, мощно звучалъ разноголосый концертъ: ревѣли быки, ржали лошади, кричали люди, — громадный хоръ пѣлъ безъ дирижера, но пѣніе казалось стройнымъ. Издали ярмарка напоминала суету муравейника. Была видна бѣлая парусина палатокъ, украшенныхъ красными флагами; среди бѣлыхъ пирамидъ — сплетенная изъ зеленыхъ вѣтвей хижина для продажи крѣпкихъ напитковъ, около нея шумно тѣснилась наиболѣе густая толпа народа.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ярмарки, гдѣ ряды уѣзжающихъ были рѣже, ѣхали шагомъ два крестьянина, каждый въ своей телѣгѣ. Первый былъ уже пожилой, съ просѣдью. На головѣ у него — «цилиндръ», одѣтъ онъ въ длинное пальто съ большимъ отложнымъ воротникомъ. Къ оглоблямъ его телѣги привязаны двѣ коровы. Его спутникъ — красивый молодой человѣкъ, съ круглымъ лицомъ, свѣтлыми волосами. Въ телѣгѣ его лежало берковца два льна. Уже по телѣгѣ можно было узнать, что это слатавскіе или чангальскіе крестьяне: по всей губерніи не найти телѣгъ болѣе высокихъ, плоскихъ и менѣе помѣстительныхъ, чѣмъ въ этихъ волостяхъ.

---

* Романъ относится ко времени „землеустройства" до ожидаемаго выкупа въ двухъ наиболѣе богатыхъ волостяхъ края, гдѣ большинство хозяевъ, кромѣ земледѣлія, занимаются торговлею (особенно скотомъ и льномъ) и кустарною промышленностью.

Подъ гору молодой соскочилъ съ воза, поравнялся съ попутчикомъ и сталъ закуривать трубку. Старикъ тоже вынулъ трубку, и уже приладилъ кремень, чтобы добыть огня, но молодой вскочилъ къ нему на повозку, досталъ изъ металлической коробки сѣрную спичку, закрылъ коробку и затѣмъ, чиркнувъ по дну ея, закурилъ самъ, далъ закурить старику.

— Теперь, папаша Олинъ, въ точности извѣстно, что будущей весною къ намъ пріѣдутъ землемѣры отмѣрять участки, — началъ онъ разговоръ такимъ тономъ, какимъ говорятъ о вещахъ, которыхъ всѣ ждали и наконецъ дождались.

— Да, да, настали дни испытанія А гдѣ же ты, Пратнекъ, сынъ мой, узналъ объ этомъ? — спросилъ Олинъ съ оживленіемъ.

— Староста въ имѣніи сказывалъ. Вчера условились. Это теперь свято, — прибавилъ Пратнекъ значительнымъ голосомъ.— Намъ, членамъ схода выборныхъ, навѣрное скоро объ этомъ объявятъ, и придется намъ тогда разсудить о доставкѣ вещей для землемѣровъ, а, можетъ быть, и о другомъ кое-чемъ.

— Да, настанутъ поистинѣ времена испытанія, и увидимъ, какимъ кого Богъ найдетъ и какъ кто оправдается, — сказалъ Олинъ тономъ праведника.

— Тебѣ, папаша Олинъ, нечего заботиться. Ужъ тебѣ плохая граница не достанется, если только заранѣе постараться, — сказалъ Пратнекъ, понизивъ голосъ, хотя поблизости никого не было. — Со стороны сосѣда тебѣ тоже нечего бояться: тамъ вѣдь хозяиномъ слабоумный старикъ, который ничего не сможетъ сдѣлать, а сынъ его, Каспаръ, не имѣетъ ни одного друга во всей волости.

Оба на минуту замолчали, потомъ Пратнекъ, видимо, не разсчитывая услышать что-нибудь отъ Олина и боясь, чтобы начатый разговоръ не оборвался, продолжалъ:

— Хотя Каспара и выбрали членомъ схода, но отъ него скорѣе вредъ, чѣмъ польза. Всѣ говорятъ, спорятъ, а онъ сидитъ по цѣлымъ часамъ, какъ нѣмой, и только когда уже постановленіе почти готово, онъ вдругъ протестуетъ: «Не по закону!» Да развѣ можно въ каждомъ дѣлѣ установить: что̀ по закону, что̀ нѣтъ? А вѣдь вся сила въ членахъ схода: что они постановятъ, то и останется.

— Да, дѣйствительно, онъ замѣчательный человѣкъ, — сказалъ Олинъ задумчиво, погоняя коровъ кнутомъ. — Иногда я даже боюсь его, хотя онъ мнѣ никакого зла не дѣлалъ, да и другіе на него не жаловались. Но молчаніе его все-таки опасно. Кто видѣлъ, чтобы онъ когда-нибудь смѣялся или веселился въ кругу

молодежи? Характеромъ онъ совершенно не похожъ на своего отца. По праздникамъ уходитъ въ поле и, уткнувшись въ книгу, сидитъ тамъ чуть не полъ-дня.

— И что же онъ тамъ читаетъ! Только разныя свѣтскія книги, а Библію, Богъ знаетъ, беретъ ли когда-нибудь въ руки! — прибавилъ Пратнекъ, какъ будто ему поручили обличить недостатки Каспара. — Часто ли его въ церкви видно? А если и заходитъ, то молчитъ, когда всѣ прихожане поютъ. Едва ли у такого человѣка можетъ быть вѣра, любовь или что-нибудь иное хорошее?

— Я его, Пратнекъ, сынъ мой, и не хвалю. Особенно мнѣ онъ не нравится тѣмъ, что у него борода: на бородатыхъ я не могу положиться, — мнѣ они кажутся разбойниками. Но плохого я все-таки ничего о немъ не слыхалъ.

— Что тутъ удивительнаго! Вѣдь и чортъ иногда можетъ прикинуться ангеломъ.

Тутъ вдругъ за ихъ спиной раздался шумъ телѣги и страшный свистъ. Пратнекъ оглянулся и сказалъ:

— Шваукстъ несется за нами, какъ самъ дьяволъ!

— Когда же онъ ѣздитъ медленно? — замѣтилъ Олинъ, не оглядываясь и равномѣрно шевеля вожжами.

Ѣздокъ поравнялся съ ними и круто осадилъ лошадь.

Это человѣкъ моложе Пратнека и, по всѣмъ признакамъ, тоже Слатавской волости. Пальто и сюртукъ у него были широко распахнуты, такъ что можно было видѣть длиннѣйшую бѣлую цѣпочку съ множествомъ брелоковъ; цѣпочка висѣла отъ шеи до кармановъ. Вокругъ шеи былъ небрежно накинутъ длинный, красный шарфъ, концы котораго болтались далеко за спиной. Вся упряжь, по послѣдней слатавской модѣ, блестѣла множествомъ латунныхъ украшеній, свѣтло-зеленая телѣга еще болѣе плоска, чѣмъ у другихъ, дуга же настолько высока, что въѣхать съ нею подъ низкіе навѣсы овиновъ не было никакой возможности, — дуга бороздила поднебесье, какъ говорили сами слатавскіе крестьяне. Сидѣніе въ телѣгѣ прикрыто ковромъ, изъ-подъ него высовывались двѣ связки льна, издали похожихъ на головы дѣтей; спинка телѣги была покрыта шкурой быка, съ висящими сзади рогами. Сѣдокъ — курчавый молодецъ, лѣтъ двадцати трехъ, съ маленькими усиками и заостренной бородкой на свѣжемъ лицѣ.

Остановивъ лошадь, онъ воскликнулъ, коверкая рѣчь нѣмецкими словами:

— Моргенъ, Олинъ фатеръ! Поѣзжай форвертсъ нахъ крогъ (корчму)!

— Можно ли спѣшить со скотомъ? Намъ надо двигаться медленно, не такъ, какъ мчишься ты съ возомъ льна, — отвѣтилъ Олинъ, даже не посмотрѣвъ на него.

— Ужъ какой у меня возъ! — сказалъ Швауксть, понимая иронію, звучавшую въ словахъ Олина. — Сегодня было больше покупателей, чѣмъ льна. Чортъ возьми, изъ-за этой ярмарки прозѣвалъ два хорошихъ случая, гдѣ можно было получить пару десятковъ шкуръ и ленъ, а завтра, можетъ быть, уже не найду ничего..

— Послушай, Швауксть, гдѣ тебѣ съ нами тащиться! Поѣзжай-ка лучше впередъ да займи и для насъ мѣсто на постояломъ дворѣ, — сказалъ Пратнекъ.

— Но, но! — воскликнулъ Швауксть, схватилъ вожжи, щелкнулъ кнутомъ и погналъ лошадь сразу полной рысью.

Пратнекъ и Олинъ ѣхали молча, пока Олинъ не заговорилъ:

— Я, Пратнекъ, сынъ мой, все думаю объ этихъ предстоящихъ временахъ землемѣровъ, каковы они будутъ и какъ мы ихъ переживемъ.

— Зѣвать ужъ не придется! — замѣтилъ Пратнекъ, оглядываясь на свою лошадь.

— Всевышній оказалъ мнѣ много милостей въ этой юдоли печали, но иногда наказывалъ и, быть можетъ, даже строже, чѣмъ я заслужилъ, — продолжалъ Олинъ, глядя вдаль. — На этотъ разъ Онъ могъ бы меня пожалѣть. Правда, Онъ Самъ говоритъ, что кого любитъ, того и наказываетъ, но...

— Не бойтесь, папаша Олинъ, мы это дѣло уладимъ! — заявилъ Пратнекъ увѣреннымъ тономъ.

— Точно это случилось сегодня, я такъ ясно припоминаю тотъ далекій день, а между тѣмъ съ тѣхъ поръ прошло уже двадцать два года, когда молнія ударила въ мой домъ, — сказалъ Олинъ, печально отдаваясь воспоминаніямъ. — Стоя на стогѣ сѣна, я видѣлъ, какъ загорѣлся домъ; поспѣшилъ туда и нашелъ на дорогѣ жену, лежащую безъ признаковъ жизни, дочка же погибла въ пламени... Отъ одного горя Богъ меня избавилъ: вернулъ къ жизни жену...

— А вѣдь Онъ и дочь тебѣ отдалъ, — замѣтилъ Пратнекъ, взглянувъ ему ласково въ глаза.

— Принимая пріемыша, я не себя имѣлъ въ виду, — сказалъ Олинъ. — Это все я сдѣлалъ ради своего Спасителя. Его благость я вижу всюду и не одну погибающую душу я вырвалъ изъ ада, какъ полѣно изъ пламени.

— Развѣ, папаша Олинъ, Лена для тебя не такъ же близка, какъ родная дочь?

— Я этого не отрицаю, сынъ мой, Пратнекъ. Она была совсѣмъ маленькая, когда я ее принялъ. Развѣ Анужа сумѣла бы ее такъ вырастить? А теперь — чего Ленѣ не хватаетъ? И то моя жена постоянно говоритъ, что она и по внѣшности ничѣмъ не отличается отъ господскихъ дѣтей. На этомъ свѣтѣ ни она, ни Анужа не въ состояніи отплатить мнѣ за то добро, которое я оказалъ имъ, — развѣ только Всевышній наградитъ меня за это. Я всегда былъ Ему послушенъ и не ропщу за посылаемыя мнѣ тягости!

— Моя старая мать тоже мало видѣла свѣтлыхъ дней, — прибавилъ Пратнекъ, опустивъ глаза. — И хотя ужъ очень она стара, но все еще почти одна ведетъ все хозяйство. И, конечно, она права, когда упрекаетъ меня за то, что не забочусь найти ей замѣстительницу. Говоритъ, что броситъ всѣ ключи, и пусть я дѣлаю съ ними, что хочу. Не слѣдовало мнѣ такъ долго жить холостымъ. Что̀ нужно дѣлать, то ужъ лучше дѣлать заблаговременно!

— Если такъ будешь жить и дальше, то холостякомъ и останешься, — замѣтилъ Олинъ безъ особаго участія и какъ бы только для того, чтобъ поддерживать разговоръ.

— Да я и самъ иногда думаю: отчего это мнѣ не удается жениться? Въ другихъ волостяхъ молодые люди сходятся еще до конфирмаціи, а у насъ совсѣмъ не такъ. Богъ знаетъ, чѣмъ это можно объяснить! Навѣрно все тѣмъ же нашимъ увлеченіемъ торговлей, но нѣкоторые объясняютъ это тѣмъ, что у насъ не принято по ночамъ обходить дворы, гдѣ есть молодыя дѣвушки.

— Избави насъ Господь отъ этакой напасти! — замѣтилъ Олинъ.

— Я полагаю, что это отъ увлеченія торговлей, — сказалъ Пратнекъ, продолжая свои размышленія. — Осенью, напримѣръ, когда самая пора справлять свадьбы, у кого изъ насъ на умѣ женщина? Каждый думаетъ только о томъ, какъ бы купить берковецъ льна или хорошаго барана. Вотъ развѣ такимъ учителишкамъ, какъ Крустину Петуку, тѣмъ дѣйствительно досугъ жениться, но кто же за такихъ пойдетъ?! Своими стихами всѣхъ дѣвушекъ смутили. Тѣ тоже теперь только о бракѣ по любви твердятъ и удивляются, какъ это можно выйти за богатаго, если онъ не нравится. Поэтому хорошему хозяину теперь трудно приходится, и я, папаша Олинъ, прямо не знаю, какъ и быть.

Старикъ промолчалъ.

Пратнекъ собирался начать все сначала, чтобы съ большей послѣдовательностью повести бесѣду къ своей цѣли, но роща, которую они проѣзжали, стала рѣдѣть, за ней показалась корчма, а оттуда доносилось эхо ярмарки: въ корчмѣ остановилась большая часть возвращавшихся съ ярмарки людей. Пратнекъ, соскочивъ съ телѣги Олина, сталъ поджидать свою лошадь: она немного отстала.

Приближаясь къ корчмѣ, можно было различить голосъ Шваукста, а скоро и самъ онъ рѣзко бросился въ глаза со своей блестящей цѣпочкой и краснымъ шарфомъ среди слатавскихъ и чангальскихъ крестьянъ, которые хвастались другъ передъ другомъ, сравнивая закупленный ими скотъ.

Швауксть, увидя Олина, повелъ ему навстрѣчу двухъ-трехъ стариковъ и сказалъ такъ громко, чтобы и Олинъ могъ слышать:

— Идите-ка сюда, я вамъ покажу вѣнецъ всей сегодняшней ярмарки! Бисаръ, посмотри, какова эта красная корова! Тутъ навѣрняка будетъ восемь пудовъ мяса.

Одинъ изъ стариковъ, разводя большими руками, сталъ разсматривать корову и хвалить ее:

— Ну, папаша Олинъ плохую не купитъ. У него счастіе, какъ у барина.

— Да, да, — поддакивалъ другой, склеивая языкомъ кончикъ сигары, въ которой среди табачныхъ листьевъ виднѣлся и кончикъ бечевки.

Расхваливая коровъ, они повели радостно улыбавшагося Олина къ постоялому двору.

Швауксть же, взявъ его лошадь за поводъ, сказалъ:

— Заѣзжай, папаша Олинъ, я для тебя приготовилъ хорошее мѣстечко.

Крестьяне зашли въ корчму, а Олинъ, Пратнекъ и Швауксть остались на дворѣ, распрягая и задавая кормъ лошадямъ.

Въ большой, холодной комнатѣ корчмы было темно, накурено и натоптано. Передъ окнами стоялъ длинный, изрѣзанный, изрубленный ножами столъ. Около прилавка толпился народъ, — туда трудно было протолкаться. Слатавскіе и чангальскіе присѣли за столомъ, закуривъ трубки и разсуждая о томъ, что люди одного барина должны держаться вмѣстѣ. Нѣсколько минутъ спустя вышелъ Швауксть, за нимъ Пратнекъ и наконецъ Олинъ.

— Знаете, что̀ мы порѣшили? — заявилъ Швауксть, молодецки притаптывая сапогами. — Сегодня вечеромъ надо сварить

свѣжій супъ. Скоро придутъ овцы, и можно будетъ какую-нибудь зарѣзать. Кто хочетъ въ этомъ принять участіе?

— Пусть все устроитъ тотъ, кто лучше умѣетъ, и мы всѣ присоединимся, — замѣтилъ одинъ изъ чангальцевъ.

— Итакъ, всѣ чангальскіе согласны? — воскликнулъ Шваукстъ, выхватывая изъ кармана часы.

— Если нашъ судья такъ говоритъ, то надо вѣрить, — отвѣтилъ одинъ изъ чангальскихъ.

— Теперь скоро шесть, а въ половинѣ восьмого супъ долженъ быть на столѣ, — сказалъ Шваукстъ, закрывая часы.

Пратнекъ вышелъ впередъ и, указавъ на каждаго пальцемъ, заявилъ:

— Насъ шестнадцать!

— Въ такомъ случаѣ одной овцы не хватитъ, — сказалъ Бисаръ, садясь за столъ.

— Это не велика бѣда, — сказалъ красноволосый чангалецъ. — Вашихъ овецъ скоро пригонятъ, у насъ полные возы, зарѣжемъ хоть трехъ, коли понадобится.

— Хорошо. Пойдемъ и зарѣжемъ, — сказалъ Пратнекъ.

— У тебя, Свертелъ, самый большой возъ. Дай намъ одну, а то, все равно, до усадьбы какая-нибудь подохнетъ, какъ въ прошлый разъ, — предложилъ судья красноволосому.

— Не знаю, какъ быть! Не хочется воза портить, — сказалъ Свертелъ, ударяя сапогомъ о полъ, чтобы отряхнуть грязь.

— Чего тамъ еще! Иди и вынимай, заплатимъ вѣдь, — крикнулъ Шваукстъ, засовывая руки въ карманы. — Теперь надо распредѣлить работу.

— Потише, дѣти! Спросите сначала хозяина, дастъ ли онъ котелъ и позволитъ ли вообще заниматься тутъ такимъ дѣломъ? — напомнилъ Олинъ, сидя на кровати въ другой половинѣ комнаты.

— Да, да, это вѣрно! У насъ такой случай былъ, — сказалъ Бисаръ, сдѣлавъ испуганные глаза. — Только что зарѣзали овцу, какъ пришелъ хозяинъ. Не далъ даже шкуру снять, всѣхъ насъ выгналъ и говоритъ, чтобы мы не смѣли загрязнять его домъ и посуду. Заложили лошадей и потащились до слѣдующей корчмы, да и тамъ съ трудомъ добились разрѣшенія.

— Тутъ этого опасаться нечего, — увѣрялъ Шваукстъ. — Мнѣ хозяинъ знакомъ, и можно варить сколько угодно. Я позабочусь обо всемъ необходимомъ, а вы рѣжьте овцу и свѣжуйте ее.

— Пусть рѣжетъ мой сосѣдъ Кенцъ, у него легкая рука, — сказалъ одинъ изъ чангальскихъ, котораго другіе называли Па-

вуломъ, указывая на другого чангальскаго съ такимъ тонкимъ носомъ, что если приставить свѣчку къ одной сторонѣ лица, то огонь просвѣчивалъ сквозь носъ.

Разжевывая хлѣбъ, Кенцъ отвѣтилъ:

— Подавайте ее мнѣ, а тамъ увидите, какъ она ножки протянетъ.

— Ну, тогда идите къ возамъ и рѣжьте, а я пойду къ хозяину, — сказалъ Швaукстъ, направляясь къ прилавку. — Тебѣ, папаша Олинъ, не надо участвовать въ работахъ, — пусть работаютъ молодые. Иди лучше со мной къ буфету, — зачѣмъ сидѣть съ сухимъ ртомъ!

— Можно и къ прилавку, — сказалъ Олинъ, лѣниво поднимаясь и направляясь за Швaукстомъ.

Немного спустя вбѣжалъ испуганный Свертелъ и воскликнулъ:

— Куда дѣвался молодой слатавскій съ длинной цѣпочкой? Его лошадь заболѣла заушницей.

— Вотъ чортъ! Иди теперь помогать, папаша Олинъ, — воскликнулъ Швaукстъ и, поспѣшивъ съ Олиномъ на дворъ, прибавилъ: — На слѣдующей ярмаркѣ я ее обязательно промѣняю!

— Можетъ быть, подохнетъ, и мѣнять не придется, — прибавилъ хозяинъ вслѣдъ имъ изъ окна.

— Это нехорошо, сынъ мой, — сказалъ Олинъ, слѣдуя за нимъ. — Надо полагаться на милость Божію.

Затѣмъ онъ подошелъ къ лошади, сложилъ набожно руки, при чемъ всѣ другіе затихли, и даже Кенцъ бросилъ сдирать шкуру съ зарѣзанной овцы. Простоявъ минуту и прошептавъ тихо молитву, Олинъ повернулся и, заходя въ корчму, сказалъ:

— Не бойся, Швaукстъ. Выздоровѣетъ. Дай ей только сѣна.

Вмѣстѣ съ Олиномъ въ большую комнату корчмы зашелъ и чангальскій судья. Они сѣли за столъ.

— Да, хорошо, что ты тутъ случился, а то къ кому бы обратиться за помощью! — началъ судья заискивающимъ тономъ, желая расположить къ себѣ Олина.

— Это такъ, но я тутъ ни при чемъ. Хотя дѣти міра сего и увѣряютъ, что они могутъ лѣчить болѣзни, но я этому не вѣрю, ибо человѣческія силы слишкомъ слабы для этого, — сказалъ Олинъ важно и серьезно.

— Что за удивительная сила кроется въ этихъ словахъ! — почтительно заявилъ судья.

— Да, слово Божіе все можетъ, — сказалъ Олинъ такимъ

тономъ, какъ будто ему открыты всѣ Божіи тайны. — Оно — какъ острый мечъ, и опять-таки яко ключъ неизсякаемый, и еще какъ яркая звѣзда въ темномъ мѣстѣ, покуда заря не взойдетъ въ сердцахъ нашихъ. Куда слово Божіе проникаетъ, тамъ...

Тутъ Олинъ замялся, подыскивая слово покрасивѣе.

— Трава не растетъ, какъ въ Содомѣ и какъ въ Іерусалимѣ, гдѣ камня на камнѣ не осталось, — добавилъ чангальскій судья съ своей стороны.

— Нѣтъ, тамъ не надо докторовъ съ ихъ лѣкарствами, — сказалъ Олинъ, ставя передъ собой шапку и поправляя волосы.

— А я давеча, стоя съ тобой рядомъ, подумалъ, какимъ это образомъ слова помогаютъ противъ болѣзни. Навѣрно онѣ входятъ въ животное и тамъ уничтожаютъ болѣзнь, — иначе вѣдь быть не можетъ.

— Намъ, грѣшникамъ, этого не узнать, — отвѣтилъ Олинъ, но замѣтно было, что себя онъ грѣшнымъ не считаетъ.

— Ну, скажи мнѣ все-таки, братецъ, вѣдь ты всѣ слова Божіи почти что наизусть знаешь: откуда берутся эти болѣзни? — спросилъ его судья съ дѣтскимъ смиреніемъ.

— А почему дѣти получаютъ розги? — гордо спросилъ Олинъ.

Такъ они бесѣдовали долго, пока не вошелъ Кенцъ, вытирая руки о шубу.

— Ну, что, Кенцъ, кончилъ работу? — спросилъ судья.

— Да что это для меня за работа?! Содралъ шкуру съ обѣихъ — и какъ не бывало! Скоро будутъ въ котлѣ, — отвѣтилъ Кенцъ.

— А что лошадь, уже ѣстъ? — освѣдомился Олинъ равнодушнымъ голосомъ, хотя замѣтно было, что въ душѣ онъ безпокоится.

— Нѣтъ, гдѣ ужъ! Брыкается такъ, что навозъ кругомъ летитъ! — отвѣтилъ равнодушно Кенцъ. — Одинъ изъ вашихъ, — Бисаромъ его, кажется, зовутъ, — пробовалъ колоть иглой уши и шею, но сказалъ, что кровь уже больше не течетъ, а иные находятъ, что у нея совсѣмъ другая болѣзнь, — чортъ ихъ тамъ разберетъ!

Олинъ всталъ и, выходя, сказалъ:

— Удивительное дѣло!

Какъ только вышелъ Олинъ, Кенцъ подсѣлъ ближе къ судьѣ и шепнулъ ему на ухо:

— А знаешь ли, что̀ я узналъ? Теперь въ точности извѣстно, что весною прибудутъ къ намъ землемѣры.

— Въ самомъ дѣлѣ? Кто тебѣ сказалъ? — воскликнулъ судья съ тревожнымъ любопытствомъ.

— Этотъ длинный, который держалъ овецъ за ноги, по фамиліи Пратнекъ. Онъ — членъ схода выборныхъ, должностное лицо, такъ онъ разсказывалъ, что почти знакомъ съ землемѣромъ, и что все начальство ему друзья, только просилъ никому не говорить. Знаешь ли, папаша Спетуль, не дурно было бы познакомиться съ ходовыми людьми и посовѣтоваться съ ними, потому что начнутъ мѣрить участки раньше въ ихъ волости, а потомъ только придутъ къ намъ.

Судья хотѣлъ спросить еще что-то, но тутъ стали собираться вокругъ стола всѣ остальные чангальскіе и слатавскіе, раскладывая на немъ свои дорожные мѣшочки съ съѣстными припасами.

— Слѣдовало бы руки помыть, — сказалъ Бисаръ, оглядывая руки. — Весь день со скотомъ возились, — глянь, какія грязныя!

— У кого онѣ лучше? — замѣтилъ Кенцъ, показывая свои. — Мыть дорогой руки — это послѣднее дѣло. Чѣмъ больше моешь, тѣмъ больше мерзнутъ.

— А у тебя онѣ даже въ крови, — сказалъ Бисаръ, указывая на руки Кенца.

— Это ничего, — возразилъ Кенцъ. — Это все даръ Божій, вареный или невареный.

— Чего тутъ особенно безпокоиться? Если эта подохнетъ, то есть вѣдь еще и другія лошади на свѣтѣ, — громко заявилъ Швaукстъ, входя со двора съ хлѣбнымъ мѣшочкомъ въ рукѣ.

Вмѣстѣ съ нимъ вошли Олинъ, Пратнекъ и другіе слатавскіе.

— Зачѣмъ же дожидаться, пока подохнетъ? Такого чорта надо прямо убить! — сказалъ Пратнекъ, вышучивая его.

— Ну, вотъ увидишь, какъ она побѣжитъ! — хвастался Швaукстъ.

— А потомъ опять придется нашептывать, — перебилъ Пратнекъ.

— Агу! — отвѣтилъ Швaукстъ, притаптывая сапогами.

Говоря такъ, они всѣ собрались вокругъ стола и разложили тамъ свои мѣшочки. Всѣ были веселы, въ особенности же Швaукстъ, который радовался тому, что лошадь теперь опять здорова. Только Олинъ сидѣлъ молча. Онъ сѣлъ на самомъ концѣ стола, за Кенцомъ и Бисаромъ, снялъ шапку, поправилъ волосы и глубоко вздохнулъ.

— Богъ знаетъ, скоро ли мы получимъ супъ?! — спросилъ

Пратнекъ, открывая свой мѣшокъ. — Чего они такъ долго копаются?! Я голоденъ, какъ волкъ.

— Скоро будетъ готовъ, — отвѣтилъ Кенцъ. — Котелъ уже давно закипѣлъ. Сядьте за столъ, а я пойду и помогу принести супъ.

Всѣ сѣли за столъ, зажгли еще одну свѣчу на томъ концѣ, гдѣ сидѣлъ Олинъ, взяли хлѣбъ, отрѣзали по куску и стали по крошкѣ класть въ ротъ, чтобы утолить голодъ. Нѣкоторые раскрыли посуду съ творогомъ, положили немного творогу на хлѣбъ и тотчасъ же закрыли творожницу, какъ будто запрещено было ее раскрывать. Кусочки разжевывались медленно; взоры всѣхъ были обращены въ сторону кухни. Разговоры не клеились. Всѣ были заняты мыслью, что кушать свое добро теперь было бы невыгодно, ибо за общій супъ платить надо будетъ всѣмъ, а ѣсть сухой хлѣбъ тоже не было смысла, такъ какъ предстояло полакомиться бараниной. Эта мысль была у всѣхъ, но каждый полагалъ, что только онъ одинъ владѣетъ ею. Нѣкоторые, догадываясь, что, пожалуй, и другіе думаютъ такъ же, сидѣли, опустивъ глаза и немного смущаясь...

Наконецъ явился Кенцъ съ двумя помощниками, съ которыми онъ варилъ супъ. Началась ѣда. Каждый поспѣшилъ, еще не успѣвъ съѣсть перваго куска мяса, взять себѣ про запасъ второй, кладя мясо на хлѣбъ, а то и прямо рядомъ съ собою на столъ.

Въ самомъ разгарѣ ѣды Пратнекъ первый началъ разговоръ:

— Знаете, у меня есть большая новость! Теперь въ точности извѣстно, что весною къ намъ пріѣдутъ землемѣры.

Это послѣднее слово имѣло такую магическую силу, что сразу всѣ подняли головы, и каждый по-своему выразилъ сильное удивленіе.

— Да, землемѣры, — гордо повторилъ Пратнекъ, при чемъ замѣтно было, что онъ припряталъ эту тему для такого случая, когда всѣ могутъ его спокойно выслушать. — Этого наказанія не минуетъ теперь никто, будь онъ слатавскій или чангальскій.

— Ну, понятно, что они пріѣдутъ для всѣхъ, такъ какъ мы люди одного барина, — сказалъ Кенцъ, облизывая пальцы.

— Это правда, но только дай Богъ намъ провести эти времена всѣмъ въ согласіи, — молвилъ Пратнекъ.

— Какое тамъ можетъ быть несогласіе! — вставилъ свое слово чангальскій судья. — Развѣ нѣтъ согласія между слатавскими и чангальскими? Вотъ, напримѣръ, теперь встрѣтились мы на дорогѣ и ѣдимъ всѣ изъ одного котла.

Послѣ этого Пратнекъ продолжалъ весьма обстоятельно до-

кладывать о пріѣздѣ землемѣровъ, украшая выдумками и стараясь внушить людямъ, что онъ станетъ играть въ этомъ дѣлѣ особо важную роль.

Послѣ этого всѣ стали смотрѣть на него съ особымъ почтеніемъ, а нѣкоторые чангальцы даже перешептывались между собою о томъ, какое счастіе было бы имѣть столь вліятельнаго человѣка въ своей волости и какъ онъ сумѣлъ бы содѣйствовать имъ при хлопотахъ у землемѣровъ.

Теперь, кромѣ слатавскихъ и чангальскихъ, въ корчмѣ почти никого уже больше не было. Поэтому хозяинъ имѣлъ достаточно времени присмотрѣться къ нимъ изъ-за прилавка. Посмотрѣвъ на нихъ, онъ спросилъ:

— Слатавскіе, что это васъ нынче такъ много?

— Тутъ не одни слатавскіе, а большинство чангальскихъ, — отозвался одинъ, который за свою плѣшь былъ прозванъ Полнолуніемъ.

— Всѣ вы одинаковые овечьи разбойники, все равно, что слатавскіе, то и чангальскіе, — прибавилъ корчмарь съ улыбкой.

— Нѣтъ, чангальскіе теперь куда больше рѣжутъ овецъ, чѣмъ слатавскіе, — гордо заявилъ Кенцъ.

— Какое больше! — кричалъ Швауксть. — У насъ нѣкоторые убиваютъ до полторы тысячи.

— А у насъ еще больше! — заявилъ Кенцъ. — У Ешки Равнека уже теперь почти двѣ тысячи наберется.

— Держу пари, что слатавскіе убиваютъ больше! — кричалъ, привскочивъ, Швауксть.

— Пари, пари! — отозвался Кенцъ.

— На сколько?

— На сколько угодно! Я не боюсь!

— Ну, поставимъ деньги рядомъ! — закричалъ Швауксть и бросилъ на столъ не особенно толстый бумажникъ.

— Чего тамъ держать пари!—вмѣшался Пратнекъ.—Если бы даже чангальскіе убивали больше, то все-таки это заслуга слатавскихъ, потому что отъ нихъ они этому научились.

— А я хочу доказать, что и теперь еще слатавскіе убиваютъ больше, — спорилъ Швауксть.

— Ничего ты не докажешь! — смѣло возражалъ Кенцъ.

— Какъ не докажу?! — настаивалъ на своемъ Швауксть.

— Чангальскіе во всемъ, а не въ одномъ только этомъ, подражаютъ слатавскимъ, — смѣясь, продолжалъ дразнить Пратнекъ.

— Возьмите спинки у телѣгъ: развѣ онѣ не были раньше у слатавскихъ, только потомъ появились у чангальскихъ?

— Нечего вамъ смѣяться надъ нашими телѣгами! — сказалъ Свертелъ. — И вы бы тоже до сихъ поръ ѣздили съ такими же, если бы у вашего богача Баума не отломилась однажды высокая спинка. Съ тѣхъ поръ и всѣ вы стали ѣздить безъ спинокъ. Помоему, лучше изъѣздить телѣгу такъ, какъ она сдѣлана, чѣмъ обезьянничать.

Это послѣднее указаніе очень не понравилось слатавскимъ, но тутъ ничего нельзя было подѣлать. Поэтому Швауксть перешелъ на другую тему и, гордо указывая на свою цѣпочку, заявилъ:

— Такія цѣпочки тоже раньше были у слатавскихъ.

— И ты не первый, у кого она такая, — продолжалъ Свертелъ. — И ты ее у другихъ раньше видѣлъ. Еще когда я впервые сталъ въ городъ ѣздить, то уже тогда тамъ носили такія цѣпочки.

— Чего тутъ болтать! Кушайте лучше супъ, еще полъ-котла осталось, — сказалъ Кенцъ и, продолжая носить ковшомъ супъ изъ котла къ столу, наливалъ его въ миски. При этомъ супъ капалъ нерѣдко на спины сидѣвшихъ.

Пратнекъ условился идти вмѣстѣ съ Шваукстомъ, чтобы дать лошадямъ овса. Олинъ хотѣлъ идти вмѣстѣ съ ними, но они обѣщали накормить его лошадь, и онъ остался.

Тѣмъ временемъ погода измѣнилась. Лилъ дождь, дулъ сильный вѣтеръ; ночь была очень темна. Хлѣвъ корчмы былъ полонъ овецъ слатавскихъ крестьянъ. Теперь очередь идти съ овцами была за Швауксгомъ и Пратнекомъ. Но шляться по большой дорогѣ въ темную ночь да еще съ громаднымъ стадомъ овецъ — дѣло крайне трудное, и поэтому они стали обдумывать, нельзя ли какъ-нибудь свалить это дѣло на другихъ.

Чангальскіе на этотъ разъ не пустили своихъ овецъ въ общее стадо, ибо купили меньше, чѣмъ обыкновенно, столько, сколько могли отвезти въ телѣгахъ. Набитыя кучею въ телѣгу, овцы тяжело дышали. У большинства головы свисали черезъ край телѣги и терлись о колеса.

Разсматривая возы, Пратнекъ и Швауксть напали на мысль, что хорошо было бы присоединить къ стаду этихъ овецъ и такимъ путемъ заставить чангальскихъ крестьянъ гнать все стадо. Съ этой цѣлью они развязали нѣсколькихъ овецъ и, ради шутки, вынули одну подохшую овцу изъ воза Свертела и поставили ее рядомъ съ лошадью Кенца, какъ будто она пристала къ стаду и

теперь ѣстъ сѣно. Послѣ этого они подошли къ своимъ лошадямъ и насыпали имъ овса въ корыто.

— Подай заодно и кобылѣ твоего будущаго тестя, — сказалъ Пратнекъ, указывая на лошадь Олина.

— Нечего такъ говорить, когда самъ за его дочкой увиваешься! Меня, братъ, не надуешь! Я все это хорошо знаю, — возразилъ Швaукстъ, завязывая овсяной мѣшокъ.

— Да я и не думаю тебя обманывать, — сказалъ Пратнекъ такимъ равнодушнымъ голосомъ, какъ будто это дѣло его совершенно не касалось.

— Нѣтъ, ты обманщикъ и хочешь меня обморочить, — сказалъ Швaукстъ, бросая сердито мѣшокъ въ телѣгу и не оглядываясь на Пратнека. — Развѣ ты недавно не обѣщалъ Ленѣ подарить кольцо? И для чего ты купилъ бумагу съ цвѣтами, если не для того, чтобы писать ей письма?! Я, братъ, все знаю!

— Можетъ быть, ты и еще какихъ-нибудь сплетенъ наслушался, — сказалъ Пратнекъ и опустилъ глаза. — Разсказывай, я послушаю!

— Могу и еще разсказать! Почему ты другимъ женщинамъ капусту не возишь, а для Анужи вдругъ, ни съ того, ни съ сего, цѣлый мѣшокъ доставилъ?

— По-твоему выходитъ, что все это ради Лены! — пробовалъ отшучиваться Пратнекъ. — Но вѣдь капусту эту Анужѣ обѣщала моя мать еще весною за пряжу кудели. Да при томъ же Анужа не можетъ теперь распоряжаться Леной, ибо она у Олина какъ родная дочь, какъ ты это и самъ хорошо знаешь! Хочешь — вѣрь мнѣ, хочешь — нѣтъ, но пока ты будешь подстерегать вора у дверей, онъ влѣзетъ въ окно. Меня тебѣ нечего бояться, а вотъ лучше бойся другого.

— Ты имѣешь въ виду Каспара? Такъ я тебѣ долженъ сказать, что мамаша Олинъ кочергой выгонитъ его изъ дома, — сказалъ Швaукстъ, криво улыбаясь.

— Это правда, что мамаша на него сердита, но этого мало, ибо самъ-то старикъ ничего противъ него не имѣетъ, да и у Лены онъ пользуется расположеніемъ. А ты знаешь, какъ про тебя думаютъ самъ Олинъ и Лена? Въ ихъ глазахъ тебя такъ очернили, что даже собака не стала бы брать хлѣба изъ твоихъ рукъ. И кто это сдѣлалъ? Все тотъ же Каспаръ. Я тутъ, конечно, ни при чемъ, такъ какъ не сказалъ о тебѣ ни единаго слова.

— Ну, ужъ онъ-то, во всякомъ случаѣ, Лены не получитъ, — заявилъ Швaукстъ, ударяя кулакомъ о телѣгу.

Тутъ ихъ разговоръ прервалъ одинъ изъ чангальскихъ, который пришелъ посмотрѣть на свою лошадь. Пратнекъ прибавилъ еще овса кобылѣ Олина и вмѣстѣ съ Швауকстомъ вернулся въ корчму.

«Пасхальная овца», какъ ее окрестилъ корчмарь, была съѣдена. Лишь Кенцъ все еще разводилъ ковшомъ по котлу, жалѣя, что супъ остается. Чтобы вычислить, сколько нужно каждому платить за ужинъ, люди собрались вмѣстѣ и рѣшили прежде всего продать съ торговъ шкуру и сало овцы. Пратнекъ взялъ полѣно, сталъ у пустой бочки, а Швауকстъ первый предложилъ рубль за все вмѣстѣ.

Пратнекъ кричалъ:

— Рубль! Кто больше?

Нѣкоторые прибавляли по копейкѣ, но Швауকстъ прибавилъ сразу двадцать.

— Рубль двадцать восемь копеекъ! Кто больше? Первый разъ! — кричалъ Пратнекъ, ударяя полѣномъ по дну бочки. — Никто не предлагаетъ больше? Второй разъ! .. Рубль двадцать восемь копеекъ! Кто больше? Никто? . . .

Лишь только Пратнекъ хотѣлъ опустить полѣно въ третій разъ, Швауকстъ остановилъ его рукой:

— Вартъ! Вартъ! Пусть люди подумаютъ! Можетъ быть, товаръ стоитъ дороже!

— Ты вѣдь самъ видишь, что никто не предлагаетъ больше, — сказалъ Пратнекъ. — Если думаешь, что это слишкомъ дешево, то прибавь самъ.

— Пусть будетъ еще ценъ капейкъ!

— Рубль тридцать восемь копеекъ! Кто больше? Первый, второй и . . . и . . .

— Тише! — остановилъ его Швауকстъ. — Такъ дешево нельзя!

— Ну, надбавляй еще!

— Пусть будетъ еще финфъ капейкъ!

— Рубль сорокъ три копейки! Кто больше? Первый . . . второй . . . и третій!

При этихъ словахъ Пратнекъ, не взирая на новые протесты Швауকста, опустилъ полѣно на бочку и объявилъ:

— Съ этимъ дѣломъ теперь покончено.

Послѣ того стали считать число участниковъ ужина, чтобы распредѣлить расходъ на каждаго человѣка.

— Сколько было васъ, чангальскихъ? — спрашивалъ Пратнекъ. — Насъ, слатавскихъ, было семь человѣкъ.

— А насъ было восемь, — отвѣтилъ Кенцъ, обтирая губы о перчатку.

— Какъ восемь, когда васъ девять человѣкъ! — отвѣтилъ Пратнекъ сердито.

— Восемь! — отвѣтилъ Кенцъ гордо и рѣшительно.

— Это правда, что восемь, — сказалъ чангальскій судья. — Я и самъ давеча про себя столько насчиталъ.

— Не правда! Должно быть девять! Не думайте, что мы такъ глупы, что не знаемъ счета, — горячился Бисаръ изъ угла, хотя и не зналъ вовсе, сколько было чангальскихъ.

— Зачѣмъ вамъ, дѣти, ссориться? — сказалъ Олинъ тихимъ голосомъ. — Сосчитайте всѣхъ и сразу увидите, сколько тутъ народа.

— Это правда, — присоединился къ нему судья. — Чангальскіе, отойдите въ сторону!

Всѣ чангальскіе отдѣлились и встали въ рядъ. Судья началъ считать, указывая сперва на себя: «Я» и затѣмъ продолжая по очереди:

— Одинъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь.

— Не можетъ быть, чтобы только восемь, — волновался Швaукстъ. — Надо считать еще разъ. Будемъ всѣ слѣдить.

Судья снова считалъ:

— Я, одинъ, два три, четыре, пять, шесть, семь, восемь.

Швaукстъ считалъ за нимъ на своемъ ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ:

— Эйнъ, цвейнъ, дрейнъ . . . актъ.

— Тутъ есть обманъ, — сказалъ Пратнекъ. — Если вы всѣ налицо, то должно быть девять, хоть тресни!

— Ну, считайте вы сами. Мы тутъ всѣ налицо, — сказалъ судья и сталъ въ рядъ.

Пратнекъ сталъ считать, и у него вышло девять.

— Не можетъ быть! — сказали чангальскіе.

— Какъ же не можетъ быть?! Смѣшно! Ну, смотрите еще разъ! — сердито сказалъ Пратнекъ и сталъ считать еще разъ, приставляя каждому палецъ къ груди, при чемъ Кенца онъ толкнулъ при этомъ такъ сильно, что тотъ отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ назадъ.

Тотъ, разсердившись, прикрикнулъ на него:

— Ну, ты, парень, не очень-то толкайся!

Потомъ стали удивляться и размышлять, гдѣ тутъ ошибка. Наконецъ рѣшили раздѣлить необходимую сумму на шестнадцать

частей и сложить всѣ деньги въ отдѣльныя кучки. Если получится требуемая сумма, тогда нечего и искать.

При расчетѣ разбрелись по угламъ, какъ это бываетъ при сборахъ денегъ на крестьянскихъ свадьбахъ. Въ такихъ случаяхъ лица гостей, которыя до того сіяли счастіемъ отъ свадебныхъ удовольствій, отражаютъ трояκаго рода настроенія. Уполномоченные на сборъ денегъ ведутъ себя смѣло. На ихъ лицахъ можно ясно читать: «Мы можемъ приставать и собирать эти деньги безъ всякаго стѣсненія, ибо всякій знаетъ, что не на себя мы собираемъ». На лицахъ тѣхъ, кто долженъ платить деньги, можно читать: «Боже упаси! Какъ не дать! Столько времени ѣли и пили! Съ неба вѣдь не валится». А въ душѣ они думаютъ, что на свадьбѣ хорошо, если бъ не было этихъ сборовъ. Наконецъ лица тѣхъ, въ пользу которыхъ деньги собираются, какъ будто говорятъ: «Пожалуй, не слѣдовало бы собирать. Мы и не хотѣли, но другіе пристаютъ, чтобы все-таки исполнить старый обычай». Въ душѣ же они думаютъ: «Пили, ѣли всѣ, сколько кому хотѣлось, а посмотримъ, много ли соберутъ!».

Когда деньги были собраны и сосчитаны, каждая группа сложила свои кучками на столъ, при чемъ у чангальскихъ получилось девять кучекъ и въ общемъ какъ разъ столько денегъ, сколько отъ нихъ требовалось, что̀ вызвало у всѣхъ, въ особенности же у самихъ чангальскихъ, большую радость и удивленіе.

Тогда одинъ изъ нихъ, кажется, Полнолуніе, прибавилъ шопотомъ, боязливо оглядываясь въ сторону прилавка:

— Знаете ли, каково мое мнѣніе? Тутъ не безъ колдовства. Я уже и раньше слышалъ, что эта корчма нечистая. Очевидно, корчмарь хотѣлъ насъ поссорить и навелъ на насъ колдовство. Но не такъ легко перессорить тѣхъ, у кого есть разумъ! Чангальскіе и слатавскіе ѣздили вмѣстѣ въ губернскій городъ и то не поссорились, такъ ужъ здѣсь-то и подавно не подерутся. Вотъ теперь приближаются времена землемѣровъ, когда нужно будетъ всѣмъ сплотиться вмѣстѣ. Поэтому пусть укрѣпится среди насъ сегодня вечеромъ дружба. А чангальскихъ, какъ было, такъ и останется девять, несмотря ни на какое колдовство!

Эти слова умиротворили сердца всѣхъ, и, полагая, что своей дружбой они обманули расчеты колдуна, крестьяне съ гордыми лицами стали выходить изъ корчмы, любовно подавая другъ другу мѣшочки съ провіантомъ и не переставая восхищаться своей любовью, умомъ и мудростью.

На дворѣ Кенцъ подошелъ къ своей лошади и хотѣлъ уже отвязать ее, но вдругъ замѣтилъ овцу, которая стояла рядомъ съ

лошадью у корыта. Разсердившись, онъ ударилъ овцу ногой въ животъ съ такой силой, что та отлетѣла на нѣсколько шаговъ въ сторону и больше не шевельнулась.

— Чортъ! Неужто я ее убилъ? — пробормоталъ онъ про себя.

Онъ подошелъ къ овцѣ и, подталкивая ее мѣшкомъ, хотѣлъ заставить подняться на ноги.

Другіе, проходя мимо него къ своимъ лошадямъ, стали тоже говорить, что навѣрное Кенцъ убилъ овцу. Потомъ по примѣтамъ стали искать, чья это овца. Чангальскіе сначала полагали, что овца слатавскихъ, но, въ концѣ концовъ, Свертелъ призналъ ее за свою. Всѣ порѣшили, что есть такой законъ, чтобы тотъ, кто убилъ овцу, заплатилъ за нее хозяину и оставилъ ее себѣ. Кенцъ много не возражалъ, ибо въ городъ, по его мнѣнію, попадаютъ, въ концѣ концовъ, какъ живыя, такъ и подохшія овцы. Надо лишь покрѣпче посолить, и никакой чортъ не узнаетъ. А везти домой дохлую даже удобнѣй, чѣмъ живую. Живая лежитъ на возу неспокойно.

Онъ нагнулся, схватилъ овцу и, взваливъ ее на плечи, сказалъ:

— Вотъ чудо! Она ужъ окоченѣла! Какъ скоро! Вотъ это былъ ударъ!

Тѣмъ временемъ и другіе чангальскіе обнаружили въ своихъ возахъ пропажу овецъ и порѣшили, что тѣ куда-нибудь разбрелись, въ виду чего стали искать ихъ по постоялому двору. Но Швауkстъ и Пратнекъ не хотѣли имъ этого позволить, заявляя, что ночью они могутъ по ошибкѣ въ темнотѣ забрать чужую овцу и кому же охота потомъ таскаться по судамъ! Разобрать овецъ можно будетъ лишь на разсвѣтѣ, а теперь надо ихъ гнать всѣхъ вмѣстѣ. Не могутъ же чангальскіе требовать отъ нихъ, чтобы они страдали за то, что тѣ дали своимъ овцамъ вырваться. Съ этимъ согласились всѣ слатавскіе и собрались уже выгнать овецъ съ постоялаго двора. Чангальскіе же настаивали на своемъ и требовали, чтобы имъ позволили немедленно выдѣлить изъ общаго стада принадлежащихъ имъ овецъ. При этомъ они хвастали, что всѣхъ, кто будетъ мѣшать, отправятъ въ имѣніе къ полиціи.

— Погоди, я покажу тебѣ имѣніе! Вотъ тебѣ полиція! — кричалъ кто-то изъ толпы и вслѣдъ за этимъ ударилъ Кенца по головѣ съ такой силой, что свѣчка, которую онъ держалъ въ рукѣ, выпала и потухла.

Сейчасъ же раздались удары и на другомъ концѣ двора, и Кенцъ услышалъ, какъ вскрикнулъ его сосѣдъ Павулъ. И хотя

Кенцъ получалъ ударъ за ударомъ, онъ все-таки, не смолкая, продолжалъ кричать:

— Павулъ, спасай боченокъ, не дай выбить дно!

Вслѣдъ за этимъ началась общая драка. Дрались впотьмахъ, такъ что слышны были лишь тяжкое дыханіе и равномѣрные удары, наносимые какъ бы по взаимному соглашенію. Олинъ, Свертелъ и другіе изъ стариковъ послали за хозяиномъ. Скоро появился и хозяинъ со свѣчкою въ рукѣ. Тѣмъ временемъ драка утихла, но ругань еще сыпалась со всѣхъ сторонъ, подобно послѣднимъ раскатамъ отдаленной грозы.

Хозяинъ пригрозилъ, что прикажетъ всѣхъ драчуновъ запереть въ конюшнѣ до разсвѣта, если они немедленно не успокоятся.

Въ концѣ концовъ, чангальскіе согласились на то, чтобы ихъ овецъ гнали вмѣстѣ съ остальными, но только до корчмы Прапе, ибо оттуда ихъ дорога идетъ въ другую сторону.

— Что же, вы воображаете, что мы будемъ гнать вашихъ овецъ? Гоните вы сами! — закричалъ вызывающе Швaукстъ, поправляя разорванную цѣпочку и жилетъ.

Корчмарь, не предвидя конца скандала, хотѣлъ ужъ было послать за рабочими, чтобы запереть драчуновъ. Но послѣ долгихъ усилій, при содѣйствіи Олина, Свертела и судьи, удалось наконецъ уладить дѣло такимъ образомъ, чтобы съ каждой стороны пошли по двое погонщиковъ, и чтобы чангальскіе присоединили къ общему стаду и тѣхъ овецъ, которыя у нихъ были еще на возахъ.

Корчмарь послѣ этого удалился, старики же еще долго продолжали усовѣщевать молодежь.

— Ну, безъ драки тоже не обойтись! Безъ нея и свѣтъ не можетъ существовать! — заявилъ Кенцъ, поправляя свой тонкій, свороченный на одну сторону носъ.

Потомъ стали разсуждать о томъ, что драка еще не бѣда, но что уже послѣ нея надо забыть прошлое и жить опять въ любви и согласіи. Всѣ говорили о минувшей дракѣ какъ о какой-то совмѣстной охотѣ или рыбной ловлѣ и съ такой любовью и юморомъ, какъ будто рѣчь шла о счастливо улаженной распрѣ. Кенцъ радостно разсказывалъ судьѣ, какъ ему впотьмахъ здорово попало по шеѣ.

— Хотя у меня затылокъ толстый, но все-таки стало жарко. Вотъ такъ кулачище! Если такой имѣть на своей сторонѣ, тогда даже цыганъ нечего бояться! — восхищался онъ.

Пратнекъ, носъ котораго тоже покривился и сталъ больше

размѣрами, увѣрялъ, что въ темнотѣ споткнулся и упалъ на телѣгу.

Бисаръ ощупывалъ глазъ, Павулъ — ухо, и рѣдкій остался нетронутымъ. Всѣ, однако, имѣли радостный и счастливый видъ. Когда лошади были запряжены и овцы выпущены, — всѣ еще разъ собрались вмѣстѣ и условились никому не разсказывать о случившемся, при томъ просили другъ друга не сердиться, ибо всяко случается на свѣтѣ.

— Боже упаси, чтобы, въ виду приближенія временъ землемѣровъ, мы разстались съ злобою на душѣ! — сказалъ Кенцъ, прикрывая попоной свою подохшую овцу.

Перевелъ ***

Я. АПСИТЪ.

БОГАТАЯ РОДНЯ.

Насталъ Юрьевъ день. Несмотря на конецъ апрѣля, весны почти не чувствуется. Зима не хочетъ уступить своихъ правъ; хотя побѣда уже на сторонѣ весны, все же зима еще не прогнана. Словно на зло теплымъ лучамъ солнца, она показываетъ свои бѣлыя снѣжныя полосы въ долинахъ, оврагахъ и на опушкахъ лѣса. И дуетъ вѣтеръ, холодный сѣверный вѣтеръ; онъ трясетъ густо-хвойныя верхушки сосенъ и елей, качаетъ стройныя вѣтви березъ съ буроватыми почками. Нѣкоторыя разбухли уже до того, что желтовато-зеленые листочки расторгли двери своей темницы и смотрятъ своими нѣжными весенними глазами на солнце. И солнышко тоже долго не задерживается за тучами, а цѣлыми потоками льетъ свои яркіе лучи надъ горами и долами, надъ лѣсами и рощами. Вмѣстѣ съ его сіяніемъ проносится вѣяніе весны въ природѣ и въ душѣ человѣка. Какъ свѣтло, какъ тепло на сердцѣ! Въ немъ снова зарождается надежда, что старые предразсудки и холодный мракъ зимы исчезнутъ изъ людскихъ сердецъ, и они объединятся въ братскомъ равенствѣ подъ яснымъ весеннимъ солнышкомъ. Но и здѣсь придетъ ли весна безъ борьбы?

Рядомъ съ борьбой въ природѣ передъ моими глазами встаетъ другая борьба — борьба за существованіе. Всѣ дороги сегодня кишмя кишатъ людьми, ѣдущими на телѣгахъ, и пѣшеходами! Телѣги нагружены всевозможными пожитками: шкафами, кроватями, ларями, стульями и т. д. Пѣшеходы снуютъ туда-сюда, кто съ пустыми руками, кто съ узломъ или съ чѣмъ-нибудь другимъ подъ-мышкой. У каждаго своя дорога, своя цѣль. Но свершатся ли взлелѣянныя надежды? Не придется въ будущемъ году снова перекочевывать? Не напоминаетъ ли этотъ день начало осени, когда перелетныя птицы стаями направляются въ теплыя страны? Птицы находятъ свой «теплый край», но найдутъ ли его переселенцы Юрьева дня? Не пройдетъ ли одинъ

Юрьевъ день за другимъ въ поискахъ теплаго края, пока наконецъ не наступитъ послѣдній Юрьевъ день съ послѣдней переѣздкой въ обитель вѣчнаго покоя?

Не помню уже, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, не помню также, сколько мнѣ было лѣтъ тогда, — помню только, что я былъ еще маленькимъ мальчикомъ, и былъ такой же Юрьевъ день, какъ только что упомянутый, когда я ждалъ переѣзда къ намъ Андреева отца и Андреевой матери. Воспоминанія дѣтства всегда капризны. Въ то время, какъ большинство изъ нихъ со временемъ исчезаютъ или становятся туманными, нѣкоторыя такъ ярки и жизненны, что кажется, будто вы стоите передъ зеркаломъ, въ которомъ отражаются свѣтлые образы давно минувшихъ происшествій, будь они сами по себѣ даже маловажны и малозначительны. Таково, напримѣръ, мое воспоминаніе о Юрьевомъ днѣ, въ который я ждалъ пріѣзда Андреева отца съ Андреевой матерью. Я твердо помню, что мать, въ виду холодной погоды, заставляла меня обуть ноги, но я бросилъ обувь и босикомъ побѣжалъ къ березкамъ на краю нивы. Вернувшись домой, я сталъ рыться на солнечной сторонѣ, у забора, въ пескѣ, который, растаявъ отъ солнца, сдѣлался уже рыхлымъ. Время отъ времени я выбѣгалъ на дорогу смотрѣть, не везутъ ли вещи Андреева отца, но, не замѣчая ничего, снова возвращался къ своему мѣсту у забора на солнышкѣ. Градъ и снѣгъ загнали было меня въ комнату, но лишь только погода прояснилась, я кубаремъ полетѣлъ снова на дворъ. И снова гляжу на дорогу, не везутъ ли вещи Андреева отца.

Везутъ, везутъ!... Изъ-за горы показывается голова бурой лысанки, видна уже первая повозка, а за ней другая. Андреевъ отецъ самъ шагаетъ рядомъ съ бурымъ, Андреева мать идетъ прямо по межѣ между нивами съ прялкой и катушками въ рукахъ. Подпрыгивая, я бѣгу, перескакивая черезъ грязь, изо всѣхъ силъ, навстрѣчу Андрееву отцу, сгорая отъ нетерпѣнія узнать, какой такой есть Андреевъ отецъ! Какъ только онъ замѣтилъ меня, онъ сказалъ:

— Ну, здравствуй, сыночекъ!

Я отвѣчаю:

— Здравствуй, Андреевъ отецъ!

И бѣгомъ спѣшу впереди повозокъ, чтобы сообщить дома: «Андреевъ отецъ ѣдетъ!»

Сообщивъ это важное извѣстіе, я снова бѣгу навстрѣчу Андрееву отцу и на этотъ разъ возвращаюсь съ нимъ вмѣстѣ. Телѣги останавливаются на дворѣ, передъ чердакомъ погреба, куда

Андреевъ отецъ долженъ сложить свои пожитки послѣ того, какъ покушаетъ. Мать уже накрыла столъ, и кушанье можетъ остынуть. Время, пока Андреевъ отецъ съ матерью ѣдятъ, кажется мнѣ безконечностью. Я горю отъ нетерпѣнія увидѣть, какъ Андреевъ отецъ будетъ выкладывать свои пожитки, и что у него тамъ на телѣгѣ. Наконецъ Андреевъ отецъ откушалъ и выходитъ выкладывать вещи. Съ какимъ любопытствомъ гляжу я, какъ развязываютъ перетянутый веревками возъ, какъ стаскиваютъ оттуда шкафъ и ларь, которые съ трудомъ удается поднять на чердакъ погреба. Время отъ времени я шныряю со двора на чердакъ, съ чердака на дворъ, но больше стою и наблюдаю, словно исполняя должность инспектора или, по крайней мѣрѣ, надсмотрщика. Наконецъ все уложено, кромѣ разбитой миски, поломаннаго стула и кровати, остальное оказалось въ полной сохранности. Изъ-за поломаннаго стула и кровати Андреевъ отецъ много не тужитъ: это, говоритъ, можно завтра же исправить. Осколки же миски достаются мнѣ на память. Боже мой, какъ я имъ обрадовался! Тотчасъ же я понесъ ихъ на свое любимое мѣсто — у забора на солнышкѣ, и благодаря этому не успѣлъ осмотрѣть кремницу Андреева отца съ кремнемъ и пороховницей, которые онъ только что вынулъ, собираясь закурить. Но немного спустя я былъ снова рядомъ съ нимъ и уже не разставался до вечера...

Вспоминая Андреева отца, я даже по сіе время не могу думать о немъ иначе, какъ съ благодарностью. Трудно понять, какъ такому пожилому и занятому человѣку не надоѣдало возиться со мною. Объяснить это можно, пожалуй, только тѣмъ, что у Андреева отца не было маленькихъ дѣтей, или, можетъ быть, еще и тѣмъ, что у него самого былъ веселый, дѣтски откровенный характеръ. Такъ или иначе, но мы не могли жить одинъ безъ другого. Кто не былъ ближе знакомъ съ нашей семьей, тотъ могъ принять меня за сына Андреева отца. То же и съ Андреевой матерью: жарила она или варила что-нибудь, мнѣ всегда доставался первый кусокъ. Моей матери это не нравилось, но Андреева мать всегда умѣла защитить и оправдать меня:

— Много ли ему нужно? Поклюетъ крошечку, какъ птичка!

И кушанье Андреевой матери мнѣ всегда казалось вкуснѣй, чѣмъ у моей матери.

Ярче всего остался въ моей памяти тотъ день во время страды, когда мнѣ разрѣшили поѣхать съ Андреевымъ отцомъ на затоны по лѣсной рѣкѣ. Мнѣ никогда доселѣ не приходилось видѣть лѣса иначе, какъ только издали. Онъ представлялся всегда моимъ взо-

рамъ лишь синѣющимъ заборомъ, за которымъ каждый вечеръ погружалось солнце. Теперь мнѣ было суждено видѣть лѣсъ и совсѣмъ близко. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я того времени, когда загоняютъ стадо (я былъ въ ту пору свинопасомъ)! Нужно полагать, что и стадо съ такимъ же нетерпѣніемъ думало о домѣ, такъ какъ визгъ и хрюканье раздавались безпрестанно вокругъ меня. Но вотъ, наконецъ, я сижу на телѣгѣ рядомъ съ Андреевымъ отцомъ и ѣду къ рѣкѣ, — о завтрашней пастьбѣ я не забочусь: Андреева мать пойдетъ вмѣсто меня.

Солнышко сѣло, когда мы подъѣхали къ лѣсу и рѣкѣ.

Я часто въ своей жизни восхищался красотою природы, но никогда и нигдѣ она не поражала меня такъ сильно, какъ въ тотъ памятный вечеръ. Я помню все, какъ было до малѣйшихъ подробностей. Вотъ Андреевъ отецъ вынимаетъ изъ телѣги точило, боченокъ съ квасомъ и ужинъ, косы вѣшаетъ на вѣтви высокой сосны, а грабли прислоняетъ къ стволу. Пока Андреевъ отецъ занятъ телѣгой и лошадью, у меня есть время осмотрѣть лѣсъ. Я кричу. Лѣсъ отвѣчаетъ мнѣ громкимъ эхомъ, но мнѣ кажется, что эхо доносится не изъ глубины лѣса, а лишь съ его краевъ. Андреевъ отецъ говоритъ, чтобы я кричалъ громче, но у меня не хватаетъ больше силъ, и эхо снова раздается такъ же несмѣло, какъ и въ первый разъ. Тогда кричитъ Андреевъ отецъ. Какъ далеко, какъ глубоко звучитъ его эхо! Я смотрю удивленно на узорчатыя верхушки лѣса и спрашиваю:

— Что это? Церковь?

Но Андреевъ отецъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, сыночекъ, это ель!

Я гляжу на верхушки.

— А это, навѣрно, кирка?

Андреевъ отецъ смѣется.

— Тутъ нѣтъ, сыночекъ, никакой кирки, тутъ все лѣсъ, сплошной лѣсъ.

Это — правда, но все же мнѣ нравится воображать верхушки деревьевъ колокольнями, а лѣсъ церковью. Какая чудесная, обширная церковь! И какъ тихо въ этой церкви, пѣвцы всѣ уже спятъ, нѣтъ ни малѣйшаго шороха, ни дуновенія, лишь стройные, темно-зеленые купола въ отблескѣ вечерней зари тихо и стройно поднимаются въ воздухъ... Надъ рѣкой уже стелется туманъ, извиваясь такимъ же зигзагомъ, какъ и рѣка. Большія бабочки, какъ будто отыскивая ложа, порхаютъ надъ тростникомъ... Андреевъ отецъ развелъ костеръ у сосны, я грѣюсь у огня, хотя вовсе не холодно, и снова гляжу на лѣсъ. Андреевъ отецъ начинаетъ то-

чить косы, я верчу точило, то одной, то другой рукой, пока не устаютъ объ, тогда одна изъ косарихъ идетъ мнѣ на смѣну.

Покончивъ съ косами, мы начинаемъ ужинать: садимся вокругъ ушатика съ похлебкой, словно рыболовы вокругъ озерка. Андреевъ отецъ, какъ старшій, имѣетъ право первый зачерпнуть ложкой, за нимъ слѣдуютъ другіе, тоже по старшинству и по опытности въ работѣ; молодой, первое лѣто ходившій на сѣнокосъ, Петя тянется со своей «лодкой» самымъ послѣднимъ. При этомъ, если онъ засовываетъ свою ложку слишкомъ глубоко, Андреевъ отецъ недоволенъ: «Оставь гущи и другимъ!». Если же Петя хочетъ оказать больше вниманія верхней части содержимаго ушатика, Андреевъ отецъ и тутъ недоволенъ: «А кто же будетъ гущу ѣсть?». Петя долженъ научиться, не вдаваясь въ крайности, соединять жидкость съ гущей въ такомъ размѣрѣ, какъ этого хочетъ Андреевъ отецъ.

Женщинами-косарихами онъ тоже недоволенъ: во время ѣды онѣ иногда смѣются. За это Андреевъ отецъ сейчасъ же дѣлаетъ имъ замѣчаніе:

— Не глумись надъ даромъ Божіимъ!

Потомъ снова принимается за Петю, который только что успѣлъ набить ротъ хлѣбомъ:

— О-го! Напихалъ ротъ, какъ гумно! Того и гляди, подавишься!

Петя начинаетъ ѣсть маленькими кусками, но, прихлебывая, проливаетъ много похлебки.

— Отчерпни свою «лодку», понимаешь?! — говоритъ ему Андреевъ отецъ.

Петя повинуется, и ложка, не потерявъ по дорогѣ ни капельки, счастливо въѣзжаетъ въ гавань — въ Петинъ ротъ. Видя, что Петя принимаетъ въ толкъ его наставленія, Андреевъ отецъ смотритъ на него уже болѣе спокойно. Теперь всѣ ужинаютъ молча, оказывая должное уваженіе «дару Божьему»; каждый черпаетъ въ установленномъ порядкѣ, только мнѣ одному Андреевъ отецъ оказываетъ преимущество, позволяя черпать не послѣ Пети, какъ это слѣдовало бы по моему возрасту, а сразу послѣ себя; этимъ онъ оказываетъ мнѣ почетъ, какъ гостю. Когда ушатикъ начинаетъ пустѣть, ужинающіе почтительно оставляютъ его въ рукахъ Андреева отца, который тщательно вычерпываетъ изъ него остатки и, покрывъ крышкой, ставитъ его въ сторону, и затѣмъ, потеревъ руки, произноситъ:

— Спасибо Тебѣ, Господи!

Всѣ укладываются спать, такъ какъ завтра еще до восхода

солнца нужно быть на сѣнокосѣ. Вмѣсто постели Андреевъ отецъ беретъ изъ телѣги мѣшочекъ и указавъ мнѣ мѣсто ближе къ костру, ложится рядомъ со мною, чтобы мнѣ было теплѣе.

Я не спускаю глазъ съ верхушекъ деревьевъ, съ которыхъ уже исчезъ отблескъ вечерней зари; теперь онѣ совсѣмъ темныя. Кругомъ тишина, лишь комары жужжатъ мнѣ въ уши и около носа. Глаза начинаютъ застилаться туманомъ, мнѣ кажется, что я падаю въ великомъ страхѣ съ высокой башни. Вѣтеръ свиститъ въ ушахъ, наконецъ я счастливо попадаю на землю и замѣчаю, что въ затонѣ цвѣты начинаютъ расти все быстрѣе, становясь все выше, великолѣпнѣй и выростая съ невѣроятной быстротой они кланяются мнѣ своими чашечками, словно громадными кубками. Вотъ они достигли вышины деревьевъ и машутъ своими невѣроятно широкими листьями, стебли же у нихъ могучіе, какъ стволы. Потомъ кажется, что надъ этимъ чудеснымъ цвѣточнымъ лѣсомъ всходитъ яркое солнце. Я просыпаюсь, солнце свѣтитъ мнѣ прямо въ глаза, а рядомъ со мной стоитъ Андреевъ отецъ, съ косою въ рукахъ, и спрашиваетъ меня:

— Ну, сыночекъ, хорошо выспался? А мы ужъ порядкомъ-таки поработали!

Но я весь еще подъ впечатлѣніемъ чуднаго сна:

— А гдѣ же цвѣты? — спрашиваю я.

— Цвѣты скошены, — показываетъ Андреевъ отецъ на скошенную поляну.

Про мой сонъ ему ничего не было извѣстно.

Ахъ, какой это былъ чудный сонъ! Даже теперь, когда я вспоминаю свое первое впечатлѣніе о лѣсѣ, я каждый разъ чувствую дивный ароматъ какой-то сказки, которой я нигдѣ уже не нахожу, хотя бы глядѣлъ цѣлый день, стоя на томъ же мѣстѣ, на тѣ же самыя деревья. Увы, теперь я вижу одни лишь деревья и больше ничего.

Послѣ, явившись обратно къ своему стаду, я долгое время грезилъ обо всемъ видѣнномъ въ лѣсу. Однажды, когда мое стадо паслось на полѣ, а самъ я лежалъ на межѣ и глядѣлъ на пышные хлѣбные злаки, вдругъ мнѣ показалось, что рожь начинаетъ вытягиваться кверху до высоты деревьевъ, а трава превращается въ луговые цвѣты, которые растутъ со сказочной быстротой. Я слышу, что кто-то идетъ. Я рѣшаю: это Андреевъ отецъ, котораго я спрошу: «А гдѣ же цвѣты?»

Но пришедшій путаетъ меня другимъ вопросомъ:

— Мальчишка, гдѣ твои свиньи?

Широко вытаращивъ глаза, я вижу, что это сосѣдъ Пуце.

— Гдѣ же имъ быть, какъ не на своемъ мѣстѣ! — отвѣчаю я и въ тотъ же моментъ замѣчаю, что полосатая свинья держитъ во рту цѣлый пукъ льна, что служитъ неопровержимымъ доказательствомъ моей виновности. Я начинаю извиняться, но Пуце такъ разсерженъ, что и слышать не хочетъ о прощеніи. На мое счастіе, является Андреевъ отецъ. Ему удается кое-какъ уговорить Пуце отпустить меня.

— Въ слѣдующій разъ да спасетъ тебя Богъ! — говоритъ мнѣ на прощанье Пуце, давая этимъ понять, чтобы въ слѣдующій разъ я не ожидалъ отъ него пощады.

Этотъ случай съ Пуце еще крѣпче привязалъ меня къ Андрееву отцу: я считалъ его спасителемъ своей жизни.

* * *

Почему Андреева отца звали Андреевымъ отцомъ? Съ такимъ же успѣхомъ его можно было звать и Яшинымъ отцомъ, такъ какъ у него было два сына, Андрей и Яковъ. Но такъ какъ старшій былъ Андрей, то и отца съ тѣхъ поръ прозвали Андреевымъ отцомъ. Оба сына Андреева отца были взрослые: Андрею шелъ двадцатый, а Яшѣ было за семнадцать. Будучи взрослыми, они жили отдѣльно отъ отца.

Съ виду Андрей казался здоровымъ, толстымъ парнемъ, но наружность его была обманчива. Онъ сильно заикался, особенно сердясь. Несмотря на его высокій ростъ, Андрей не силенъ, о чемъ можно было судить по его вялой походкѣ. Работникомъ онъ считался плохимъ, и если его нанимали на работу, то не иначе какъ изъ родственныхъ чувствъ, кто-нибудь изъ родни. Рѣдко случалось, что его нанимали чужіе.

Еще меньше радости доставлялъ Андрееву отцу второй сынъ, Яковъ. Этотъ косолапъ и къ тому же страдалъ падучей, хотя и не очень часто. Изъ-за своихъ косыхъ ногъ Яша совершенно непригоденъ для сельскихъ работъ, поэтому ничего больше не оставалось, какъ выучить его портняжному ремеслу, хотя очень трудно было отыскать ему мастера, такъ какъ никто не хотѣлъ брать въ ученики «такого калѣку». Въ концѣ концовъ, удалось уговорить «жилетнаго» портного Васкиса. Онъ согласился взять Яшу за небольшую доплату въ теченіе перваго года.

Таковы были сыновья Андреева отца. Нужно сказать, что они не очень-то радовали отцовское сердце.

Однажды въ полдень мы съ Андреевымъ отцомъ пошли въ котельню, гдѣ Андреевъ отецъ собирался дѣлать «порохъ», такъ какъ онъ для закуриванія никогда не употреблялъ спичекъ, но

либо трутъ, либо «порохъ», который онъ изготовлялъ изъ сожженной бумазейной тряпки, не давая ей сгорѣть до тла. Когда Андреевъ отецъ, взявъ лучинку, началъ жечь «свой порохъ», я его спросилъ:

— Отчего ты не закуриваешь спичками?

— Спички стоятъ денегъ, а порохъ даровой.

— Но вѣдь кремень и кремница тоже стоятъ денегъ.

— Кто же кремень покупаетъ? Только кремницу... Но разъ она пріобрѣтена, то больше ужъ не требуется ни гроша.

— Но если ты ее потеряешь?

— Надо беречь. А если и потеряю, то кузнецъ сдѣлаетъ новую.

— Но если бъ твой Андрей много денегъ зарабатывалъ, тогда ты навѣрно сталъ бы покупать спички?

— Гдѣ жъ ему, сыночекъ, много зарабатывать?! И то хорошо, что хлѣбъ-то свой ѣстъ.

— Но если бъ у Андрея была голова Яши, — я часто слыхалъ, какъ порицали «голову» Андрея, — тогда онъ навѣрно сталъ бы много зарабатывать?

— Богъ вѣсть, сыночекъ, но какъ же Яшѣ-то безъ головы и безъ ногъ?

На это я не зналъ, что отвѣтить.

— Пусть ужъ лучше, сыночекъ, будетъ такъ, какъ Господу Богу угодно.

— Но кто же будетъ кормить тебя на старости лѣтъ?

— Авось Господь не покинетъ... У меня вѣдь богатая родня: однихъ племянниковъ четверо и всѣ владѣютъ усадьбами.

— Вотъ оно что... — промолвилъ я.

Андреевъ отецъ, не говоря больше ни слова, взялъ остывшій порохъ и началъ сыпать его въ пороховницу, потомъ молча зажегъ огонь и, закуривъ, вышелъ изъ котельной.

Не легко жилось Андрееву отцу. Но онъ никогда, не жалуясь, казался веселымъ, и горе его можно было утадать только по тому, что онъ вдругъ умолкалъ иногда среди разговора, какъ въ тотъ разъ, когда я напомнилъ ему о сыновьяхъ и о старости.

У Андреевой матери горе, накипѣвшее въ сердцѣ, выливалось иногда въ словахъ.

Однажды, вернувшись со стадомъ домой, я услышалъ еще за дверями голосъ Андреевой матери.

— И какъ на Пасху уходитъ изъ Упмалей, — ты вѣдь знаешь, Упмаль самъ моему Петру (Андреева отца звали Петромъ, а по фамиліи Авотиномъ) — старшій племянникъ, мы съ Петромъ въ

Упмаляхъ и свадьбу справляли — и какъ мой Яша на Пасху уходитъ, такъ Упмалиха сама зоветъ его въ амбаръ и, насыпавъ полный мѣшокъ муки — у Упмалей пшеница всегда на славу — велитъ отнести его матери...

— То-есть, значитъ, тебѣ, муку-то? — прерываетъ ее голосъ гостьи.

— Вотъ именно такъ, пусть, говоритъ, она, — то-есть это я-то, — булокъ себѣ испечетъ...

— Это, значитъ, твой-то Яша, душечка миленькая?... — для большей ясности переспросила гостья.

— Ну-да, — онъ самый! А онъ и говоритъ: «спасибо», говоритъ, потомъ говоритъ: «прощайте» и пошелъ домой...

— Это твой Яша-то, что ли, душечка миленькая?

— Онъ самый! И вотъ возвращается онъ не по большой дорогѣ, а норовитъ пройти прямо черезъ Дукстово болото, а потомъ черезъ Межаберзы...

— Это твой Яша-то, что ли? — спрашиваетъ гостья, опустивъ на этотъ разъ «душечка миленькая».

— Ну-да, — онъ самый! Ты вѣдь знаешь, какъ у него съ ногами-то. О Господи! Вѣдь оба они, коли правду сказать, у насъ калѣки. Что будетъ, когда наши руки опустятся?.. Только и остается, что въ богадѣльню идти...

Голосъ Андреевой матери оборвался.

— Ну, да у васъ вѣдь богатая родня, душечка миленькая...

— Оно конечно — родня, можно сказать, не изъ бѣдныхъ. Да вотъ хотя бы взять Упмалиху; она вѣдь моему Яшѣ цѣлый мѣшокъ муки...

— Это твоему-то Яшѣ, что ли, душечка миленькая? — запѣла снова гостья.

— А какъ же! Такъ вотъ, идетъ онъ прямо черезъ Дукстово болото. И какъ добрался до середины, такъ, — ты вѣдь знаешь, у него эта падучая, хотя и не часто, а все-таки...

— Это у твоего Яши-то, что ли?

— У него у самаго! И какъ очутился онъ на самой, значитъ, срединѣ, гдѣ самое вязкое мѣсто, такъ напалъ на него этотъ самый недугъ, ну и онъ упалъ... прямо... въ тину.

Слезы душили Андрееву мать, и она говорила съ трудомъ.

— Такъ-таки прямо въ тину, душечка миленькая?

Андреева мать не сразу могла отвѣтить. Потомъ, вновь собравшись съ силами, она продолжала разсказъ:

— Упалъ прямо въ тину, да такъ и провалялся тамъ до самаго конца. О, Господи! Пропало и праздничное платье, и вся мука!..

Приходитъ домой, какъ пугало, лицо и руки, — все въ тинѣ. Намокъ, словно болото!.. Пропало и платье, пропала и мука!.. Хотя и вычистили платье-то, да ужъ оно, конечно, не то, что было. Мука, конечно, Богъ съ ней, а все-таки убытокъ! Гдѣ ее взять-то? Вѣдь мы не богачи!

И Андреева мать начинала плакать еще сильнѣе...

— Хорошо, что самъ-то еще живъ остался, а то могъ бы задохнуться въ тинѣ-то!.. Богъ милостивъ еще...

Я ожидалъ, что гостья опять спроситъ: «Это твой Яша-то, душечка миленькая?». Но вмѣсто этого, гостья стала всхлипывать.

Успокоившись, онѣ заговорили снова, но теперь уже шопотомъ, такъ что я больше ничего не могъ разобрать.

Второй случай, когда мнѣ пришлось услышать жалобы Андреевой матери о своемъ несчастьѣ съ дѣтьми, былъ зимой.

Я простудился и на нѣсколько дней былъ принужденъ оставаться въ кровати. И вотъ къ Андреевой матери снова пришла гостья, ея родная тетя. Она очень часто навѣщала Андрееву мать и приносила ей по парѣ перчатокъ или чулокъ, либо шерстяную или льняную пряжу.

Думая, что я уснулъ, онѣ начали обсуждать свою жизнь и жизнь своей родни.

— Спасибо тебѣ, тетя, что такъ много трудилась надъ моей пряжей, — начала Андреева мать.

— Чего ужъ тамъ, племянница! Мало ли заботъ у тебя, мало ли горя?! Частенько вздыхаю и плачу по тебѣ!.. Не легко вѣдь тебѣ? Теперь-то еще пробиваетесь кое-какъ, а дальше ничего хорошаго ожидать нельзя... О, горе, горе!..

— Охъ, мало хорошаго, тетя! Мало! Да вотъ хотя бы взять, къ примѣру, Андрея. Нанялся онъ было работникомъ у Васараудза, но что же случилось къ Михайлову дню? Прогнали домой на нашу шею, хотя самъ Васараудзе приходится Петру-то племянникомъ. Говорятъ, что сломалъ онъ, ѣдучи съ мельницы, телѣгу, растерялъ цѣлый возъ муки. Васараудзы-то винятъ во всемъ Андрея, Андрей же сваливаетъ на лошадь: дали, дескать, ему молодого бураго.

— Такъ-то, племянница! Не знаютъ, что ли, Васараудзы Андрея? Зачѣмъ даютъ такую лошадь?! И когда случается несчастіе, тогда прогоняютъ!

— А намъ-то куда его? Богачи, что ли, какіе? Ахъ, Ты, Боже мой! Всего-на-всего одинъ кормилецъ, а заботиться, одѣвать-то сколькихъ надо!.. Довольно мы ходили, и я, и Петръ, чтобъ Ва-

сараудзы взяли Андрея обратно, — не берутъ. Говорятъ, чтобъ заплатили убытки за сломанную телѣгу да потерянную муку, тогда возьмутъ.

— Откуда же вамъ это взять? — вмѣшалась тетя. — Вамъ и то хорошо, что не нужно просить волость о помощи.

— Да ужъ гдѣ намъ взять? За Яшу платить надо, тутъ рубль, тамъ рубль, а тутъ еще Андрея корми. Кое-какъ, слезами да мольбами удалось его устроить у Клявкалновъ, — тѣ взяли, — ну, да и тамъ неладно вышло. У нихъ лѣсъ-то недалеко, такъ вотъ рубитъ онъ однажды дрова...

— Слава Тебѣ, Господи, что хоть тѣ пожалѣли — родной вѣдь имъ...

— Да, благодарить Бога надо, тетенька, хотя родственниковъ у насъ и много и всѣ богатые, но надѣяться на нихъ все же нельзя.

— А Петръ-то хвалитъ родню?

— Да еще какъ! Не знаетъ, какъ и прославить, когда кто-нибудь изъ родни удѣлитъ кое-что... А только, если подумать, что будетъ съ нами на старости лѣтъ?!..

Андреева мать громко заплакала и тетя вмѣстѣ съ ней.

— Не плачь, племянница, не надо! Не тебѣ одной плохо живется на свѣтѣ. У всякаго свой крестъ!

— Хотя и не мнѣ одной, да вѣдь если бъ что впереди было!.. А то вотъ взять съ тѣмъ же Андреемъ. Все мы надѣялись — подрастетъ, молъ, ума прибавится, а онъ чѣмъ дальше, тѣмъ все хуже. Въ Васараудзахъ-то — напугали, слышь, его, что за изломанную телѣгу да муку въ тюрьму его посадятъ, — такъ что жъ ты думаешь? — не спитъ теперь по ночамъ, вскакиваетъ, кричитъ, какъ полоумный, будто это ловитъ кто-то его.

— Что и говорить, племянница, терпѣть надо! — успокаивала старушка Андрееву мать. — Вотъ Яша выучится ремеслу, самъ о себѣ будетъ заботиться.

— Дай-то, Господи! Да только мало на это надежды. Самъ-то Васкисъ, не Богъ вѣсть, какóй мастеръ. Хорошіе портные ни за что не хотѣли брать, только этотъ и согласился. А теперь изъ-за денегъ, за ученье Яши, совсѣмъ покою намъ не даетъ. Конечно, заплатить надо, да вѣдь гдѣ возьмешь сразу?... Одному Богу извѣстно, за что на насъ однихъ этакія напасти?!

— Богъ вѣсть, племянница! Можетъ быть, и за то, что вышла ты за близкаго родственника... Мало ли васъ въ свое время отговаривали, да вы никого не послушались. Другіе вонъ говорятъ, будто это отъ того, что у тебя, племянница, очень нравъ крутой...

Андреева мать ничего не отвѣтила. Тетя, можетъ быть, сказала бы еще кое-что, но тутъ вошла Петина мать и сѣла у прялки. Разговоръ оборвался.

* * *

Такъ проходили года въ жизни Андреева отца, принося все тѣ же заботы, тѣ же горести. Но вдругъ его поразилъ новый ударъ.

Падучая все чаще и чаще стала мучить Яшу, Васкисъ началъ жаловаться, что толку ему отъ Яши мало, такъ какъ въ домахъ, гдѣ у него работа, многіе боятся и не хотятъ приглашать его къ себѣ изъ-за такого подмастерья. Лучше пусть родители сами берутъ къ себѣ Яшу обратно.

Можетъ быть, Андреевъ отецъ и мать и взяли бы Яшу къ себѣ, можетъ быть, уговорили бы Васкиса за бо́льшую плату оставить его у себя, но не оказалось надобности ни въ томъ, ни въ другомъ: Яша умеръ!

Ясно помню его черный гробъ на гумнѣ. На похороны съѣхалась вся богатая родня, дворъ былъ биткомъ набитъ лошадьми. Сынъ Упмалей, мой сверстникъ, водитъ меня около лошадей и телѣгъ, высматривая, которыя изъ телѣгъ съ желѣзными, которыя съ деревянными осями и показываетъ мнѣ недавно обмѣненную лошадь Васараудзевъ; лошадь такъ и рвется на волю, — того гляди, столбъ выворотитъ. Сынъ Упмалей разсказываетъ мнѣ, что отецъ его и другіе богатые родственники Андреева отца рѣшили всѣ поѣхать на похороны, чтобы потомъ не было упрековъ, что они зазнались и не хотятъ знаться съ крестьянами. И пріѣхали они не съ пустыми руками, а взяли съ собой пищи и питья. Его отецъ и другіе трое дядей привезли двѣ бочки пива, свареннаго самими Упмалями. Остальные родственники тоже понавезли съѣстного и напитковъ. Всѣ говорили, что похороны Яши будутъ на славу. Его мать разсказывала, что гости не помѣстились у трехъ столовъ, пришлось поставить четвертый.

Отъ лошадей мы идемъ въ садъ, гдѣ жужжатъ пчелы вокругъ цвѣтовъ и кустовъ, изъ сада — на гумно, гдѣ отпѣваютъ Яшу.

Андреевъ отецъ и жена его горько плачутъ.

Послѣ пѣнія и произнесенной рѣчи гробъ кладутъ на телѣгу и въ сопровожденіи длинной процессіи вывозятъ за обставленныя елками ворота, а затѣмъ медленнымъ шагомъ всѣ направляются на кладбище.

Послѣ похоронъ сына Андреевъ отецъ сталъ такимъ тихимъ и задумчивымъ, что для меня у него не осталось больше ни глазъ, ни ума.

Такъ же и Андреева мать долго еще не переставала плакать и горевать о Яшѣ. По временамъ она дико кричала, ломая въ отчаяніи руки. Старая тетя успокаивала ее, говоря, что Богъ оказалъ милость, позвавъ къ себѣ страдальца, но Андреева мать ее не слушала.

Время обладаетъ чудной цѣлительной силой. Часто, убитые горемъ и душевной скорбью, мы думаемъ, что не настанетъ такой минуты, когда мы снова будемъ смѣяться, когда миръ, какъ дорогой гость, снизойдетъ на наши души, но все же время приноситъ намъ то, чего мы сами не ожидаемъ. Оно лѣчитъ горе медленно, но вѣрно.

Однажды весной, вернувшись съ кладбища, гдѣ онъ обложилъ дерномъ могилу Яши, Андреевъ отецъ вспомнилъ день похоронъ.

— Ну и похороны же были у Яши. Прямо, какъ у помѣщика, какъ говорили родственники. И развѣ всѣ они не повторяли одно и то же: «Ты ужъ самъ ничего не припасай, не разоряйся, мы сами позаботимся о похоронахъ. Съѣстное ли, или питье — не твоя это забота. Будь спокоенъ, мы не придемъ съ пустыми руками». Такъ оно и вышло. А какая была вереница похоронныхъ гостей! Андрей насчиталъ двадцать лошадей! И всего было вдоволь на похоронахъ. Не было недостатка ни въ ѣдѣ, ни въ питьѣ. Только на второй день къ вечеру гости стали расходиться. Гдѣ ужъ батраку до такихъ похоронъ? Слава Тебѣ, Господи, у меня еще родня... Яша пусть покоится въ мирѣ, обложилъ я его могилку дерномъ, вскорѣ вся зазеленѣетъ. Сестра Сильгайльскихъ родственниковъ обѣщалась даже посадить на могилу цвѣты, ухаживать, поливать, кладбище-то вѣдь у нея рядомъ.

Послѣ смерти Яши его отецъ и мать еще больше полюбили Андрея, но не забывали и меня. Они очень любили теперь слушать, когда разсказывали что-нибудь изъ жизни умершаго сына. Иногда я повторялъ имъ уже давно извѣстные разсказы о Яшѣ и, благодаря этому, Андреевы, отецъ и мать, стали чувствовать ко мнѣ такую же привязанность, какъ къ своему сыну.

Однако вскорѣ поднявшаяся жизненная волна унесла меня далеко отъ нихъ. Только черезъ долгій промежутокъ времени другая волна свела насъ снова, но на этотъ разъ при совершенно иныхъ обстоятельствахъ.

Нищета!

Сколько страданій, боли, униженія и позора, сколько мукъ и слезъ звучитъ въ этомъ единомъ словѣ «нищета»! . . .

Вѣчно ли это тяжелое ярмо будетъ довлѣть надъ человѣчествомъ? Гдѣ же прекрасныя слова, что все человѣчество — семья братьевъ и сестеръ, дѣтей одного отца?

Но богадѣльня!

Не доказательство ли она любви къ ближнимъ? Не свидѣтельствуетъ ли это, въ самомъ дѣлѣ, о христіанской любви, которая накормитъ голоднаго, напоитъ жаждущаго, одѣнетъ голаго?... Гдѣ же этимъ покинутымъ, неимущимъ, слабымъ найти пріютъ, если не въ богадѣльнѣ?

Почему я отъ Андреева отца и Андреевой матери перевелъ рѣчь на богадѣльню? Это я сейчасъ объясню.

Послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія я почти нечаянно попалъ на родину, ибо такъ я долженъ называть то мѣсто, гдѣ протекло мое дѣтство. Была весна, какъ разъ Юрьевъ день. Всѣ дороги, какъ большія, такъ и проселочныя размякли, покрылись грязью и ямами. Ѣзда по такимъ дорогамъ тяжела и непріятна. Не желая трястись на телѣгѣ и утруждать лошадь своимъ вѣсомъ, я передалъ вожжи своему провожатому, а самъ отправился пѣшкомъ на большую дорогу. Тропинка вела мимо луга, рощи и волостной богадѣльни къ корчмѣ Саусайсъ, гдѣ мы съ провожатымъ уговорились встрѣтиться. Тропинка была безлюдна, несмотря на Юрьевъ день. Я вышелъ въ рощу, за которой находилась богадѣльня. И эта-то вотъ богадѣльня пробуждала во мнѣ всевозможныя думы о себѣ самомъ и о нищетѣ.

Вдругъ мои мысли рѣзко оборвались, словно пряжа, когда прялка въ полномъ ходу. Черная туча заволокла солнце, градъ сталъ падать на землю. Градины, величиною съ бѣлый горохъ, съ шумомъ падали на прошлогодніе, сухіе листья, — къ граду примѣшивались капли дождя. Мои мысли разсѣялись. Теперь только поднять воротникъ и спрятать лицо — пускай бушуетъ непогода, сколько ей угодно! Такъ я прошелъ нѣкоторое разстояніе по рощѣ, непогода мало-по-малу улеглась и мои щеки уже не опасались острыхъ ударовъ градинъ. Вскорѣ снова прояснилось.

Снова раздалось пѣніе птицъ. Вся роща зазвенѣла отъ множества голосовъ.

Я дошелъ приблизительно до середины рощи, когда недалеко впереди себя услышалъ человѣческіе голоса. Я остановился, прислушиваясь.

— Петръ, градъ давнымъ-давно прошелъ, пойдемъ снова!

Другой голосъ отвѣтилъ:

— Успѣемъ, успѣемъ, Ильзе! Отдохнемъ еще малость!

Подойдя ближе, я увидѣлъ двухъ старичковъ — мужчину и женщину, сидящихъ на краю тропинки, подъ густой елью, гдѣ они укрывались отъ непогоды. Ихъ голоса мнѣ показались такъ хорошо знакомы. Не Андреевъ ли отецъ съ Андреевой матерью? Но откуда они тутъ, на дорогѣ къ богадѣльнѣ?

Я подошелъ къ ели. Сидѣвшіе, замѣтивъ меня, встали и съ испугомъ смотрѣли на меня.

— Здравствуйте! — сказалъ я.

— Здравствуйте, здравствуйте! — отвѣтили оба старчески-немощными голосами и съ удивленіемъ вперились въ меня глазами.

— Куда путь держите? — спросилъ я.

Старички продолжали смотрѣть на меня съ удивленіемъ.

— Кажется, вы меня не узнаете?

Я назвалъ себя.

— Такъ это ты, сыночекъ! О-о! Скажите, пожалуйста!... Какой большой сталъ! — почти разомъ воскликнули Андреевъ отецъ съ матерью.

— Я, я самый!

— Съ тѣхъ поръ много воды утекло... Да, тогда вѣдь ты былъ еще мальчикъ... Теперь тебя не узнать!.. — сказалъ Андреевъ отецъ.

— И посмотри, какой сталъ большой! — сказала Андреева мать, въ свою очередь.

Словно солнце осѣнило ихъ морщинистыя, старческія щеки. Они оба прижались ко мнѣ, какъ къ родному сыну. И сіяніе радости свѣтится на ихъ лицахъ, какъ заря заката на верхушкахъ елей. Но красное пламя скоро гаснетъ, и верхушки кутаются въ мракъ и ночь.

Я спросилъ ихъ:

— Но куда же вы путь держите?

Казалось, будто оба вопрошаемые хотѣли собраться съ силами, прежде чѣмъ произнести тяжелое слово, которое давило ихъ грудь. Морщины, глубокія и рѣзкія, какъ строгія письмена судьбы, — и дрожащія старческія головы, и палки въ рукахъ...

Мнѣ все стало ясно.

— Куда же еще, сынъ мой, какъ не въ богадѣльню! — отвѣтилъ мнѣ Андреевъ отецъ, называя меня на этотъ разъ

«сыномъ», рѣшивъ навѣрно, что слово «сыночекъ» къ взрослому уже не подходитъ.

— А развѣ ты не можешь больше работать?

— Тѣ времена миновали, сынъ мой, вечеръ жизни приближается...

— Итакъ, вы оба теперь въ богадѣльню?...

— Хорошо, что хоть тамъ подъ кровлей будемъ... Да ужъ недолго. Авось Господь къ себѣ позоветъ скоро...

— А что же родственники ваши?...

— Чего ужъ тамъ родственники! — прервала меня Андреева мать. — Кому охота взять себѣ на шею бѣдняковъ?...

— И чего ты, мать, на родню пеняешь! Благодари еще Бога, что выхлопотали тебѣ мѣсто въ богадѣльнѣ. Не будь ихъ, Богъ знаетъ, что сталось бы съ нами...

— И вѣчно ты со своими родственниками! — отвѣтила Андреева мать. — Много ли пользы тебѣ отъ нихъ? Андрей вотъ уже третій годъ работаетъ у чужихъ за одинъ хлѣбъ насущный... Проси ихъ, сколько угодно, родственниковъ-то, — они и ухомъ не поведутъ! У чужого сердце мягче, чѣмъ у нашей родни!

— Напрасно ты, Ильзе! Родня у насъ вовсе не плохая! Развѣ плохи были у Яши похороны?... Пообѣщали и намъ обоимъ такія же устроить... Насчетъ родственниковъ ты не безпокойся, отвезутъ насъ на кладбище съ честью, хотя бы смерть постигла насъ и въ нуждѣ. Наемной лошади гробъ везти не запрягутъ... отвезутъ сами, какъ и подобаетъ. Ты ужъ тутъ лучше молчи!

— Начать съ тобой о роднѣ — значитъ переливать изъ пустого въ порожнее. Для тебя они — Богъ вѣсть кто!... Пойдемъка лучше... Насъ ждутъ.

— Идемъ, идемъ! Эхъ, ноги-то стары стали, не слушаются... По всему замѣтно, что вечеръ близокъ, — отвѣтилъ Андреевъ отецъ.

И, дѣйствительно, для обоихъ старичковъ вечеръ былъ уже близокъ. Я оглядѣлъ Андреева отца. Какъ онъ состарился и сгорбился за эти двадцать лѣтъ! Теперь ему за восемьдесятъ. Голова — словно яблоня въ весеннемъ цвѣту, съ той лишь разницей, что яблоня цвѣтетъ весной, а эта голова наканунѣ зимы. Отъ старческой немощи она сильно трясется. Глаза впали глубоко, они все еще не потеряли своего прежняго привѣтливаго выраженія, въ нихъ еще какъ будто отражаются нѣжные весенніе

лучи, хотя все лицо носитъ отпечатокъ суровой осени: чѣмъ больше смотришь въ эти глаза, тѣмъ дороже становятся они.

А Андреева мать? Состарилась и она. И ей уже за шестьдесятъ, она стала слабой, исхудалой, черты лица стали острѣй, взоръ строже. Хотя старость надломила ея силы, хотя люди и судьба гнетутъ ея сердце, все же духъ у нея еще силенъ: скорѣе приметъ смерть изъ рукъ враговъ, чѣмъ милостыню.

Трясется палка въ рукахъ Андреевой матери, тяжело влачатся ея ноги, но все же она идетъ бодро.

Я иду рядомъ съ ними по узкой лѣсной тропинкѣ и молча думаю. Молчатъ и мои спутники.

Мнѣ вспоминается то время, когда Андреевъ отецъ переѣзжалъ къ намъ на житье, и вмѣстѣ съ этимъ встаютъ въ памяти всѣ воспоминанія дѣтства, которыя у меня тѣсно связаны съ Андреевымъ отцомъ. Какъ въ чудодѣйственномъ зеркалѣ, я снова вижу лѣсъ съ верхушками елей, пылающихъ въ закатѣ, съ затоновъ несется дивный ароматъ, онъ опьяняетъ мой разсудокъ и рождаетъ дивныя картины, словно изъ другого міра. И снова въ душѣ моей воскресаетъ дивная сказка: цвѣты съ гигантскими стеблями, съ сказочно широкими листьями и цвѣтами, словно церковные колокола, поднимаются съ луга, надъ которымъ по вечерамъ порхаютъ голубыя бабочки. Этотъ сонъ уноситъ меня изъ міра, гдѣ властвуютъ ненависть, горе и нищета, я въ другомъ царствѣ, гдѣ царятъ миръ, ароматы, красота и совершенство...

Но все это лишь сонъ! Вотъ предо мною трясущіяся головы и руки, согнутыя спины, немощныя, одинокія, разбитыя судьбою сердца. Да и для меня эти годы прошли не безъ слѣдовъ, не безъ ранъ въ сердцѣ!

Мы идемъ молча.

Изъ рощи несется влажный воздухъ, насыщенный испареніями, — повсюду видны еще ледяныя узы зимы, но въ ручейкахъ уже журчитъ и бьется рѣзвая весенняя жизнь. Солнце, этотъ источникъ всего живого, заволоклось холодными, сѣрыми тучами.

Мы дошли до конца рощи. Уже просвѣчивала поляна. Богадѣльня была недалеко. Я думалъ, что старички, замѣтивъ близкій конецъ своего пути, пойдутъ быстрѣе, но вмѣсто этого они замедлили шагъ, и вскорѣ Андреевъ отецъ, — быть можетъ, отъ усталости, а быть можетъ, отъ гнетущей тяжести на сердцѣ, — присѣлъ на бугорокъ, и рядомъ съ нимъ сѣла его старуха.

— Гдѣ же въ этомъ году Андрей? — возобновилъ я разговоръ.

— Въ этомъ году въ Межмалѣтахъ, въ прошломъ году былъ

въ Дзирняхъ, вотъ уже третій годъ, какъ все по чужимъ! — отвѣтилъ Андреевъ отецъ.

— Что подѣлаешь? Родственники отказались его брать! — сказала Андреева мать, — въ Межмалѣтахъ въ этомъ году почти что за одинъ хлѣбъ работаетъ... И то хорошо!

— Стало быть, Андрей не можетъ оказать вамъ никакой поддержки?

— Какая ужъ тутъ поддержка!... — отвѣтила Андреева мать, — протянетъ еще недолго и пойдетъ за нами въ богадѣльню.

— Ну, что же, родственники выхлопочутъ и ему мѣсто, — сказалъ Андреевъ отецъ.

— Опять ты со своими родственниками!

— А какъ же? Не будь у меня родственниковъ, волостной старшина не пустилъ бы меня въ богадѣльню и не сталъ бы ничего отпускать изъ волостного магазина, но родственники, видишь, все выхлопотали, — съ голоду умереть не придется, обѣщали даже огородикъ отвести...

— Поживемъ, увидимъ, — сказала Андреева мать, вставая. Черезъ минутку, словно нехотя, всталъ Андреевъ отецъ, и мы снова пошли. Вскорѣ мы вышли къ богадѣльнѣ.

Солнце, все время скрывавшееся за тучами, разостлало теперь свои лучи, сверкающей пеленой, надъ полями, рощей и богадѣльней, какъ бы желая освѣтить мрачный путь, по которому должны были идти оба старичка.

Первый, вышедшій изъ богадѣльни навстрѣчу имъ, былъ надзиратель, отставной солдатъ-пенсіонеръ, Матвѣй, по фамиліи Грумба, давнишній знакомый Андреева отца. Въ молодости они оба вмѣстѣ бѣжали отъ военной службы и были пойманы, съ тѣхъ поръ ихъ дороги не расходились слишкомъ далеко. Матвѣй отбывалъ службу при двухъ императорахъ, Андреевъ-отецъ остался на родинѣ, пока судьба снова не свела обоихъ друзей, на этотъ разъ при совсѣмъ иныхъ обстоятельствахъ.

Матвѣй поздоровался съ ними съ глубокой серьезностью. Затѣмъ, узнавъ кто я, поздоровался со мной. Обитатели богадѣльни, большинство женщины, всѣ были знакомы вновь прибывшимъ. Они гурьбой вышли имъ навстрѣчу и хоромъ отвѣтили на привѣтствіе Андреева отца. Среди нищихъ обращалъ на себя вниманіе не старый еще мужчина, хромой и съ однимъ глазомъ. Адреевъ отецъ заговорилъ съ нимъ, разспрашивая, давно ли вытекъ у него глазъ, давно ли онъ въ богадѣльнѣ и шьетъ ли онъ еще? Я по-

нялъ, что это былъ портной Васкисъ, который, благодаря несчастному случаю и безработицѣ, попалъ на попеченіе волости.

Матвѣй пообѣщалъ отвести Андрееву отцу самый теплый уголокъ во всемъ домѣ, у печки, на своей «половинѣ», благодаря чему Андреевъ отецъ былъ причисленъ не къ нищимъ, а къ близкимъ Матвѣя.

Опасаясь, что я уже сильно опоздалъ и что мой спутникъ ждетъ меня въ корчмѣ, я сталъ прощаться со стариками.

— Ну, прощай, сынокъ мой, прощай! — сказалъ Андреевъ отецъ. — Да поможетъ тебѣ Богъ, молодому, здоровому!

— И вамъ обоимъ желаю того же! — отвѣтилъ я.

Чего ужъ намъ больше?! Мы — старики, прожили свой вѣкъ, дай, Господи, умереть легко, спокойно! Отсюда намъ некуда пойти. Тутъ же, сынъ мой, надо обождать послѣдняго часа, теперь намъ остается единственный путь—на кладбище. И мы просимъ тебя, когда одинъ изъ насъ умретъ, приходи на похороны, не откажись, не будь высокомѣрнымъ къ намъ, старикамъ... Ты вѣдь былъ для насъ все равно, что сынъ. Родственники извѣстятъ тебя... Дай, Господи, умереть зимой: лѣтомъ вѣдь долго покойниковъ не держатъ... Неизвѣстно, сможешь ли ты такъ скоро прибыть... Ну, а зимой ты бы успѣлъ.

— Это ужъ исполни, приходи на наши похороны! — стала просить въ свою очередь и Андреева-мать.

— Приду! — обѣщалъ я.

— Вотъ видишь! У тебя прежнее сердце, ты насъ не забылъ! — воскликнулъ Андреевъ отецъ.

— И никогда не забуду!... Ну, а пока прощайте! — сказалъ я, сунувъ Андрееву отцу въ руку небольшую лепту.

— Зачѣмъ ты это? — возразилъ онъ, — у насъ вѣдь есть родственники, чай, съ голоду не помремъ. Спасибо тебѣ, да поможетъ тебѣ Богъ.

— Ну, прощай!

— Прощай, сынъ мой, прощай! Кто знаетъ, увидимся ли еще на этомъ свѣтѣ?!... Будь здоровъ!... — проговорили они оба мнѣ вслѣдъ.

Я пошелъ и, оглянувшись, увидѣлъ, какъ оба, близкихъ мнѣ старичка, въ первый разъ переступали порогъ богадѣльни. Что говорило ихъ сердце?...

* * *

Меня утѣшала мысль, что надзиратель Грумба былъ другомъ Андреева отца, и потому Андреевъ отецъ могъ надѣяться на за-

щиту Матвѣя въ случаѣ несправедливости со стороны другихъ обитателей богадѣльни, а также могъ быть увѣренъ, что Матвѣй его пальцемъ не тронетъ.

Что касалось соблюденія порядка и спокойствія, то Матвѣй былъ въ этомъ отношеніи очень взыскателенъ, иногда даже суровъ. Въ этомъ домѣ онъ являлся полноправнымъ господиномъ. Когда нищіе, въ особенности женщины, со своими кляузами и жалобами слишкомъ докучали ему, онъ бралъ въ руки плеть и мгновенно возстановлялъ миръ и тишину. Нельзя сказать, чтобы при всемъ этомъ торжествовала справедливость, но объ ней Матвѣй заботился меньше всего. Если иногда гдѣ-нибудь въ уголкѣ и проливались украдкой слезы обиды, то Матвѣй этого не замѣчалъ. Чрезвычайно строгимъ былъ онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилъ домой навеселѣ. Тогда въ домѣ никто и пикнуть не смѣлъ. Въ концѣ концовъ само волостное правленіе должно было прійти къ убѣжденію, что Грумба поддерживаетъ въ богадѣльнѣ великолѣпный порядокъ, такъ какъ больше не слышно было жалобъ ни на надзирателя, ни на нищихъ.

Такой отзывъ о Грумбѣ мнѣ пришлось услышать въ тотъ же день, когда начался разговоръ о богадѣльнѣ и ея обитателяхъ. Да, впрочемъ, и самому мнѣ удалось вскорѣ познакомиться съ этимъ воиномъ.

Придя въ корчму Саусайсъ, находившуюся съ версту отъ богадѣльни, я не нашелъ тамъ своего провожатаго и потому рѣшилъ, что съ нимъ по дорогѣ случилась какая-нибудь задержка. Мнѣ оставалось одно — дожидаться.

Передняя комната корчмы была переполнена, поэтому я пошелъ въ слѣдующую, взявъ съ собой газету.

Почитавъ нѣкоторое время, я услышалъ за стѣной знакомый голосъ. Сталъ прислушиваться: Грумба! Желая поговорить съ нимъ еще объ Андреевомъ отцѣ, я вернулся въ переднюю половину корчмы. У стѣны на скамеечкѣ сидѣлъ Грумба, а рядомъ съ нимъ Васкисъ. Я подошелъ къ нимъ. Посмотрѣвъ на меня, Матвѣй заговорилъ:

— Вотъ видите! Послалъ я его за водкой, чтобы намъ съ старымъ Авотиномъ кокнуть по рюмочкѣ, по случаю встрѣчи, — ждемъ, ждемъ, а его все нѣтъ.

— Чего ты, Матвѣй?! У меня вѣдь, самъ знаешь, хромая нога, быстро я не побѣгу.

— Ну, братъ, послужилъ бы ты солдатомъ, небось бѣгалъ бы и на одной ногѣ.

— Все можетъ быть.

— Чего тамъ «можетъ быть»? Погляди вотъ на меня: мнѣ уже за семьдесятъ, а я еще на ногахъ и выпиваю свою чарку, глазомъ не моргнувъ. Эй, поди-ка, принеси мнѣ полбутылки!

Васкисъ поплелся къ стойкѣ.

— Отчего вы не взяли съ собой Андреева отца? — спросилъ я.

— Стараго Авотина, что ли?

— Ну да.

— Я его приглашалъ, да онъ уперся и не идетъ: усталъ, говоритъ. Ну, тогда я послалъ Васкиса сюда съ бутылкой, но не могъ дождаться и вотъ пришелъ самъ разузнавать, куда это онъ запропастился. Нужно будетъ снести немножко водки домой: можетъ быть, тамъ тоже выпьютъ, хотя старый Авотинъ такой же охотникъ выпить, какъ любая птица.

— Чѣмъ онъ теперь тамъ займется?

— Авотинъ? Говоритъ, что будетъ сѣти плести, а сейчасъ лѣтомъ собирается ухаживать за огородикомъ... Кое-какъ доживетъ свой вѣкъ. А такъ ли бы могъ онъ жить?! Эхъ, кабы въ тотъ разъ, какъ поймали насъ обоихъ, словно зайцевъ, отправился бы онъ со мной на службу, такъ дослужился бы до чего-нибудь получше, чѣмъ «волостной хлѣбъ». Что казна, что волость — большая разница...

— Но вѣдь родственники будутъ помогать ему?

— Гроша я за нихъ мѣднаго не дамъ! Какіе это родственники?! Все — усадьбовладѣльцы, богатѣи, а небось не нашлось ни у кого угла для двухъ старичковъ. Старшина сперва не хотѣлъ пускать Авотина въ богадѣльню: пускай, дескать, берутъ родственники! А тѣ сговорились, подпоили выборныхъ въ совѣтѣ и помѣстили-таки стариковъ въ богадѣльню. Рады, что избавились.

Грумба продолжалъ бы еще, но тутъ подоспѣлъ Васкисъ съ полбутылкой водки.

— На тебѣ водка!... Скорѣе не могъ: пропасть народу у стойки. Бутылку корчмарь велѣлъ вернуть, самому нужна, говоритъ...

— Вылей въ бутылку! — приказалъ Матвѣй, — да сперва достань воронку!

Васкисъ поплелся за воронкой и вскорѣ вернулся. Грумба перелилъ водку въ бутылку, потомъ, наполнивъ изъ бутылки мѣрку до краевъ, выпилъ ее залпомъ. Послѣ этого, скорчивъ гримасу, зажмурилъ глаза, какъ больной, котораго принудили выпить противное лѣкарство. Затѣмъ вторично наполнилъ мѣрку и, подавая ее мимо меня, сказалъ:

— Вы, кажется, не пьете «простой», пусть выпьетъ Васкисъ.

— Спасибо, Матвѣй! — отвѣтилъ Васкисъ, опорожнилъ мѣрку и, оказывая честь крѣпости напитка, тоже зажмурилъ глаза, пожалуй, еще усерднѣй, чѣмъ это дѣлалъ Матвѣй.

Исполнивъ всѣ эти обрядности, Васкисъ вытащилъ изъ кармана, Богъ вѣсть, когда полученный имъ отъ знакомаго кусочекъ сыра, порядочно-таки засохшій, и, отрѣзавъ себѣ меньшую половину, бо̀льшую подалъ Матвѣю.

— О, у тебя хорошая закуска... Но тогда я долженъ кокнуть еще рюмочку.

При этихъ словахъ Матвѣй наполнилъ себѣ снова рюмку и выпилъ ее такъ же живо, какъ и раньше, но скорчилъ уже не такую страшную мину, какъ прежде, — навѣрно, благодаря закускѣ Васкиса. Примѣчательнымъ при опустошеніи этой рюмки было то, что на этотъ разъ Матвѣй крякнулъ и, погладивъ свои сѣдые усы, принялся грызть сыръ Васкиса. Закусивъ сыромъ, онъ хотѣлъ дать вторую рюмку и Васкису, но тотъ отказался, сказавъ, что довольно съ него.

— Сейчасъ хороша закуска, а иногда и не хороша, — добавилъ Матвѣй, — какъ нападетъ статья, плеть такъ и заработаетъ.

— Развѣ кто-нибудь васъ не слушается?

— Именно ради послушанія я это и дѣлаю; надо же всякому страха задать, чтобы слушался начальства. Ну, достается, конечно, иному зря, вотъ хотя бы и ему. — Грумба разсмѣялся и, повернувшись къ Васкису, сказалъ: — Ну, да ты небось въ свое время не мало орудовалъ плеткой по спинамъ учениковъ, теперь надо и самому попробовать! Небось Авотинину Яшѣ отъ тебя порядкомъ доставалось? И не грѣхъ тебѣ было бить калѣку? Въ тотъ разъ это тебѣ за то было, что ты билъ сына моего друга, — сказалъ Грумба, какъ будто успокаивая свою совѣсть.

Я посмотрѣлъ на Васкиса, онъ хотѣлъ что-то отвѣтить Матвѣю, въ родѣ: «и меня били, когда учили», но слова у него застряли въ горлѣ вмѣстѣ съ кускомъ сыра. Слѣпой глазъ его наполнился слезами.

Меня тронуло это молчаніе. Кажется, что и Матвѣй усовѣстился. Онъ выпилъ третью чарку, на этотъ разъ даже глазомъ не моргнувъ, и затѣмъ заговорилъ смиреннымъ голосомъ:

— Ты ужъ теперь не бойся: разъ это случилось, впредь тебя не трону. Я къ старости становлюсь смиреннѣй, такъ часто ужъ не сержусь, какъ бывало раньше. Тогда дѣйствительно было не до шутокъ...

— Въ самомъ дѣлѣ? — спросилъ я.

— Да, ей-ей, не до шутокъ было! Когда я въ тѣ времена производилъ «смотръ», такъ это былъ дѣйствительно «смотръ»! Самъ со всѣми расправлялся. Коли придется, всѣхъ до единаго, бывало, вздуешь! Зато и боялись! Пикнуть не смѣли! Ну и сердитъ же былъ я въ ту пору! Но, конечно, когда слѣдуетъ, и сейчасъ еще спуску не дамъ! Довольно я самъ въ жизни понатерпѣлся, довольно меня учили, и я тоже училъ... Служба не дружба...

— Вы долго прослужили въ солдатахъ?

— Достаточно! Я знаю, какъ слушаться надо: рта, бывало, открыть не смѣешь! И чтобъ я тутъ бабамъ какимъ-то волю давалъ?! Смѣшно даже!... Довольно-таки поработала моя плетка, но зато и спокойствіе теперь въ домѣ!... Стоитъ только крикнуть «смирно!» — и всѣ, какъ мыши, спрячутся по угламъ!

Матвѣй проглотилъ еще чарку, на этотъ разъ—быстро, словно ягоду. Мнѣ стало страшно отъ «смотровъ» Грумбы, «командованія» и другихъ его средствъ поддержанія дисциплины. Я опасался за Андреева отца.

— Ну, а Андреева отца, Матвѣй, ты не тронешь?

— Упаси, Господи! Собакой буду тогда, не человѣкомъ... Обидѣть друга, съ которымъ вмѣстѣ бѣжали... Нѣтъ, этого нечего опасаться!... Буду беречь его, какъ зѣницу ока... Спаси Богъ того, кто его тронетъ! Нужно сказать, что этотъ человѣкъ съ честью, изъ немощности только попалъ въ богадѣльню, не какъ иные, что сидятъ тамъ по лѣности да распущенности; ихъ и тронуть не грѣхъ... Я вотъ, даже и чарку ему несу... брату своему...

— Ну, смотри, Матвѣй!

— Вотъ только, плохо, что бутылка ужъ пуста, сами всю выпили.

— Хватитъ еще и Андрееву отцу, онъ вѣдь мало пьетъ, — сказалъ я.

— Да ужъ чего тутъ осталось? Капелька! Васкисъ, поди, принеси-ка еще шкаликъ, дольемъ въ бутылку, чтобы снести домой, да не забудь взять воронку!

Васкисъ поплелся къ стойкѣ.

Въ это время подъѣхалъ мой долго ожидаемый провожатый и, войдя, началъ торопить меня ѣхать.

Я попрощался съ Матвѣемъ и Васкисомъ, еще разъ напомнивъ первому:

— Но, смотрите, Матвѣй, заботьтесь хорошенько объ Андреевомъ отцѣ и матери!

— Не безпокойтесь, разъ я даю слово... Въ гробу будетъ помнить меня!...

Уѣзжая, я еще разъ кинулъ взоръ на начальника богадѣльни и его подчиненнаго, Васкиса. Первый шелъ строгой, солдатской походкой, а позади него плелся хромой Васкисъ, при каждомъ шагѣ наклоняя голову вправо и ощупывая дорогу палкой.

Вскорѣ они оба исчезли изъ моихъ глазъ, такъ какъ на изворотѣ дороги мы въѣхали въ лѣсъ.

* * *

Упомянутый случай былъ послѣдней моей встрѣчей съ Андреевымъ отцомъ. Живого я его больше не видѣлъ.

Прошло года три съ половиной, когда, приблизительно въ серединѣ января, я получилъ письмо съ штемпелемъ уѣзднаго города. Писалъ молодой Упмаль, тотъ самый, который на похоронахъ Яши водилъ меня смотрѣть лошадей. Письмо принесло вѣсть, которую можно было ожидать уже давно, — именно о смерти Андреева отца и приглашеніе на похороны въ слѣдующее воскресенье. Отпѣвать будутъ тамъ же, въ богадѣльнѣ. Въ концѣ письма молодой Упмаль, какъ родственникъ, просилъ меня обязательно присутствовать, такъ какъ покойный нѣсколько разъ передъ смертью наказывалъ пригласить меня на похороны.

Чѣмъ же я не родственникъ Андрееву отцу, если онъ вспомнилъ меня даже въ послѣднюю минуту?

Хотя я торопился съ поѣздкой, все же въ воскресенье попалъ къ богадѣльнѣ не ранѣе полудня. Очутившись на горкѣ, я увидѣлъ, что похоронная процессія сворачивала отъ богадѣльни на большую дорогу къ кладбищу.

Отпѣваніе уже кончилось.

Но на кладбище я могъ поспѣть еще во-время. Свой длинный путь я все же совершилъ недаромъ.

Да, я видѣлъ, какъ пришелъ Андреевъ отецъ въ богадѣльню; теперь я видѣлъ, какъ его увозятъ оттуда. Но какая разница! Тогда Андреевъ отецъ несмѣло, словно стыдясь, вошелъ вдвоемъ съ женою подъ кровлю богадѣльни, а теперь за нимъ тянется длинная вереница провожающихъ! Не счесть и лошадей! Тутъ вся родня его во всемъ ея блескѣ! Никто изъ нихъ не отказался придти, явились всѣ! Вотъ такъ родня! Рѣдко у кого изъ помѣщиковъ бываютъ такія похороны, какъ у стараго Авотина! Вотъ какъ настоящіе родственники должны относиться къ своимъ близкимъ, хотя бъ они были нищіе...

Много странностей на свѣтѣ! Мертвому иногда оказываютъ

царскія почести, между тѣмъ, какъ при жизни ему отказывали въ коркѣ хлѣба! Я поровнялся съ богадѣльней. Немощные обитатели ея вышли на порогъ и смотрѣли вслѣдъ удаляющемуся гробу, поглядывая другъ на друга и словно задавая вопросъ: чья теперь очередь? Моя ... или твоя? ...

Около богадѣльни я замѣтилъ какую-то женщину, которая спѣшила къ большой дорогѣ, по которой я ѣхалъ. Мнѣ показалось, что женщина машетъ мнѣ рукой. Я остановился. Подошедши, она просила меня взять и ее съ собой на кладбище, если я ѣду туда. Я исполнилъ ея просьбу.

— Вы уже опоздали, — сказала она, — не видѣли проводовъ.

— На кладбище-то мы еще успѣемъ! — возразилъ я.

— Ну и проводы же, ну и похороны! Никогда въ богадѣльнѣ такихъ не видали! Батюшки, чего-чего только ни понавезли родственники-то, — и съѣстного и напитковъ! Всѣхъ насъ угостили! ...

Старушка оказалась разговорчивой, поэтому мнѣ захотѣлось разспросить ее объ Андреевомъ отцѣ.

— Ну, какъ ладилъ Матвѣй съ Андреевымъ отцомъ? Не серчалъ ли на него?

— Батюшки-свѣты! Вотъ такъ житье было при Андреевомъ отцѣ. Матвѣй сталъ совсѣмъ другой, пересталъ драться. А какъ они ладили? Очень хорошо они ладили, дай Богъ намъ всѣмъ такъ прожить! А у Матвѣя онъ насъ всегда защищалъ. Если кто иногда провинится — сейчасъ къ Андрееву отцу, чтобы заступиться. — Матвѣй слушался его и прощалъ ... Пухомъ ему земля за то! Кто знаетъ, какимъ Матвѣй будетъ дальше? Какъ бы снова не сдѣлался прежнимъ ... Всякъ будетъ вспоминать о немъ ... объ Андреевомъ-то отцѣ ... Но Господу, видно, не угодно было, чтобы онъ дольше жилъ.

— Въ послѣднее время, говорятъ, Андреевъ отецъ совсѣмъ обезсилѣлъ.

— Окончательно! Не могъ ужъ дождаться, когда придетъ конецъ, и вотъ Господь сжалился надъ нимъ, взялъ его къ себѣ! Онъ все, бывало, говорилъ: «разъ уже Васкисъ умеръ, — а онъ же былъ сильнѣе, — такъ и мнѣ пора!»

— А Васкисъ тоже померъ?

— Передъ Рождествомъ. Это вторыя похороны этой зимой въ нашемъ домѣ.

Поѣхавъ рысью, мы скоро догнали длинную вереницу процессіи, и я имѣлъ возможность лучше осмотрѣть ее. Теперь она была гораздо длиннѣе, чѣмъ на похоронахъ Яши. Каждый изъ

участниковъ, казалось, выбралъ для сегодняшняго дня самую лучшую лошадь и лучшую упряжь, чтобы оказать честь Андрееву отцу.

Около корчмы Саусайсъ толпились любопытные.

— Вишь, лошадей-то сколько! Что за вереница! — слышалъ я удивленные возгласы.

Дорога свернула въ лѣсъ. Я возобновилъ разговоръ со своей спутницей.

— Отъ какой болѣзни, собственно, умеръ Андреевъ отецъ?

— Да такъ, безъ всякой болѣзни! Пришла старость — и умеръ. Поналегло, немножко и задушило, какъ цыпленка. Много ли нужно такому? Слышь, уже звонятъ! . . .

Старушка оборвала рѣчь, услышавъ первые звуки колокола. Утромъ, пока я ѣхалъ, погода была ясная и холодная, къ полдню она стала пасмурной и начало таять. Звонъ колокола, обыкновенно слышный на далекое разстояніе, звучалъ теперь глухо. Но чѣмъ больше мы подъѣзжали, тѣмъ онъ становился громче. Когда же мы поровнялись съ кладбищемъ, звонъ раздавался такъ громко, съ такой удивительной ясностью, что всѣ звуки, казалось, слились въ одну величественную пѣсню о человѣческомъ счастьѣ и человѣческой печали, о всей судьбѣ и жизни человѣка . . . У воротъ кладбища процессія остановилась.

Я сталъ отыскивать глазами Андрееву мать съ Андреемъ и увидѣлъ ихъ у гроба.

Старушка казалась равнодушной ко всему, что происходитъ кругомъ ея; она не произносила ни слова и, казалось, не слушала, что говорятъ другіе. Глаза ея были неподвижно устремлены на гробъ. Рядомъ съ ней стоялъ Андрей, котораго я сегодня увидѣлъ въ первый разъ послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Онъ сильно состарился, въ волосахъ виднѣлась просѣдь. Несмотря на все это, онъ казался гораздо полнѣй, чѣмъ раньше. Но, быть можетъ, отъ того, что родственники уже «угостили» его, либо отъ тѣлеснаго безсилія, онъ былъ не твердъ на ногахъ и шелъ, покачиваясь. Если кто-нибудь заговаривалъ съ нимъ, то получалъ въ отвѣтъ лишь неясное мычаніе.

Андреева отца вмѣстѣ съ другимъ покойникомъ внесли въ часовню. Съ гроба сняли крышу. И я въ послѣдній разъ глядѣлъ на лицо умершаго. Онъ лежалъ такъ спокойно, какъ будто вовсе не умеръ, а только заснулъ. Волосы, бѣлые, какъ цвѣтъ яблони, жидкими прядями покрывали голову. Морщины на лицѣ не казались такими глубокими, какъ въ тотъ разъ у богадѣльни, но выровнились, сгладились. А ротъ, казалось, хотѣлъ сказать мнѣ:

«Видишь, какіе у меня родственники?! Всѣ явились, не забыли старика! И развѣ это похоже на похороны бѣдняка?... Слава Тебѣ, Господи, у меня вѣдь есть еще родня!... Меня хоронятъ какъ настоящаго барина!... О, родня у меня на славу!...»

Съ колокольни несется пѣсня... Въ этой пѣснѣ не слышно ни жалобъ, ни упрековъ, лишь радость освобожденья, блаженство, эти звуки поднимаются все выше въ безконечность, удаляясь отъ земли и всего мірского.

Родственники Андреева отца берутъ его гробъ и на своихъ плечахъ несутъ къ могилѣ. Все сдѣлано какъ надо. И вотъ могила уже сравнялась съ землей. Въ это время начинаетъ падать легкій снѣжокъ, словно желая покрыть Андреева отца своимъ нѣжнымъ покровомъ.

Уже готова могильная насыпь, воткнутъ крестъ, — символъ судьбы, остается только сказать: «Покойся въ мирѣ!»

Лишь Андрееву мать невозможно оторвать отъ могилы. Глаза у нея сухіе, но въ голосѣ — стоны, отчаяніе. Она держитъ сына за руку, не желая отпускать его отъ могилы отца. Андрей тоже плачетъ, но беззвучно, видно, только, что все его тѣло вздрагиваетъ. Старушки-родственницы, желая поднять и увести вдову, успокаиваютъ ее:

— Чего ты убиваешься, Ильзе! всѣ помремъ, всѣ придемъ сюда рано или поздно!

Но Андреева мать ничего не слышитъ. Къ ней подходитъ старая Упмалиха и говоритъ:

— Перестань, сестрица, этимъ ты его не воскресишь! Еще не долго, и тебя положатъ рядомъ съ Петромъ!

Андреева мать встаетъ и плетется вмѣстѣ съ родственницами. По дорогѣ она все время жалуется:

— Какъ же я теперь одна-то жить стану? Какъ же Андрей?

Старый Упмаль, какъ глава рода, пригласилъ нѣсколькихъ знакомыхъ и дальнихъ родственниковъ въ ближайшую церковную корчму на поминки.

Я тоже получилъ приглашеніе.

Гости, пріѣхавъ въ корчму, стали обращаться къ корчмарю за пивомъ, водкой и табакомъ. Сидя за выпивкой, они говорили:

— Пухомъ ему земля! Проводили родственники съ честью, какъ подобаетъ!

На это другіе отвѣчали:

— Что и говорить... все честь честью!.. Дай Богъ, чтобы насъ всѣхъ такъ хоронили!

Молодой Упмаль подошелъ ко мнѣ чокнуться и выпить рю-

мочку за Андреева отца. Недалеко, позади его стояли Андреева мать съ Андреемъ. Я подошелъ къ ней и заговорилъ. Она долго смотрѣла на меня, не узнавая, пока, наконецъ, молодой Упмаль не назвалъ меня.

— Такъ ты, сыночекъ, пришелъ-таки! — начала она, обрадованная моимъ приходомъ. — А я ужъ и не ждала...

— Какъ же, вѣдь я обѣщалъ!

— Ну, спасибо, сыночекъ, спасибо! Петръ-то не разъ вспоминалъ, пригласить тебя на похороны.

— А гдѣ же Андрей въ этомъ году?

— Что ужъ, сыночекъ, про Андрея-то!.. Андрей тоже вотъ съ Юрьева дня со мной въ богадѣльнѣ!... Что же дѣлать? Небось и мы долго не протянемъ. Я ужъ совсѣмъ состарилась. Что-то будетъ съ Андреемъ?... Кто присмотритъ за нимъ? Совсѣмъ пропадетъ безъ присмотра-то!

Пока мы разговаривали, подошелъ Васараудзе съ рюмкой и бутылкой въ рукахъ. Наливъ изъ бутылки, онъ поднесъ Андрею.

— Выпей-ка на похоронахъ отца-то! Гдѣ тебѣ иначе достать?... Пей самъ, да и мать угости!

— Будетъ, Васараудзе, будетъ!.. Вы его совсѣмъ споите подъ конецъ!

— Не велика бѣда!

— Да и чести мало — напиться на похоронахъ отца.

— Не слушайся ее, Андрей, выпей!...

— Не пей, сынъ, будетъ! — сказала Андреева мать, отодвигая руку Васараудзе съ наполненной рюмкой.

— Тогда пей сама! — настаивалъ Васараудзе.

— Спасибо, не могу, — отвѣтила Андреева мать.

— Ну, будетъ время, когда ты съ удовольствіемъ выпила бы, да никто не угоститъ, — проговорилъ гордо Васараудзе и отошелъ отъ старухи.

— Что дѣлать! — сказала Андреева мать, огорченная тѣмъ, что Васараудзе обидѣлся. — Не слѣди я сегодня за Андреемъ, они споили бы его въ конецъ.

Въ толпѣ гостей я замѣтилъ, наконецъ, Матвѣя, котораго давно искалъ. Мы сразу узнали другъ друга.

— Отчего васъ не было на кладбищѣ? — спросилъ я его. — Гдѣ вы были?

— Звонилъ на колокольнѣ... въ память друга... Будь я вмѣстѣ съ другими на кладбищѣ, стали бы говорить: «Матвѣй тоже былъ на кладбищѣ», а теперь скажутъ: «Матвѣй звонилъ». А это

память на всю жизнь... Родственники хоронили, а звонилъ-то все-таки я... Такъ звонилъ, что и звонарю впору.

— А гдѣ же звонарь?

— И спрашивать объ этомъ не надо. Спроси лучше, не шумитъ ли у него въ головѣ, какъ на колокольнѣ? Пока я звонилъ, онъ нализался тутъ, вмѣстѣ съ гостями. Здорово налопался...

Матвѣй тоже былъ навеселѣ, но не сильно.

— Вы только сегодня звонили или раньше тоже? — спросилъ я.

— Звонилъ и раньше... Здорово навострился!

— Какъ же вы ухитряетесь подняться по лѣстницѣ, при вашихъ слабыхъ ногахъ?

— Не легко, конечно, но надо же и о смерти подумать! Довольно я нагрѣшилъ въ своей жизни, пора и Божьими дѣлами заняться. Ну, вотъ и звоню! Какъ-никакъ, а дѣло святое, близкое къ церкви... Можетъ быть, въ день Страшнаго Суда легче будетъ... Теперь по воскресеньямъ въ богадѣльнѣ службы устраиваю, молюсь такъ, что самъ чортъ заплачетъ... Да, видно, пора и мнѣ къ смерти готовиться...

— Но съ Андреевымъ отцомъ вы хорошо обходились?

— Небось на меня онъ Богу не пожалуется! Если бъ я и съ другими такъ же ладилъ, то пусть хоть завтра Страшный Судъ, — не боюсь!... Ну, а теперь надо еще выпить по рюмочкѣ за Андреева отца, да будетъ ему пухомъ земля!

Сказавъ это, Матвѣй повернулся къ Васараудзу, у котораго бутылка не совсѣмъ еще опустѣла, потомъ къ Упмалихѣ, которая раздавала гостямъ булки и мясо.

Родственники, порядкомъ угостивъ другъ друга и наговорившись вдоволь о чести, оказанной ими Андрееву отцу, начали собираться въ богадѣльню, гдѣ пиршество должно было продолжаться еще два дня. Я сталъ прощаться съ гостями, такъ какъ уже порядочно задержался. Попрощался я также съ Матвѣемъ, который обѣщалъ, по мѣрѣ возможности, помогать Андреевой матери, и, наконецъ, съ самой Андреевой матерью.

— Ну, прощай, сынъ, прощай! Намъ ужъ больше теперь не встрѣтиться. О моихъ похоронахъ не безпокойся!... У меня характеръ не такой, какъ у Петра... Мнѣ лишь бы только забраться подъ землю! А вотъ Андрей?! Какъ-то одинъ жить будетъ?!...

Голосъ у старушки оборвался... Тутъ ее окружили родственницы и увели изъ корчмы.

Я тоже сѣлъ въ сани и тронулся въ путь.

Уже темнѣло.

Погода, которая начала было смягчаться, снова сдѣлалась холодной. Небо прояснилось. Половинный дискъ молодого мѣсяца проливалъ свой свѣтъ сквозь тучи, словно сквозь туманную сѣть. Межъ тучами проглянули рѣдкія звѣзды.

Поровнявшись съ кладбищемъ, я еще разъ кинулъ взоръ въ сторону могилы Андреева отца. Тамъ лежитъ онъ, рядомъ съ Яшей. Но недолго быть имъ вдвоемъ, скоро вся ихъ семья, не имѣвшая при жизни уголка, гдѣ бы жить вмѣстѣ, будетъ подъ одной кровлей.

* * *

Я ѣду одинъ въ вечерней тиши, и въ моей памяти всплываютъ воспоминанія дѣтства. Какъ въ ясной водѣ отражается лазоревое небо, такъ въ моей памяти остался тотъ день, когда Андреевъ отецъ переѣхалъ къ намъ на житье. Думая о немъ, я чувствую такую теплоту, такую нѣжность въ сердцѣ, что мнѣ трудно представить, что онъ дѣйствительно умеръ. Мнѣ кажется, будто сейчасъ не зимній, а тотъ лѣтній вечеръ, когда Андреевъ отецъ взялъ меня съ собою въ лѣсъ. Я снова грежу о лѣсѣ, о рѣкѣ и затонахъ. Я снова лежу рядомъ съ Андреевымъ отцомъ возлѣ костра, искры летятъ въ воздухъ, поднимаясь все выше, и, превращаясь въ звѣзды, горятъ на небѣ. Съ затоновъ несется ароматъ цвѣтовъ, вечерняя заря льетъ на верхушки лѣса свои сверкающіе потоки, голубыя бабочки порхаютъ надъ луговыми цвѣтами... И цвѣты снова превращаются въ чудесный лѣсъ, съ гигантскими стеблями и листьями, съ дивными великолѣпными лепестками, похожими на колокола. Все тихо въ этомъ цвѣточномъ лѣсу; дивный запахъ кажется его дыханіемъ и чуть слышно струится въ воздухѣ. Но вотъ на востокѣ появляется заря наступающаго дня. Вѣтерокъ начинаетъ покачивать цвѣточные колокола. Они звонятъ и, звоня, вырастаютъ все больше, достигая гигантскихъ размѣровъ, поднимаясь на цвѣточныхъ стебляхъ въ безпредѣльную высь. Сколько могущества, величія въ этихъ звукахъ! Они не похожи на звуки земли... Они шире ихъ и величественнѣй! Никакая даль не можетъ служить имъ препятствіемъ... Никакія преграды... Они раздаются по всему міровому пространству; они—голосъ вѣчности. Ударъ за ударомъ, всѣ колокола сливаются въ одну общую пѣсню... Эта пѣсня наполняетъ все пространство небесъ. Отъ мощныхъ звуковъ сотрясается земля, и, словно раскаленная мѣдь, расплавляется сердце. А звуки все растутъ и растутъ.

«На судъ! На судъ!» — гремитъ страшный призывъ. И на зовъ этотъ мощный собираются всѣ люди земли: тутъ и толпы неимущихъ и голыхъ, терпѣвшихъ голодъ, жажду и холодъ; тутъ и богатые, что имѣли возможность одѣть, накормить и утѣшить ближнихъ своихъ и не сдѣлали этого; тутъ и Андреевъ отецъ со своею родней...

Что принесетъ имъ День Судный?

Колокола продолжаютъ звонить.

«Любите! Любите! Будьте братьями!». — гремятъ ихъ вѣчные, святые голоса...

*Перевели **Б. Балта** и **Р. Эглэ**.*

РУДОЛЬФЪ БЛАУМАНЪ.

ВЪ ТѢНИ СМЕРТИ.

Юго-западный вѣтеръ продолжалъ дуть со страшной силой, и громадная глыба льда, оторвавшись отъ берега, уплывала все дальше и дальше въ море, унося на себѣ четырнадцать рыбаковъ и пару лошадей. Люди эти, занимаясь устройствомъ прорубей для ловли рыбы сѣтью, не замѣтили, какъ ледъ, отколовшись, сталъ удаляться отъ берега, и только когда спасеніе было уже невозможно, они поняли несчастіе, потому что чья-то лошадь вдругъ побѣжала къ берегу.

Карлуша, юноша лѣтъ шестнадцати, погнался за нею на другой лошади и настигъ ее какъ разъ тамъ, откуда было видно, что глыба удаляется отъ берега. Юноша тотчасъ поспѣшилъ назадъ къ товарищамъ, и тѣ бросились къ краю льдины, но добраться до берега было уже невозможно. Юрій Скаре, котораго дома ждали жена и трое дѣтей, не будучи въ состояніи побороть отчаянія, на глазахъ товарищей прыгнулъ въ воду, но, не доплывъ до берега, пошелъ ко дну.

Съ того момента прошло уже нѣсколько часовъ, а глыба плыла все дальше и дальше . . .

Блѣдность, вызванная первыми минутами испуга, исчезла, но всѣ рыбаки были угнетены, лица ихъ вытянулись, брови болѣзненно наморщились, и въ глазахъ у всѣхъ дрожалъ и бѣгалъ огонекъ, говорившій о скрытомъ отчаяніи.

Они знали, что каждая минута все болѣе отдаляла ихъ не только отъ берега, но и отъ жизни.

Рыбаки разбились на группы, тихо разговаривая. Вокругъ Карлуши стояли болѣе молодые и холостяки: Гульбисъ, Биркенбаумъ и Янъ Дальда, всѣ на видъ такіе здоровые и высокіе. Юноша еще разъ разсказалъ, какъ онъ поѣхалъ и какъ уже далеко, на глазомѣръ, была глыба отъ берега, когда онъ замѣтилъ несчастіе.

— А ты, можетъ быть, могъ бы тогда еще доплыть? — спросилъ Биркенбаумъ.

— Полагаю, могъ бы, — отвѣтилъ юноша. — Положимъ, что вода холодная, но полагаю, что могъ бы.

— Жалко, если бы ты зналъ, что напрасно... что мы, все равно... тогда, все-таки, надо бы попытаться...

— А можетъ быть вышло бы, какъ у Скаре, — сказалъ Янъ Дальда.

— Да, быть можетъ... Но я-то думаю, что вышло бы хорошо, — вздохнулъ юноша. — Если скинуть полушубокъ...

И глаза Карлуши наполнились слезами.

— Ну, ну, не печалься, — успокаивалъ его Биркенбаумъ. — Вѣтеръ перемѣнится, люди выѣдутъ искать насъ. Не говори ничего.

Юноша быстро провелъ ладонью по впалымъ щекамъ и отвѣтилъ:

— Я и не говорю ничего.

Въ сторонѣ отъ этой группы стоялъ длинный, сухой старикъ съ темной, широкой, щетинистой бородой и цыганскимъ носомъ. Онъ неподвижно смотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ сгорбленнаго мужчину со сложенными за спиной руками. Это были Цубукъ и сынъ его Лудисъ.

Женатые молодые мужчины образовали свою группу: тамъ былъ высокій красавецъ Гринталь, плечистый Скапанъ съ толстыми и красными щеками и блѣдный, нѣжный Скрастинъ, рядомъ съ которымъ стоялъ широкоплечій Силисъ.

Старый Дальда бесѣдовалъ съ пожилымъ холостякомъ Стуре, а Зальга и Гурлумъ стояли каждый особо.

Въ группѣ женатыхъ выдѣлялся Гринталь своимъ голосомъ и смѣлымъ поведеніемъ. Онъ говорилъ почти одинъ, самъ задавалъ вопросы, самъ же на нихъ отвѣчалъ, и взоры всѣхъ были обращены на него.

— Ну, много-много, если мы проплаваемъ такъ дня два-три,— сказалъ онъ такимъ убѣдительнымъ тономъ, какъ будто находился на суднѣ и состоялъ его капитаномъ. — А если даже на день больше... намъ хватитъ той рыбы, которая у Зальги въ возу, а если не хватитъ, то возьмемъ лошадь.

— Да, — подтвердилъ Скрастинъ, выжимая улыбку на свое блѣдное, ласковое лицо. — Возьмемъ лошадь, у лошади, говорятъ, сладкое мясо.

Красныя губы Скапана стянулись въ презрительную гримасу, на лицѣ Силиса появилось отвращеніе.

— Ну, да вѣдь мы еще не ѣдимъ, — подтрунивалъ надъ нимъ Гринталь.

— А когда будемъ ѣсть, то онъ первый попроситъ себѣ самый большой кусокъ, — сказалъ Скрастинъ. — Или ты, Силисъ, можетъ быть, согласенъ уступить мнѣ свою долю?

— Чего тамъ уступать, — нехотя отвѣтилъ Силисъ. — Когда надо будетъ, такъ будемъ и лошадь ѣсть. Подобнаго случая давно не было. Три года тому назадъ изъ Ямбурга, или гдѣ-то тамъ, угнало рыбаковъ въ море, — такъ они черезъ три дня попали снова на берегъ.

— Да, — подтвердилъ Гринталь. — А я въ прошломъ году такое же извѣстіе читалъ въ газетахъ про островъ Эзель. И потомъ здѣсь же, на берегу Курляндіи, случались такія дѣла, только въ нашей окрестности этого не приходилось слышать.

— А мой отецъ разсказывалъ про такой случай, — сказалъ старый Дальда, повернувшись къ группѣ. — Я теперь не помню, было ли тогда девять, десять или одиннадцать человѣкъ, но только всѣ они пропали.

— Пропали? — воскликнулъ Скрастинъ. — Пропали?

— Да, пропали, — тихо повторилъ старикъ, и взглядъ его немного потухшихъ, покраснѣвшихъ глазъ перешелъ на сына Яна.

Всѣ притихли, и никто не смотрѣлъ въ глаза другому, ибо въ несчастіи люди тоже стыдятся, какъ и при большомъ позорѣ.

— Ну, — сказалъ Гринталь немного спустя, — неужто и съ нами такъ случится? Я этому не вѣрю. Мнѣ кажется, что все это... все это... будетъ только нѣсколько опасной прогулкой по морю. Въ первую минуту и я испытывалъ жуткое чувство... шутка ли... но теперь... подумайте только... вѣдь насъ четырнадцать человѣкъ, изъ коихъ восемь такихъ сильныхъ... Неужто мы пропадемъ? Этого быть не можетъ.

Сильный, глубокій голосъ Гринталя звучалъ такъ убѣдительно, что у всѣхъ товарищей лица прояснились. Хотя словамъ его никто не вѣрилъ, и всѣ прекрасно понимали, что ни молодость, ни сила не въ состояніи противостоять судьбѣ, но все-таки всѣмъ было пріятно слышать этотъ мужественный голосъ, который такъ рѣшительно говорилъ о томъ, на что сердце каждаго трепетно надѣялось.

— Этого быть не можетъ, — повторилъ Гринталь еще разъ.— У меня дома жена каждый разъ во снѣ видитъ, если предстоитъ какое-нибудь несчастіе... Нѣтъ, безъ шутокъ... А сегодня утромъ она мнѣ ничего не говорила. Посмотрите только на Бир-

кенбаума: да ради одного такого, какъ онъ, — Богъ пожалѣлъ бы насъ, да и остальные чего-нибудь стоятъ.

Биркенбаумъ сложилъ губы въ ласковую улыбку, посматривая то на одного, то на другого. Глаза его были удивительно ясны и ласковы, какъ у ребенка, а посрединѣ красныхъ щекъ виднѣлись бѣловатыя пятнышки, какъ будто кто-нибудь насыпалъ тамъ весеннюю пыль бѣлыхъ цвѣтовъ. Всѣ видѣли иронію въ словахъ Гринталя, относящуюся къ характеру Биркенбаума, о которомъ всѣ присутствующіе были плохого мнѣнія. Самъ же онъ принялъ все это за чистую монету и даже усмотрѣлъ въ этомъ пріятную лесть относительно своей внѣшности.

Биркенбаумъ не былъ курляндскимъ уроженцемъ, онъ попалъ сюда изъ средней части Лифляндіи. Раньше онъ сплавлялъ плоты по рѣчкѣ Огрѣ въ Двину, а по Двинѣ въ Ригу. Изъ Риги онъ попалъ въ Митаву, Гольдингенъ, Либаву и подъ конецъ нанялся въ работники у Зальги, который теперь одинъ стоялъ въ сторонѣ, совершенно желтый и удрученный.

Биркенбаумъ былъ извѣстенъ среди рыбаковъ какъ замѣчательный силачъ и вѣчный драчунъ. Свои силы онъ расходовалъ столь же расточительно, какъ избалованный сынъ американскаго милліонера отцовскія деньги. И все-таки никакъ не могъ ихъ растратить. Свѣжимъ и бодрымъ взглядомъ смотрѣлъ онъ на товарищей своей участи.

— Ну, можно навѣрняка сказать, что, въ случаѣ чего, его оплакивало бы гораздо больше глазъ, чѣмъ любого изъ насъ, — сказалъ Скрастинъ съ жалкой улыбкой.— Не такъ ли, Биркенбаумъ? У меня есть жена, парень и дѣвчонка; они обо мнѣ поплачутъ. Но сколько найдется такихъ, которыя станутъ плакать о тебѣ?

Биркенбаумъ пожалъ плечами.

— Соберемъ теперь рыбу,—сказалъ Гринталь, ибо часть рыбы изъ воза Зальги разсыпалась по льду. — Нельзя знать, когда какой кусокъ льда оторвется, а вѣдь теперь дорога каждая рыбешка!

Группа разсыпалась, но потомъ всѣ рыбаки собрались опять вокругъ воза Зальги, желая сложить туда собранную рыбу. Но Зальга сидѣлъ на своемъ возу и никого къ нему не подпускалъ.

— Оставьте ихъ себѣ, — сказалъ онъ. — Что пропало, то пропало.

— Что это значитъ? Что ты хочешь этимъ сказать? — спросилъ Гринталь.

— Это значитъ, что возъ принадлежитъ мнѣ, а другимъ до него никакого дѣла нѣтъ, — отвѣтилъ Зальга, осмотрительной рукой засовывая рогожу плотнѣе по краямъ саней.

— Вотъ сумасшедшій! — воскликнулъ Биркенбаумъ. — Онъ, вѣроятно, хочетъ одинъ съѣсть весь возъ!

— Это мое дѣло, — сердито возразилъ Зальга, и черты его желтаго лица одеревенѣли, а глаза стали похожи на обезьяньи.

Биркенбаумъ освирѣпѣлъ.

— Право, онъ думаетъ, что рыба все еще принадлежитъ только ему одному! — воскликнулъ онъ. — Долой съ воза, старикъ!

Онъ бросилъ собранную имъ рыбу на ледъ и хотѣлъ силою стащить Зальгу съ воза. Но тотъ ухватился за рогожу, какъ паукъ за паутину.

— Оставь его, Биркенбаумъ, — успокаивалъ его Гринталь. — Устроимъ все по-хорошему. Въ крайнемъ случаѣ — купимъ у него его рыбу.

Биркенбаумъ отпустилъ Зальгу, который опять забрался на свой возъ. И всѣмъ рыбакамъ вдругъ показалось, что Биркенбаумъ вовсе уже не такой плохой человѣкъ, а многіе это даже открыто высказали.

Лишь Гурлумъ стоялъ поодаль и не говорилъ ничего. Это былъ жесткій человѣкъ и онъ зналъ, что ему никто добра не желаетъ. Его единственная забота состояла теперь въ томъ, какъ бы не выказать слабости и не дать случая посмѣяться надъ собою. Онъ старался скрыть свое отчаяніе подъ маской равнодушной мрачности и желалъ только одного: умереть съ честью, когда не будетъ больше надежды на спасеніе.

Около полудня вѣтеръ и волны усилились, и ледъ сталъ жутко трещать. Лица рыбаковъ, которыя уже начали было свѣтлѣть, вновь омрачились.

Вдругъ трескъ пробѣжалъ по всей глыбѣ.

Карлуша, стоявшій рядомъ съ Биркенбаумомъ, схватилъ его за руку.

— Боишься? — сказалъ Биркенбаумъ и попробовалъ улыбнуться.

Голубые глаза юноши были полны болѣзненнаго отчаянія.

— Ледъ, должно быть... должно быть... — сказалъ онъ, но не окончилъ.

— Да, да, онъ ломается. Если бы мы все время могли кататься на такой громадинѣ, то это бы еще полгоря.

— Я останусь съ тобой!

— Держись лучше своихъ хозяевъ, Дальды и Яна.

— Нѣтъ, я лучше...

— Какъ хочешь.

Юноша крѣпко стиснулъ руку Биркенбаума и, стоя вмѣстѣ,

они стали обводить глыбу глазами, ища, не откололся ли уже гдѣ-нибудь кусокъ.

Когда зловѣщій трескъ повторился, Биркенбаумъ нечаянно обнялъ рукой шею Карлуши. Онъ испытывалъ чувство ласковаго благожелательства къ этому юношѣ, который избралъ его своимъ товарищемъ по несчастію.

— Дрожитъ сердце? — спросилъ Биркенбаумъ полушутя.

— Нѣтъ. Только мнѣ какъ-то... я не знаю... Сердце сжимается... не хочу бояться... что будетъ, то будетъ... но не выходитъ!

Двѣ морщины, которыя появились на тощемъ лицѣ юноши и тянулись отъ носа къ угламъ рта, придавая его лицу болѣе старый видъ, сдѣлались еще глубже.

Промолчавъ довольно долго, онъ спросилъ:

— А ты какъ?

— Что?

— Ты какъ чувствуешь себя?

— Я? Тоже не особенно. Силой тутъ ничего не сдѣлаешь,— какъ будто извиняясь, добавилъ работникъ.

— Какъ ты думаешь, чѣмъ все это кончится?

— Что я могу знать? Ты слышалъ, что сказалъ Гринталь. Три-четыре дня.

— Да развѣ ты этому вѣришь?

— Но вѣдь на спасеніе все-таки есть еще надежда. Можемъ встрѣтить какое-нибудь судно.

— А если не встрѣтимъ?

— Если не встрѣтимъ... Ну, ты вѣдь самъ знаешь, что̀ тогда случится.

Юноша замолчалъ. Были только двѣ возможности: спасеніе или смерть. Но его сердце жаждало еще какой-то третьей, чего-то неожиданнаго, невѣдомаго, какого-то чуда, — для молодой жизни смерть представляется невозможной.

Ледяной паро̀мъ несся все дальше, море шумѣло, обламывая его по краямъ. Отъ большой льдины все чаще откалывались куски и плыли вмѣстѣ съ главнымъ кускомъ, толкаясь о его края. Вдругъ среди стоявшихъ двумя кучками рыбаковъ показалась узкая, зеленовато-сѣрая полоса. Она ширилась и разросталась: часть глыбы откололась, на ней остались оба Цубука, Стурисъ и Скапанъ. Съ обѣихъ сторонъ доносились крики, подобно встревоженнымъ муравьямъ люди бѣгали по краямъ разъединенныхъ ледяныхъ глыбъ. Видно было, какъ сынъ боролся, удерживая стараго Скапана, который, должно быть, хотѣлъ броситься въ воду. Разстояніе между

обѣими глыбами быстро увеличивалось, и безполезно было думать о томъ, чтобы переплыть отъ одного куска къ другому.

— Теперь они пропали, — сказалъ Гринталь.

— Ни куска пищи. Жалко Скапана... Къ серединѣ! Больше къ серединѣ! И останемся всѣ вмѣстѣ!

Они осторожно, молча стали двигаться впередъ. Потомъ остановясь, долго безпокойными глазами слѣдили за быстрымъ бѣгомъ облаковъ въ небѣ, за непрерывнымъ ходомъ волнъ и прислушивались къ ихъ тяжелому плеску. Понемногу въ этомъ однообразіи ихъ тревога улеглась, и они стали опять изрѣдка перекидываться словами.

— Вотъ Скапана, — сказалъ Янъ своему отцу, старому Дальдѣ, — дѣйствительно жалко. Пять мѣсяцевъ только какъ женился.

Старикъ вздохнулъ.

— Стараго Цубука... его нечего жалѣть. Ему пора. Также и Лудиса. Изъ него ничего бы не вышло. Но Стурисъ такой бережливый, честный человѣкъ... всю жизнь... а теперь...

Старый Дальда ничего не говорилъ. Что говорить о гибели другихъ, когда самому предстоитъ то же самое?! Онъ смотрѣлъ на сына, и губы его вздрагивали.

— Мать обѣщала угостить насъ сегодня вечеромъ хорошимъ супомъ, — сказалъ онъ. — Но теперь она уже, навѣрное, знаетъ...

Янъ кивнулъ головой. Отецъ прищурилъ глаза и одинъ прикрылъ указательнымъ пальцемъ, но все-таки двѣ слезинки упали на его сѣдую бороду.

— Да, теперь она знаетъ, — повторялъ онъ. — Теперь она скажетъ, что мы оба... мы оба... Хоть бы ты остался дома. Я ничего не говорю про себя... Но ты... ты вѣдь ей былъ...

Его распухшіе глаза опять прищурились, и ноздри задрожали.

Янъ стиснулъ зубы. Ничто такъ не возвышаетъ насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не трогаетъ такъ сильно, какъ чужая скорбь о нашей участи.

— Ты не печалься, — сказалъ онъ принужденно. — Мы еще счастливо доберемся до берега.

— Да, да, какъ и тѣ девять или десять... въ прошлый разъ. Теперь насъ тоже десять осталось.

Вечеромъ Гринталь позвалъ товарищей и спросилъ ихъ, не хочется ли имъ ужинать. Онъ говорилъ такимъ же бодрымъ голосомъ, какъ всегда. Усталыя сердца рыбаковъ пріободрились отъ словъ его, испытывая къ нему благодарность. Скрастинъ отъ имени

всѣхъ отвѣтилъ, что хочется, но что ѣсть нечего, такъ какъ рыба сырая.

— Попробуемъ рыбу, — сказалъ Гринталь. — Котла у насъ нѣтъ. Не сварить ли ихъ въ моей кожаной шапкѣ?

— Въ передникѣ было бы лучше, — прибавилъ Силисъ.

— Развѣ твой безъ дегтя? — спросилъ Гринталь. — Въ дегтѣ! Ну, такъ надо въ шапкѣ. Рубите сани!

Пока эти распоряженія исполнялись, Гринталь подошелъ къ Зальгѣ, сидѣвшему со сложенными между колѣнъ руками, на краю саней.

— Открой возъ! — сказалъ Гринталь.

Но Зальга не послушался его. Онъ раскинулъ въ обѣ стороны руки, желая охранить свой возъ.

— Открой рыбу! — повторилъ Гринталь и сдвинулъ брови.

Зальга обѣими руками сталъ ощупывать возъ, морщинистая, желтая кожа его подбородка шевелилась. Онъ что-то проворчалъ сквозь зубы, изъ чего Гринталь могъ только понять: «надо условиться насчетъ платы».

На красно-коричневомъ лицѣ рыбака вспыхнуло пламя.

— Что ты, съ ума сошелъ? — закричалъ онъ. — Морской воды захотѣлось?! Долой съ воза!

Зальга всталъ и медленно отошелъ къ своей лошади.

Гринталь раскрылъ возъ, отсчиталъ для каждаго по двѣ одинаковыхъ рыбы и сталъ ихъ чистить.

Съ большимъ трудомъ удалось развести огонь. Подвѣшенную на бичевкахъ и наполненную льдомъ шапку Гринталя опустили на пламя, дали льду растаять въ ней, а потомъ положили въ нее рыбу.

Когда первую порцію наполовину сварили, поставили вторую и третью, пока вся рыба не была наполовину сварена. Совсѣмъ сварить нельзя было, такъ какъ приходилось экономить дрова.

Рыбу раздѣлили.

— Конечно, и на этомъ спасибо! — сказалъ Скрастинъ. — Но пальцы облизывать послѣ этой ѣды, навѣрно, никто не станетъ.

Рыбаки попытались ѣсть рыбу, вкусъ ея былъ слишкомъ отвратителенъ. Она отдавала горькой морской водой и была наполовину сырая. Только одинъ Биркенбаумъ съѣлъ свою порцію.

— Желудокъ у меня всегда былъ славный, — увѣрялъ онъ. — Я могу камни глотать.

— Пока не наглотаешься воды — не научишься плавать; пока не испытаешь голода, не научишься, какъ слѣдуетъ, ѣсть, — ска-

залъ Гринталь и засунулъ рыбу въ карманъ. — На землю ничего бросать не будемъ.

— У меня есть еще немного хлѣба отъ сегодняшняго утра, — повернувшись къ сыну, шепнулъ Дальда. — Пойдемъ въ сторону и я тебѣ дамъ.

— А ты самъ?

— Я... Я могу еще потерпѣть.

— Кушай самъ, отецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, тебѣ хочется... молодому скорѣе...

Онъ потащилъ Яна въ сторону отъ другихъ и предложилъ ему кусокъ чернаго хлѣба.

Но Янъ не бралъ.

— Кушай самъ, — сказалъ онъ, присоединяясь къ товарищамъ.

Съ наступленіемъ сумерекъ Гринталь велѣлъ повернуть пустыя сани такъ, чтобы вѣтеръ дулъ на нихъ сбоку, и тогда всѣ рыбаки усѣлись подъ санями спиной къ спинѣ. Такъ они собирались провести ночь.

Стемнѣло. На небѣ не видно было ни одной звѣзды. Дулъ острый вѣтеръ, кругомъ шумѣло море. Никто не сомкнулъ глазъ. Всѣ всматривались въ густую тьму, она свинцомъ давила на ихъ головы и плечи.

— О, какъ мнѣ хочется ѣсть! — шепталъ Карлуша Биркенбауму. — А рыба такая противная!

— Что жъ дѣлать?! — отвѣтилъ рабочій.

Послѣ долгаго молчанія онъ снова услышалъ вздохи юноши.

— Чего тебѣ? — спросилъ онъ равнодушно.

— Ѣсть хочется, — шопотомъ отвѣтилъ юноша.

Биркенбаумъ посидѣлъ минуту, потомъ, нетерпѣливо ударивъ рукой по колѣну, всталъ, отвелъ юношу на два шага отъ саней, вытащилъ что-то изъ пазухи и вручилъ Карлушѣ.

— Пей! — приказалъ онъ.

Юноша открылъ бутылку и выпилъ.

— Только никому не говори, — предупредилъ Биркенбаумъ, беря у него бутылку. — А теперь попробуй закусить!

Вернувшись къ санямъ, Карлуша, хотя и съ отвращеніемъ, но все-таки съѣлъ свою рыбу.

Послѣ этого опять никто довольно долго не шевельнулся; ночь становилась все гуще, море шумѣло, трещалъ ледъ, и вѣтеръ гналъ на льдины соленый запахъ морской воды.

— Биркенбаумъ, ты спишь?

— Нѣтъ.

— Я немного прилягу на твои колѣни.

— Ложись.

Карлуша положилъ свои руки на колѣни Биркенбаума и легъ на нихъ. Рабочій замѣтилъ, какъ холодны были руки юноши. Онъ снялъ перчатки и сталъ грѣть въ своихъ теплыхъ рукахъ окоченѣвшіе, тощіе пальцы. Отогрѣлъ ихъ, а затѣмъ теплота отъ пальцевъ юноши стала обратно передаваться рабочему.

Карлуша заснулъ.

Его спокойное, ровное дыханіе, замѣтное лишь по равномѣрному движенію груди, и теплота рукъ напоминали Биркенбауму другія ночи, хотя онѣ и не имѣли какъ будто ничего общаго съ этимъ сномъ юноши.

Итакъ, все теперь погибло. Никогда ужъ больше онъ не будетъ лежать на своей постели съ открытыми глазами и бьющимся сердцемъ, ожидая, пока всѣ заснутъ, чтобы тогда неслышными шагами вора добраться по холодному полу до другого угла . . . другой постели . . .

Какъ это могло случиться? Какъ онъ попалъ сюда? Онъ вѣдь тамъ, далеко, въ горахъ Эргли, жилъ пастухомъ, провелъ тамъ много лѣтъ, кутилъ, пьянствовалъ веселился, а теперь... теперь онъ сидитъ подъ рыбачьими санями, вокругъ него шумитъ море, а онъ несется навстрѣчу смерти. Этого не можетъ быть! Такія вещи случаются только въ сновидѣніяхъ и сказкахъ! О, если бы можно было проснуться! Но что за самообманъ! Онъ вѣдь прекрасно знаетъ, что не спитъ. Этотъ ледъ, этотъ соленый морской вѣтеръ и шумъ волнъ, все это — горькая правда. Онъ дѣйствительно испытываетъ голодъ и долженъ погибнуть отъ него или же погрузиться въ бездну моря вмѣстѣ со всѣми остальными.

Холодная дрожь пробѣжала по его спинѣ, и во рту у него пересохло. Нѣтъ, этого не можетъ быть! Биркенбаумъ всегда имѣлъ увѣренность, что пройдетъ свой жизненный путь невредимымъ. Если кому-нибудь случалось поранить руку, сломать ногу, попасть въ машину или утонуть, то онъ выслушивалъ это съ увѣренностью, что самъ никогда ничего подобнаго не испытаетъ. И вотъ онъ сидитъ на разрушающейся льдинѣ, кругомъ него мракъ, и смерть. О, этотъ Зальга! Если бъ онъ не приставалъ къ нему, не нанялъ бы его, онъ уѣхалъ бы обратно на родину и лежалъ бы теперь на теплой печи, а хозяинъ теперь будилъ бы его, чтобъ послать кормить лошадей.

Рабочій вздрогнулъ и нечаянно такъ сильно сжалъ руку Карлушки, что тотъ безпокойно зашевелился. Биркенбаумъ опомнился, отпустилъ пальцы юноши и положилъ ему на плечи свою

руку, какъ бы успокаивая его. Возбужденіе понемногу улеглось. Вѣдь надежда еще не потеряна, вѣдь еще достаточно продовольствія, а дальше, Богъ знаетъ, что можетъ случиться!

Однако ночь казалась безконечно длинной, его отчаяніе опять усилилось, и жажда жизни кричала о спасеніи, пока, наконецъ, на востокѣ не стала разгораться заря. И тогда только, опустивъ голову, рабочій уснулъ.

Проснувшись, онъ увидалъ, что товарищи его поднялись изъ-за саней и стоятъ, глядя въ море. Было непріятно и холодно; Карлуша, вздрагивая, продолжалъ спать. Биркенбаумъ не хотѣлъ его будить и остался сидѣть, пока тотъ самъ не проснулся. Тогда и они оба молча встали и оглянулись вокругъ.

Все та же вчерашняя безнадежная картина: сѣрыя волны съ бѣлыми гребнями пѣны и сѣрыя тучи наверху. Ледяной паромъ округлился и уменьшился.

У его краевъ, со стороны вѣтра, качались зеленоватые куски льда. За ночь лица рыбаковъ постарѣли, и по глазамъ людей было видно, что ночью ихъ посѣтили видѣнія, сосавшія кровь сердецъ.

Скрастинъ, погладивъ съ любовью и состраданіемъ Карлушу, подошелъ къ Гринталю, на котораго, какъ онъ, такъ и всѣ остальные, смотрѣли, какъ на главу своей несчастной группы.

— Какъ быть съ завтракомъ? — спросилъ Скрастинъ.

— Поѣдимъ опять рыбы, — отвѣтилъ Гринталь. — Кто хочетъ, пусть беретъ сырьемъ, а для другихъ можно немного подварить, пока у насъ есть дрова.

Опять развели огонь и варили рыбу, какъ вчера. И съ такимъ же отвращеніемъ ѣли.

Биркенбаумъ опять отвелъ юношу въ сторону, и оба выпили.

— Ты мнѣ какъ братъ родной, — сказалъ юноша.

— Ну, ну, ладно! Ты хорошій парень. Я бы хотѣлъ тебя научить всему хорошему.

— Знаешь, если попадемъ на берегъ, будемъ жить друзьями.

— Пусть будетъ такъ.

Когда они подошли къ другимъ, Гринталь приказалъ Биркенбауму покрѣпче привязать къ оглоблѣ шестъ, чтобы поднять флагъ. Нѣтъ ли у кого краснаго платка? Такого не оказалось, но красныя рубахи были у троихъ: Гринталя, Яна и Скрастина

— Что же, Скрастинъ, дашь свою рубаху для флага? — спросилъ Гринталь.

— Если нужно, надо дать, — жалобно отвѣтилъ Скрастинъ. — Но безъ нея будетъ холодно. У меня и въ рубахѣ губы посинѣли. Но если нужно, то надо дать.

Глаза всѣхъ уставились на него, и дѣйствительно губы Скрастина были совсѣмъ синія. Гринталь не могъ подавить легкой улыбки.

— Ну, попробуемъ обойтись безъ тебя, — сказалъ онъ. — Пусть рѣшитъ жребій, кому дать рубаху: мнѣ или Яну.

— Я согласенъ, — сказалъ Янъ.

Гринталь вынулъ карманную книжку, вырвалъ листъ, разорвалъ его на двѣ части, поставилъ на одной изъ нихъ крестъ и, свернувъ куски, подалъ ихъ на ладони Яну.

— Крестъ обозначаетъ рубаху, — сказалъ онъ.

Янъ вынулъ крестъ.

— Заслоните вѣтеръ! — сказалъ Янъ и наскоро сорвалъ шубу, сюртукъ и жилетъ. На мигъ промелькнули его мускулистыя руки, грудь, потомъ онъ опять стоялъ въ шубѣ, какъ и остальныя.

— Это былъ прыжокъ въ холодную воду, — сказалъ онъ.

Рубашку прикрѣпили къ шесту и подняли вверхъ. Рыбаки намѣрезались прорубить отверстіе во льду и туда вставить шестъ, да, кромѣ того, прикрѣпить его еще къ санямъ, чтобы не надо было держать. Но Гринталь, желая какъ-нибудь занять отчаявшихся людей, предложилъ, чтобы всѣ по очереди держали шестъ и одновременно наблюдали, не приближается ли откуда-нибудь помощь.

Когда дошла очередь до Биркенбаума, онъ хотѣлъ одинъ держать шестъ, но Карлуша этого ему не позволилъ и вмѣстѣ съ нимъ держалъ неистово развѣваемый вѣтромъ сигналъ несчастія.

— Пить хочется, — жаловался юноша.

— А ты думаешь, мнѣ не хочется? — отвѣтилъ Биркенбаумъ. — Соси ледъ!

— Долго ли будешь сосать, когда ротъ и такъ точно ошпаренный? Долго ли мы такъ выдержимъ?

— Богъ знаетъ. Этого никто изъ насъ не испыталъ и не можетъ опредѣлить.

— Ахъ, какъ бы хорошо имѣть хоть одинъ глотокъ воды, чтобы напиться!

— Не хнычь! — сказалъ Биркенбаумъ.

— Хорошо тебѣ — ты большой! Вотъ, если бы ты былъ такой, какъ я, то не говорилъ бы такъ.

Рабочій припомнилъ прошлую ночь и сталъ опять ласковѣе.

— Конечно, трудно, но что же подѣлаешь! — сказалъ онъ.

— Мнѣ и раньше всегда нужно было остерегаться простуды, — жаловался Карлуша. — А теперь приходится глотать ледъ. Вотъ оттого въ лѣвомъ боку, пониже реберъ, иногда такъ колетъ, точно булавкой.

— Я насчетъ этого счастливъ. Мнѣ ледяная вода нипочемъ.

Но немного спустя стали раздаваться такія же жалобы и отъ Скрастина, и рыбаки заволновались при мысли объ этой новой опасности, которой они до сихъ поръ вовсе и не подозрѣвали.

Гринталь опять старался успокоить товарищей.

— У насъ вѣдь еще пара лошадей! — сказалъ онъ. — Если кому-нибудь это будетъ нужно, то въ нихъ теплаго сока еще довольно.

— Что же, неужто кровь пить?! — воскликнулъ Силисъ.

— Она соленовато-сладковатая, — спокойно пояснилъ Биркенбуаумъ. — Я знаю: я ее пилъ!

На лицахъ рыбаковъ отразились одновременно жадность и отвращеніе: жадность получить теплую влагу и врожденное отвращеніе къ крови.

— Мы еще не настолько голодны, — сказалъ Гринталь, осматривая своихъ товарищей. — Пустимъ кровь тогда, когда этотъ сокъ покажется намъ пріятнымъ.

Когда Биркенбаумъ и Карлуша держали опять вмѣстѣ шесть, юноша спросилъ:

— Биркенбаумъ, ты, навѣрно, уже очень много испыталъ на своемъ вѣку?

— Ты это спрашиваешь потому, что я про кровь сказалъ? Ты бы это тоже могъ испытать. Я былъ тогда твоихъ лѣтъ. Рѣзали теленка, и я тогда...

— Такъ. А сколько тебѣ лѣтъ было, когда ты началъ?...

— Водку пить?

— Нѣтъ... Ну, да все равно! Скажи, о чемъ бы ты больше всего жалѣлъ, если бъ намъ не удалось попасть на берегъ?

— Обо всемъ! Обо всей жизни!

— Ея-то, конечно, всякому жалко. Ну, а такъ, въ особенности, жалко? Можетъ быть, матери, брата, невѣсты?

— У меня нѣтъ ничего особеннаго. Вотъ когда я подумаю, что могъ бы прожить еще много лѣтъ, мнѣ становится жалко не то жизни, не то себя, не разберешь хорошенько.

— Мнѣ тоже жалко самого себя... А въ особенности — ради одной вещи. Я до сихъ поръ всегда думалъ, какъ это бываетъ... и мнѣ всегда хотѣлось это испытать, какъ это бываетъ, когда двое... Эхъ, Биркенбаумъ, если бы я былъ на твоемъ мѣстѣ!

Онъ глядѣлъ на рабочаго, и въ глазахъ у него горѣло пламя неудовлетворенной страсти.

— Это пустяки! — коротко оборвалъ его Биркенбаумъ,

странно задѣтый въ самыхъ стыдливыхъ своихъ чувствахъ. — Это все равно: тебѣ жалко того, мнѣ другого. Эхъ-ма!

Ихъ очередь миновала, и шестъ перешелъ къ другимъ.

Къ вечеру каждый опять получилъ свою долю согрѣтой рыбы, а затѣмъ снова опустилась на нихъ долгая, темная ночь съ мечтами о теплой комнатѣ и свѣтлой лампѣ, горящей на столѣ, съ мечтами о блѣдныхъ женщинахъ, что, стиснувъ руки, смотрятъ въ даль моря заплаканными глазами.

Даже Карлуша на колѣнахъ Биркенбаума и тотъ спалъ мало и безпокойно.

Утромъ, на третій день, не оказалось дровъ. Но никто и не думалъ варить рыбу. Всѣ жадно слѣдили за дѣлежомъ, наблюдая, не получаетъ ли кто больше.

До сихъ поръ Зальга все сидѣлъ на своемъ возу съ рыбой, теперь же Гринталь распорядился, чтобы никто не подходилъ къ возу, кромѣ того, который распредѣляетъ рыбу.

— Развѣ у тебя въ бутылкѣ ничего больше нѣтъ? — спросилъ Карлуша, отозвавъ Биркенбаума въ сторону.

— Нѣтъ!

— Но было вѣдь такъ много?

— Вчера вечеромъ выпилъ.

— А мнѣ не далъ?

— Развѣ я обязанъ? Обѣщалъ тебѣ, что ли?

— Не обѣщалъ, но видишь вѣдь, что мнѣ труднѣе, чѣмъ тебѣ!

— Но вѣдь бутылка моя! И мнѣ тоже не легко. Скажи спасибо, что вообще получилъ. Другой на моемъ мѣстѣ...

— Ахъ, такъ ты вотъ какой!

— Какой?

— Иди... было такъ много... достаточно для обоихъ на завтра и послѣзавтра! — недовольно замѣтилъ юноша. — А теперь ты одинъ все проглотилъ!

— Смотри-ка! — сердито прикрикнулъ на него Биркенбаумъ. — Онъ же еще и упрекаетъ меня?! Мальчишка! По мордѣ получишь!

— Самъ получишь! — воскликнулъ юноша, еле сдерживая слезы и сердито поглядывая на Биркенбаума. — Пьяница!

Биркенбаумъ, подойдя къ юношѣ, пристально посмотрѣлъ на него и сильно ударилъ его по губамъ.

— Теперь ты замолчишь! — сказалъ онъ.

Лицо юноши искривилось отъ злобы. Онъ схватилъ руку рабочаго, пытаясь ее укусить, но Биркенбаумъ выдернулъ руку и, въ

свою очередь, какъ желѣзными клещами сжалъ руки юноши повыше ладоней.

Прикусивъ своими желтоватыми зубами нижнюю губу, Карлуша пытался ударить Биркенбаума ногами, но тотъ, прижавъ его къ себѣ, не далъ ему этого сдѣлать. Вдругъ рабочій замѣтилъ, что юноша ослабѣваетъ. Онъ слегка отпустилъ его, и Карлуша упалъ бы, если бы онъ вновь не схватилъ его за руку.

Одну минуту голова юноши точно мертвая лежала на груди Биркенбаума.

— Карлуша, Карлуша, что съ тобою? — будилъ его рабочій.

— Пить, — шепталъ мальчикъ. — Дайте пить!

Биркенбаумъ отвелъ его къ санямъ и затѣмъ, подойдя къ Гринталю, спросилъ:

— Не пора ли пустить кровь у одной изъ лошадей, такъ какъ юноша совсѣмъ ослабъ.

— Объ этомъ надо посовѣтоваться со всѣми остальными, — отвѣтилъ Гринталь. — Ради одного нельзя убивать лошадь.

Онъ созвалъ рыбаковъ, и они рѣшили еще обождать.

Гринталь выразилъ свое сожалѣніе, разведя руками въ сторону Биркенбаума, и группа опять разошлась.

Биркенбаумъ, съ которымъ до сихъ поръ все время стоялъ рядомъ Карлуша, остался теперь одинъ.

Онъ подошелъ къ Гурлуму, сказалъ ему пару словъ, но тотъ ничего не отвѣтилъ и только посмотрѣлъ на него. Затѣмъ Биркенбаумъ подошелъ къ Скрастину. Этотъ посмотрѣлъ на него своими впалыми, печальными глазами и проговорилъ:

— Ну, Биркенбаумъ! — покачалъ головой и отвернулся.

Работникъ пошелъ къ Дальдамъ. Тѣ говорили о матери, о ея одиночествѣ, о спасеніи. Онъ постоялъ минуту около нихъ, но они не обратили на него вниманія, и онъ ушелъ отъ нихъ дальше.

Гульбисъ и Силисъ смотрѣли, какъ Зальга распарываетъ рогожу и кормитъ ею свою лошадь. Къ этой группѣ Биркенбауму присоединиться не хотѣлось. Глаза Зальги были ему противны. Онъ повернулся было къ Гринталю, который въ эту минуту стоялъ одинъ и держалъ шестъ, но прошелъ мимо него. Этотъ гордый и сильный рыбакъ обладалъ чѣмъ-то такимъ, чего у Биркенбаума нехватало, но что какъ бы невидимой рукой придавливало его и подстрекало на тайный протестъ. Онъ приблизился опять къ санямъ, на которыхъ, скорчившись, сидѣлъ Карлуша, глядя вдаль широкими, неподвижными глазами. Биркенбаумъ прошелъ мимо него разъ и другой, но юноша сидѣлъ съ открытымъ ртомъ и видимо не замѣчалъ рабочаго. Наконецъ Биркенбаумъ подсѣлъ къ нему.

Но и на это юноша какъ будто не обратилъ вниманія. Рабочій просидѣлъ такъ довольно долго, пока не подошла его очередь держать шестъ. Нахмурившись простоялъ онъ свое время. Никто къ нему не подходилъ, никто не обращалъ на него вниманія. Передавъ потомъ шестъ Скрастину и Гульбису, онъ дошелъ почти до самаго края льдины. Если даже и отколется какая-нибудь часть глыбы вмѣстѣ съ нимъ, такъ что же изъ этого? Смерти не миновать, льдина вѣдь, все равно, когда-нибудь да разобьется! Вонъ уже насколько уменьшилась ея площадь! И какъ энергично наскакивали на нее отколовшіеся куски! А волны неистово перекидывались черезъ нихъ, стараясь своей бѣлой пѣной забрызгать ноги рыбаковъ.

Биркенбаумъ обошелъ кругомъ почти всю льдину и вернулся опять къ санямъ. Юноша все еще лежалъ на томъ же мѣстѣ. Его губы посинѣли, изъ-подъ свалившейся на затылокъ шапки блестѣлъ блѣдновато-желтый лобъ.

Биркенбаумъ снова подсѣлъ къ нему.

— Карлуша!

Юноша какъ будто не слышалъ его.

— Нечего пить,—продолжалъ рабочій.—Есть только ледъ. Если хочешь, я дамъ растаять куску въ рукѣ и налью тебѣ въ ротъ воду. Но если не можешь терпѣть... послушай... если не можешь терпѣть... я... пущу себѣ кровь изъ руки.

Карлуша вздрогнулъ, встрепенулся и бросилъ жадный взглядъ на руки Биркенбаума.

Секунду спустя, рабочій приставилъ уже свою лѣвую руку къ губамъ юноши.

Тотъ, схвативъ руку Биркенбаума, хотѣлъ было ее оттолкнуть, но успокоился и началъ сосать...

Потомъ рабочій, снявъ съ шеи платокъ, разорвалъ его и обмоталъ тряпкой лѣвую руку ниже большого пальца.

Вечеромъ на небѣ появилась небольшая туча, и выпалъ снѣгъ. Послѣ того вѣтеръ притихъ, и небо прояснилось. Ласково сіяли звѣзды, сталъ замѣтенъ блѣдноватый Млечный Путь. Но никто уже не поднялъ глазъ къ небу. Въ глухомъ равнодушіи провели путники эту ночь.

Новое утро возбудило у всѣхъ новыя надежды. Погода стояла ясная, тихая. Быть можетъ, при такой погодѣ скорѣе какое-нибудь судно замѣтитъ сигналъ о помощи.

Но день прошелъ, а надежда не оправдалась. Вечеромъ Гринталь объявилъ, что рыбы осталось лишь на два дня, и поэтому не раздать ли сегодня только по одной рыбѣ, чтобы ея хватило по-

дольше? Но большинство было за прежнее количество, и всѣ получили обычную порцію.

Вечеромъ всѣ сѣли на сани, молчаливые и ослабѣвшіе, со впалыми глазами и щеками. Волны шумѣли все ближе, и колебанія льдины стали замѣтнѣе.

Карлуша прижался къ Биркенбауму.

— Теперь все пропало, Биркенбаумъ? Да?

— Должно быть, — отвѣтилъ рабочій.

— Ты вытерпишь дольше моего.

— Должно быть.

— Ахъ, если бъ все это не тянулось такъ медленно... Кто погибнетъ, тѣхъ, должно быть, опустятъ въ воду?

— Должно быть.

— Такъ ты опусти меня... Ахъ, ужъ скорѣе бы, Биркенбаумъ!

Юноша обнялъ локоть рабочаго и, прижавъ голову къ его плечу, всхлипывалъ.

Биркенбаумъ молчалъ.

На пятый день утромъ Гринталь замѣтилъ далеко на сѣверѣ дымъ. Всѣ смотрѣли туда съ величайшимъ вниманіемъ. Дымовая полоска удлинялась, и вскорѣ не было уже сомнѣнія въ томъ, что она тянется отъ проходящаго мимо парохода.

— Поднимите флагъ повыше, размахивайте имъ! — кричали всѣ, столпившись вокругъ шеста.

Дымовая тучка увеличивалась, блѣдныя лица рыбаковъ оживились, и глаза заблестѣли. Даже Гурлумъ отъ радости заговорилъ. Старый Дальда, отойдя въ сторону, плакалъ и молился.

Продолжительное время дымовая полоска была видна въ томъ же размѣрѣ. Рыбаки смотрѣли на нее, не осмѣливаясь отвести глаза.

Но потомъ ихъ взгляды стали дѣлаться все неподвижнѣе, страшнѣй. Дымовая тучка уменьшалась! Пароходъ не приближался къ нимъ, не видѣлъ ихъ или не хотѣлъ видѣть.

На лица всѣхъ людей опустилась ночь. Флагъ опрокинулся. Зальга топталъ красную рубаху ногами и грызъ зубами свой полушубокъ. Бѣдный Скрастинъ, упавъ на сани, выкрикивалъ непонятныя слова и хохоталъ. Карлуша крѣпко обнялъ Биркенбаума, а Гринталь стоялъ и все еще смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ исчезъ дымъ.

Вдругъ Янъ закричалъ:

— Лодка! Лодка!

Всѣ повернулись къ Яну, онъ указывалъ рукой на югъ. Тамъ

плыла небольшая лодка, и при томъ такъ близко, что можно было сосчитать сидящихъ въ ней людей. Ихъ было всего семь человѣкъ. Двое гребли, одинъ былъ у руля, а четверо сидѣли безъ дѣла.

Старый Дальда сложилъ руки и поднялъ ихъ къ небу.

— Биркенбаумъ! Биркенбаумъ! — всхлипывалъ юноша.

Когда лодка подошла такъ близко, что можно было различать лица, рыбаки увидѣли въ ней, кромѣ чужихъ, еще своихъ: Стуриса, Скапана и обоихъ Цубуковъ, которые были похожи больше на покойниковъ, чѣмъ на живыхъ людей.

Рыбаки поспѣшили навстрѣчу лодкѣ. Послѣ нѣкоторыхъ усилій одинъ изъ гребцовъ вступилъ на льдину.

Онъ началъ что-то говорить, но никто его не понялъ: онъ говорилъ не по-латышски. Наконецъ, Гринталь при помощи знаковъ уяснилъ, что лодка можетъ принять еще семь человѣкъ.

Только семь! А ихъ было десять! Кто же спасется? Кто останется? Минуту всѣ стояли въ остолбенѣніи. Зальга первый двинулся въ сторону лодки.

— Надо садиться. Кто останется, тотъ останется!

Но Гринталь схватилъ его за руку и потащилъ назадъ.

— Стой. Пусть опять рѣшитъ жребій! Всѣ согласны?

— Попробуемъ всѣ усѣсться, — сказалъ Скрастинъ. — Когда видно будетъ, что всѣмъ нельзя, тогда пусть рѣшитъ жребій.

Но чужой человѣкъ на это не согласился. Онъ знаками объяснилъ, что такъ можетъ произойти драка, и лодка опрокинется.

— Ну, пусть рѣшитъ тогда жребій, — сказалъ Гринталь. —

— Становитесь по лѣтамъ, по старшинству. Дальда, Зальга, Гурлумъ, Скрастинъ, Силисъ, такъ будетъ правильно. А кто изъ васъ старше: Биркенбаумъ, Гульдисъ или Янъ? Ты, Янъ? Такъ! Значитъ, Карлуша и я будемъ послѣдними.

Онъ вырвалъ опять два листа изъ своей карманной книжки, разорвалъ ихъ на одинаковые кусочки и три листика обозначилъ крестиками.

— Кто ихъ вынетъ, тотъ останется! — онъ свернулъ листики, сложилъ ихъ въ шапку, и подошелъ къ Дальдѣ. Старикъ развернулъ листокъ. Онъ оказался бѣлымъ. Дрожащей рукой схватилъ Зальга свой жребій. Взялъ одинъ, другой и раскрылъ, наконецъ, третій. Чистый! Гурлумъ имѣлъ такое же счастье. Скрастинъ торжественно перекрестившись, вынулъ свой жребій. Пустой! Гринталь подошелъ къ Силису. Теперь, вѣдь, долженъ быть крестъ! Руки Силиса дрожали такъ сильно, что онъ едва

могъ раскрыть бумажку. Спасенъ! Смѣлой рукой взялъ Янъ бумажку и вынулъ первый крестикъ. Въ шапкѣ остались два крестика и одинъ бѣлый листокъ. Сжавъ губы Гринталь поднесъ шапку Биркенбауму. Тотъ съ затаеннымъ дыханіемъ посмотрѣлъ на бумажку и, схвативъ одну, быстро раскрылъ ее. Оказалось, что онъ вынулъ послѣдній пустой билетъ.

Гринталь опрокинулъ шапку и высыпалъ два оставшихся билета на ледъ.

— Намъ, Карлуша, нечего тащить! — сказалъ онъ. — Ступайте!

Зальга и Гурлумъ быстро сѣли въ лодку. За ними послѣдовали Гульбисъ и Силисъ. Скрастинъ подошелъ къ Гринталю и пожалъ его руку.

— Отвези привѣтъ моей женѣ, — сказалъ Гринталь.

Затѣмъ попрощался съ нимъ, а также съ Яномъ и Биркенбаумомъ и повернулся въ сторону Карлуши.

Тотъ стоялъ безъ движенія и смотрѣлъ на лодку.

Лицо Биркенбаума болѣзненно сжалось. Онъ схватилъ руку юноши и пожалъ его тощіе и холодные пальцы. Но юноша не отвѣтилъ на это пожатіе, и, когда рабочій отпустилъ его руку, она упала на бокъ Карлуши, какъ мертвая. Биркенбаумъ, отойдя на два шага, обернулся еще разъ, посмотрѣлъ на юношу страннымъ взглядомъ и медленно, какъ будто нехотя и борясь съ самимъ собою, вошелъ наконецъ въ лодку.

Дальда съ Яномъ отошли въ сторону, старикъ, очевидно, не могъ разстаться съ сыномъ.

— Пора! — торопилъ Гринталь.

— Я останусь! — сказалъ Дальда.

— Я не пойду! Ни за что! — сказалъ Янъ.

— Ты пойдешь! Иди! Ты скорѣе за мной пріѣдешь, чѣмъ я за тобой. Я буду ждать тебя! Иди!

— Отецъ!

— Иди, иди! Поклонъ матери отъ старика. И пріѣзжай за мной! Иди, садись въ лодку.

— Ни за что! Я не могу! Я не пойду!

Но старый Дальда продолжалъ толкать Яна въ сторону лодки до тѣхъ поръ, пока тотъ не сѣлъ въ нее.

— Прощай, сынъ! Прощай, сынъ! — прокричалъ ему вслѣдъ старикъ и, когда лодка уже отплыла отъ нихъ, онъ тихо повторилъ еще нѣсколько разъ: — Прощай, мой сынъ! Прощай, мой сынъ!

Гринталь на прощаніе раза три помахалъ своей шапкой, положилъ руку на плечо Карлуши и остался такъ стоять.

Неподвижно, согнувшись впередъ, стоялъ и Дальда.

Такъ они еще долго были видны Яну и Биркенбауму, которые не сводили съ нихъ глазъ. Потомъ ихъ очертанія сдѣлались неясными, слились, и, наконецъ, вся льдина виднѣлась на горизонтѣ лишь въ видѣ маленькой сѣроватой точки.

Затѣмъ и она исчезла.

ЗАМОРОЗОКЪ ВЕСНОЮ.

Цвѣты.

Вверху — голубое небо, бѣлыя облака и нескончаемая пѣсня жаворонка; внизу — яркая зелень, бѣлые цвѣты, богатый, разнообразный запахъ, прилежныя руки и праздникъ на душѣ.

Прилежныя руки и праздникъ на душѣ... но у всѣхъ ли? Во всякомъ случаѣ, у Андра, на хуторѣ Ванага. Ибо хотя солнце и указывало только еще время завтрака, тѣмъ не менѣе обширное поле среди луговъ было уже почти наполовину вспахано. Красное лицо работника и вспотѣвшая лошадь показывали, что сдѣлано это было не безъ усилія. Работникъ довелъ борозду до куста цвѣтущей черемухи, остановилъ лошадь, вогналъ съ размаху лемехи въ землю, а самъ пошелъ прилечь въ тѣнь.

Сладковато-горькій запахъ черемухи былъ настолько силенъ, что показался Андру почти непріятнымъ. Онъ вынулъ ножъ и, срѣзавъ пышную вѣтку, расположился на травѣ, подальше отъ душистаго куста. Потомъ, весело напѣвая, снялъ шапку и началъ украшать ее цвѣтами.

— Тра-ла-ла!

Разукрашенная шапка его взлетѣла вверхъ и упала на свѣжую зелень луга. Работникъ засмѣялся, растянулся на спинѣ, закрылъ глаза и, улыбаясь, быстро заснулъ. Солнышко тоже улыбалось, цѣлуя его цвѣтущія щеки, осушая потный лобъ.

Но вотъ, проснувшись, онъ приподнялъ голову, положилъ ее на руку и сталъ смотрѣть въ сторону холма, за которымъ торчала труба жилого дома. Тоненькая полоска дыма говорила о томъ, что тамъ готовится горячій завтракъ. Кто его принесетъ сюда,

внизъ? Она? Боже мой, устрой, чтобы пришла она, а не Аннушка или старая Лиза! И работникъ не отрывалъ глазъ отъ холма, пока не увидѣлъ тамъ розовый платокъ и такую же блузку Лены. Его улыбка сдѣлалась еще веселѣе, и глаза, встрѣчая дѣвушку, не оторвались отъ нея и тогда, когда она положила свою ношу въ тѣни черемухи.

— Иди кушать, — приглашала она, ударяя себя по лицу цвѣтами черемухи. — Ой, какой сильный запахъ! Остынетъ, Андръ, иди! Я принесла супъ съ мясомъ и картошкой.

— Неси сюда, — сказалъ Андръ ласково и какъ бы дразня ее.

— Вотъ лѣнтяй! И встать-то ему лѣнь! Развѣ на солнцѣ лучше, чѣмъ тутъ, въ тѣни?

— Около куста запахъ ужъ слишкомъ силенъ, — отвѣтилъ парень.

Дѣвушка взяла завтракъ и поставила рядомъ съ Андромъ. Онъ хотѣлъ схватить ее за руку, но она ловкимъ движеніемъ ускользнула отъ него въ сторону.

— Ишь, хитрый какой!

Парень весело засмѣялся и сталъ ѣсть.

— А ты сама развѣ не будешь кушать?

— Дома поѣла.

— Ахъ, такъ... Но это не мѣшаетъ съѣсть кусочекъ вмѣстѣ со мною!

— Нѣтъ, нѣтъ.

— Вотъ, посмотри, какой вкусный кусокъ! И какъ ласково смотритъ въ твою сторону! Ты бы сжалилась надъ нимъ.

— Нѣтъ, кушай самъ.

— Ну, такъ иди и подай мнѣ шапку.

— Гдѣ же она? Ахъ, тамъ. Въ птицу, что ли, бросилъ? И даже обвита цвѣтами! Но ты вѣдь говоришь, что запахъ слишкомъ сильный.

— Отъ всего куста, но не отъ одной вѣтки. Если его слишкомъ много, то онъ горькій, отъ одной же вѣтки — пріятный. Это точно такъ же, какъ и съ тобою.

— Что? Какъ со мною?

— Видишь, если ты слишкомъ недоступна, тогда ты горькая. А если же ты меня немного дразнишь, то очень мнѣ нравишься.

— Гм... Я ему нравлюсь... Вотъ твоя шапка!

Она бросила шапку такъ ловко, что она упала Андру прямо на голову.

Андръ поправилъ ее и кивнулъ дѣвушкѣ, чтобы она подсѣла къ нему.

— Иди, будь добра!

Дѣвушка подсѣла на травѣ, но не совсѣмъ близко къ Андру, глядя на него веселыми глазами.

— Ну, вотъ, я сижу. Что же дальше? Почему ты такъ разукрасилъ свою шапку?

— Почему? — Парень на минуту замолчалъ, но потомъ смѣло сказалъ: — Потому, что я пойду къ Ленѣ свататься.

— Свататься? Къ Ленѣ? Къ какой Ленѣ?

— Къ той самой, которая вотъ тутъ сидитъ, на травѣ.

— Вотъ какъ! — воскликнула дѣвушка протяжно. — Вотъ такъ смѣлость! Ну, а если ты провалишься?

— Зачѣмъ? Ты думаешь, что я ей не понравлюсь?

— Кто же это говоритъ?! Но... но...

— Ну, что? Можетъ быть, есть другіе женихи, поважнѣе? — прервалъ ее Андръ дрожащимъ голосомъ.

— Ахъ, что тамъ говорить про другихъ! Ты и самъ знаешь, что женихи есть. Но тѣ... всѣ... Ну, да что тамъ разговаривать! Просто ей не хочется! Молода еще и приданое не готово, нѣтъ одѣяла, чтобы постлать на постель.

— Я доволенъ буду и попоной, выходи только за меня.

— Ты? Этому я вѣрю! Ты, Богъ знаетъ, чѣмъ былъ бы доволенъ! Но такъ дѣлать не годится. Все должно идти по порядку.

— Какой тамъ порядокъ! Ты съ своимъ порядкомъ, Лена, меня съ ума сведешь! Ну, скажи, почему не хочешь выйти за меня?

— Пожалуйста, не начинай опять жаловаться. А то сейчасъ удеру. Смотри, какъ чудно все кругомъ, и въ такое время ты можешь думать о женитьбѣ!

— Да, и какъ разъ именно въ такое время... Теперь, куда только ни повернешь глаза, повсюду... ахъ, въ такіе дни я не могу не думать о тебѣ. Милая Леночка, ну, скажи «да», скажи «да»!

— Ты уже покушалъ?

— Я прошу тебя, скажи «да».

— А я спрашиваю, покушалъ ты или нѣтъ, а то я ухожу.

— Подожди, вѣдь я еще ѣмъ, — сказалъ Андръ и началъ опять ѣсть, для того, чтобы еще на минуту задержать Лену.

— Должно быть, самъ хозяинъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе? — прибавилъ онъ нѣсколько удрученнымъ голосомъ.

— Предложеніе-то онъ мнѣ сдѣлалъ, — отвѣтила Лена, — да за него, за такого безобразнаго, я сама не пойду!

— Но онъ зажиточный и порядочный человѣкъ! — продолжалъ парень, желая узнать, что̀ она еще скажетъ о его соперникѣ.

— Зажиточный и порядочный! Если бы я рѣшила выйти за порядочнаго и зажиточнаго, такъ могла бы уже теперь изъ ихъ колецъ цѣпь себѣ сдѣлать. Зажиточный и порядочный — что за чепуха!

— Ну, въ такомъ случаѣ, тебѣ другого выбора не останется, какъ идти со мной къ священнику, — сказалъ Андръ.

Закрывъ ножъ и обтирая усы, онъ вскочилъ на ноги.

Въ эту же минуту и Лена встала съ травы.

Смѣло улыбаясь, Андръ сталъ подходить къ ней.

Лена подвинулась въ сторону куста.

— Куда идешь? — воскликнула она. — Не подходи! Ничего не получишь! Закрою себѣ голову передникомъ.

И она скрылась за кустомъ, гдѣ, однако, Андръ настигъ и обнялъ ее.

— Андръ! — строго воскликнула Лена и завернула голову въ передникъ, но Андръ, оторвавъ передникъ, поцѣловалъ дѣвушку нѣсколько разъ подъ рядъ.

Теперь она больше не сопротивлялась, и, когда Андръ снова ласково спросилъ ее, выйдетъ ли она за него, Лена тихо отвѣтила:

— Чего спрашиваешь? Самъ знаешь, что за другого не пойду.

Но когда онъ ее выпустилъ изъ рукъ, она все-таки воскликнула: «Ахъ, ты, безобразникъ!», схватила пустую миску и убѣжала въ сторону усадьбы.

Отдавая оставшуюся краюху хлѣба лошади, Андръ провожалъ Лену глазами, пока она не скрылась за холмомъ.

Потомъ онъ, какъ будто расправляя члены, вытянулъ руки.

— А!... Вотъ это жизнь! Вотъ это счастье!... Экое чудное времячко! Цвѣточекъ ты мой!

И, насвистывая, онъ снова принялся пахать.

Заморозокъ.

Одновременно съ Леной, но только съ другой стороны, во дворъ усадьбы вошелъ старый, длинный и худощавый Мальнекъ. Его хуторъ, окруженный фруктовымъ садомъ и дубовой рощей, былъ расположенъ на востокъ отъ усадьбы Ванага.

Мальнекъ былъ одѣтъ тщательнѣе обыкновеннаго. Поздо-

ровавшись съ дѣвушкой какимъ-то страннымъ тономъ и бросивъ на нее столь же странный взглядъ, онъ вошелъ внутрь дома.

Лена поставила миску, сняла платокъ и стала работать въ кухнѣ, при чемъ въ голову ей пришла мысль, что за послѣднее время старый Мальнекъ слишкомъ ужъ часто для своего возраста сталъ подниматься на ихъ гору. Но тутъ ея размышленія были прерваны приходомъ самого хозяина. Онъ былъ красенъ и какъ будто немного испуганъ.

— Какъ тебѣ это нравится, Лена? — проговорилъ онъ быстро. — Эта старая скотина, Мальнекъ, къ тебѣ пришелъ.

— Что? — переспросила дѣвушка.

— Мальнекъ хочетъ съ тобой переговорить.

— Видишь, что мнѣ некогда. Пусть идетъ въ кухню.

— Понимаешь... онъ пришелъ... онъ хочетъ жениться.

— Жениться?

Лена прислонилась къ плитѣ. Ея щеки поблѣднѣли, и лишь черезъ минуту она прибавила:

— Быть этого не можетъ.

— Иди, переговори съ нимъ, — сказалъ Ванагъ съ кислымъ выраженіемъ лица, при видѣ перемѣны, происшедшей съ дѣвушкой.

— Боже мой! — воскликнула Лена. — Что же мнѣ говорить съ нимъ? Съ ума онъ сошелъ, что ли?

— Ну, иди же! — звалъ ее хозяинъ.

— Право, не знаю, что мнѣ сказать! Мнѣ стыдно! Такой старикъ! Что онъ воображаетъ?

И въ то же время она думала: «Семьдесятъ два года... Вдовецъ... Свой хуторъ... выплаченный... безъ дѣтей... Четыре комнаты и стеклянная веранда... Черезъ три-четыре года старика не станетъ... можетъ быть, уже черезъ годъ. Большія деньги. И фруктовый садъ, яблони, груши, вишни, сливы, даже виноградъ. А старика быть можетъ, черезъ годъ не станетъ. Но Андръ... Боже мой!»

— Я скажу, что ты придешь, — сказалъ Ванагъ холодно и оставилъ кухню.

Съ сильно бьющимся сердцемъ Лена поспѣшно вымыла руки и лицо. Потомъ она вышла въ людскую и сѣла на свою постель. Она была совсѣмъ разстроена.

Вѣдь онъ — старикъ... Что скажетъ Андръ, весь свѣтъ?... Но отказать такому богачу — какая дѣвушка рѣшится на это?! Ахъ, если бы былъ кто-нибудь, кто бы могъ дать ей хорошій совѣтъ, могъ бы сказать, какъ долго проживетъ этотъ старый чортъ? Два, три года? Больше четырехъ лѣтъ вѣдь не прожи-

ветъ. Семьдесятъ шесть лѣтъ — это вѣдь глубокая старость. Но станетъ ли Андръ такъ долго ждать? Нѣтъ, нѣтъ, Мальнекъ не проживетъ такъ долго. Но какъ знать? Онъ человѣкъ стараго закала, еще бодрый. А вдругъ протянетъ до восьмидесяти. Пусть лучше идетъ, откуда пришелъ, если нельзя знать, какъ долго онъ проживетъ.

Ленѣ хотѣлось встать и убѣжать изъ комнаты, но ноги не слушались ея и она осталась сидѣть. Она краснѣла и дрожала, пока не отворилась дверь изъ хозяйской половины. Вышелъ Ванагъ и сказалъ:

— Ну, такъ иди же, наконецъ, въ комнату.

— Право, я не знаю, идти ли мнѣ?

— Чего тебѣ бояться? Сейчасъ вѣдь съ собой не возьметъ.

Дѣвушка встала и медленно вошла къ хозяину.

Ванагъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ мрачнымъ взглядомъ.

— Проклятое богатство!

Онъ вышелъ и безпокойно зашагалъ по двору хутора. Неужели она на самомъ дѣлѣ окажется столь неразумной?

Въ комнатѣ Лена осталась стоять у дверей и не рѣшилась поднять глазъ. Она уже жалѣла, что вообще пришла сюда, и отъ стыда готова была провалиться сквозь землю.

Поведеніе Мальнека было совсѣмъ иное. Съ спокойной благожелательностью разсматривалъ онъ румянецъ на щекахъ Лены, покачивалъ головой, какъ будто подтверждая свои прежнія мысли, и гладилъ сухой, костлявой рукой свою ногу.

— Иди ближе, — сказалъ онъ, указывая на стулъ. — Хозяинъ сказалъ тебѣ, по какому дѣлу я пришелъ?

Онъ ждалъ отвѣта, но Лена не двинулась съ мѣста и не отвѣтила ни слова.

— Я хотѣлъ было жениться сейчасъ же послѣ смерти второй моей жены, — продолжалъ Мальнекъ. — Я привыкъ къ тому, что жена ухаживаетъ за мной, и трудно было мнѣ обойтись безъ помощи женщины. Но до сихъ поръ не могъ найти такой, которая была бы мнѣ по вкусу. Молодыя слишкомъ вѣтрены, пожилыя лѣнивы. И всѣ онѣ слишкомъ глупы для такого большого хозяйства, какъ мое. Обѣ мои покойницы были, разумѣется, хозяйки, и теперь я себѣ ищу такую же. Уже второй годъ я присматриваюсь къ тебѣ и твоему нраву. На пастбищѣ ты зря не кричишь на скотину, какъ это дѣлаютъ мои служанки. Скотина, положимъ, не чувствуетъ этого, но въ этомъ безполезномъ крикѣ проявляется сердце человѣка. И какъ языкъ у тебя сдержанный, такъ и рукамъ своимъ ты воли не даешь. Соль вещь дешевая. Но развѣ

ты хоть разъ пересолила супъ?! Про другихъ этого сказать нельзя. Имъ все равно, что и какъ у нихъ выходитъ. Ты не полагаешься на авось, а дѣлаешь все обдуманно. Это доказываетъ, что изъ тебя выйдетъ хорошая хозяйка. Ну, какъ ты думаешь? Придешь въ мой хуторъ и будешь тамъ хозяйкой?

Этими словами старикъ какъ нельзя лучше сгладилъ для Лены путь въ усадьбу Мальнекъ. Его неожиданная похвала очень на нее подѣйствовала, и стыдъ дѣвушки сталъ исчезать. Восемь лѣтъ онъ уже, кажется, былъ вдовцомъ и восемь лѣтъ напрасно искалъ хозяйку, пока не нашелъ ее. Это вѣдь большая честь для нея

— Ну, что ты скажешь?

— Не знаю. Не подумала еще, — нерѣшительно отвѣтила Лена.

— Чего тутъ много думать. Дѣло ясное. Я старикъ, и мнѣ нужна сидѣлка. Мой хуторъ нуждается въ разумной хозяйкѣ. За исполненіе этихъ обязанностей черезъ два-три годика усадьба Мальнека достанется тебѣ въ полную собственность. Дольше не проживу. Мой отецъ умеръ на шестьдесятъ девятомъ, а дѣдъ на семьдесятъ третьемъ году. Мое время тоже уже подоспѣло, и мнѣ скорѣе слѣдовало бы думать о смерти, чѣмъ . . . чѣмъ . . . Но что тутъ подѣлаешь! У меня такая природа: не могу равнодушно видѣть, какъ заводится безпорядокъ на хуторѣ. Пробовалъ и такъ, и сякъ. Но чужія руки такими и остаются, хоть какое угодно жалованье плати. Вотъ видишь, по этимъ соображеніямъ я и рѣшилъ еще разъ жениться. Я тебѣ это дѣло ясно излагаю. Будемъ жить какъ отецъ съ дочерью, какъ ребенокъ съ отцомъ. Тутъ нечего долго обдумывать! Иди, дай руку и скажи «да»!

Мальнекъ говорилъ такъ убѣдительно и разумно, что Ленѣ уже хотѣлось идти, дать руку и согласиться. Андръ вѣдь могъ обождать. Ради такого хутора вѣдь можно было подождать три-четыре года. Дольше старикъ жить не будетъ; онъ и самъ такъ говорилъ. Лена подняла голову, посмотрѣла на него и испугалась.

У столика сидѣлъ сѣдой, плѣшивый старикъ, съ сѣдыми, рѣдкими волосами, съ морщинистымъ лицомъ, заплывшими жиромъ глазами, блѣдными губами и длинными, почернѣвшими, кривыми зубами. Отвращеніе охватило сердце Лены. Быть женой этого старика! Никогда! . . . Но хуторъ, богатство и свободное, вольное житье? Охъ!

— Иди же, дай руку и скажи «да»!

— Я не знаю . . . мнѣ кажется, что мы не подойдемъ другъ къ другу.

— Почему не подойдемъ? Я человѣкъ тихій, ты тоже характера уживчиваго. Ты вѣдь мнѣ не откажешь? Если бы я это зналъ, то, по правдѣ сказать, у меня есть еще другая на примѣтѣ. Она еще моложе тебя, не годится для меня и вообще не нравится мнѣ такъ, какъ ты. Та сейчасъ же согласилась бы, это я точно знаю. Я тебѣ могу и имя ея сказать. Это младшая дочь хозяина Стакля. Неужели ты хочешь, чтобы я отъ тебя пошелъ къ ней?. Такого униженія ты вѣдь не захочешь мнѣ причинить?

«Иди къ ней», хотѣла отвѣтить Лена, но языкъ не послушался. Во рту у нея пересохло. Младшая дочь Стакля! Она была на два года моложе ея, красивая дѣвушка и дочь богатаго хозяина И она согласна выйти за Мальнека! Но зачѣмъ уступить дочери Стакля счастіе, которое предлагали ей самой? Что скажутъ люди, когда узнаютъ, что она упустила изъ рукъ такую удачу? Повѣрятъ ли они, что Мальнекъ вообще сдѣлалъ ей предложеніе? И Лена опять опустила голову, закусила нижнюю губу и старалась найти правильный отвѣтъ.

Помолчавъ немного, Мальнекъ опять продолжалъ:

— Твою нерѣшительность я прекрасно понимаю. Когда ты до сихъ поръ думала о замужествѣ, то передъ глазами у тебя стояли все только молодые мужчины. А теперь вдругъ вмѣсто нихъ является старая развалина. Это тебя напугало, ты теперь встревожена и твое сердце чувствуетъ себя обманутымъ и кричитъ: «нѣтъ и нѣтъ!» Но голоса сердца не всегда можно слушаться. Подумай хорошенько, кому ты хочешь отказать. Я владѣю хуторомъ, за который мнѣ въ любое время дадутъ двѣнадцать тысячъ. Денегъ у меня въ банкѣ лежитъ десять тысячъ. Это у меня еще съ тѣхъ временъ, когда я торговалъ лѣсомъ. Ежегодно мое имущество увеличивается, по крайней мѣрѣ, на пятьсотъ рублей. За исключеніемъ одной тысячи, которую я рѣшилъ дать своему единственному крестнику, я тебѣ еще до свадьбы откажу все свое имущество по духовному завѣщанію. Для насъ, крестьянъ, это крупное состояніе. Я этимъ не хвастаю, но такъ оно есть. Любви, конечно, и за двойную сумму не купишь. Но привѣтливое лицо и ласковыя руки за четыре, пять тысячъ въ годъ вѣдь можно получить!

Сказавъ это, Мальнекъ всталъ и приблизился къ Ленѣ, которая безсильно прислонилась къ стѣнѣ.

Десять и двѣнадцать тысячъ! Что это за неслыханныя суммы! Такимъ богачомъ Мальнека никто не считалъ. И черезъ пару лѣтъ все это будетъ принадлежать ей! Кровь ударила въ голову Лены, и вдругъ она замѣтила, что Мальнекъ держитъ ея руку въ

своей. Дала ли она ему свою руку, или же онъ самъ ее взялъ, она этого не знала, только слышала, какъ онъ еще прибавилъ:

— Ты разумная дѣвушка, Лена, и не пожалѣешь объ этомъ, — и потомъ она очутилась въ комнатѣ совершенно одна.

Словно остолбенѣвшая, она подошла къ столу, опустилась на стулъ, на которомъ сидѣлъ женихъ, и оперлась головой на руки.

Неужели это правда? Неужто она согласилась выйти за такого старика? Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно, она ошиблась, это деньги ввели ее въ заблужденіе... Но тогда, значитъ, надо отказаться отъ всего этого богатства? О, нѣтъ, это тоже невозможно.

Стукнула дверь. Лена привскочила и обернулась. Вошелъ ея хозяинъ Ванагъ. Съ полунасмѣшливой и полупрезрительной улыбкой онъ посмотрѣлъ на дѣвушку. Потомъ, подойдя къ ней, подалъ ей руку.

— Я слышу... слышалъ только что... очень радостную вѣсть. Да, да, Лена, кто бы это могъ подумать?! Такое счастье... столь большое, что тутъ даже нѣтъ мѣста поздравленіямъ.

Звучавшія въ его словахъ насмѣшка и презрѣніе больно задѣли взволнованныя чувства Лены. Какъ онъ смѣлъ такъ говорить съ нею? Она вѣдь не виновата, что Мальнекъ сдѣлалъ ей предложеніе. Развѣ это позоръ выйти за него? Зачѣмъ онъ смѣется надъ нею? Не потому ли, что она простая, бѣдная служанка? И съ неодолимой силой пробудилось въ ней желаніе выйти изъ этого положенія, возвыситься надъ другими, надъ всей волостью и видѣть всѣхъ окружающихъ, въ томъ числѣ и Ванага, у своихъ ногъ. И съ такой же насмѣшкой и холодомъ въ голосѣ, съ какимъ говорилъ съ нею Ванагъ, она ему отвѣтила:

— Да, теперь я счастливая, и буду въ десять, пятнадцать разъ богаче Ванага.

— И при томъ, у мужа, который въ десять, пятнадцать разъ старше тебя.

— А ты развѣ не знаешь, что лучше быть подъ бородой стараго мужа, чѣмъ подъ кнутомъ молодого парня! — рѣзко отвѣтила ему Лена и повернулась въ сторону дверей.

Дверь открылась, и вошелъ Мальнекъ.

— Мальчикъ съ корзиной уже идетъ, — сказалъ онъ весело, и объяснилъ, что, предвидя хорошій исходъ, онъ положилъ въ корзину пару бутылокъ вина и приказалъ мальчику, какъ только онъ помашетъ ему платочкомъ, нести ихъ сюда.

— Выпьемъ по стаканчику за здоровье будущей хозяйки.

— Не знаю, нужно ли это вообще, — сказала Лена тихимъ голосомъ.

— Нужно, нужно, — отвѣтилъ старикъ и попросилъ Ванага позаботиться о стаканахъ.

У Ванага не имѣлось винныхъ рюмочекъ, и онъ поставилъ на столъ небольшую, очень толстую, водочную рюмку.

— Зачѣмъ же начинать съ наперстка?! — воскликнулъ Мальнекъ со смѣхомъ. — Давай, сосѣдъ, чайные стаканы.

Ванагъ вынулъ изъ шкапа стаканы, а скоро появился и мальчикъ съ корзиной.

Лена первый разъ въ жизни пила хорошее вино, и такъ какъ оно ей понравилось, то выпила его порядочно. По ея тѣлу разлилась пріятная теплота. Она перестала сердиться на Ванага, безпокойство ея исчезло, а съ нимъ вмѣстѣ и сомнѣніе въ правильности ея рѣшенія. Она подошла къ окну, изъ котораго былъ виденъ хуторъ Мальнека, и полюбовалась разстилавшейся внизу картиной. Какъ красиво тамъ виднѣлись сквозь зелень сада красныя крыши жилого дома и амбаровъ! Какъ весело блестѣла бѣлизна березовой рощи на берегу рѣчки! Сердце Лены наполнилось радостью. Она тамъ будетъ полной хозяйкой и сможетъ распоряжаться, какъ ей понравится. Боже мой, кому бы это могло присниться!

— Не нальешь ли ты и другимъ по стакану, — сказалъ Мальнекъ Ленѣ. — Вина довольно!

— Да, — отвѣтила дѣвушка. — Но вѣдь тамъ никого нѣтъ въ той комнатѣ.

— Я пойду и позову всѣхъ, — сказалъ Ванагъ, уходя.

На дворѣ онъ велѣлъ мальчику Мальнека позвать Андра и поискать всѣхъ остальныхъ.

Лена тѣмъ временемъ все еще стояла у окна и смотрѣла внизъ, а Мальнекъ подсѣлъ къ столу. Быть можетъ, подъ вліяніемъ вина, или же отъ радости, что онъ женихъ, но теперь старикъ казался гораздо моложе, чѣмъ раньше. Его щеки раскраснѣлись, и въ глазахъ, которые онъ не сводилъ съ Лены, свѣтился странный огонекъ. Такъ онъ сидѣлъ минуту съ счастливой улыбкой, не говоря ни слова, прислушиваясь къ пѣснѣ жаворонка на дворѣ. Затѣмъ онъ всталъ и сдѣлалъ пару шаговъ въ сторону Лены. Что-то побуждало его подойти къ ней и погладить ея пышные волосы. Но онъ во-время остановился и снова подсѣлъ къ столу. Юношеское увлеченіе тутъ было неумѣстно. И онъ сидѣлъ и, счастливо улыбаясь, глядѣлъ на невѣсту.

Затѣмъ вошелъ Ванагъ и заявилъ, что всѣ уже собрались въ людской.

— Пойдемъ, — сказалъ Мальнекъ, вставая. — Ты, Леночка, возьми стаканъ и потчуй!

Лена взяла стаканъ и бутылку, то же сдѣлалъ и Мальнекъ, и всѣ трое вышли въ людскую. Хотя голова Лены была гордо поднята, но на сердцѣ было неспокойно: что-то скажутъ люди?

— Объявляю вамъ, что я беру у васъ Лену, — сказалъ Мальнекъ весело. — Она станетъ моей хозяйкой. Выпейте за ея здоровье.

Собравшіеся знали уже отъ хозяина эту новость. Тѣмъ не менѣе, они дружно заголосили, высказывая свое удивленіе.

— Кто бы могъ это подумать?!

— Смотрите, какая штука!

— Да, да, Мальнекъ сумѣлъ выбрать! Лучшей жены онъ не нашелъ бы во всей Лифляндіи!

Какая-то мамаша, надѣясь отдать въ будущемъ году своего мальчика въ пастухи на хуторъ Мальнека, чуть было не поцѣловала Ленѣ руку.

Окружающій шумъ пріободрилъ Лену, и, подавая вино, она, не опуская глазъ, смотрѣла каждому прямо въ лицо. Когда она всѣхъ обошла, и всѣ выпили, она ясно поняла, насколько правильно поступила, согласившись выйти за Мальнека. Ибо на всѣхъ лицахъ она читала, помимо радости и удивленія, еще и зависть. Смѣлыми шагами она еще разъ обошла комнату, наливая всѣмъ, какъ говорилъ Мальнекъ, для второй ноги.

Въ эту минуту вошелъ Андръ. Видя тутъ всѣхъ собравшихся, и среди нихъ Мальнека и Лену съ бутылками въ рукахъ, онъ замеръ на мѣстѣ отъ удивленія.

— Что тутъ такое? — воскликнулъ онъ, отодвигая на затылокъ все еще разукрашенную цвѣтами шапку.

— Помолвка, другъ мой, помолвка, — пояснилъ Ванагъ, и съ странной улыбкой показалъ на молодую пару. — Вотъ женихъ, а тамъ невѣста... Леночка, налей и для него тоже стаканъ.

Лена чуть замѣтно вздрогнула, но тотчасъ же повернулась въ сторону Андра и стала наливать вино, при чемъ горлышко бутылки нѣсколько разъ ударилось о край стакана.

— Вотъ тебѣ, — сказала она тихо и приблизилась на шагъ къ Андру.

Какъ вкопанный стоялъ передъ ней парень. Что тутъ происходитъ? Что, эти люди съ ума сошли, или онъ самъ бредитъ? Онъ оглянулся кругомъ. Всѣ присутствующіе смотрѣли на него, при чемъ лица ихъ были ему видны съ какой-то неестественной отчетливостью. Закричать ему, что ли? И что дѣлать съ рукой,

которую онъ видѣлъ передъ собой въ свѣтло-розовомъ рукавѣ? И съ этимъ кровавымъ виномъ? Выпить? Или выплеснуть ей въ лицо?

— Ну, выпей за здоровье новой хозяйки Мальнека, — приглашалъ его старикъ.

Андръ схватилъ стаканъ и осушилъ его до дна. Потомъ повернулся и вышелъ.

Въ людской стало вдругъ тихо.

Стиснувъ губы, Мальнекъ осмотрѣлъ избу и вернулся въ хозяйскую половину.

— Красивый, сильный парень, — спокойно сказалъ онъ, ставя бутылку на столъ. — Надо будетъ нанять его въ будущемъ году для моего хутора.

— Не думаю, чтобы онъ согласился. Ему и тутъ не дурно живется, — столь же спокойно отвѣтила Лена и привѣтливо посмотрѣла на старика.

— Такъ, такъ, — проговорилъ Мальнекъ.

Тѣмъ временемъ Андръ отправился въ конюшню и подошелъ къ своей гнѣдой, которая жадно жевала сѣно. Онъ обнялъ влажную шею лошади, положилъ свой лобъ на ея гриву и гладилъ ее.

Лошадь тихо отозвалась на ласку. Парень продолжалъ ее ласкать, и гнѣдая удивленно повернулась къ нему, толкнувъ мордой его локоть.

— Моя гнѣдая! — шепталъ Андръ, дрожа. — Моя гнѣдая!... Моя лошадка!... Мое счастье!... Мой цвѣтокъ...

Перевелъ

ЭД. ВЕЙДЕНБАУМЪ.

* * *

Когда я молодъ былъ, надежды расцвѣтали,
Кипѣла кровь во мнѣ, свѣтла была весна,
Красивъ казался міръ и лучезарны дали,
И будущность моя, какъ солнышко, ясна.

Но время рой надеждъ разсѣяло, какъ тѣни.
Все умерло давно, чѣмъ жизнь цвѣла моя,
И мрачны образы божественныхъ видѣній,
И не взошло ничто, что сѣялъ съ вѣрой я.

И вотъ теперь во мнѣ изсякла жажда знаній,
Исчезло все, какъ сонъ, что было свято мнѣ.
Наполнилась душа угрюмой мглой страданій,
И прошлое лежитъ въ кровавой пеленѣ.

Я презираю жизнь, любовь моя разбита....
«Все въ мірѣ суета» — я знаю лишь одно!
Для счастья и для бѣдъ душа моя закрыта.
И радость, и печаль — теперь мнѣ все равно!

Е. Сырейщикова.

Изъ міра, словно сонъ, уходятъ поколѣнья,
И отъ дыханья лѣтъ блѣднѣетъ алость щекъ,
И тлѣютъ мертвецы въ безстрастіи забвенья:
У грани вѣчности безмолвный міръ глубокъ.

Пусть здѣсь цвѣтетъ весна иль зимній вѣтеръ вѣетъ,
Гдѣ стебли нѣжныхъ розъ колючій тернъ обвилъ!
Но лучше подъ землей, гдѣ жизнь дышать не смѣетъ:
Свободны мертвые въ холодной мглѣ могилъ.

Проходитъ быстро жизнь, и, — вѣрю я, — напрасно
Искать здѣсь счастія и радости живой!
Лишь тамъ, гдѣ мертвецы покоятся безстрастно,
Ты Господа моли послать тебѣ покой!

Е. Сырейщикова.

*

Нѣтъ правды на землѣ, гдѣ жизнь — кошмарный сонъ,
Гдѣ право сильнаго — для всѣхъ одинъ законъ,
Гдѣ часто судъ лжеца о правдѣ судитъ смѣло,
Гдѣ честнымъ признанъ тотъ, кто можетъ красть умѣло,
Гдѣ жертвѣ часто воръ любовно говоритъ:
«Несчастный, потерпи, и Богъ вознаградитъ!»

Нѣтъ счастья на землѣ, гдѣ только звѣри рыщутъ,
Грызутся и рычатъ, и пищи алчно ищутъ.
И радъ лишь тотъ, кто сытъ, кто съ горемъ незнакомъ,
Кто уберегъ дѣтей, имѣетъ теплый домъ, —
Голодные пѣвцы счастливца славятъ льстиво:
«Надеждамъ вѣренъ онъ! И ловокъ онъ на диво!»

Надеждамъ вѣренъ онъ! Еще пройдутъ года,
Но будетъ труженикъ безволенъ и тогда.
И вору-богачу служить всѣ будутъ рады,
А бѣдный будетъ ждать на небесахъ награды!
И будутъ разорять насильники поля,
И кровь горячую опять впивать земля,
И глупые стихи опять писать поэты,
Трясясь отъ голода и въ стужу не согрѣты.

Е. Сырейщикова.

* *

И дождь надъ грязью улицъ, и вѣтра вой гудитъ,
И въ комнатѣ холодной темно, и столъ не крытъ...
Одинъ сижу, и мысли несутся чередой,
И призраковъ я вижу давно уснувшихъ рой,
И съ ними край родимый, ряды минувшихъ лѣтъ,
Отъ розовыхъ видѣній — въ душѣ тяжелый слѣдъ...
Давно въ могилѣ — радость и счастья времена...
И снѣгъ въ горящемъ сердцѣ и лишь зима одна!

С. Шервинскій.

Я помню счастливые годы:
Веселіе, смѣхъ, хороводы,
Веселыя дѣвушекъ лица,
Въ цвѣтахъ разноцвѣтныхъ станицы, —
Видѣнія жизни привольной...
И сердцу такъ больно, такъ больно!

Я помню, какъ силы кипѣли,
У кладезей мудрости зрѣли;
Но, въ свѣтѣ холодномъ познанья,
Сомнѣнья росли и страданья...
Гдѣ жъ буйство мечты своевольной?
И сердцу такъ больно, такъ больно!

Сіянье познанья — сурово!
Ахъ, быть бы ребенкомъ мнѣ снова!
Я жилъ бы въ мечтахъ горделивыхъ,
Въ прекрасныхъ долинахъ, счастливыхъ!
Но юнымъ стать сердце не вольно...
И сердцу такъ больно, такъ больно!

Е. Сырейщикова.

* *

Проснись, проснись, свободный духъ,
Расторгни звенья узъ томящихъ,
Утѣшь рыдающихъ, скорбящихъ!
Проснись, проснись, свободный духъ,

И сокруши насилье тѣхъ,
Кто лживъ, жестокъ и лицемѣренъ,
Чей сладокъ зовъ, но путь невѣренъ,
Чья добродѣтель — гнусный грѣхъ!

Да гибнутъ тѣ, кто честный трудъ
Чужой присваиваютъ нагло,
На братьевъ налагаютъ тягла
И ближнихъ роскошью гнетутъ!

Е. Сырейщикова.

АСПАЗІЯ.

МОЛИТВА.

Грусть мнѣ давитъ грудь,
Не даетъ вздохнуть...
Скорбь мирьядъ сердецъ
По лицу земли,
Вопіетъ въ пыли:
Утоли, Отецъ,
Скорбь людскихъ сердецъ!..
Счета нѣтъ сердцамъ!
Иль не Сердце самъ,
Ты людскихъ сердецъ?

Нѣдръ Твоихъ грозой
Міръ юнѣетъ вдругъ;
Тучъ Твоихъ слезой
Зеленѣетъ лугъ.
А въ людскомъ міру
Тьма стоитъ, слѣпа:
Знать, отъ зла къ добру
Залегла тропа.

Все по-старому,
По-бывалому:
Горе слабому,
Горе малому...
Грусть мнѣ давитъ грудь,
Не даетъ вздохнуть!

Вяч. Ивановъ.

СКАЗОЧКА.

Мчится сивый жеребенокъ,
Ѣдетъ Сказочка-ребенокъ,

Ѣдетъ вскачь на жеребенкѣ, —
Хлыстикъ золотой въ ручонкѣ, —

Скачетъ быстро, — снова, снова!
На землѣ она безъ крова:

Съ дѣтствомъ чуть душа простится, —
Тотчасъ должно сказкѣ скрыться.

Съ ней и я давно простилась,
Но опять она явилась:

Вотъ на сивомъ жеребенкѣ
Скачетъ, съ хлыстикомъ въ ручонкѣ.

Вижу: цвѣтики въ головкѣ
И серебряны подковки,

На уздечкѣ — жемчужинки...
Дѣтства милыя картинки!

Скачетъ быстро, — снова, снова, —
Мчится въ даль, не зная крова!

Спасскій.

НЕБЫТІЕ.

Ахъ, гнетъ земли стряхнуть бы съ плечъ!
Все позабыть, все сбросить, сжечь, —
Грузъ жизни, грузъ воспоминаній!

Веселой, легкой, нѣжной быть
И бѣлою снѣжинкой плыть
Въ волнахъ серебряныхъ, — въ Нирванѣ!

В. Ходасевичъ.

НАИВЫСШАГО.

Схвати меня, о буря,
И вихремъ подымись,
Меня надъ дольней пылью
Взнеси съ собою ввысь!

Чтобъ яркихъ звѣздъ небесныхъ
Мнѣ для земли нарвать,
Огнемъ палящимъ солнца
Всю душу пропитать!

И выше все, и выше,
И свистъ пронзаетъ грудь!
Въ безмѣрное пространство
Все дальше, дальше путь!

Вѣковъ теченье вижу,
Крутящихся вокругъ,
И слышу безконечность,
Внимая сердца стукъ!

С. Шервинскій.

ПРОЩАНІЕ СЪ МОЛОДОСТЬЮ.

Мои сапоги семимильные, —
Въ углу они брошены пыльные...
Не надѣну ихъ болѣе,
Никогда не надѣну ихъ болѣе!

Тамъ стоятъ они съ вѣтра телѣжкою, —
Я надъ нею, надъ сломанной, мѣшкаю.
Ужъ не ѣду я болѣе,
Съ быстрымъ вѣтромъ не ѣду я болѣе!

Тамъ же Фауста плащъ зря валяется,
Колдовство изъ него испаряется...
Онъ не мчитъ меня болѣе,
Онъ на воздухъ не мчитъ меня болѣе!

И волшебница-кукла пугавшая
Въ уголъ брошена, носъ свой сломавшая...
Не боюсь ея болѣе,
Не боюсь и не вѣрю я болѣе!

К. Липскеровъ.

ГДѢ?

Не нужно мнѣ средины, —
Хочу я полноты!
Добра иль зла, въ предѣлахъ,
Несносны мнѣ черты!

Но къ чашѣ наслажденья
Средь розъ я не прильну:
Полна я отвращеньемъ,
Лишь руку протяну.

А на высоты жизни
Опять взойти посмѣвъ,
Тамъ, въ бѣлоснѣжныхъ ризахъ,
Стою, оцѣпенѣвъ.

Пріютъ души есть гдѣ же?
И чувствамъ — гдѣ предѣлъ?
Бушуютъ, рѣютъ, таютъ:
Мѣняться — ихъ удѣлъ!

Духъ завтра то растопчетъ,
Что нынче свято чтилъ!
Гдѣ жъ постоянство духа?
Гдѣ цѣль духовныхъ силъ?

Н. Ашукинъ.

ТВОЯ ЛЮБОВЬ.

Твоя любовь иною
Мнѣ снилась сладостно:
Ты не зовешь къ покою
Къ долинѣ радостной.

Не сладки поцѣлуи
Твои суровые,
Но пробуждаютъ въ сердцѣ
Порывы новые.

Съ тобою, какъ на башнѣ,
Стою я твердая,
Возвысившись надъ всѣми,
Отвагой гордая.

Зато мнѣ ближе — молній
Пути изломные,
И подъ ногами глубже —
Пучины темныя.

С. Шервинскій.

КЪ ПРОШЛОМУ.

О прошлое! Пора настала, —
Ты суднаго дождалось дня!
Съ тебя срываю покрывало,
Досель страшившее меня.

Мнѣ въ жизнь ты много желчи влило
Воспоминаньями, тоской,
Оковывало, съ тайной силой,
Лѣнивой, неживой мечтой...

Иль послѣ перваго цвѣтенья
Все въ жизни чуждо намъ? Ужель
Возможно пережить стремленье,
Когда еще далеко цѣль?

Нѣтъ! Каждое мгновенье цѣнно,
Еще дарованное намъ,
И въ жизнь я вѣрю неизмѣнно,
Хоть кратокъ путь къ похоронамъ.

Нѣтъ! Каждый шагъ въ земномъ скитаньѣ
Жемчужина въ коронѣ дней,
И наше каждое дыханье —
Рядъ къ совершенству ступеней.

Изъ жизни все жъ я черплю силы —
И знаю: камень гробовой
Отваливаю отъ могилы,
Когда я жертвую собой!

С. Шервинскій.

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

Лунныхъ струнъ упала
Въ омутъ полоса.
Завлекаютъ въ омутъ
Словно голоса.

Въ шири необъятной
Будь со мной, любя!
Въ челнокѣ русалокъ
Дай умчать тебя!

Серебро — въ немъ весла.
Парусъ — золотой.
Мы путеводимы
Вечера звѣздой.

О, пойдемъ! Я знаю,
Гдѣ любви страна:
Тамъ, гдѣ съ краснымъ солнцемъ
Встрѣтилась луна,

Гдѣ въ огнѣ небесномъ
Слиты лучъ съ лучомъ,
Гдѣ душа съ душою
Радостны вдвоемъ.

Какъ туманъ, растаетъ
Тамъ земли тоска,
Безъ конца тамъ льется
Свѣтлая рѣка.

С. Шервинскій.

ВЪ ЛУННОМЪ СВѢТѢ.

Луна — блѣдна,
Едва видна;
Ни ночь, ни день, —
Сіяній сѣнь.
Насъ кроетъ тишь,
Насъ видитъ лишь
Одна луна,
Въ дали, блѣдна.

Будь царь русалочныхъ ночей!
Твой тронъ и скипетръ — изъ лучей;
Вѣнецъ твой царскій, пурпуръ твой
Тебѣ сотку своей рукой.
Но не рубинъ сверкнетъ огнемъ,
Мой поцѣлуй зажгу на немъ;
Не свѣтъ алмазовъ голубыхъ, —
Лучъ радости изъ глазъ моихъ;
Я золото вплету въ него
Изъ глуби сердца моего;
Вплету, какъ жемчуга въ вѣнокъ,
Я слезы счастья съ блѣдныхъ щекъ;
Порфирой алой обовью —
Своей любовью — грудь твою!

Ни ночь, ни день, —
Сіяній сѣнь.
Здѣсь ты и я, —
Пуста земля.
Надъ ней блѣдна,
Едва видна,
Въ парахъ луна.

Л. Остроумовъ.

МАЙСКОЕ УТРО.

Съ чудеснаго острова
Въ скудный нашъ край,

На бѣломъ лебедѣ,
Явился Май:

Онъ — въ цвѣтахъ расцвѣтающихъ.
Какъ въ епанчѣ;
Золотая бабочка
У него на плечѣ.

Струя воздушная
Ароматомъ полна;
Цвѣтикъ льнетъ къ цвѣтику,
Къ волнѣ — волна.

Гдѣ въ небѣ туманами
Чертогъ закрытъ, —
На подушкѣ пурпуровой
Солнышко спитъ;

Отодвинувъ край облачка
Подъ самымъ окномъ,
На землю лишь изрѣдка
Смотритъ тайкомъ

И головку зеленую
Березки порой
Ручонкой трогаетъ,
Какъ жаръ золотой.

А дождикъ, закутанный
Сѣрымъ плащомъ,
Быстро по радугѣ
Бѣжитъ надъ прудомъ.

Земля, зачарована,
Чуть смѣя вздохнуть,
Склоняется радостно
Маю на грудь.

В. Спасскій.

А. НЕДРА.

КРЕСТЬЯНСКІЙ СЫНЪ.

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА.

Три подарка Лаймы *.

Одиноко стояли они среди молодого поколѣнія, какъ мохнатые пни посреди молодыхъ побѣговъ.

Самъ Хозяинъ каждый вечеръ выходилъ за ворота и долго глядѣлъ на западъ, разгадывая, каковъ будетъ завтрашній день, гладилъ густую, сѣдѣющую бороду и медленно поворачивалъ загорѣлое, морщинистое лицо къ востоку. «Дождевая ладья» надъ лѣсомъ говорила ему, какова будетъ ночь. Потомъ взглядъ его скользилъ по нивамъ, воздѣланнымъ его трудомъ: слышно было, какъ звенятъ колосья...

Крестьянинъ вздыхалъ и медленно возвращался въ комнату.

Хозяйка была моложе. Неслышно, ловко бѣгала она изъ дома въ погребъ, хлѣвъ, амбаръ. Останавливалась на дворѣ, прислушиваясь, какъ въ хлѣву мирно жуютъ жвачку сытыя коровы. И тоже вздыхала...

Дѣтей у нихъ не было.

— Не надо роптать, матушка... — говорилъ иногда Крестьянинъ, замѣчая вздохи жены. — Лайма знаетъ, почему она такъ дѣлаетъ. Гдѣ дѣти, тамъ заботы...

Какъ-то разъ Хозяйка сидѣла подъ старой липой. Невидима птичка пѣла въ зеленыхъ вѣтвяхъ. Облака сѣрѣли одно за другимъ; у двухъ были еще розоватые края.

Кто-то шепталъ: «И я говорю: не суждено тебѣ счастіе въ дѣтяхъ! Каждому человѣку предназначено свое счастіе»...

«Ну, что жъ, я согласна и на несчастіе! — вздохнула Хо-

* Лайма — богиня судьбы, покровительница женщинъ въ латышской миѳологіи.

зяйка. — Но идти въ пустую избу... ложиться въ пустую кровать... Некого приласкать: дерево да камень!»

«У тебя ли не удалась скотинушка?! Не твои ли овцы бѣлѣютъ, точно сугробы снѣга? Твои ли амбары не полны?»

«А для кого все это?»

«Не призывай несчастія! Несчастіе въ дѣтяхъ — самое тяжелое!»

«Ахъ, если бъ у меня хоть могила была на кладбищѣ, было бы надъ кѣмъ поплакать!»

«Какъ хочешь...».

Хозяйка вскочила. Какъ же это она могла такъ быстро заснуть? Ей показалось, будто только что кто-то говорилъ. Но никого нѣтъ. Вѣтерокъ шумѣлъ въ вѣтвяхъ липы. У одного облака края все еще были розоватые.

— Какъ это странно! — подумала Хозяйка. — А я еще отвѣтила: «хоть бы могилка была!»

Она постояла еще минутку, вытерла глаза и вошла въ темную, пустую избу. Сверчокъ трещалъ тамъ.

* * *

Это было слѣдующей весной. Старый Хозяинъ торопливо бѣжалъ въ лѣсъ. Двѣ спугнутыя вороны, каркая, улетѣли въ сосѣднюю рощу.

Въ лѣсу Крестьянинъ остановился и влажными глазами поглядѣлъ на березовый пень и молодой побѣгъ возлѣ него.

— Какъ странно! — бормоталъ Крестьянинъ. — Эту вотъ березу я выбралъ для очепа колыбели въ первую весну послѣ свадьбы. Но береза выросла, а очепъ не понадобился, и береза пошла на соху... Но старый пень пустилъ побѣгъ, и вотъ онъ, очепъ для колыбели!

Старый Хозяинъ смѣялся сквозь слезы, гладя бѣлый стволъ и оглядываясь — не видитъ ли кто, какъ плачетъ и смѣется старикъ. Но въ лѣсу — никого. Только сосны жалобно стонали. У сосенъ никогда не бываетъ побѣговъ...

Хозяйка задремала въ клѣти; не то, что заснула, а такъ, лежала въ полузабытьѣ. Она отчетливо слышала, какъ возлѣ нея дышитъ младенецъ — быстро-быстро. И потолокъ различала она: вѣнокъ изъ колосьевъ висѣлъ на балкѣ. Но все же она не замѣтила, какъ вошла Гостья и сѣла на перевернутое корыто возлѣ кровати.

«Что за навожденіе!» — подумала Хозяйка, глядя сбоку на

морщинистое лицо и согнутую спину Гостьи. «Не припомню, какъ ее зовутъ! А вѣдь знакомый человѣкъ! Въ бреду, что ли, я?»

Она терпѣливо ждала, что скажетъ Гостья: по голосу можно вспомнить, что за человѣкъ. Но Гостья глядѣла на младенца, не говоря ни слова.

— Хорошій мальчуганъ, тетушка? — спросила наконецъ Хозяйка.

Гостья сѣрыми глазами печально заглянула въ лицо роженицы и молчитъ.

— Ужъ я, тетушка, и не ожидала такой радости! — продолжала нерѣшительно Хозяйка.

Гостья посмотрѣла на роженицу внимательнѣе.

— Что же, молодуха... радости всѣ ждутъ, всѣ надѣются...

Хозяйка вздохнула, не зная, что отвѣтить.

— Видишь, дочка, какъ онъ ноженьками шевелитъ? — помолчавъ, начала Старуха. — Безпокойный человѣкъ будетъ... Пойдетъ на востокъ, на западъ. И сердце твое, дочка, будетъ порхать за нимъ, точно птица...

— Лишь бы судьба дала ему вырасти! — шепнула Хозяйка, и слезы выступили у нея на глаза. — Что жъ обо мнѣ, старомъ человѣкѣ!...

Гостья вытащила изъ-подъ одежды узелокъ.

— Вотъ тутъ я тебѣ, дочка, принесла кое-что... — шептала она и наклонилась надъ роженицей.

Хозяйка бросила взглядъ на узелокъ: въ немъ, казалось, былъ завязанъ ленъ.

— Спасибо, тетушка, спасибо... — сказала она, — только не знаю ужъ, когда еще возьмусь за пряжу...

— Настанетъ время и для пряжи, дочка... — промолвила Гостья. — Я принесла тебѣ три кудели... положу ихъ, вотъ, въ сундучокъ. Правильно говоришь: теперь тебѣ не до пряжи. Но когда сынъ подрастетъ, когда онъ уйдетъ на чужбину... настанутъ тогда долгіе вечера. И вотъ что я тебѣ еще скажу: пряди, дочка, крѣпкую нить. Этой нитью привлечешь ты сына изъ далекихъ странъ. Пряди крѣпкую нить: коли она оборвется — не вернешь чадо свое... И вотъ еще что: ты можешь отпускать сына на востокъ, на западъ и на югъ. Но на сѣверъ не отпускай его: нѣтъ у меня кудели для сѣвера...

— Помни: коли нить оборвется, сына не вернешь... — повторила Гостья тихо.

Въ груди у Хозяйки точно что-то кольнуло. Сквозь слезы

она посмотрѣла на красное личико въ колыбели. Младенецъ сладко спалъ...

— Тетушка... — хотѣла молвить роженица.

Но Гостьи ужъ не было. Входилъ Хозяинъ съ бѣлой березовой жердью на плечѣ...

Первая кудель.

Когда Крестьянскому Сыну минуло десять лѣтъ, для него не было деревьевъ слишкомъ высокихъ. Къ пятнадцатому году не нашлось сохи, что была бы для него слишкомъ тяжела. А когда ему минуло двадцать лѣтъ, то не было пѣсни, которой онъ бы не зналъ.

Въ рощахъ Крестьянина пѣсни не замолкали цѣлое лѣто. Ночью заливался соловей, днемъ пѣлъ Крестьянскій Сынъ. А издали прислушивались красныя дѣвицы, и сердца ихъ трепетали въ сладкой невыразимой тоскѣ.

Соловей пропѣлъ всѣ свои пѣсни и замолкъ. У Крестьянскаго же Сына пѣсенъ хватило до поздней осени. И когда подходила новая весна, онъ начиналъ ихъ сызнова и радовался, что жаворонокъ и роща поютъ вмѣстѣ съ нимъ. Пытался ему насвистывать и черный скворецъ, но у того пѣсня была коротка...

Какъ-то остановился Странникъ возлѣ рощи и заслушался, какъ поетъ Крестьянскій Сынъ: для каждой борозды своя пѣсня.

— Богъ въ помощь пахарю! — сказалъ Незнакомецъ.

— И Страннику! — отвѣтилъ Крестьянскій Сынъ, стукнулъ сошникомъ и вонзилъ блестящій сошникъ въ зеленую мураву.

— Стою я тутъ и удивляюсь... — началъ Странникъ.

— Чему жъ ты удивляешься?

— Удивляюсь тому, что соха твоя и пѣсни твои — одинаковы.

— Какъ это такъ?

— Глянь: сохой ты пашешь въ одну сторону; окончивъ борозду, ты поворачиваешь коня и пашешь въ другую сторону, а пластъ земли все ложится въ ту же сторону...

— Ну-да, я же переставляю сошникъ...

— То же самое и съ твоими пѣснями: ты поешь о томъ, о семъ, но вѣчно только съ одной стороны...

— Я пою о всемъ, что я вижу... — робко возразилъ Крестьянскій Сынъ.

— Но ты все видишь лишь съ одной стороны! — сказалъ Странникъ.

— Какимъ это образомъ?

— Что это за шумъ тамъ, въ рощѣ? — спросилъ Незнакомецъ.

— Вѣтеръ свиститъ... — отвѣтилъ Крестьянскій Сынъ.

— Это только съ одной стороны такъ кажется, — сказалъ Незнакомецъ. — Но можно понять и иначе.

— А что же это такое, по-твоему?

— Это жалобы рощи... — тихо отвѣтилъ Странникъ. — Роща вздохнула.

— Почему?

— Почему? Потому что жаль ей своей судьбы. Смотритъ она на небо и видитъ, какъ тамъ тучи плывутъ... большія и малыя, толпой и въ одиночку... и плывутъ все дальше и дальше... А роща всегда на одномъ мѣстѣ. Вѣтерокъ набѣгаетъ и уходитъ, птички сядутъ на вѣтку и дальше полетятъ, а роща всегда на одномъ мѣстѣ. Вокругъ нея все тѣ же нивы, тѣ же луга... Выпадетъ снѣгъ и снова стаетъ, а нивы все тѣ же и тѣ же луга... Такъ это было сто лѣтъ тому назадъ, такъ оно останется до тѣхъ поръ, покуда твой топоръ не повалитъ одну березу за другой.. Потому-то рощѣ жаль своей судьбы. И она вздыхаетъ. А ты говоришь: «вѣтеръ свиститъ»!...

— А ты у всего видишь другую сторону? — помолчавъ, спросилъ Крестьянскій Сынъ.

— У всего! — отвѣтилъ Странникъ и пригорюнился. — И людей я вижу съ оборотной стороны. Иной точно на молитвѣ, а я вижу, какія подлыя мысли у него въ душѣ. Иной же смѣется, а я вижу, что у него слезы внутрь падаютъ...

— Внутрь?

— Конечно, внутрь. Ты поешь о всемъ одинаково — потому, что все видишь только снаружи...

— Знаешь что...

Крестьянскій Сынъ хотѣлъ что-то сказать, но застыдился.

— Ну?

— Иногда и у меня такъ на душѣ...

— Какъ?

— Ну, такъ... точно хочется взглянуть съ другой стороны. Сижу я вечеромъ на скамеечкѣ, подъ липой, и присматриваюсь. На лугу поднимается бѣлый туманъ, а за туманомъ черный лѣсъ... Туманъ колыхается, точно тонкая вуаль, и мнѣ кажется, что длинной вереницей идутъ тамъ къ лѣсу бѣлыя дѣвы, медленно-

медленно идутъ и не говорятъ ни слова... И вотъ мнѣ хочется узнать: въ самомъ ли дѣлѣ это дѣвы? И почему онѣ выросли такія большія, до вершинъ елей? Хочется узнать: не души ли это не во время умершихъ младенцевъ? И почему онѣ такъ молчаливы?

Незнакомецъ вздохнулъ.

— Пой ужъ лучше свои старыя пѣсни, — сказалъ онъ и снялъ шапку, чтобъ осушить потъ съ блѣднаго лица.

Крестьянскій Сынъ опустилъ глаза. Когда онъ ихъ снова поднялъ, Незнакомецъ собирался ужъ уходить.

— Не сердись, батюшка...

— Ну?

— Много пѣсенъ ты знаешь... съ другой стороны?

— Много...

— Гдѣ ты имъ научился?

— У одной старушки.

— Гдѣ она живетъ?

— Далеко, другъ...

— Какъ далеко?

— Три года туда идти, три обратно...

— Это къ западу?

— Да, къ западу?

Крестьянскій Сынъ долго глядѣлъ вслѣдъ уходящему Страннику. Затѣмъ онъ вздохнулъ, плюнулъ въ ладонь и вытащилъ соху изъ земли.

— Ну, пошелъ! — сказалъ онъ.

Но пѣть пересталъ...

— Богъ знаетъ, что съ мальчикомъ случилось? — какъ-то сказала мать. — Ни поетъ, ни радуется...

— Всему — свое время, — отвѣтилъ отецъ и вышелъ изъ комнаты.

Насталъ вечеръ Ивана Купала. Лѣса гремѣли отъ пѣсенъ молодежи. Повсюду сверкали Ивановскіе огни. Радость, накопленная въ продолженіе цѣлаго года, неслась словно порывъ вѣтра надъ нивами и лугами: завтра не быть ужъ ни цвѣтамъ, ни радости.

Крестьянскій Сынъ сидѣлъ на скамейкѣ подъ липой, подперевъ горячую голову обѣими руками; могучія плечи его вздрагивали какъ отъ сильной боли. Недалеко проходили толпою дѣвушки, разукрашенныя вѣнками, съ Ивановской травой въ рукахъ. Двѣ-три изъ нихъ замедлили шагъ, завидѣвъ сквозь сумракъ Крестьянскаго Сына. Но онъ не поднималъ лица. И пѣвуньи тихо направились дальше.

— Сынокъ, сѣрый кафтанъ я оставила для тебя въ комнатѣ

на стулѣ, — сказала мать своимъ тихимъ голосомъ: — въ старомъ-то вѣдь ты не пойдешь въ хороводъ.

И она положила свою заскорузлую руку Сыну на плечо.

Сынъ не шевельнулся.

— Сынокъ, развѣ мы съ отцомъ ужъ не друзья тебѣ? — спросила мать печально.

Сынъ со слезами обнялъ ее.

— Мать, милая, отпусти меня въ свѣтъ! — воскликнулъ онъ. — Я больше не могу... Я тону тутъ въ тоскѣ точно въ водѣ!

— Когда жъ тебѣ, сынокъ, кто сказалъ недоброе слово? Мы съ отцомъ... ты вѣдь знаешь, оба мы — тихіе люди, но наши думы, сынокъ... наши думы вьются вокругъ тебя, все вокругъ тебя... словно зеленыя нити...

— Мать, все тутъ вьется вокругъ меня! — съ болью воскликнулъ Сынъ. — Днемъ и ночью, зимой и лѣтомъ... все у насъ тутъ вертится... точно заведенное колесо. Они поютъ въ ночь на Ивана Купала тѣ же пѣсни, что и въ прошломъ году. Огни пылаютъ на тѣхъ же деревьяхъ, что и въ прошломъ году. И черезъ годъ будетъ все то же. Я буду пахать ту же ниву, ѣздить по тѣмъ же дорогамъ... Мать, все уже было, и снова будетъ все то же... Я задыхаюсь... Отпусти меня, мать, отпусти!

Этой же ночью мать, по стародавнему обычаю, варила всякое зелье: и противъ злого глаза, и такое, что даетъ спокойствіе душѣ. Но ни одно зелье не помогло: видно, слишкомъ много слезъ было къ нимъ примѣшано. Настали солнечные дни, по ночамъ сіяла полная луна, но не было такого свѣта, что разогналъ бы темноту, которая обняла, точно крылья ночной птицы, душу Крестьянскаго Сына.

Отецъ долго присматривался и молчалъ. По вечерамъ, стоя подъ липой, за воротами, онъ ужъ не глядѣлъ на дождевую ладью... Непосильная тяжесть давила сердце. А осенью, когда ни одного снопа не оставалось на току, онъ, повѣсивъ цѣпъ на стѣнѣ, взялъ сына за руку.

Они остановились у конюшни. Сѣрый жеребецъ ржалъ и билъ копытомъ о землю.

— Этого я выростилъ для тебя,—медленно говорилъ отецъ:— чтобъ на немъ ты невѣсту себѣ высматривалъ. Но, видно, Лайма не судила намъ съ матерью этой радости. Возьми, сынъ, коня и поѣзжай въ свѣтъ. Конскими копытами растопчи свою тоску... Лишь одного не забудь, сынокъ: не заслужила мать, чтобъ глаза ея закрыла чужая рука...

И уѣхалъ Крестьянскій Сынъ на чужбину. Мать долго еще стояла за воротами, спрятавъ подъ передникъ замерзшія руки и слѣдя взоромъ за тучами, что устало плыли къ западу, оставляя за собой холодноватыя тѣни. Лишь когда тучи слились съ рощей въ одну черную полосу, Мать вошла въ избу, поправила высохшую прялку и начала прясть первую кудель. Дымя и потрескивая, горѣла еловая лучина, и медленно тянулась крѣпкая сѣрая нить, смачиваемая материнскими слезами.

* *

На перекресткѣ сидѣлъ Нищій. Крестьянскій Сынъ остановилъ коня.

— Дядюшка, — сказалъ онъ, — не знаешь ли ты старушки, которая всѣ вещи видитъ съ обѣихъ сторонъ?

Нищій засмѣялся.

— Знаю! — отвѣтилъ онъ.

— Можешь указать мнѣ дорогу къ ней?

— Могу!

— Какъ бы узнать, которая дорога къ ней кратчайшая?

— Которая подольше, та и кратчайшая! — отвѣтилъ Нищій и снова засмѣялся.

— Спасибо, дядюшка, и на этомъ! — грустно сказалъ Крестьянскій Сынъ.

Лошадь фыркнула и побрела дальше по осенней грязи.

И не разъ еще Крестьянскій Сынъ спрашивалъ дорогу у прохожихъ. Но всѣ отвѣчали одно: чѣмъ дальше, тѣмъ короче. И всѣ какъ-то странно посмѣивались. Три лѣта слушалъ Крестьянскій Сынъ пѣсни чужихъ людей, — повсюду онѣ однѣ и тѣ же.

Подошла третья осень. Вѣтеръ распѣвалъ свою пѣснь, вѣчную пѣснь, полную слезъ. Слушалъ ее Крестьянскій Сынъ и думалъ:

«Не родня ли и я этому вѣтру? Безъ дороги, безъ отдыха... а въ груди все звучитъ осенняя пѣсня, полная слезъ...»

Вдругъ Крестьянскій Сынъ натянулъ поводья. Гдѣ-то невдалекѣ онъ услыхалъ пѣніе: пѣла дѣвушка. Захотѣлъ онъ повторить начало напѣва, но не могъ: пѣсня была ему незнакома.

Онъ слѣзъ съ коня, взялъ его за узду и ощупью двинулся впередъ. Вскорѣ соболья шапка Крестьянскаго Сына задѣла соломенную крышу. Онъ привязалъ коня къ балкѣ, нагнулся и нащупалъ дверь.

— Добрый вечеръ! — сказалъ онъ, входя.

— Добрый вечеръ, странничекъ! — отозвался бодрый голосъ.

Крестьянскій Сынъ осмотрѣлся. Крошечная комнатка съ двумя маленькими окошками. А посрединѣ комнаты стоялъ громадный ткацкій станокъ съ узорчатой тканью на немъ. За станкомъ дряхлая Старушка проворно ткала и пѣла старинную незнакомую пѣснь.

— Садись, гостемъ будешь! — сказала она и взяла новую шпульку.

Пріѣзжій сѣлъ у печи, на лежанкѣ, присматривался, прислушивался и удивлялся. Удивлялся онъ узорчатой ткани, снѣжнобѣлымъ волосамъ Старушки, бодрымъ глазамъ ея, но въ особенности ея пѣснямъ.

— Много у тебя такихъ пѣсенъ, тетушка? — спросилъ онъ.

— Много, сынокъ, много!

— Откуда ты ихъ берешь?

— Погляжу, сынокъ, въ одно окошко — вотъ и готова одна половина пѣсни, погляжу въ другое окошко — готова другая.

У Крестьянскаго Сына замерло сердце.

— Такъ ты и будешь та старушка, что всѣ вещи видитъ съ двухъ сторонъ? — промолвилъ онъ робко.

— А ты тотъ Крестьянскій Сынъ, что и пахалъ, и пѣлъ, и видѣлъ все съ одной стороны? — спросила она въ свою очередь.

Крестьянскій Сынъ не утерпѣлъ: онъ поцѣловалъ костлявую руку Старушки.

Старушка ласково отодвинула его намокшіе волосы со лба.

— Иди, сынокъ, отдохни. Утречкомъ наговоримся вдоволь.

Промокшій и усталый Крестьянскій Сынъ погрузился въ сонъ, какъ въ пуховую перину. Но и во снѣ звучали у него въ ушахъ равномѣрные удары станка и молодая пѣсня Старушки.

На другое утро онъ проснулся до зари, а Старушка все сидѣла и ткала. Удивительны были узоры ея ткани, но пѣсня, что пѣла она, была еще своеобразнѣе.

Крестьянскій Сынъ умылся, причесался, поѣлъ и сѣлъ на лежанку. Глаза его такъ и блуждали по комнатѣ.

Старушка усмѣхнулась и погрозила пальцемъ.

— Знаю, знаю: у тебя все только окошки на умѣ! — сказала она. — Ну, ступай, ступай, погляди. Сперва тамъ у того, что направо. И мнѣ потомъ разскажешь, что увидишь.

Сердце Крестьянскаго Сына сильно билось, когда онъ подсѣлъ къ окошку. Сперва у него зарябило въ глазахъ, но затѣмъ онъ свыкся и смотрѣлъ, затаивъ дыханіе.

Какъ долго онъ смотрѣлъ, онъ самъ не сознавалъ. Старушка положила ему руку на плечо, разбудивъ отъ прекраснаго сна.

— Ну, сынокъ, что же ты видѣлъ? — спросила она, посмѣиваясь.

— Что за прелесть, тетушка! — воскликнулъ юноша, хлопая въ ладоши. — Сперва я было подумалъ, что это у нашихъ господъ въ имѣніи: полъ такой узорчатый и скользкій, точно ледъ, а вдоль стѣнъ такія зеркала, что страшно смотрѣть: такъ блестятъ.. И кругомъ все картины въ золотыхъ рамахъ: на одной зима, на другой лѣто, на третьей люди, и все не вѣрится, что это картины: думается — вотъ зашелеститъ вѣтерокъ въ деревьяхъ, а незнакомецъ съ картины подастъ тебѣ руку... Въ комнатахъ играетъ музыка, и расхаживаютъ господа да барыни, — у меня спина такъ и нагибалась, чтобъ поцѣловать у нихъ руку, — шуршитъ шелкъ, а бархатъ тянется по полу точно лѣтняя ночь. Подумалъ я: какъ прекрасна жизнь господъ! Тутъ я вслушался, и что бы ты подумала, тетушка: всѣ они говорили на томъ же языкѣ, что и мы! Такъ ясно, такъ хорошо говорили... всѣ, точно по книгѣ. Затѣмъ они сѣли за столъ, и господа въ черномъ разносили имъ кушанья и напитки, и вотъ всталъ сѣдой господинъ, самый почтенный изъ всѣхъ, и началъ говорить... такъ красиво, такъ ласково, словно пасторъ. Слушаю я и самъ не замѣчаю, какъ слезы текутъ по лицу. А господинъ говоритъ, что и онъ когда-то пасъ стадо и поднималъ соху, что и у него руки были въ волдыряхъ отъ цѣпа, что были въ жизни его такіе дни, какихъ онъ никогда не пожелалъ бы дѣтямъ своимъ, — дни, когда онъ стоялъ покинутый и измученный на берегу рѣки и думалъ о томъ, какъ спокойно и прохладно лежать на днѣ рѣки. Да, онъ знаетъ, что такое одиночество и отчаяніе! Но онъ знаетъ также, что такое работа и плоды работы. Тридцать лѣтъ онъ работалъ днемъ и ночью, пока смогъ, наконецъ, разогнуть спину, какъ сегодня, и отдохнуть въ кружкѣ своихъ дѣтей и друзей. Тридцать лѣтъ не зналъ онъ, что такое воскресенье, что такое праздникъ, пока отъ своихъ дѣтей не узналъ, что и радость, и отдыхъ — прекрасный даръ Божій. Работа и отдыхъ должны проходить черезъ нашу жизнь, какъ разукрашенная цвѣтами золотая цѣпь. И къ работѣ и отдыху призываетъ онъ и своихъ земляковъ и за это поднимаетъ свой бокалъ... Подходили сыновья и дочери стараго барина и цѣловали его руку, а друзья обнимали его, и всѣ пѣли отъ души...

— А ты? — усмѣхнувшись, спросила Старушка.

— У меня въ груди пробудилась новая пѣсня. Поѣду я по горамъ и долинамъ родины и буду пѣть про работу и отдыхъ. Не

такова твоя судьба, народъ, чтобъ въ дымной ригѣ рождались твои сыновья и въ дыму болѣли ихъ печальные глаза до могилы. Имъ тоже можно наслаждаться зимой и лѣтомъ. Не нужно твоимъ сыновьямъ до глубокой старости гнуться подъ тяжелымъ ярмомъ. Имъ судьба тоже даетъ отдыхъ и тихую радость въ старости. Отчего ты вздыхаешь, усталый пахарь, на нивѣ, когда думаешь о дѣтяхъ своихъ? Не чуетъ ли твое сердце, не слышитъ ли твоя душа, что настаетъ для нихъ дивное утро, и что жаворонокъ поетъ для нихъ прекрасную пѣснь? Въ благополучіи и счастьѣ свободно вздохнетъ грудь твоихъ дѣтей, найдутъ они слова для радостныхъ пѣсенъ, и голоса ихъ раздадутся въ созвучіи новыхъ временъ... Вотъ, тетушка, о чемъ я буду пѣть на родинѣ; вотъ какъ я разбужу въ истомившихся душахъ своихъ братьевъ новую надежду...

Старушка съ состраданіемъ посмотрѣла въ блистающіе глаза Крестьянскаго Сына. Затѣмъ тихо сказала:

— Ну, теперь погляди, сынокъ, и въ другое окошко...

Крестьянскій Сынъ послушался и сѣлъ, а за его спиной снова раздавались стукъ ткацкаго станка и бодрая пѣсня Старушки.

— Ничего не разгляжу! — бормоталъ Крестьянскій Сынъ.

Но вскорѣ глаза его привыкли къ темнотѣ, и онъ разглядѣлъ сумрачную, закоптѣлую комнату въ подвалѣ. Сквозь полуразбитое окошко виднѣлись окна ярко освѣщеннаго дома, того самаго, гдѣ почтенный старецъ держалъ свою торжественную рѣчь.

Зажгли маленькую керосиновую лампочку. Безпокойное пламя освѣтило трехъ женщинъ: одна, пожилая, стояла съ засученными рукавами у кадки съ бѣльемъ; другая, лѣтъ двадцати, въ грязной нижней юбкѣ и немытой, спустившейся съ плечъ рубахѣ, сидѣла на краю кровати и заплетала толстую косу; о третьей трудно было сказать, дѣвочка она или взрослая. Она сидѣла на деревянной табуреткѣ съ зонтикомъ въ рукѣ; на головѣ у нея была шляпа съ краснымъ перомъ: повидимому, дѣвушка собиралась уходить. Она смотрѣла то на мать, стоявшую у кадки съ бѣльемъ, то на сестру, сидѣвшую на кровати, затѣмъ прикрыла ротъ рукой и зѣвнула.

— Уѣду я отъ васъ, найму себѣ комнату, — можешь тогда хоть на головѣ ходить. Если Минна такая дура, пусть остается. Ты только и знаешь, что отнимать у меня послѣднюю копейку. А купила ли мнѣ хоть лоскутокъ на платье? Охота мнѣ ободранной по улицѣ бѣгать! Приличный человѣкъ и не взглянетъ...

— И я пойду съ Луизой! — замѣтила младшая сестра, кобы-

ряя зонтикомъ подгнившій полъ. — Тогда, по крайней мѣрѣ, знаешь: что заработала, то тебѣ и остается!

— Смотри, въ морду получишь! — вскрикнула мать въ сердцахъ и замахнулась на нее мокрымъ бѣльемъ. — Видно, не можешь желтаго билета дождаться. Хоть бы перваго причастія обождала!...

И, до смерти обиженная, она вдругъ бросила бѣлье, прислонилась къ кадкѣ и схватилась руками за голову.

— Вотъ благодарность за мои двадцатилѣтніе труды! — сказала она. — Вотъ изъ-за чего я бѣгала и хлопотала, врала и крала, работала до одурѣнія, ночей не спала, голодая! Всѣ родители думаютъ: подрастутъ, молъ, дѣти — будетъ опора, настанутъ болѣе легкіе дни... Вотъ тебѣ и легкіе дни у кадки съ бѣльемъ, покуда дочери гуляютъ съ господами.

— Перестань же наконецъ! — сказала съ досадой старшая дочь, доставая кофточку. — Одно и то же каждый Божій день... надоѣло!

Но мать не унималась. Какъ въ судорогахъ, дрожали ея согнутыя работой плечи.

— И чего мнѣ не хватало въ отцовскомъ домѣ! — продолжала она жаловаться. — Дернула меня нелегкая выйти за этого городского голодранца... Языкомъ сулилъ золотыя горы, покуда не получилъ приданаго... Вотъ и стирай теперь бѣлье цѣлыя ночи напролетъ да слушай, какъ собственныя дѣти тебя кускомъ хлѣба попрекаютъ...

— Ну, вѣдь мы не своей волей на свѣтъ явились... — вызывающе заговорила старшая.

— Отецъ! — вскрикнула младшая и отодвинулась въ сторонку.

Отодвинулась на менѣе видное мѣсто и старшая.

Мать снова взялась за бѣлье. Только двѣ большихъ слезы медленно текли по ея немытымъ щекамъ.

— Веселъ здѣсь и веселъ тамъ... — раздался за дверью пьяный голосъ, и полузакрытая дверь раскрылась настежь отъ удара ногой. Вошелъ пожилой мужчина съ всклокоченной бородой, въ драномъ полушубкѣ, съ двумя полупустыми бутылками подъмышкой.

— Дѣти мои, я сегодня веселъ! — началъ онъ, съ трудомъ усѣвшись на единственномъ несломанномъ стулѣ и поставивъ бутылки на грязный столикъ.

— Когда же ты не веселъ? — укоризненно сказала жена.

— Я всегда веселъ! — отвѣтилъ старикъ заплетающимся язы-

комъ. — Но сегодня я тоже веселъ: «Знаете что, баринъ, — говорю я ему сегодня, — что мы оба изъ одного прихода?» — «Да, Петруша, — говоритъ онъ... — нà, выпей!» — «За ваше здоровье, баринъ!» — отвѣчаю я. — «Спасибо, Петруша!» — говоритъ онъ. — Какой я ему Петруша, а? Онъ — милліонщикъ, я — его дворникъ... А онъ говоритъ: «Спасибо, Петруша!» Эхъ, что это были за времена, когда мы оба въ городъ пришли!... Но человѣкъ долженъ быть веселъ! Да?

И снова началъ онъ пѣть, немилосердно фальшивя:

Коли этакъ будемъ жить —
Ни за что мы пропадемъ...

— Дѣти, вы собираетесь уходить? — спросилъ онъ неожиданно.

— Хотѣли немного погулять, папа, — предупредительно отвѣтила старшая. — Не пойдешь ли съ нами?

— Нѣтъ ли у тебя двугривеннаго?

Дѣвушка начала обшаривать карманы.

— Найдется... — сказала она и протянула руку.

Мать моментально бросилась между ними, и, прежде чѣмъ дочь спохватилась, монета исчезла въ мокрой рукѣ матери.

— Сволочь ты этакая! — зашипѣла мать, — да знаешь ли ты, какъ эти деньги заработаны?

Крестьянскій Сынъ испугался, взглянувъ на дворника: такъ страшно измѣнился «веселый» старикъ. Какъ разъяренный звѣрь бросился онъ на жену, протянувшую къ нему, защищаясь, одну руку со свернутымъ мокрымъ бѣльемъ, въ то время какъ другой она спрятала монету въ ротъ. Старикъ не помнилъ себя. Съ пѣной во всклокоченной бородѣ онъ колотилъ жену по плечамъ, головѣ, сорвалъ у нея съ головы платокъ, схватилъ ее за жидкую косу и билъ головой о косякъ, крича не своимъ голосомъ. Жена оперлась руками о стѣну. Тогда старикъ потащилъ ее къ кадкѣ и пытался засунуть ея голову въ грязную воду. Она уцѣпилась за край кадки. Налитыми кровью глазами старикъ оглянулся кругомъ: у печки лежали два полѣна дровъ. Но въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ схватить одно изъ нихъ, старшая дочь, шмыгнувъ мимо старика, потушила лампочку. Затѣмъ обѣ дѣвушки быстро скрылись за дверью.

Когда минуту спустя жена снова зажгла лампочку, мужъ уже храпѣлъ на кровати, куда нечаянно упалъ. Прежде всего она спрятала спасенную монету и вытерла кровь съ лица, потомъ посмотрѣла на дворъ.

— Что за удовольствіе такъ поздно шататься по улицѣ! — пробормотала она. — Обождали бы, пока у нашихъ молодыхъ господъ уйдутъ гости...

И затѣмъ она снова взялась за бѣлье.

Какъ застывшій, глядѣлъ Крестьянскій Сынъ то на нее, то на спящаго дворника. А въ полуразбитое окошко виднѣлся ярко освѣщенный господскій домъ.

— Люди одного прихода! — съ грустью сказалъ Крестьянскій Сынъ и упалъ на лежанку.

* * *

На другое утро Крестьянскій Сынъ ужъ безъ приглашенія сѣлъ къ окошку.

На этотъ разъ онъ увидѣлъ двухъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, игравшихъ въ пескѣ. Они нарвали полевыхъ цвѣтовъ и пересаживали ихъ въ кучу песка. Время отъ времени мальчикъ бралъ лейку, направлялся къ колодцу, наполнялъ ее до половины водой и, весь согнувшись, таскалъ къ цвѣтамъ. Но, увы, цвѣты, какъ политые, такъ и не политые, одинаково грустно опускали головки подъ лучами вечерняго солнца.

— И капуста вянетъ, когда ее сажаютъ, а на утро все-таки снова поднимается... — успокаивалъ себя мальчикъ.

— Имъ, видно, тутъ не нравится... — замѣтила дѣвочка.

Мальчикъ минутку соображалъ.

— Ну, потомъ понравится! — рѣшилъ онъ и снова взялся за лопату.

Вдали послышался стукъ колесъ. Изъ бесѣдки вышла молодая женщина съ книгой въ рукѣ, прикрыла глаза ладонью и стала глядѣть въ сторону, откуда раздавался стукъ. Затѣмъ она быстро повернулась къ дѣтямъ, испачкавшимся въ пескѣ подобно воробьямъ.

— На кого вы похожи?! — воскликнула женщина. — Сію минуту ступайте въ комнату, чтобъ Мада васъ вымыла и надѣла другое платье.

Дѣти взглянули сперва на свои цвѣты, затѣмъ на мать и оба ушли въ домъ.

Вскорѣ у подъѣзда остановился экипажъ, запряженный парой, и изъ него выскочилъ мужчина среднихъ лѣтъ въ свѣтломъ пальто. Сперва онъ хотѣлъ было броситься въ домъ, но, замѣтивъ женщину, направился къ ней, на ходу разстегивая дорожныя перчатки.

— Ты здѣсь? — воскликнулъ онъ, и лаской засвѣтилось его простое лицо. — А гдѣ же дѣти? Здоровы?

— Только что убѣжали въ комнату... — отвѣтила жена, подавая пріѣзжему свою стройную руку, которую тотъ благоговѣйно поднесъ къ своимъ губамъ. — Видишь: вотъ они насадили даже садъ, ожидая тебя...

И она указала на кучу песка.

Глаза мужа стали влажными.

— Кто же это придумалъ? — спросилъ онъ.

— Навѣрно Марія... У нея всегда голова полна проказъ.

— Завядшій садъ... — промолвилъ мужъ задумчиво и вздохнулъ. — Да, и мы, взрослые, не всегда умѣемъ защитить наши любимѣйшіе цвѣты отъ мороза, зноя и увяданія...

Но вслѣдъ затѣмъ онъ какъ бы сбросилъ съ лица набѣжавшую тѣнь и сказалъ, притянувъ плечо жены къ своей могучей груди:

— Все улажено! Твой братъ остается въ своей усадьбѣ...

Жена, пріятно пораженная, хотѣла что-то отвѣтить, но гвалтъ, поднятый въ прихожей, помѣшалъ ей.

— Папа пріѣхалъ, папа пріѣхалъ! — голосилъ мальчикъ въ прихожей.

— Папа пріѣхалъ, папа пріѣхалъ! — подтягивалъ ему другой тоненькій голосокъ.

Съ шумомъ распахнулась дверь, и кубаремъ вылетѣлъ мальчикъ съ мокрыми ручками и лицомъ, одѣтый въ коротенькую бѣлую рубашку. Онъ слетѣлъ бы головой внизъ съ крыльца, если бъ отецъ вò-время не подхватилъ его.

— Тише, дружокъ, тише!.. И на кого ты похожъ?

Но некогда было думать о неприличномъ видѣ мальчика: на крыльцѣ раздавалась новая музыка. Тамъ въ одной рубашкѣ, съ лицомъ, бѣлымъ отъ мыла, стояла маленькая Марія. Мыло попало бѣдняжкѣ въ глаза, и она не могла двинуться ни впередъ, ни назадъ.

Отецъ взялъ у няньки мокрое полотенце, вытеръ и расцѣловалъ глаза дѣвочки, сѣлъ самъ на крыльцо и посадилъ обоихъ полуголыхъ дѣтей себѣ на колѣни.

— Значитъ, вы меня ждали? — спросилъ онъ, глядя на ихъ раскраснѣвшіяся мордочки. — Но развѣ можно выбѣгать на дворъ полуголыми? Развѣ принято гулять въ одной рубашонкѣ?

— Я только немножко хотѣла поглядѣть... — отвѣтила дѣвочка.

— Ну, ладно, ты поглядѣла... Ступай теперь въ домъ. Я

сейчасъ приду. А ты, братъ, видалъ ли ты когда-нибудь парня безъ брюкъ?

— А въ церкви ангелочки всѣ безъ брюкъ... — возразилъ мальчикъ.

— Ну-да, это ангелочки: они еще маленькіе. Но ты вѣдь уже большой парень. Большіе парни такъ не ходятъ.

— Но у стараго Моисея въ церкви тоже нѣтъ брюкъ! — настаивалъ мальчикъ.

— Ну-да, Моисей... онъ... Но, знаешь ли ты, я тебѣ кое-что привезъ. Куда жъ ты это дѣнешь, если у тебя не будетъ кармановъ?

— Съѣдобное? — полюбопытствовалъ мальчикъ.

— Нѣтъ, братъ, не съѣдобное... — отвѣтилъ, улыбаясь, отецъ.

— Въ такомъ случаѣ я сейчасъ...

И бѣленькая головка мелькнула въ темноватой прихожей.

Немного погодя служанка принесла въ бесѣдку скатерть и посуду. Вскорѣ ласковый желтоватый свѣтъ полился на бѣлизну стола, незамѣтно расплываясь въ темной зелени листьевъ.

Рука объ руку вышли изъ дома мужъ съ женой и сѣли за столъ. Жена смотрѣла, какъ жадно ѣстъ голодный мужъ. Сама она только мѣшала чай серебряной ложкой.

— Мартынъ! — сказала она внезапно и подсѣла ближе къ мужу, — я, право, не знаю... мнѣ совѣстно, что у тебя такіе большіе расходы изъ-за насъ... изъ-за моего брата...

Мужъ вытеръ губы салфеткой и посмотрѣлъ на жену, нивъ голову.

— А ты довольна, что Янъ не долженъ уходить? — спросилъ онъ.

— Какъ же ты можешь спрашивать?! Всю недѣлю мнѣ мерещился предстоящій позоръ: усадьба Ріазы подъ молоткомъ! Не знаю, какъ и отблагодарить тебя!

Мужъ помолчалъ минутку. Затѣмъ онъ медленно сказалъ:

— Анна, хочу тебѣ кое-что сказать: такой радости, какъ сегодня, я никогда еще не испытывалъ... за все время нашего совмѣстнаго житья. Ты не знаешь, какая ужасная тяжесть давила меня все это время! Мнѣ было тридцать восемь лѣтъ, тебѣ девятнадцать, когда ты вошла въ мой домъ. Стоялъ я, какъ одинокое дерево, обломанное осеннимъ вѣтромъ. Твоя жизнь была вся въ цвѣтахъ, какъ садъ весной. Что могъ я тебѣ обѣщать, что дать? Ни блеска, ни красоты, ни веселыхъ рѣчей. Иногда мнѣ хотѣлось говорить тебѣ нѣжныя слова, но когда я

видѣлъ, какъ ты блѣдная и молчаливая ходишь по комнатамъ и саду, я молчалъ... молчалъ, сознавая, что я по отношенію къ тебѣ совершилъ преступленіе. А потомъ пошли дѣти. Ты выносила все страданіе, всю боль... И я снова не могъ дать тебѣ ничего за то счастіе, что ты мнѣ доставила. Знаешь: когда ты лежала въ постели блѣдная и измученная, а нашъ мальчикъ возлѣ тебя, — такой крошечный и невзрачный, — я подкрадывался иногда на цыпочкахъ къ твоему изголовью и долго глядѣлъ на васъ обоихъ. И тогда я говорилъ себѣ: дай Богъ, чтобъ я дожилъ до того дня, когда я хоть ничтожную долю счастія смогу воздать тебѣ за то чрезмѣрное счастіе, что вмѣстѣ съ тобой вошло въ мой одинокій домъ. Года проходили, дѣти подростали, въ нихъ воскресала моя молодость, — а для тебя я ничего не могъ сдѣлать. Но наконецъ насталъ этотъ день... Знаешь, въ окружный судъ я ѣхалъ, словно на свадьбу, но возвращался оттуда еще болѣе счастливымъ... Спасибо, милая, что ты мнѣ это позволила...

И онъ нагнулся надъ рукою жены, очевидно, для того, чтобъ провести платкомъ по глазамъ.

— И откуда у меня, стараго чурбана, взялось столько смѣлости — свататься за тебя?! — шутилъ онъ, поднимаясь.

Жена обвила руками его шею и поцѣловала въ лобъ.

— И все же я тебя люблю! — сказала она.

Мужъ немного помолчалъ. Но затѣмъ онъ взялъ обѣими руками правую руку ея и сказалъ съ теплой лаской:

— Этого словечка я тебѣ никогда, никогда не забуду...

Черезъ открытое окно изъ дома послышались хриплые удары стѣнныхъ часовъ. Мужъ тихо считалъ ихъ.

— Десять уже! — воскликнулъ онъ. — А завтра мнѣ рано вставать. Прости, я пойду. Всю прошлую недѣлю я спалъ плохо. Ты еще останешься?

— Да... немного .. Погода такая прекрасная...

— Да, удивительная! Только не простудись. Я скажу Мадѣ, чтобъ принесла тебѣ плэдъ... Спокойной ночи, дружокъ, и спасибо за все!.. Слышишь, какъ на кухнѣ сверчокъ поетъ! Говорятъ, что это къ счастію.

* * *

Крестьянскій Сынъ поднялся съ блестящими глазами. Большими шагами началъ онъ шагать по комнатѣ.

— Ну? — спросила Старушка, прервавъ свою пѣсню.

— Тетушка, — восторженно заговорилъ Крестьянскій

Сынъ, — новая пѣсня зазвучала у меня въ ушахъ: пѣсня о любви.

— Пѣсня о любви? О, сынокъ, это старая пѣсня. Только услыхавшій ее впервые думаетъ, что она ему первому зазвучала.

— Нѣтъ, тетушка, это не пѣсня о той любви, что томится, и вздыхаетъ, и бесѣдуетъ съ цвѣтами и птичками. Я запою о другой любви. Я запою о любви мужа, нашедшаго на своемъ одинокомъ пути неожиданнаго друга. Ихъ освѣжаетъ одинъ источникъ, ихъ радуетъ одинъ цвѣтокъ. И чѣмъ больше мужъ даетъ женѣ, тѣмъ богаче становится самъ. И ему хочется умереть за своего друга и быть счастливымъ. И ему хочется жить, чтобъ радоваться своему другу... Тетушка... — голосъ Крестьянскаго Сына зазвучалъ торжественно, — еще одна загадка жизни открылась мнѣ...

— Ну?

— Два голоса у меня въ груди. Одинъ говоритъ: «Живи для себя!». Другой говоритъ: «Умри для другихъ!». И я недоумѣвалъ, какъ повиноваться имъ обоимъ. Теперь я это знаю: умирая для своихъ дѣтей, ты будешь жить для себя. И вотъ о какой любви я буду пѣть: два друга умираютъ, чтобъ жить въ своихъ дѣтяхъ...

— Пой, сынокъ, пой. Но сперва погляди и въ другое окошк

Крестьянскій Сынъ послушался.

* * *

Молодая жена накинула на плечи плэдъ и стояла у калитки. На лугу поднялся легкій туманъ, за которымъ виднѣлась роща, какъ островъ посреди сѣровато-бѣлаго воднаго пространства. Полная луна незамѣтно поднялась надъ рощей и глядѣла куда-то вдаль, какъ бы думая о чемъ-то грустномъ, ей одной понятномъ.

Гдѣ-то послышались равномѣрные шаги. Зашуршали раздвинутые кусты.

Молодая женщина приложила руку къ груди.

— Добрый вечеръ! — раздалось изъ тѣни вишневыхъ деревецъ.

Молодой человѣкъ въ студенческой тужуркѣ подалъ ей руку.

— Добрый вечеръ! — отвѣтила она, медленно отнимая свою руку.

— Не ждала? — сказалъ онъ.

И темные глаза его медленно скользнули по ея стройному стану.

— Ждала ... — отвѣтила она медлительно, — мнѣ говорили, что ты сегодня утромъ пріѣхалъ.

— Ты одна дома? — спросилъ онъ вполголоса.

— Нѣтъ.

Оба замолчали.

— Разскажи, какъ тебѣ жилось ... — начала она первая. — Кончилъ экзамены?

Онъ оперся о калитку и закрылъ свое разгоряченное лицо ладонями.

— Эхъ! — минуту спустя проговорилъ онъ сквозь зубы, — такъ бы хотѣлось схватить все, и разорвать, и растоптать ... растоптать ногами весь міръ и самого себя ... свое сердце ...

У молодой женщины грудь начала быстрѣе подниматься. Лицо ея было блѣдно. Только глаза становились все темнѣе.

— Ты спрашиваешь, кончилъ ли я экзамены? — продолжалъ юноша. — Но для кого же мнѣ работать?

— Ты вѣдь хотѣлъ трудиться ... для меньшого брата, для всего человѣчества ... — замѣтила она робко.

— Для всего человѣчества! — отвѣтилъ онъ съ горечью, — да, когда-то я былъ такъ наивенъ, что вѣрилъ человѣчеству, вѣрилъ работѣ на пользу меньшого брата! Но, слава Богу, нашлись добрые люди, которые вырвали эту вѣру изъ моего сердца, оборвали ее лепестокъ за лепесткомъ, какъ цвѣтокъ ромашки ...

И онъ почти враждебно посмотрѣлъ на молодую женщину.

— Ахъ, ты опять объ этомъ! — промолвила она съ болью.

— Однажды я видѣлъ сумасшедшаго ... У него сгорѣли во время пожара двое дѣтей, отъ этого онъ потерялъ разсудокъ. И вѣчно ходилъ съ мѣста на мѣсто и говорилъ о своихъ дѣтяхъ ... Мнѣ кажется, что у меня сгорѣло гораздо больше ... Ахъ, зачѣмъ ты убила мою горячую вѣру въ человѣчество, мое желаніе трудиться? Зачѣмъ растоптала въ грязи все, что я украшалъ, какъ алтарь моей святыни?!

Въ глубокой тоскѣ прижался онъ лицомъ къ калиткѣ. Шапка его упала въ росистую траву, и густые, темные волосы свѣсились внизъ.

Сама того не замѣчая, молодая женщина коснулась бѣлой рукой до горячаго лба юноши. А другой рукой она медленно гладила черные волосы, какъ бы успокаивая обиженное дитя.

— Я все испробовалъ ... — говорилъ онъ, и слова, казалось, выходили изъ могилы. — Я работалъ цѣлыми днями и ночами, пока не падалъ отъ усталости рядомъ со своимъ стуломъ. Какъ лунатикъ ходилъ съ одного мѣста на другое, туда, гдѣ поку-

пается любовь; въ позорѣ другихъ женщинъ пытался я потопить воспоминанія о той единственной, которая была для меня такъ дорога. Все было напрасно. Какъ убійцу къ мѣсту преступленія, такъ меня тянуло обратно къ тѣмъ чернымъ развалинамъ, что остались отъ зданія моихъ идеаловъ.

Съ глазами, полными слезъ, наклонилась надъ нимъ щина и робко коснулась губами его мягкихъ волосъ.

— Другъ мой, другъ мой, — шептала она, — какъ ты несчастенъ!

Какъ дитя, ищущее успокоенія у матери, юноша обхватилъ обѣими руками ея шею и прильнулъ лицомъ къ ея плечу. Однообразная трескотня кузнечиковъ смѣшалась съ горячимъ шопотомъ его рѣчи:

— Помнишь ты тѣ вечера, когда мы за полночь сидѣли въ твоемъ садикѣ и говорили безконечныя рѣчи? Помнишь, какъ блестѣли твои глаза, когда я разсказывалъ тебѣ о своей невѣстѣ — наукѣ! И какъ сжимались твои маленькія руки, когда ты слышала о томъ, сколько неправды и насилій на свѣтѣ... и какъ переполнялись слезами твои милые глаза, когда ты узнавала о тяжкой судьбѣ обездоленныхъ... И на какія бы высоты ни уносились мечты моего вдохновленнаго сердца, — для тебя онѣ не были слишкомъ высоки. Какъ другъ, какъ вѣрный товарищъ, ты была готова идти со мной на борьбу и работу. И когда я тихой ночью одинъ возвращался домой, я сотни разъ останавливался, — такъ полно было мое сердце. Я вѣрилъ человѣчеству, потому что я вѣрилъ другу...

Вдругъ онъ поднялъ голову и сжалъ упругими пальцами ея плечи.

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты вышла замужъ? — простоналъ онъ.

Она опустила голову.

— Ты никогда не хочешь понять мою судьбу, — говорила она сквозь слезы. — Ты знаешь, что отецъ, посылая учиться брата и меня, растратилъ всѣ свои сбереженія и умеръ бѣднякомъ. Мать видѣла, что нельзя жить въ такомъ довольствѣ, какъ прежде, и какъ будто злилась за это на насъ. Братъ не могъ отвыкнуть отъ разгульной жизни въ городѣ, и дѣлалъ долги. Все это я видѣла — и знала, каковъ будетъ конецъ. Что бы ожидало меня, если бъ распространился слухъ о нашей бѣдности? Это я замѣчала по поведенію моихъ поклонниковъ. Только одинъ изъ нихъ никогда не показывалъ вида, что знаетъ о перемѣнахъ въ нашемъ положеніи: это мой нынѣшній мужъ... Иногда я собиралась уѣхать и гдѣ-нибудь вдали отъ родины за-

рабатывать свой хлѣбъ. Но зачѣмъ же уходить на чужбину, если тутъ же, на родинѣ, хорошій человѣкъ предлагалъ мнѣ кровъ, хлѣбъ и защиту? И я подумала, что буду ему вѣрнымъ спутникомъ. Любить я его не могла. Но этого онъ отъ меня и не требовалъ. Мнѣ ничего другого не оставалось! Куда я ни глядѣла, повсюду — нищета, оскорбленія, пустая безнадежная жизнь. Только изрѣдка мелькало солнышко въ моей сумрачной жизни: это бывало въ тѣ дни, когда ты пріѣзжалъ домой. Но ты вѣдь не признавалъ брака...

— Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! — взволнованно воскликнулъ юноша, — я не признаю цѣпей, въ которыя закозываютъ любовь, королеву всей природы! Какъ смѣетъ ничтожный человѣкъ превращать въ привычку то, что въ глубинѣ души загорается, какъ звѣзда изъ другого міра?! Какъ смѣетъ онъ заковывать въ цѣпи права тѣ чувства, что захватываютъ насъ, какъ порывъ весенняго вѣтра?! И самое прекрасное и чистое, что расцвѣтаетъ въ нашей душѣ, можетъ быть, лишь разъ за всю жизнь, какъ сказочный цвѣтокъ, — какъ ты смѣешь отнести это и продать тому, кто тебѣ даетъ хлѣбъ и красивую одежду? Тѣхъ, что на улицѣ предлагаютъ свою любовь, тѣхъ я понимаю: гонимыя голодомъ, дѣлаютъ онѣ это, да и продаютъ онѣ только свое тѣло... Но ты, ты... Какъ могла ты отнести на рынокъ свою ясную душу?! Вотъ что убило мою вѣру въ идеалы и человѣчество: ты могла продать свою душу!

Давно ужъ голова ея склонилась юношѣ на грудь. И послѣ каждаго новаго слова молодая женщина вздрагивала, какъ отъ удара.

Онъ замолкъ въ глубокой скорби и слушалъ, какъ она плакала на его груди.

Вдругъ въ ночной тишинѣ раздалась дивная пѣсня соловья. Она звала, и манила, и обѣщала счастіе.

Юноша вздрогнулъ, и руки его точно въ бреду обвили станъ молодой женщины.

— И все же я тебя не оставлю! — проговорилъ онъ сквозь стиснутые зубы. — Я разбужу ее, твою умершую душу, мою заколдованную царевну. И если бъ мнѣ пришлось поднять вихри всего міра... я все же раздую въ пламя эту позабытую искру. И пусть мы сгоримъ въ этомъ пламени, но хотя на мигъ будемъ счастливы!

Маленькая калитка, раздѣлявшая ихъ, раскрылась.

— Мой другъ, мой другъ, куда ты меня зовешь?! — шеп-

тала женщина, все тѣснѣе прижимаясь къ нему. — Какъ я взгляну потомъ въ глаза дѣтямъ и мужу?

— О, если бъ намъ за этотъ часъ пришлось заплатить безконечными страданіями, — я все же не отпущу тебя! Я буду цѣловать тебя, буду цѣловать твою душу, отдамъ ей жизнь свою, пока не отогрѣю ея отъ смертнаго оцѣпенѣнія, пока не раскроетъ она своихъ лазурно-ясныхъ очей... Иди, моя любимая, иди!.. Мы будемъ праздновать воскресеніе твоей души!

И медленно отпустили ея руки калитку сада. Усталая, пошла она рядомъ съ нимъ, пока онъ не взялъ ея на руки, какъ дорогую ношу, и не понесъ къ рощѣ. Кузнечики замолкли, соловей прекратилъ свою пѣсню. А подъ шагами юноши осыпалась съ травъ холодная роса.

*

Крестьянскій Сынъ вскочилъ на ноги.

— Но такъ вѣдь нельзя! Такъ нельзя! — шептали его уста, въ то время, какъ самъ онъ безпокойно бѣгалъ по комнаткѣ.

И даже ночью, засыпая, онъ все повторялъ еще сквозь сонъ:

— Но такъ вѣдь нельзя, нельзя!

А въ отвѣтъ ему скрипѣлъ безсонный станокъ Старухи, какъ будто издѣваясь:

— Можно, можно, можно!

А на третій день Крестьянскій Сынъ самъ безъ приглашенія сѣлъ къ окошку. То, что онъ видѣлъ наканунѣ, оставило въ его душѣ какъ бы осеннюю тьму. Онъ жаждалъ солнца.

Но такія же тѣни и сумракъ нашелъ онъ и за окошкомъ. Бѣденъ былъ міръ, на который онъ глядѣлъ. Четыре сѣрыя стѣны, низкій потолокъ, простое, незанавѣшенное окошко, выходившее куда-то къ сѣверу, передъ окошкомъ неприкрытый столъ, три стула и некрашенная деревянная кровать, покрытая полосатымъ одѣяломъ. А старая желѣзная печка въ углу, казалось, дышала холодомъ и ненавистью.

Изъ самаго темнаго угла вышелъ молодой человѣкъ съ лихорадочно блестѣвшими глазами и желтовато-блѣднымъ лицомъ.

Онъ тащилъ охапку книгъ и рукописей и бросилъ все это на полъ рядомъ съ деревяннымъ ящикомъ, до половины уже заполненнымъ книгами.

«Уѣзжать собирается!» — подумалъ Крестьянскій Сынъ.

Вотъ юноша снялъ со стѣны единственную картину: на ней былъ изображенъ онъ самъ съ двумя товарищами. Затѣмъ онъ медленно обошелъ всѣ четыре стѣны комнатки, правой рукой

слегка касаясь ихъ, какъ бы для ласки. Всталъ у окошка и долго глядѣлъ на красновато-коричневыя и сѣрыя крыши города. Когда онъ обернулся, слезы сверкали у него на глазахъ.

«Какъ мало радости видало сердце этого человѣка, если онъ можетъ скорбѣть до слезъ, уѣзжая отсюда!» — подумалось Крестьянскому Сыну.

На башнѣ часы пробили три.

За дверью раздался громкій стукъ.

— Войдите!

Крестьянскій Сынъ узналъ вошедшихъ. Это были тѣ два товарища, портретъ которыхъ юноша уложилъ въ чемоданъ. У одного изъ нихъ была на рукѣ небольшая корзинка съ бутылками, другой держалъ что-то завернутое въ бумагу, бережно оберегая свой свертокъ.

— Уже готовъ? — сказалъ первый, высокій, смуглый человѣкъ, окинувъ комнатку безпокойными карими глазами. — Это хорошо. Въ такомъ случаѣ ты, Круглый, сейчасъ можешь начать свою рѣчь.

Названный «Круглымъ» удивленно поднялъ на товарища свои голубые глаза.

— О, другъ, мы не такъ условились! — протестовалъ онъ.

Брюнетъ поставилъ корзинку съ бутылками на столъ и вырвалъ у Круглаго свертокъ изъ рукъ.

— Вѣчно ты портишь самые торжественные моменты! — воскликнулъ онъ нетерпѣливо.

— Я не ораторъ! — оправдывался Круглый.

Брюнетъ не обращалъ на него вниманія. Нервно-дрожащими руками развернулъ онъ бумагу. Въ ней оказался букетъ розъ. Пораженный обитатель комнатки глядѣлъ то на брюнета, то на Круглаго, который усѣлся на полусломанный стулъ, пытаясь удержать въ равновѣсіи свою тучную фигуру.

— Мнѣ жаль тебя, братъ мой Іонаѳанъ, — началъ брюнетъ, — ибо я очень любилъ тебя! Но всѣхъ насъ провожаютъ годъ за годомъ, какъ путешественниковъ, и вотъ настала твоя очередь. И такъ уходятъ всѣ они одинъ за другимъ и уносятъ съ собой свое сердце и свои милые глаза, а остаются только такіе, какъ Круглый и я...

— Обо мнѣ ты не безпокойся! — прервалъ его Круглый, пощипывая свои свѣтлые усики. — Я аккуратно сдаю свои экзамены.

Брюнетъ не далъ себя сбить.

— ...И остаются только тѣ, — повторилъ онъ, — кто

аккуратно сдаютъ свои экзамены, какъ вотъ этотъ ломоть сала, или тѣ, кто ничего не сдаютъ, какъ я... И какъ волны около позабытой барки умершаго рыбака, такъ вокругъ насъ будутъ плескаться солоноватыя воды вѣчности, и мы будемъ рвать наши ржавыя цѣпи, когда вспомнимъ товарищей, чьи паруса несутся въ даль, какъ бѣлые лебеди... Да, Круглый. Не ерзай тамъ на своемъ бывшемъ стулѣ... Одолѣютъ и тебя думы одиночества со своей пустотой. И когда мы будемъ сидѣть въ своей каморкѣ и напрасно ждать, не раздастся ли за дверью теплый голосъ друга, тогда наши мысли вернутся къ минувшимъ временамъ, какъ спугнутыя птички, и у воспоминаній этихъ дней будутъ спрашивать дорогу, по которой ушли друзья нашей юности. И чтобъ наши мысли на своихъ измокшихъ, усталыхъ крыльяхъ могли отыскать слѣды нашего друга, мы сегодня розами разукрасимъ путь его. Погляди, другъ, — и онъ повернулъ розы къ окну, скудно пропускавшему сѣроватый свѣтъ уходящаго зимняго дня, — гляди: синихъ розъ нѣтъ у насъ. Онѣ означали бы вѣру. Но мы знаемъ, что вѣра твоя такъ широка, какъ синее небо, — потому намъ не надо синихъ розъ. Но вотъ — бѣлая роза, братъ: пусть она будетъ символомъ твоей бѣлой души... А красныя розы — та любовь, что ты заслужилъ и заслужишь на своемъ пути!...

И онъ обнялъ товарища, глаза котораго стали влажны.

Замигалъ глазами и Круглый. Но затѣмъ, какъ бы устыдившись, онъ быстро раскрылъ пробочникъ и воткнулъ его въ горлышко бутылки.

— Покъ!

— Выпьемъ, а тамъ увидимъ! — сказалъ онъ и провелъ рукавомъ по раскраснѣвшемуся лицу.

Не говоря больше ни слова, друзья осушили въ темнотѣ свои стаканы. Грустныя мысли неслышными шагами тѣней ходили по комнатѣ. Только звонъ стакана отъ времени до времени прерывалъ тишину. Казалось, что стѣны пугаются этого неожиданнаго непривычнаго шума.

Потомъ друзья зажгли свѣчу и воткнули ее въ пустую бутылку. Свѣча освѣтила столъ, розы и трехъ юношей; но дальше свѣтъ ея не шелъ, подавляемый сумракомъ зимняго вечера, заволакивавшимъ голыя стѣны комнаты.

— А теперь за твою будущность, братъ, за солнечные дни твои! — сказалъ брюнетъ, откупоривая вторую бутылку и снова наполняя стаканы. — Пусть Круглый опять скажетъ рѣчь!

— Я не ораторъ! — проворчалъ Круглый. — На здоровье!

— Да, ты правъ... Настанетъ она и безъ рѣчей, золотая будущность наша! Настанетъ, какъ весна съ теплымъ вѣтеркомъ, пѣснями жаворонка и жужжаніемъ пчелъ. И самъ ты будешь удивляться, какъ много скрытыхъ почекъ было въ твоей зимней жизни. Пусть распустятся всѣ онѣ, почки твоихъ надеждъ.

Разговоръ оживился. Давно неслыханный смѣхъ потрясалъ темноту и ударялся о хмурыя, голыя стѣны.

Часы на башнѣ пробили пять.

— Послѣдній часъ! — сказалъ брюнетъ. — И послѣдняя бутылка! — прибавилъ онъ. — Ее мы выпьемъ за счастіе той, которую ты любишь. Но объ этомъ ужъ придется сказать тебѣ самому.

Кандидатъ вскочилъ. На желтовато-блѣдномъ лицѣ его появился румянецъ, глаза пылали.

— За свою невѣсту я выпью этотъ стаканъ, — сказалъ онъ, — за юношескую любовь мою! Если бъ вы меня спросили, отчего я люблю ее, я, быть можетъ, не могъ бы отвѣтить. Нѣтъ у нея ни красоты, ни земного богатства, ни плѣнительной рѣчи. Предки ея не господствовали отъ моря до моря, рыцари ея не разносили на концахъ своихъ копьевъ славу о ней по горамъ и долинамъ. Что же есть у нашей Латвіи, у нашей сироты, за что мы могли бы любить ее? Стоитъ она одна и незамѣченная, въ сторонкѣ, но хочется сѣсть возлѣ нея на голый камень и жать ея загорѣлую руку, жать ея руку и шептать ей такія слова: «Мы созданы другъ для друга, мы — пасынки судьбы, и мы останемся навсегда вмѣстѣ. Я буду работать для тебя съ утра до вечера, я наполню хлѣбомъ твои амбары, сотку для тебя парчевыя одежды, я отыщу для тебя янтарныя ожерелья. И чѣмъ больше я буду дѣлать для тебя, тѣмъ больше станетъ моя любовь... И когда я, усталый и измученный, вернусь домой, и осеннія думы заполнятъ душу мою, тогда я спрячу свою голову на твоей груди, и ты будешь пѣть мнѣ свои старыя пѣсни»... И если я пріобрѣту за свою любовь только могилу въ родной землѣ, я все же не перестану любить свою родину. Ибо вся моя сила и все мое счастіе — въ моей любви. За будущность родины, братья! Да благословитъ Богъ нашу невѣсту!

— Да благословитъ Богъ невѣсту нашу! — повторили оба товарища и торжественно опорожнили свои стаканы.

— А теперь прощай, мой тихій пріютъ! — сказалъ кандидатъ и надѣлъ пальто.

Товарищи надѣли шапки.

Кандидатъ хотѣлъ ужъ было взяться за ящикъ съ книгами, чтобъ потащить его внизъ, какъ въ старомъ домѣ вдругъ что-то странно треснуло. Казалось, что простоналъ закоптѣлый потолокъ, а кто-то тяжело вздохнулъ.

— Это къ смерти и разлукѣ! — тихо сказалъ кандидатъ, поблѣднѣвъ.

— Да, это умираетъ твое прошлое... — отвѣтилъ весело брюнетъ. — А теперь, Круглый, берись за чемоданъ! Allons, enfants!..

Только огарокъ остался горѣть въ пустой комнатѣ...

* *

Крестьянскій Сынъ поднялся съ восторженнымъ лицомъ.

— Тетушка, — сказалъ онъ, — все прежнее — пустяки. Пѣсня о трудѣ и отдыхѣ — не пѣсня. Она замолкаетъ вмѣстѣ съ послѣднимъ ударомъ кладбищенскаго колокола. И не настоящая это пѣсня, если я нахожу счастіе въ своихъ дѣтяхъ. Шире, могучѣй должна быть моя пѣсня! Она должна найти отзвукъ въ сердцахъ тѣхъ, что безъ жены и дѣтей проходятъ свой тяжелый путь. Я буду пѣть о любви къ родинѣ, о томъ пламени, что вьется вокругъ всѣхъ, отдавшихъ себя родной землѣ искупительной жертвой. Что изъ того, если ты страдаешь и гибнешь?! Ты видишь, что твой народъ цвѣтетъ. Что за бѣда, если ты умрешь невѣдомый и безгласный! Ты все же будешь жить въ народной душѣ своимъ неугасимымъ пламенемъ любви. Нѣтъ пѣсни выше пѣсни о родинѣ.

Старушка остановила свой челнокъ и погрузилась въ грустныя воспоминанія. На этотъ разъ она ничего не сказала и только кивнула головой на другое окошко.

А черезъ второе окошко Крестьянскій Сынъ увидѣлъ нѣчто другое.

* * *

Комнатка-то, пожалуй, была такъ же пуста и неуютна, какъ и только что видѣнная. Книгъ и бумагъ тоже было навалено цѣлыя кучи — и на полкахъ, и на столѣ. Но прежняго кандидата онъ едва узналъ. На узкой кроваткѣ лежалъ кто-то, прикрытый поношеннымъ пальто. Былъ ли это кандидатъ или только его тѣнь?

Желтовато-блѣдное лицо его стало теперь совершенно восковымъ. Когда-то густые волосы прилипли жидкими прядями ко

лбу, покрытому холоднымъ потомъ. Вмѣсто глазъ виднѣлись сквозь сумракъ двѣ темныхъ впадины. Запущенная, взъерошенная борода только отчасти прикрывала тонкую, жилистую шею, откуда слышался безпокойный хрипъ.

Другихъ людей въ комнаткѣ не было.

Но вотъ дверь скрипнула. Въ нее вошелъ на цыпочкахъ какой-то мужчина въ цилиндрѣ. Тихо снялъ онъ пальто и положилъ его вмѣстѣ съ продолговатымъ сверткомъ въ зеленой бумагѣ на столъ. Крестьянскій Сынъ замѣтилъ, что пришедшій тщательно выбритъ, носитъ пушистые усы и одѣтъ во фракъ съ бѣлымъ галстукомъ.

Онъ, видимо, не впервые былъ въ этой комнаткѣ. Онъ пошарилъ въ самомъ темномъ углу на полкѣ и поставилъ на столъ небольшую керосиновую лампу съ разбитымъ колпакомъ. Затѣмъ, нащупавъ спички, зажегъ фитиль.

Свѣтъ упалъ на лицо незнакомца. Крестьянскому Сыну показалось, что онъ гдѣ-то видѣлъ эти безпокойные, темные глаза, только не могъ припомнить — гдѣ. При свѣтѣ видно было, что вошедшій вовсе ужъ не такъ шикаренъ, какъ казалось въ сумеркахъ. Фракъ повсюду лоснился, галстукъ былъ не первой свѣжести, да и манишка не блистала чистотою.

Незнакомецъ на цыпочкахъ подошелъ къ спящему и долго глядѣлъ на него. Потомъ онъ покачалъ головой и началъ большими шагами ходить по комнаткѣ. Отъ времени до времени онъ останавливался, сжималъ губы и отдувался, какъ бы желая сдунуть что-то, что все снова и снова лѣзло на него.

На лѣстницѣ послышались шаги и голоса. Незнакомецъ отодвинулся въ самый темный уголъ и замеръ тамъ.

Дверь быстро распахнулась. Вошелъ низкій, толстый господинъ въ золотыхъ очкахъ и енотовой шубѣ. Въ сыроватомъ воздухѣ комнатки холодное стекло очковъ тотчасъ запотѣло, господинъ остановился у двери, снялъ очки и, вытирая ихъ платкомъ, оглядывалъ комнатку круглыми глазами. Не замѣчая въ ней другого человѣка, онъ надѣлъ очки, быстро скинулъ шубу, а самъ поспѣшно подошелъ къ больному. Пощупавъ пульсъ, онъ наклонилъ ухо къ груди больного и слушалъ минутку. Затѣмъ въ недоумѣніи поднялъ голову и оглянулся на прислугу, все еще державшую дорогую шубу, распахнувъ ее обѣими руками.

— Кто тебѣ передалъ записку? — спросилъ онъ.

— Вонъ тотъ баринъ, господинъ докторъ! — отвѣтила женщина, указывая головой на человѣка во фракѣ, въ эту минуту выходившаго изъ угла.

— Положи шубу вотъ тутъ... — сказалъ бритый человѣкъ. — Мы съ докторомъ вдвоемъ посидимъ около больного.

— Ну, мое сидѣніе ничему не поможетъ... — отвѣтилъ врачъ и хотѣлъ взяться за шубу.

Но господинъ во фракѣ отнялъ ее у прислуги и кивкомъ головы указалъ послѣдней на дверь. Затѣмъ онъ отнесъ шубу въ темный уголъ и пододвинулъ доктору стулъ.

— Посиди... — сказалъ онъ спокойно, когда прислуга ушла. — Что ему, — при этомъ онъ кивнулъ головой въ сторону больного, — твое сидѣніе не поможетъ, настолько и я понимаю въ медицинѣ. Но полагаю, что это не будетъ безполезнымъ.

— Я не понимаю... — заговорилъ врачъ немного взволнованно. — Прекрасно знаютъ, что врачъ тутъ не нуженъ, и все же безпокоятъ!

Видно было, что ему трудно говорить господину во фракѣ «ты», но сказать ему «вы» онъ не осмѣливался.

— Знаю, что обезпокоилъ тебя! — спокойно отвѣтилъ усачъ. — Знаю, что у твоей супруги сегодня день рожденія, хотя почтальонъ, очевидно, затерялъ адресованное мнѣ приглашеніе...

Врачъ покраснѣлъ и безпокойно заерзалъ на стулѣ.

— Но врачъ тутъ, право, не нуженъ! — повторилъ онъ, озираясь.

— Будь такъ любезенъ и прочти еще разъ мою записку! — строже проговорилъ усатый, взявъ врача за рукавъ. — Тамъ я писалъ, что университетскій *другъ* заболѣлъ. Или ты полагаешь, что симметріи ради мы сегодня снова обязаны проводить его...

— Многіе, пожалуй, были ему ближе... — оправдывался врачъ.

Господинъ во фракѣ нервно засмѣялся.

— Собственно говоря, это была только моя фантазія! — сказалъ онъ. — Сегодня какъ разъ шесть лѣтъ, какъ мы его провожали изъ университета въ жизнь. И вотъ мнѣ вздумалось, что симметріи ради мы сегодня снова обязаны проводить его туда... понимаешь?

И онъ погрузился въ раздумье.

— Я, право, не могу остаться! — снова началъ врачъ.

— Ты останешься! — строго отвѣтилъ другой.

— Почему? — спросилъ докторъ полусердито, полуудивленно.

— Потому что я этого хочу!

— Это для меня новость! — процѣдилъ сквозь зубы врачъ.

— Для меня — нѣтъ. Или ты желаешь завтра прочесть въ газетѣ описаніе обѣихъ картинъ: той, шесть лѣтъ тому назадъ, и вотъ этой, сегодняшней? И Круглаго узнаетъ всякій, — въ этомъ ты можешь быть увѣренъ. Но... — прибавилъ онъ, вздохнувъ, — что же мы тутъ споримъ изъ-за ничтожнаго полъ-часика! Или ты полагаешь, что онъ проживетъ дольше?

— Много, если полъ-часа... — мрачно отвѣтилъ врачъ.

— Ну, вотъ видишь! Прошлый разъ мы провели вмѣстѣ часа два... Выпили три бутылки. Сегодня я взялъ съ собой только одну бутылку. Жаль, что ты не принесъ розъ. У тебя, на квартирѣ, ихъ сегодня, навѣрно, достаточно...

Врачъ упрямо смотрѣлъ на полъ. Господинъ во фракѣ откупорилъ бутылку, отыскалъ немытый стаканъ изъ-подъ пива, налилъ его и подалъ врачу.

— Благодарю, но я, право, не могу сегодня больше пить!

— Какъ угодно... За твое здоровье, мой бѣдный другъ!

И онъ выпилъ стаканъ въ одинъ пріемъ.

— Странный тостъ у постели умирающаго! — не удержалъ замѣчанія врачъ.

— Ты думаешь? Но развѣ онъ сегодня не освободится отъ всѣхъ своихъ бѣдъ, бациллъ и отъ своего безумія?..

— Безумія?

— Какъ, развѣ ты ничего не слыхалъ о его безуміи? Вѣдь изъ-за него-то онъ и нажилъ себѣ бациллъ.

— Впервые слышу, что онъ страдалъ нервами... — замѣтилъ врачъ.

— О, сумасшедшимъ онъ былъ уже давно. Только мы не распознавали въ свое время этого недуга. Мы это звали идеализмомъ. Но потомъ, когда онъ попалъ къ здравомыслящимъ людямъ, безуміе его стало очевиднымъ.

— Сознаюсь, я ничего особеннаго въ немъ не замѣчалъ...

— Вообрази себѣ, ну развѣ это не безуміе?! Поступаетъ онъ въ помощники къ одному благоразумному старому пастору и вдругъ вспоминаетъ, что онъ — латышъ. Ну, латышъ, такъ латышъ, ничего тутъ не подѣлаешь. Но нѣтъ, онъ настаиваетъ на томъ, что ему, какъ духовному лицу, необходимо поощрять въ своемъ приходѣ народность. Скажи самъ: какой здравомыслящій человѣкъ попытается соединить обязанности пастора съ народническими стремленіями? Ну, и не соединилъ, конечно. Тогда онъ вообразилъ: у каждаго народа, у каждаго человѣка имѣется своя религія; и дѣло его жизни — разбудить религіозныя

— Положи шубу вотъ тутъ... — сказалъ бритый человѣкъ. — Мы съ докторомъ вдвоемъ посидимъ около больного.

— Ну, мое сидѣніе ничему не поможетъ... — отвѣтилъ врачъ и хотѣлъ взяться за шубу.

Но господинъ во фракѣ отнялъ ее у прислуги и кивкомъ головы указалъ послѣдней на дверь. Затѣмъ онъ отнесъ шубу въ темный уголъ и пододвинулъ доктору стулъ.

— Посиди... — сказалъ онъ спокойно, когда прислуга ушла. — Что ему, — при этомъ онъ кивнулъ головой въ сторону больного, — твое сидѣніе не поможетъ, настолько и я понимаю въ медицинѣ. Но полагаю, что это не будетъ безполезнымъ.

— Я не понимаю... — заговорилъ врачъ немного взволнованно. — Прекрасно знаютъ, что врачъ тутъ не нуженъ, и все же безпокоятъ!

Видно было, что ему трудно говорить господину во фракѣ «ты», но сказать ему «вы» онъ не осмѣливался.

— Знаю, что обезпокоилъ тебя! — спокойно отвѣтилъ усачъ. — Знаю, что у твоей супруги сегодня день рожденія, хотя почтальонъ, очевидно, затерялъ адресованное мнѣ приглашеніе...

Врачъ покраснѣлъ и безпокойно заерзалъ на стулѣ.

— Но врачъ тутъ, право, не нуженъ! — повторилъ онъ, озираясь.

— Будь такъ любезенъ и прочти еще разъ мою записку! — строже проговорилъ усатый, взявъ врача за рукавъ. — Тамъ я писалъ, что университетскій *другъ* заболѣлъ. Или ты полагаешь, что симметріи ради мы сегодня снова обязаны проводить его...

— Многіе, пожалуй, были ему ближе... — оправдывался врачъ.

Господинъ во фракѣ нервно засмѣялся.

— Собственно говоря, это была только моя фантазія! — сказалъ онъ. — Сегодня какъ разъ шесть лѣтъ, какъ мы его провожали изъ университета въ жизнь. И вотъ мнѣ вздумалось, что симметріи ради мы сегодня снова обязаны проводить его туда... понимаешь?

И онъ погрузился въ раздумье.

— Я, право, не могу остаться! — снова началъ врачъ.

— Ты останешься! — строго отвѣтилъ другой.

— Почему? — спросилъ докторъ полусердито, полуудивленно.

— Потому что я этого хочу!

— Это для меня новость! — процѣдилъ сквозь зубы врачъ.

— Для меня — нѣтъ. Или ты желаешь завтра прочесть въ газетѣ описаніе обѣихъ картинъ: той, шесть лѣтъ тому назадъ, и вотъ этой, сегодняшней? И Крутлаго узнаетъ всякій, — въ этомъ ты можешь быть увѣренъ. Но... — прибавилъ онъ, вздохнувъ, — что же мы тутъ споримъ изъ-за ничтожнаго полъ-часика! Или ты полагаешь, что онъ проживетъ дольше?

— Много, если полъ-часа... — мрачно отвѣтилъ врачъ.

— Ну, вотъ видишь! Прошлый разъ мы провели вмѣстѣ часа два... Выпили три бутылки. Сегодня я взялъ съ собой только одну бутылку. Жаль, что ты не принесъ розъ. У тебя, на квартирѣ, ихъ сегодня, навѣрно, достаточно...

Врачъ упрямо смотрѣлъ на полъ. Господинъ во фракѣ откупорилъ бутылку, отыскалъ немытый стаканъ изъ-подъ пива, налилъ его и подалъ врачу.

— Благодарю, но я, право, не могу сегодня больше пить!

— Какъ угодно... За твое здоровье, мой бѣдный другъ!

И онъ выпилъ стаканъ въ одинъ пріемъ.

— Странный тостъ у постели умирающаго! — не удержалъ замѣчанія врачъ.

— Ты думаешь? Но развѣ онъ сегодня не освободится отъ всѣхъ своихъ бѣдъ, бациллъ и отъ своего безумія?..

— Безумія?

— Какъ, развѣ ты ничего не слыхалъ о его безуміи? Вѣдь изъ-за него-то онъ и нажилъ себѣ бациллъ.

— Впервые слышу, что онъ страдалъ нервами... — замѣтилъ врачъ.

— О, сумасшедшимъ онъ былъ уже давно. Только мы не распознавали въ свое время этого недуга. Мы это звали идеализмомъ. Но потомъ, когда онъ попалъ къ здравомыслящимъ людямъ, безуміе его стало очевиднымъ.

— Сознаюсь, я ничего особеннаго въ немъ не замѣчалъ...

— Вообрази себѣ, ну развѣ это не безуміе?! Поступаетъ онъ въ помощники къ одному благоразумному старому пастору и вдругъ вспоминаетъ, что онъ — латышъ. Ну, латышъ, такъ латышъ, ничего тутъ не подѣлаешь. Но нѣтъ, онъ настаиваетъ на томъ, что ему, какъ духовному лицу, необходимо поощрять въ своемъ приходѣ народность. Скажи самъ: какой здравомыслящій человѣкъ попытается соединить обязанности пастора съ народническими стремленіями? Ну, и не соединилъ, конечно. Тогда онъ вообразилъ: у каждаго народа, у каждаго человѣка имѣется своя религія; и дѣло его жизни — разбудить религіозныя

силы своего народа. И вотъ онъ начинаетъ ходить въ общества, читать рефераты. Читаетъ одинъ вечеръ, читаетъ другой... Народъ слушаетъ и не знаетъ, что дѣлать. «Ретроградъ!» — говоритъ одинъ и пожимаетъ плечами. «Подстрекатель!» — говоритъ другой и оглядывается, гдѣ дверь. «Ничего, поэтическій языкъ! — говоритъ третій, — только содержаніе не выдерживаетъ культурно-исторической критики...» Для разумнаго человѣка этого было бы достаточно, но для него — мало. Нѣтъ, онъ будетъ писать для будущаго поколѣнія! И такъ онъ сидѣлъ, писалъ и чахнулъ. Вонъ тамъ на столѣ имѣется гербарій его безумія. Третью часть прислуга во время его болѣзни, навѣрно, использовала для заклейки оконныхъ рамъ; но погляди, какая это куча!

И онъ локтемъ толкнулъ стопу рукописей.

— Скажи теперь самъ: не ужасное ли это безуміе — продать весь свой вѣкъ, всю молодость за макулатуру, годную лишь для заклейки оконъ?! И какой вѣкъ еще! Эхъ!

Усатый господинъ быстро провелъ лоснящимся рукавомъ фрака по глазамъ. Затѣмъ онъ снова наполнилъ стаканъ.

Врачъ не разслышалъ послѣднихъ словъ. Онъ наклонился надъ больнымъ, потомъ, поднявшись, двумя пальцами прикрылъ его глаза.

— Онъ пересталъ страдать... — сказалъ онъ тихо.

Усачъ посмотрѣлъ на часы.

— Нѣтъ еще и десяти... — промолвилъ онъ. — Этакъ къ завтрашнему дню я успѣю написать даже двѣ статьи: «Безпощадная смерть снова унесла...» номеръ первый, и номеръ второй: «Нынѣшній сезонъ, несомнѣнно, достигъ своего апогея вчерашнимъ маскарадомъ...» Каждую по шестидесяти строкъ и по три копейки за строку...

Сказавъ это, онъ какъ подкошенный повалился на колѣни рядомъ съ мертвецомъ и покрылъ поцѣлуями его тонкую руку.

— Братъ мой Іонаѳанъ, братъ мой Іонаѳанъ! — восклицалъ онъ съ глубокой печалью, — отчего я не умеръ вмѣсто тебя!

Врачъ далъ вылиться его печали. Немного спустя журналистъ поднялся.

— Такъ уходятъ всѣ они со своими любвеобильными сердцами! — сказалъ онъ, — и остается только такая сволочь, какъ ты и я! Идемъ!

Но на порогѣ онъ остановился.

— И на его могильномъ крестѣ мы сдѣлаемъ надпись, —

сказалъ онъ, — на одной сторонѣ напишемъ: «Онъ любилъ свой народъ», а на другой: «Любовь его была его проклятіемъ»...

* * *

Крестьянскій Сынъ снова сѣлъ на коня и поѣхалъ домой. Рѣзкій утренній вѣтеръ билъ ему въ лицо острыми снѣжинками, но онъ этого не замѣчалъ. Рѣсницы его покрылись льдомъ...

Вторая кудель.

Крестьянскій Сынъ пахалъ въ полѣ за рощей. Отецъ и Мать присѣли отдохнуть подъ липой.

— Слышалъ ты, чтобъ сынъ смѣялся или пѣсню запѣлъ? — спросила Мать.

— Ну, онъ уже не мальчикъ! — отвѣтилъ Отецъ, — онъ человѣкъ себѣ на умѣ...

А самъ наклонилъ сѣдую голову, чтобъ жена не могла заглянуть ему въ глаза.

Мать вздохнула.

— Мнѣ все кажется, что тамъ, на чужбинѣ, съ нимъ случилась какая-то бѣда! — говорила она какъ бы про себя. — Съ одной кручиной уѣхалъ, съ пятью вернулся. Прежде онъ все-таки приходилъ ко мнѣ поплакать. Теперь же одинъ носитъ свою тяжесть.

Отецъ ничего не отвѣтилъ. Но когда Мать ушла въ амбаръ, онъ оглянулся кругомъ, точно приготовляясь къ чему-то недоброму, и медленно ушелъ, направляясь къ рощѣ.

Пройдя сквозь рощу, онъ увидалъ: сынъ пашетъ, но послѣ каждой борозды останавливается и думаетъ, глядя вдаль, на лѣса, на тучи...

— Присядемъ, сынъ! — сказалъ Отецъ, подходя къ нему.

Оба сѣли на краю рытвины, возлѣ орѣшника, гдѣ весеннее солнце высушило прошлогодніе шершавые листья.

— Мать больно тоскуетъ, сынъ... — началъ Отецъ, — тоскуетъ о твоей душѣ. Не можетъ она понять, о чемъ ты все думаешь? И нѣтъ у тебя радости.

— Да, отецъ, нѣтъ у меня радости, — отвѣтилъ Сынъ. — И никогда не будетъ, — прибавилъ онъ немного погодя.

Отецъ медленно кусалъ стебелекъ прошлогодней травы своими бѣлыми еще зубами.

— А могъ бы я?... — промолвилъ Крестьянскій Сынъ, и голосъ его осѣкся.

— Да, сынъ, и ты можешь услышать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ — въ этой вотъ книгѣ... Она написана для всѣхъ, но многіе не желаютъ слышать ея, а иные, слыша, не могутъ понять.

Юноша взволнованно глядѣлъ на старика, какъ бы желая заранѣе прочесть на устахъ его каждое слово.

— Садись, сынъ... — ласково сказалъ старикъ. — Вся эта книга написана объ этой загадкѣ, и отвѣтъ данъ одинъ: отъ того нѣтъ счастія безъ горя, жизни безъ смерти, что человѣкъ отступилъ отъ Бога... Ты это понимаешь?

Яркіе глаза старика, казалось, глядѣли юношѣ въ самую глубину души.

— Не въ обиду тебѣ будь сказано, дяденька... — немного погодя, началъ несмѣло Крестьянскій Сынъ. — Видишь ли, изъ корня березы вырастаетъ березовый побѣгъ, а корень ивы пускаетъ свой побѣгъ. Я знаю, что у каждаго дерева свой корень, и что отъ одного корня не могутъ произрасти два разныхъ дерева. На свѣтѣ столько злосчастій... Какъ же всѣ они могутъ произрасти изъ одного и того же корня?

— Есть на свѣтѣ только три злосчастія, сынъ, — спокойно отвѣтилъ старикъ. — Первое злосчастіе — злосчастіе сироты, второе — злосчастіе грѣшника и третье — злосчастіе умирающаго. Но если бъ человѣкъ не отступилъ отъ Бога, не было бы ни одного.

— Я, дяденька, не совсѣмъ понимаю...

— На свѣтѣ, сынокъ, много сиротъ, униженныхъ и оскорбленныхъ. Идутъ они по міру и плачутъ, видя родителей съ дѣтьми, друзей съ друзьями: нѣтъ у нихъ родителей, нѣтъ дѣтей, нѣтъ друзей. Плачутъ они, когда говорятъ о справедливости и равенствѣ... Нѣтъ для нихъ справедливости, и никто не хочетъ быть съ ними равнымъ. Плачутъ, когда слышатъ разсказы про отечество и родину: нѣтъ у нихъ отечества, и неуловимый вѣтеръ знаетъ, какъ зовутъ ихъ родину. Плачутъ они, думая о себѣ: каждый знаетъ, чего онъ хочетъ; есть у каждаго цѣль, къ которой онъ стремится. Но пасынки жизни смотрятъ на дымъ да на вѣтеръ, сметающій снѣгъ: исчезнутъ они точно дымъ, и слѣда ихъ не видать на землѣ. И такъ погружаются они изъ одиночества въ одиночество, и тоска обвиваетъ ихъ руки и ноги, какъ цѣпкая трава...

Старикъ неподвижно глядѣлъ въ одну точку, какъ будто видя тамъ все, о чемъ говорилъ.

— И ты полагаешь, что возвращеніе... — началъ было Крестьянскій Сынъ.

— Да, дитя, всѣ они не знаютъ обратной дороги къ отцовскому дому. Они не знаютъ, что все же есть Нѣкто, Кто днемъ и ночью смотритъ, не вернутся ли они къ Нему. Эти пасынки жизни не знаютъ, что въ груди ихъ дремлетъ душа, такая богатая, что Самъ Богъ тоскуетъ по ней. Ибо не по душамъ богатыхъ и радостныхъ, а по душамъ униженныхъ тоскуетъ Богъ. И не знаютъ они, что Богъ приходилъ на землю, искалъ и звалъ всѣхъ, кому тяжело и кого давитъ одиночество.

Старикъ снова замолчалъ. Крестьянскій Сынъ не рѣшался заговорить съ нимъ.

— А второе злосчастіе, — продолжалъ старикъ, и какъ бы тѣни прошлаго пронеслись по его лицу, — это злосчастіе грѣшниковъ, сильныхъ и гордыхъ. По высокимъ горамъ ходили они и далеко смотрѣли. Смертная тишь была вокругъ нихъ, и великое одиночество поднимало ихъ вверхъ, точно каплю воды изъ глубины моря. «Я буду царствовать!» — восклицалъ громовой ихъ голосъ, но только эхо рѣшалось отвѣтить имъ. Дороги, проложенныя людьми, были узки для нихъ. И матери съ молитвой глядѣли вслѣдъ имъ, слезы женъ не могли ихъ удержать, и нѣжныя ручки дѣтей растоптали они на твердыхъ камняхъ... Но вдругъ кто-то засмѣялся за ними холоднымъ смѣхомъ. Оглянулись они и слышатъ: «Я не вѣрю вашему полету». И чѣмъ могучѣе поднимались они на своихъ крыльяхъ, тѣмъ тѣснѣе вились вокругъ нихъ цѣпкія нити невѣрія... И вотъ лежатъ они глубоко въ разсѣлинѣ ледника, куда солнце не заглядываетъ, и мимо проходитъ серебристый путь луны. Есть еще и другіе грѣшники, — тѣ, у кого въ груди двѣ души. Одна — бѣлая и чистая и глядитъ на все ясными глазами, а другая приходитъ ночью подъ темнымъ покрываломъ и шепчетъ тихо: «Я знаю, гдѣ красивая женщина ждетъ тебя, — только ты долженъ идти одинъ! Я знаю, гдѣ золото куютъ, — только ты долженъ идти одинъ! Я знаю, какъ погубить твоего врага, — только ты долженъ идти одинъ! И вотъ ночью человѣкъ встаетъ и въ темнотѣ ищетъ дверь своего дома; но не успѣлъ онъ переступить своего порога, — бѣлая душа стоитъ передъ нимъ, какъ мраморное изваяніе. И вотъ онъ медленно отворяетъ окно и тихо выходитъ въ садъ; но за густыми розами стоитъ его бѣлая душа и глядитъ на него трепетными глазами. Тогда человѣка охватываетъ бѣшеная злоба, онъ хватаетъ грязь

и бросаетъ въ лицо своей душѣ, и бьетъ ее, и топчетъ ногами... И идетъ туда, гдѣ ждетъ его красивая женщина, туда, гдѣ куютъ золото, и съ ненавистью вонзаетъ лезвіе въ грудь своего врага... Но какъ только вернется домой, — бѣлая душа снова съ нимъ, — забросанная грязью, разбитая, израненная, только глаза ея такъ же ясны и полны безконечной скорби. И тогда рождается въ человѣкѣ презрѣніе, и бѣжитъ онъ, и скитается какъ Каинъ по широкому свѣту, и не можетъ убѣжать самъ отъ себя и отъ своей вины передъ бѣлой душою...

Старикъ закрылъ лицо руками, а затѣмъ положилъ ладони на раскрытую книгу и продолжалъ грустнымъ голосомъ:

— А третье злосчастіе — это злосчастіе умирающаго. Сотня дѣлъ начата, сотни полей непочаты... а день такъ кратокъ! И вечерній сумракъ облекаетъ твою работу и намѣренія твои, и ты не знаешь, кто завтра продолжитъ твою борозду. Ты обнимаешь друзей и товарищей, жена твоя жмется къ твоей груди, и дѣтскія ручки касаются тебя, какъ стебельки хмеля. А кладбищенскій колоколъ гудитъ и зоветъ, и ты долженъ порвать тысячи нитей и оставить за собой сотни кровавыхъ ранъ... и ты самъ не понимаешь, къ чему все это. А смерть ѣдетъ на палевомъ конѣ своемъ и глядитъ въ даль надъ синими лѣсами. Подъ копытами коня падаютъ цвѣты и колосья, и давитъ грудь старика холодная подкова, стонутъ подъ нею малыя дѣти, и мощный юноша какъ бы съ угрозой поднимаетъ сжатый кулакъ... И наступаетъ копыто на лицо и на бѣлую грудь красивой женщины, и стягивается морщинами лобъ ея мужа... А смерть ѣдетъ по міру на палевомъ конѣ и въ даль глядитъ надъ синими лѣсами. И необозримой вереницей тянутся за ней горе и стоны, и по обѣимъ сторонамъ ея ужасной дороги стоятъ блѣдные люди, въ недоумѣніи сжимаютъ свои головы и не знаютъ, сонъ это или дѣйствительность. Такъ ѣдетъ смерть на своемъ палевомъ конѣ ужъ тысячи лѣтъ по свѣту. И кости сотенъ поколѣній бѣлѣютъ на ея дорогѣ, и милліоны людей бѣгутъ отъ нея... все по одной и той же дорогѣ, по костямъ своихъ предковъ... А тамъ впереди горы Вѣчности, которыхъ никогда не касалась подкова коня смерти...

— Горы Вѣчности!... — воскликнулъ Крестьянскій Сынъ, весь дрожа.

— Вся наша жизнь — словно горькія морскія воды, — свѣсивъ голову, говорилъ старикъ какъ бы про себя. — Въ тихія минуты, когда корабль плыветъ межъ двухъ облаковъ и опускаетъ паруса, какъ усталая птица крылья, морякъ съ

любопытствомъ смотритъ въ неизмѣримыя морскія бездны. И видитъ онъ, что тамъ, изъ темноты, поднимаются несокрушимыя скалы, къ нимъ крѣпко приросли улитки и кроваво-красные кораллы. Плещутъ надъ ними соленыя волны, а скалы растутъ и поднимаются медленно и неуклонно. И если ты спросишь моряка: «Откуда эти скалы?», то онъ задумчиво отвѣтитъ: «Изъ вѣчности»... Да, другъ мой, есть еще другой міръ за нашимъ безпокойнымъ и горькимъ моремъ жизни: есть вѣчный міръ, основы котораго кроются далеко за невѣдомыми безднами нашего моря. Въ тихія минуты, когда мы плывемъ между двухъ небесъ, зоркій взглядъ мудреца можетъ замѣтить, что и въ наше житейское море вдаются несокрушимыя скалы, свидѣтели вѣчности. И въ каждой раковинѣ, что приросла къ этимъ скаламъ, скрытъ дорогой жемчугъ, и каждый кораллъ ихъ сверкаетъ кровянымъ багрянцемъ. И будетъ такъ: придетъ отважный искатель и нанижетъ прекрасное ожерелье изъ жемчуговъ свѣта и красныхъ коралловъ, красныхъ, какъ кровь праведниковъ...

Старикъ замолчалъ, какъ бы унесшись мысленно въ другіе края. Лучи полнаго мѣсяца тихо играли его серебристыми волосами.

— Да, сынъ... — вздохнувъ, продолжалъ онъ затѣмъ, — люди не знаютъ другого міра, и въ томъ ихъ бѣда, ихъ несчастіе. Они погрузились въ горькія воды преходящаго и забыли о Вѣчности, а между тѣмъ родина всѣхъ ихъ тамъ. Нѣтъ тамъ сиротъ, ибо всѣ тамъ дѣти одного Отца. Нѣтъ грѣшниковъ, ибо на порогѣ Вѣчности спадаютъ съ насъ всѣ преступленія, какъ изношенное платье. Нѣтъ страха смерти, ибо Вѣчности не знакомо преходящее. И кто разъ въ своей душѣ постигъ мысль о Вѣчности, тотъ ждетъ своего заката, какъ прекраснаго сна: какъ личинка заснетъ онъ, когда настанетъ вечеръ и прохлада ночи, и какъ бабочка проснется, когда золотое солнце заиграетъ на его крыльяхъ...

Крестьянскій Сынъ поцѣловалъ у старика руку.

— Отецъ, учи меня мыслямъ о Вѣчности, — попросилъ онъ, — и научи меня помогать моимъ несчастнымъ братьямъ!

Старикъ погладилъ его голову.

— Есть Нѣкто другой, Тотъ тебя научитъ мыслямъ о Вѣчности, — отвѣтилъ онъ, — человѣческая помощь здѣсь безсильна. Всѣмъ нужно ожидать, томиться и страдать, всѣмъ нужно испытать и чувствовать суету и пустоту этой жизни, и тогда, быть можетъ, у одного-другого раскроются уши для пѣсни Вѣчности.

— А я? Куда мнѣ идти?

— Туда, гдѣ тоска... А теперь спокойной ночи, сынъ! Тутъ для насъ обоихъ мѣста достаточно...

И онъ указалъ на простое ложе возлѣ стѣны.

Но юноша не могъ заснуть. Неслышно вышелъ онъ на дворъ и, осѣдлавъ коня, поѣхалъ по росистой травѣ, и влажныя вѣтви касались порой его горячаго лица. А надъ нимъ мерцала безконечность звѣздъ въ своемъ спокойномъ величіи. И Крестьянскій Сынъ думалъ о нихъ.

— И небесная ширь не вѣчна... — сказалъ онъ про себя. — Неужели у человѣка могутъ быть мысли шире всей безконечности небесъ со всѣми искрами звѣздъ?

Въ лѣсу онъ привязалъ коня къ дереву, развелъ огонь и легъ. Сквозь вѣтви надъ нимъ мерцали звѣзды, и мысли Крестьянскаго Сына поднимались все выше и выше, покуда не превратились въ серебристый свѣтъ и не разсѣялись въ безконечности неба.

* * *

Утренній вѣтерокъ зашумѣлъ въ верхушкахъ деревьевъ. Тяжелыя, холодныя капли росы звеня падали сквозь листву на зеленовато-желтый мохъ и на лицо Крестьянскаго Сына.

Онъ проснулся. Пѣли птицы. На верхушкахъ деревьевъ качался свѣтъ. Конь, наѣвшись мягкой травы, дремалъ у черной ольхи, пошевеливая сѣрой губой.

— Какой странный сонъ я видѣлъ! — потягиваясь, думалъ Крестьянскій Сынъ. — И какія странныя рѣчи слышалъ я во снѣ! Будто эта жизнь — не жизнь, а сонъ. Это вотъ дерево мнѣ только снится. И если вѣтвь его ударяетъ меня въ лицо, то это во снѣ. И когда весной сверкающіе сошники переворачиваютъ тяжелый пластъ земли, все это только сонъ... И все, о чемъ человѣкъ страдаетъ, о чемъ до смерти скорбитъ, все это — только сонъ?..

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, вставая, — какъ же я себѣ втолкую, что самъ я — только сонъ? И кто же меня видитъ во снѣ?.. И если бы все было сномъ, какъ же мнѣ отдѣлаться отъ мукъ сновидѣнія, что слѣдуютъ за мной тѣнью въ солнечный день?

Онъ подошелъ къ своему коню. Конь проснулся и, повернувъ къ нему голову, заржалъ.

— Вотъ что, сѣрый... — сказалъ онъ, ласково гладя шею коня, — оставимъ сны сновидѣніямъ и ѣдемъ дальше!

И снова ѣхалъ Крестьянскій Сынъ цѣлый годъ. А черезъ годъ онъ попалъ въ удивительную мѣстность.

Направо виднѣлась пустыня. Горячій вѣтеръ лѣниво поднималъ надъ дюнами желто-сѣрый песокъ; вдали, въ раскаленномъ воздухѣ, дрожали бурыя скалы. Вереница усталыхъ верблюдовъ шагала по тропѣ, засыпанной пескомъ, и бѣлая хламида бедуина развѣвалась по вѣтру. А налѣво — синія воды, по нимъ плавали громадныя льдины, на льдинахъ расхаживали бѣлые медвѣди, и грѣлись на солнцѣ тюлени, мечтательно глядя круглыми глазами въ даль, гдѣ китъ выбрасывалъ въ воздухъ пыльный фонтанъ воды. Надъ водой и льдинами кружились несмѣтныя стаи морскихъ птицъ, съ острыми, точно листъ камыша, крыльями. А между моремъ и пустыней дорогу Крестьянскому Сыну загородилъ невиданный лѣсъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ лѣсъ становился все выше; смолистыя сосны задумчиво шумѣли синеватыми верхушками, тоскливо стояли унылыя ели, а по темно-зеленымъ вѣтвямъ ихъ прыгали рыжія бѣлки. За соснами и елями размѣстились бѣлыя, точно умытыя, березы, развѣсивъ по вѣтру свои тонкія вѣточки. Рядомъ съ березами дрожала вѣчно встревоженная осина, и шептала свои таинственныя рѣчи липа, спутница уютной жизни. А еще дальше удивленно глядѣлъ на свои могучія руки тысячелѣтній дубъ и въ недоумѣніи качалъ старой головой, не понимая, о чемъ это вѣчно шепчется ярколиственный лавръ съ стыдливой миртой. Сквозь мелкіе листочки мирты сверкали на южномъ солнцѣ лимоны, апельсины и абрикосы, а гдѣ-то въ отдаленіи шуршалъ, потрескивая, индійскій камышъ подъ тяжелыми шагами слона, и мелькали то здѣсь, то тамъ полосатые бока встревоженнаго тигра. Около самой пустыни стройныя пальмы поднимали въ синій воздухъ широкіе вѣера своихъ листьевъ, глядя въ даль, поверхъ песчаныхъ дюнъ, разметаемыхъ вѣтромъ. За лѣсомъ могучая горная цѣпь, казалось, замыкала міръ, устремляя снѣжныя вершины въ облака... Одна изъ вершинъ поднималась выше тучъ, прилипшихъ къ ней точно пухъ; и одинокій орелъ парилъ вокругъ нея...

Съ трудомъ нашелъ Крестьянскій Сынъ чуть замѣтную тропинку черезъ этотъ невиданный лѣсъ. И затѣмъ зеленый сумракъ окружилъ его. Какъ во снѣ глядѣлъ онъ на цѣпкія гирлянды ползучихъ растеній, которыя обвивали дерево до самой вершины, свѣсивъ къ землѣ свои кроваво-красные цвѣты. Пугливыя серны прыгали черезъ безчисленные цвѣты, и встревоженныя обезьяны, издавая короткіе звуки, исчезали въ густыхъ верхушкахъ и съ любопытствомъ глядѣли оттуда на всадника. Гдѣ-то въ

лѣсной чащѣ раздался страшный ревъ, и въ одинъ мигъ весь лѣсъ точно вымеръ, и конь Крестьянскаго Сына задрожалъ, какъ осиновый листъ.

Наконецъ появились поля и садъ и посреди него домъ съ дымящейся трубой. На прудѣ плавали разнообразныя птицы, и знакомыя, и невѣдомыя, и рыбы сверкали чешуей, извиваясь межъ камней, у берега.

Съ удивленіемъ Крестьянскій Сынъ вошелъ въ домъ. Часть одной стѣны была покрыта высушенными бабочками; на полкахъ стояли сосуды, налитые какой-то жидкостью: въ ней плавали разные гады и насѣкомыя; въ углу, на плитѣ что-то варилось въ стеклянныхъ колбахъ, и паръ въ стеклянныхъ трубкахъ становился снова то синей, то зеленой, то красной водой. Долго бродилъ Крестьянскій Сынъ межъ чудовищныхъ цвѣтовъ и кустовъ, пока, наконецъ, на самой окраинѣ сада не увидѣлъ мужчину среднихъ лѣтъ, въ очкахъ. Онъ лежалъ въ травѣ на животѣ и разглядывалъ сквозь круглое стеклышко маленькую букашку.

— Богъ въ помощь! — сказалъ Крестьянскій Сынъ. — Я не помѣшалъ?

Мужчина коротко засмѣялся.

— Ну, — промолвилъ онъ, — въ этой работѣ хорошее увеличительное стекло мнѣ больше поможетъ, нежели твой Богъ. Ты пришелъ отъ старика?

— Да.

— И онъ хотѣлъ тебя увѣрить, что эта жизнь — не жизнь?

— Да.

— Бѣдный старикашка! Онъ человѣкъ прошлаго столѣтія. Какъ-то я его приглашалъ: «Приходи, — у меня всякіе инструменты, сдѣлай мнѣ кое-какіе потусторонніе опыты». Но онъ не пришелъ.

— А вы посредствомъ инструментовъ многое можете видѣть? — нерѣшительно спросилъ Крестьянскій Сынъ.

— Больше, чѣмъ другіе.

— Вашему зрѣнію доступна другая сторона вещей?

— Даже самая сердцевина.

— Стало быть, вы знаете, отчего на свѣтѣ столько несчастія?

Мужчина повернулъ къ нему свои блестящіе глаза.

— На свѣтѣ? Ты, навѣрно, хотѣлъ сказать: отчего среди людей столько несчастія?

— А это развѣ не все равно?

Мужчина снова коротко засмѣялся.

— Вѣчно одна и та же исторія: если у человѣка болятъ

зубы, — значитъ, они болятъ у всей природы. А знаешь ты, сколько людей на свѣтѣ?

— Въ школѣ говорили...

— А знаешь ты, что въ этомъ стаканѣ воды больше живыхъ существъ, чѣмъ людей на землѣ?

Крестьянскій Сынъ широко раскрылъ глаза.

— Вотъ здѣсь, — продолжалъ пожилой мужчина, — въ этой каплѣ воды на моемъ пальцѣ, больше живыхъ существъ, нежели въ самомъ большомъ городѣ. И всѣ эти безчисленныя существа живутъ своей особой жизнью, радуются, ненавидятъ, любятъ, размножаются... Человѣкъ — это только ничтожная часть всего живущаго на землѣ. А что такое наша земля въ сравненіи со всей вселенной? Погляди ночью на неисчислимыя полчища звѣздъ... Все это міры, и каждый изъ нихъ больше и величественнѣе, чѣмъ та пылинка, что мы называемъ землей. И ты хочешь, чтобъ человѣческое несчастіе было несчастіемъ всей вселенной! Нѣтъ, вселенная существовала многія тысячи лѣтъ до зарожденія человѣка. И она будетъ существовать безконечно, и тогда, когда послѣдній человѣкъ исчезнетъ въ ледяной могилѣ. Одной пылинкой больше или меньше — отъ этого ходъ вселенной не измѣнится.

— Но и въ этой безконечности все же царствуетъ смерть и несчастіе... — осмѣлился возразить Крестьянскій Сынъ.

— Смерть и несчастіе — какая старая пѣсня! — воскликнулъ мужчина. — Развѣ смерть такое ужъ несчастіе?! Видишь вотъ эту крошечную мошку, что такъ весело жужжитъ свою любовную пѣснь? Только сегодня утромъ она родилась, и раньше, чѣмъ звѣзды замерцаютъ надъ верхушками деревьевъ, она будетъ мертва. Развѣ она отъ этого чувствуетъ себя несчастной? Нѣтъ, другъ! Она также наслаждается своей весной, также страстно соединяется со своимъ избранникомъ, также рада, если удалось найти удобное мѣсто, куда класть яички для поддержанія своего рода. Отчего бы ей не умереть вечеркомъ, когда солнышко заходитъ? Свой долгъ она исполнила, жизнью насладилась... Нѣтъ, смерть — не несчастіе, если исполненъ долгъ. Несчастіе— жить безъ цѣли въ жизни...

У Крестьянскаго Сына въ головѣ все начало путаться.

— Но почему же чувство человѣка противится смерти и горю? — сказалъ онъ. — И разумъ этого не можетъ измѣнить.

Мужчина наморщилъ брови.

— Человѣкъ... — сказалъ онъ, — человѣкъ, конечно, всегда будетъ чувствовать себя несчастнымъ.

— Почему?

— Потому что онъ отступилъ отъ природы. Въ природѣ несчастія нѣтъ. Тамъ только жажда жизни и вѣчное видоизмѣненіе ея. А человѣкъ думаетъ: «Нѣтъ, я не подчинюсь инстинкту природы. Я не таковъ, какъ другіе. Во мнѣ и надо мной есть другой законъ; мною правитъ другая, Высшая Сила, которую напрасно искать въ природѣ». Воздвигъ человѣкъ вдоль своего пути колючія преграды и бьется о нихъ до крови. Говоритъ онъ гордо о высшей безсмертной Силѣ, что будто бы живетъ въ немъ, а самъ дрожитъ и трепещетъ отъ ужаса, когда приближается часъ смерти. Ни одна сила въ природѣ не пропадаетъ безъ слѣда. Но человѣкъ все-таки боится исчезнуть, не смѣя, очевидно, вѣрить, что Высшая Сила его останется вѣчной. Въ этой вотъ раздвоенности — несчастіе и проклятіе человѣка. Радуйся, люби, работай, ненавидь... и умри, когда все совершилъ. Это путь природы. Къ этому она призываетъ и человѣка. И человѣкъ не найдетъ покоя, пока не вернется къ познанію природы...

— Но кто же освободитъ людей отъ ига Высшей Силы?

— Смерть!

— И какъ я могу помочь въ этомъ дѣлѣ освобожденія?

— Умри!

И пожилой человѣкъ снова наклонился къ травѣ и началъ разглядывать маленькую букашку, а Крестьянскій Сынъ пошелъ дальше.

У опушки лѣса онъ остановился, поглядѣлъ на пустыню, на море и прижалъ руку ко лбу.

— Вернуться къ природѣ, вернуться къ природѣ... — бормоталъ онъ. — Говорятъ, что мы ужъ не можемъ сдѣлать это. И все-таки... Нѣтъ, сѣрый, поѣдемъ-ка еще дальше...

* * *

И снова ѣхалъ Крестьянскій Сынъ цѣлый годъ, пока не достигъ громаднаго города. Въ гавани передъ городомъ виднѣлись безчисленныя мачты кораблей, а за городомъ — ряды закоптѣлыхъ фабричныхъ трубъ. По улицамъ мелькали экипажи на резиновыхъ шинахъ, въ громадныхъ окнахъ магазиновъ сверкало золото и серебро и дорогія ткани.

Но рядомъ съ ними Крестьянскій Сынъ увидѣлъ людей, чьи лица были покрыты пылью и копотью: мужчинъ въ синихъ и сѣрыхъ блузахъ и женщинъ, прикрывшихъ тощія плечи лохмотьями. У всѣхъ были красные цвѣты на груди, и всѣ они съ угрюмыми лицами шли въ одну и ту же сторону.

Крестьянскій Сынъ повернулъ за ними своего сѣраго.

На большой площади собрались рабочіе люди: съ фабрикъ и пристани. Всѣ они смотрѣли въ одну сторону и ждали.

Вотъ на досчатое возвышеніе взошелъ молодой ораторъ и началъ говорить. О трудѣ онъ говорилъ и о рабочемъ человѣкѣ, о голодѣ и о богатствѣ. И угрюмые мужчины серьезно кивали головами, и въ потухшихъ глазахъ женщинъ загорался огонекъ.

Крестьянскій Сынъ не понялъ того, что говорилъ юноша. Только нѣкоторыя слова врѣзались въ его память.

— Мы знаемъ, гдѣ корень горя, — говорилъ онъ. — Мы отгадали жестокую загадку, которая мучила человѣчество тысячи лѣтъ. И поэтому впередъ, братья и сестры! Освободимъ отъ злосчастія всѣхъ, кто страдаетъ!

Съ восторгомъ и пѣснями проводили мужчины и женщины юношу домой. Крестьянскій Сынъ остался у воротъ.

Позднимъ вечеромъ постучался онъ въ дверь незнакомаго юноши. «Тутъ или нигдѣ!» — говорило ему сердце.

Незнакомый юноша сидѣлъ на простомъ стулѣ за письменнымъ столомъ. Зеленая тѣнь абажура падала на книги и на прекрасное лицо юноши. Онъ поднялъ свои пылкіе глаза на вошедшаго.

— Я не понялъ тебя сегодня, — сказалъ Крестьянскій Сынъ, — и я пришелъ за совѣтомъ.

Юноша пригласилъ его сѣсть и задумчиво глядѣлъ на его смущенное лицо, ожидая, пока гость заговоритъ.

— Я давно ищу правды, — началъ Крестьянскій Сынъ, — и не нахожу. Гдѣ корень человѣческаго горя?

— А гдѣ ты искалъ отвѣта? — спросилъ юноша.

Крестьянскій Сынъ разсказалъ, гдѣ онъ былъ, что видѣлъ.

— Оба они ошибаются, — сказалъ юноша, — и старикъ, и пожилой мужчина. Не потому человѣкъ несчастенъ, что онъ отступилъ отъ Бога, и не потому, что отступилъ отъ природы, а потому, что отступилъ отъ человѣка. Одни смотрятъ только за облака: «Тамъ, — говорятъ они, — настоящая жизнь, здѣсь же только сонъ, страданіе и обманъ». И они уходятъ отъ этой жизни, уходятъ отъ человѣка. А другіе не признаютъ въ человѣкѣ ничего, что возвышаетъ его надъ животнымъ, и требуютъ, чтобы повсюду и всегда царилъ только законъ природы. Да, хорошъ, конечно, этотъ законъ для тѣхъ, кто силенъ, изворотливъ, у кого острые зубы. Но если у тебя сердце болитъ за пасынковъ судьбы, если ты думаешь, что ихъ дѣти, внуки могли бы со временемъ облегчить жизнь человѣчества, если у тебя сердце кровью

обливается за тѣхъ, кто гибнетъ въ тѣни, не видя солнца, не наслаждаясь жизнью, — тогда умри вмѣстѣ съ ними. Нѣтъ, другъ! Если мы родились на этотъ свѣтъ, то должна быть для насъ цѣль. Нашимъ разумомъ мы отличаемся отъ неразумной природы. Для того онъ намъ и данъ, чтобъ его силою человѣкъ сталъ человѣкомъ. Устраивай жизнь свою и жизнь братьевъ своихъ согласно законамъ разума, — и сгинутъ несправедливость и насиліе, исчезнутъ нищета и страданіе, снова порозовѣютъ щеки твоихъ изнуренныхъ дѣтей, и тогда ты почувствуешь, что не безполезенъ на этомъ свѣтѣ, что и ты, по мѣрѣ силъ, участвовалъ въ культурной работѣ человѣчества. И если затѣмъ послѣ плодоноснаго лѣта настанетъ осень жизни, ты безъ страха можешь смотрѣть навстрѣчу вѣчному покою: тѣло твое исчезнетъ, но работа останется и дѣти твои будутъ продолжать ее.

— А скоро ли настанетъ это золотое время человѣчества? — спросилъ Крестьянскій Сынъ, затаивъ дыханіе.

Юноша горько засмѣялся.

— Сперва долженъ умереть тотъ старикъ. И затѣмъ долженъ умереть тотъ, кто хочетъ признавать только законъ природы. А потомъ всѣ люди должны стать такими несчастными, чтобъ никто изъ нихъ не могъ самъ своими силами помочь себѣ. И тогда людей охватитъ великая тоска, а съ ней придетъ сознаніе, что разумъ человѣка — единственный Богъ и властелинъ.

. . . . .

...Далеко было Крестьянскому Сыну до дома. Сѣверный вѣтеръ сорвалъ его шапку, и осенняя изморозь легла на его волосы. Но Крестьянскій Сынъ этого не замѣчалъ. На свѣтѣ было столько страданій и несчастія, а онъ не могъ никому помочь...

Третья кудель.

Когда настала осень, Мать взялась за третью кудель. Сынъ поѣхалъ къ югу. Ему не давали покоя послѣднія слова юноши. И онъ хотѣлъ стоять въ рядахъ тѣхъ, что идутъ навстрѣчу будущности.

Много ли онъ проѣхалъ, мало ли, — онъ уже не считалъ дней, — но весной онъ догналъ пѣшехода. И когда онъ хорошенько приглядѣлся, то узналъ его: это былъ тотъ же юноша, котораго онъ видѣлъ въ концѣ своей второй поѣздки.

Крестьянскій Сынъ слѣзъ съ коня и помогъ юношѣ сѣсть въ сѣдло. Самъ онъ пошелъ пѣшкомъ, а юноша сидѣлъ на конѣ и разсказывалъ о грядущемъ золотомъ вѣкѣ. Крестьянскій Сынъ слушалъ, удивляясь. Такъ стали они друзьями.

Вдали дымились трубы фабрикъ.

— Тамъ мы остановимся! — сказалъ юноша и слѣзъ съ лошади.

— Отчего ты не хочешь ѣхать дальше? — спросилъ Крестьянскій Сынъ.

— Всѣ мы братья! — пояснилъ юноша. — Среди насъ не годится возвышаться одному надъ другимъ. Покуда всѣ не могутъ ѣхать, пусть не ѣдетъ никто.

У Крестьянскаго Сына стало тепло на душѣ отъ этихъ словъ. И такъ пошли они, одинъ по правую, другой по лѣвую сторону, лошадь посрединѣ. И лошадь не мѣшала ихъ дружбѣ.

На фабрикѣ у Крестьянскаго Сына закружилась голова: повсюду гулъ, трескъ, свистъ и визгъ. Все кружилось, изгибалось, поднималось. Плечи его болѣли отъ желѣзныхъ брусьевъ, а руки были исцарапаны до крови объ острые зубцы. Но на сердцѣ было радостно: вѣдь онъ теперь стоялъ въ рядахъ тѣхъ, что идутъ навстрѣчу будущности.

По воскресеньямъ почернѣвшіе отъ дыма, запыленные мужчины и блѣдныя, исхудалыя женщины выходили на большую площадь и слушали, что говоритъ другъ Крестьянскаго Сына. И всѣ они съ восторгомъ провожали его домой, а Крестьянскій Сынъ шелъ рядомъ съ нимъ. И сердце его радовалось такой чести.

Три раза выходили мужчины и женщины съ пѣснями и красными цвѣтами встрѣчать грядущія золотыя времена; юноша впереди ихъ. И три раза возвращались они назадъ, оборванные, озябшіе, голодные и больные, оставивъ красные цвѣты по дорогѣ на могилкахъ своихъ дѣтей. И все недовѣрчивѣй смотрѣли они

на своего вождя; мужчины ужъ не кивали сочувственно головами, и въ потухшихъ глазахъ женщинъ не загорался яркій огонекъ. Грустно опустилъ голову юноша, задумавшись надъ людской слабостью, а Крестьянскій Сынъ утѣшалъ его.

— Мнѣ нужно уйти отсюда! — сказалъ однажды юноша.

Крестьянскій Сынъ пріунылъ.

— Я пойду съ тобой! — предложилъ онъ.

— Но куда? — съ горечью спросилъ юноша. — Повсюду одно и то же: съ восторгомъ встрѣчаютъ, а провожаютъ камнями... О маловѣрное племя!

Крестьянскій Сынъ не зналъ, что отвѣтить.

— Нѣтъ, дальше такъ нельзя! — воскликнулъ юноша, и глаза его пылали. — Умирая отъ голода, они не могутъ пройти этой дороги въ пустынѣ. А манна съ неба для нихъ не падетъ... Ахъ, если бъ у меня было золото, много золота! Тогда я кормилъ бы и поилъ ихъ, и дошли бы они до Обѣтованной земли!

И онъ погрузился въ тяжкія думы. Крестьянскій Сынъ отправился на работу.

— Нѣтъ худшаго несчастія, чѣмъ то, когда человѣкъ теряетъ свою вѣру! — сказалъ вечеромъ другъ.

И они оба молчали.

На слѣдующій день Крестьянскій Сынъ вернулся домой къ обѣду усталый. Другъ его лежалъ на постели и смотрѣлъ въ потолокъ.

— Какъ ты вспотѣлъ! — сказалъ онъ Крестьянскому Сыну.

— Да, жарко и работы много.

— Какъ много пота льется тамъ за работой! — началъ разсуждать другъ. — Если бъ можно было собрать весь этотъ потъ въ одно мѣсто и превратить въ золото...

— Говорятъ, будто въ городѣ живетъ человѣкъ, умѣющій все превращать въ золото... — шутилъ Крестьянскій Сынъ, но на душѣ у него было тяжело.

Вечеромъ онъ нашелъ товарища расхаживающимъ большими шагами по комнатѣ. Раза два онъ останавливался и хотѣлъ что-то сказать Крестьянскому Сыну, но, снова задумавшись, продолжалъ ходить. Наконецъ онъ остановился.

— Есть у тебя сила? — спросилъ онъ.

Крестьянскій Сынъ показалъ свои мускулистыя руки.

— Нѣтъ, есть ли у тебя душевная сила? Можешь ты вынести презрѣніе людей, зная, что твое дѣло все же правое? Можешь ты отречься отъ своей вѣры предъ людьми, чтобъ сохранить ее до лучшихъ дней?

Крестьянскій Сынъ сталъ серьезенъ и протянулъ товарищу руку.

— Все, что ты будешь дѣлать, сдѣлаю я! — сказалъ онъ. — И если всѣ перестанутъ вѣрить тебѣ, моя вѣра останется непоколебимой!

Другъ торжественно пожалъ его руку.

— Я былъ у того человѣка, который изъ всего дѣлаетъ золото... — сказалъ онъ упавшимъ голосомъ. — Онъ обѣщалъ оцѣнить на вѣсъ золота весь потъ рабочихъ людей...

— Моимъ ты можешь распоряжаться, какъ хочешь! — воскликнулъ Крестьянскій Сынъ.

— Этого мало. Наши замыслы слишкомъ обширны, чтобъ осуществить ихъ ничтожными средствами. Хватитъ у тебя силъ, чтобъ копить весь тотъ потъ, что льется на нашей фабрикѣ?

— Если ты этого желаешь, я сдѣлаю! — отвѣтилъ Крестьянскій Сынъ тихо.

И такъ собиралъ Крестьянскій Сынъ потъ рабочихъ людей, а товарищъ относилъ его къ человѣку, умѣющему добывать изъ всего золото.

Къ концу года они пересчитали свои сбереженія.

— Мало, мало! — вздыхалъ товарищъ. — Этакъ намъ придется работать пятьдесятъ лѣтъ, и когда наконецъ мы сможемъ позвать нашихъ братьевъ навстрѣчу лучшему будущему, мы сами не будемъ ужъ въ состояніи поднять легкой палки.

Онъ легъ въ постель и сталъ смотрѣть въ потолокъ.

На другое утро онъ сказалъ Крестьянскому Сыну:

— На фабрикѣ слишкомъ прохладно. Устроимъ мѣстечко, гдѣ рабочему человѣку погрѣться.

И они устроили у фабричныхъ воротъ мѣсто, гдѣ рабочему человѣку погрѣться... наружно и внутренне. Рабочіе люди приходили и грѣлись, и радовались, а потъ ихъ серебрянымъ ручьемъ лился къ тому человѣку, кто изъ всего умѣетъ дѣлать деньги.

— Мало, мало еще! — жаловался товарищъ Крестьянскаго Сына, когда они черезъ годъ снова пересчитали свой запасъ.

И вдругъ словно лучъ свѣта озарилъ его лицо. Быстро схватилъ онъ шапку и ушелъ къ человѣку, который изъ всего добывалъ золото.

Вернулся онъ поздно.

— Теперь я знаю! — воскликнулъ онъ, бросая шапку на столъ. — Изъ слезъ тоже можно дѣлать золото... Мы должны взять это дѣло въ свои руки...

Вотъ они и взяли это дѣло въ свои руки. И потъ рабочихъ

людей, и слезы ихъ родныхъ, — все поплыло къ человѣку, который умѣлъ превращать горе въ золото.

А Крестьянскій Сынъ и его другъ, считая каждую субботу свои сбереженія, говорили о томъ великомъ днѣ, когда они выйдутъ со знаменами и цвѣтами навстрѣчу будущему. Запасъ денегъ увеличивался съ каждой недѣлей, и у нихъ оставалось все меньше времени говорить о знаменахъ и цвѣтахъ. Половину богатства хранилъ Крестьянскій Сынъ, а другую половину — его другъ. Деньги не мѣшали дружбѣ.

Но на свѣтѣ, однако, ничто не вѣчно, — даже истинная дружба...

Это случилось къ концу третьяго года. Они пересчитывали свой запасъ и радовались.

— Кто бы это подумалъ, что мы когда-нибудь наживемъ такія деньги?! — говорили они.

Но вдругъ оба замолчали, увидавъ въ кучѣ денегъ фальшивый золотой. Неизвѣстно, былъ ли онъ выручень въ прошломъ или въ этомъ году, но, ясно, золотой былъ фальшивый.

— Все это отъ твоей невнимательности!—сказалъ товарищъ.

— Или же отъ твоего легкомыслія! — возразилъ Крестьянскій Сынъ.

— Что? Ты, крестьянскій мальчишка, будешь меня учить?

— Ну, если бъ крестьянскій мальчишка тебѣ не помогалъ, такъ тебя бы давно вши съѣли... — отвѣтилъ Крестьянскій Сынъ.

Еще слова три, сказанныя товарищемъ, нѣсколько словъ Крестьянскаго Сына — и что-то стукнуло о каменный полъ. Когда они посмотрѣли: что̀ это, — на полу валялись черепки: это разбилась ихъ дружба!..

Другъ взялъ половину запаса и ушелъ къ югу. А когда Крестьянскій Сынъ осѣдлалъ своего сѣраго и выѣхалъ за городскую заставу, то не было никого, кто бъ его проводилъ. Онъ опустилъ поводья, и сѣрый лѣнивой рысцой побѣжалъ въ сторону отцовской усадьбы...

Четвертая кудель.

Крестьянскій Сынъ построилъ Отцу и Матери новый домъ, новыя службы. И всѣ сосѣди приходили и, удивляясь, желали быть друзьями Крестьянскому Сыну. Но у него самого не было никакой радости, и нужды въ дружбѣ людей не чувствовалъ онъ.

Временами онъ открывалъ сундукъ, наполненный блестящими золотыми, и, роясь въ монетахъ, горько смѣялся.

— Вотъ гдѣ она, моя молодость! — говорилъ онъ, — вотъ гдѣ тоска моей души и моя любовь! Сколько слезъ въ этомъ золотѣ, слезъ, вздоховъ и проклятій! И сколько позора!..

Онъ сталъ желтѣть, точно воскъ.

Люди удивлялись, качая головами:

— Все у него есть, но покоя нѣтъ!

А Мать гладила щеки его и говорила:

— Добра у тебя много, и чести, и ума... Скажи, сынокъ, чего же тебѣ не хватаетъ?

— Счастія! — отвѣтилъ Сынъ, и закрылъ лицо руками.

Долго думалъ Отецъ и наконецъ сказалъ:

— У насъ съ матерью ничего не было въ молодости, но счастіе было. Видно, только человѣкъ можетъ дать человѣку счастіе! Ищи, сынъ, человѣка, который далъ бы тебѣ счастіе.

Сынъ ничего не отвѣтилъ, а Мать пріуныла. Она вспомнила давно слышанныя слова: «Если безъ нити отпустишь сына въ свѣтъ, то не жди его обратно». А у нея ужъ не было ни одной кудели изъ тѣхъ, что дала Лайма.

Все лѣто Крестьянскій Сынъ былъ тихъ и заду. А осенью онъ сказалъ:

— Нечего дѣлать, мать, голова сѣдѣетъ, тѣло теряетъ юношескую силу, но сердце все еще не унимается въ жаждѣ счастія. Отпусти меня поискать радости для сердца.

Мать просила: «Подожди до весны!». Она надѣялась, что до весны сынъ закроетъ ея глаза. Но пришла весна, а смерть опоздала. Тогда она просила сына не уѣзжать до осени. Но настала осень, а смерть не пришла. Сынъ желтѣлъ съ каждымъ днемъ все болѣе, какъ былинка. Осенью Мать сказала:

— Не могу, сынъ, глядѣть на твою тоску. Поѣзжай... Авось и твое счастіе не въ воду кануло...

Когда Сынъ выѣхалъ за ворота, Мать взяла пряжу и ушла въ старый домъ. Тамъ она обрѣзала свои серебристо-бѣлые волосы, сдѣлала изъ нихъ четвертую кудель и начала прясть. Но глаза ея были сухи: слезы знаютъ свою мѣру...

* *

Долго ѣхалъ Крестьянскій Сынъ къ сѣверу. Сѣверная звѣзда стояла почти уже надъ его головой, но счастія для сердца своего онъ еще не нашелъ.

Ему сказали, что дальше къ сѣверу стоитъ высокая гора, на той горѣ — чудесный дворецъ, а во дворцѣ живетъ сказочно-прекрасная дѣвушка и ждетъ своего суженаго. Кто доберется верхомъ до вершины, тотъ и будетъ суженымъ красавицы. У Крестьянскаго Сына быстрѣе забилось сердце, и онъ вонзилъ шпоры въ бока своего бѣлаго коня.

Послѣ трехъ дней ѣзды онъ подъѣхалъ къ крутой горѣ и увидѣлъ толпу господскихъ сыновей, и близкихъ и дальнихъ. У иного — вороной жеребецъ, у другого — гнѣдой, у третьяго — подкованный серебромъ. И каждое утро они выѣзжали далеко въ поле и оттуда скакали къ крутой горѣ. Но только одинъ изъ нихъ какъ-то добрался до половины горы, да и тотъ потомъ съѣхалъ внизъ.

Господскіе сыновья увидали Крестьянскаго Сына.

— Куда жъ ты на такомъ козлѣ?! — смѣялись они.

— За вами и дальше... — отвѣтилъ Крестьянскій Сынъ.

— Тогда ужъ обожди еще денекъ, пока твой бѣлый окончательно высохнетъ. Унесетъ васъ обоихъ вѣтеръ въ гору, какъ пухъ одуванчика.

— Лучше по вѣтру на гору, чѣмъ противъ вѣтра въ болото! — отвѣтилъ Крестьянскій Сынъ, подкармливая своего коня.

На другое утро снова выѣхали всѣ господскіе сыновья въ поле, а оттуда понеслись на гору. А Крестьянскій Сынъ осѣдлалъ своего бѣлаго, говоря себѣ:

— Отецъ меня училъ, какъ надо горы вспахивать: не прямо въ гору, а все наискось и вокругъ горы...

И онъ началъ понемногу въѣзжать вокругъ горы, все выше и выше.

Господскіе сыновья скакали мимо него.

— Мы не знали, что и козлы страдаютъ головокруженіемъ! — смѣялись они.

Но когда онъ еще разъ объѣхалъ вокругъ горы, то господскіе сыновья уже кувыркомъ летѣли внизъ.

— Я не зналъ, что у господскихъ лошадей на двухъ концахъ глаза... — сказалъ Крестьянскій Сынъ.

Но господскимъ сыновьямъ некогда было отвѣтить на его насмѣшку.

Въ первый день Крестьянскій Сынъ объѣхалъ десять разъ вкругъ горы и добрался почти до половины; на другой день онъ объѣхалъ гору двадцать разъ и уже слышалъ лай собакъ во дворцѣ на вершинѣ ея.

На третій день онъ объѣхалъ гору тридцать разъ и къ вечеру постучался въ дворцовыя ворота.

Выбѣжали злыя собаки и начали лаять на Крестьянскаго Сына. Онъ вынулъ изъ кармана серебряные рубли и кидалъ въ собакъ. Тѣ убѣгали, завывая.

Прекрасная дѣвушка сидѣла у окна и зѣвала.

— Что это собаки такъ ужасно завываютъ? — сказала она своей горничной.

— Тамъ навѣрно либо еврей, либо мужикъ.

Горничная вышла посмотрѣть и вбѣжала, разводя руками.

— Барышня, барышня, женихъ пріѣхалъ! — восклицала она.

— Наконецъ-то! — облегченно вздохнула красавица, но затѣмъ прибавила: — Каковъ же онъ?

— Самъ — какъ воскъ, конь — точно крюкъ, а въ собакъ кидаетъ рублями.

Красавица надула губки.

— Скажи ему, что я обѣщала другому... Нѣтъ, веди его въ комнату и скажи, что день еще не кончился. А сама ступай за ворота и смотри, не ѣдетъ ли другой.

И ежечасно спрашивала дѣвушка горничную:

— Не ѣдетъ ли?

И ежечасно отвѣчала горничная:

— Нѣтъ, не видно.

На другой день раскрыли окна пріемной и ввели туда Крестьянскаго Сына. Мать красавицы пожимала его руку, прикладывая платочекъ къ глазамъ и къ носу, отецъ хлопалъ его по плечу, а братья подмигивали. Сама же невѣста позволила ему поцѣловать кончики двухъ пальцевъ. Затѣмъ жениха заставили разсказать, что онъ — бывшій фабрикантъ, а теперь живетъ на свой капиталъ. А живы ли у него отецъ и мать, объ этомъ новая родня забыла спросить.

И вотъ такъ добился Крестьянскій Сынъ счастія для своего сердца, прекрасная дѣвушка дождалась наконецъ жениха, а братья ея получили зятя, который понималъ, когда подмигиваютъ глазами. Но свадьбу справили тихо... Говорили, что въ семьѣ жениха кто-то умеръ. И затѣмъ молодая чета уѣхала въ далекіе прекрасные края.

А въ это время дряхлая старушка сидѣла въ старомъ домѣ и пряла серебристо-бѣлую кудель. Глаза ея были сухи, ибо и слезы знаютъ свою мѣру...

Крестьянскій Сынъ жилъ и удивлялся: такъ вотъ оно, счастіе! Каждый день вкусныя блюда и дорогія вина, бѣлыя скатерти

и прекрасныя дамы, а прекраснѣе всѣхъ — королева его души, вся въ шелку, въ жемчугахъ и въ золотыхъ украшеніяхъ. Раздавалась музыка, въ южныхъ деревьяхъ шелестѣлъ мягкій вѣтерокъ, и морская синева качала выложенную бархатомъ гондолу... Такъ вотъ оно, счастіе!

Но когда завылъ осенній вѣтеръ, и сѣрыя тучи поспѣшно поплыли къ югу, Крестьянскій Сынъ влажными глазами глядѣлъ въ сторону высокихъ горъ, за которыми скрывалась его родина. И когда слѣдующей весной они поѣхали обратно на сѣверъ, то невольно Крестьянскій Сынъ указалъ кучеру совершенно особый путь: хоть издали хотѣлось ему взглянуть на дымъ, что вьется изъ трубы отцовскаго дома. При этомъ онъ чуть не поссорился со своей прекрасной женой: та никакъ не могла понять, какъ можно запрягать стараго, неповоротливаго бѣлаго вмѣстѣ со статными вороными.

И вотъ Крестьянскій Сынъ увидѣлъ тѣ поля, по которымъ онъ ходилъ въ своей юности и думалъ юношескія думы свои... Какъ чужестранецъ и бѣглецъ, но все же онъ ихъ увидѣлъ. Онъ вышелъ изъ мягкаго экипажа, и двѣ слезы упали на родимую землю...

Но тутъ случилась бѣда. Старый, неповоротливый бѣлый вдругъ взбѣсился: ржалъ, брыкался и черезъ оглоблю кидался въ сторону крестьянской усадьбы, — она стояла недалеко отъ дороги. Три раза просвистѣлъ въ воздухѣ гибкій кнутъ, три раза подскочилъ бѣлый, затѣмъ, жалобно заржавъ, упалъ замертво.

Молодая жена въ экипажѣ поблѣднѣла, какъ смерть. Сильной рукой вывелъ ее Крестьянскій Сынъ на дорогу.

— Веди меня... воды... — шептала она и показывала на усадьбу.

Но Крестьянскій Сынъ не повелъ ее къ новому дому. Тамъ же, у старой липы, стоялъ старый полуразвалившійся домикъ: онъ былъ ближе.

Въ полутемной комнатѣ сидѣла старушка и пряла серебристобѣлую кудель. А на голову ея была глубоко надѣта шапочка, какую носили въ старину. Вошелъ господинъ съ блѣдной дамой. Прялка остановилась, и колѣни старушки задрожали отъ волненія.

— Пожалуйста, не можемъ ли мы тутъ получить стаканъ холодной воды?

Больше господину нечего было сказать.

Руки старушки безпомощно опустились внизъ. И затѣмъ она долго глядѣла то на господина, то на блѣдную даму.

— Теперь мы можемъ идти? — спросилъ господинъ на незнакомомъ языкѣ.

— Да... Тутъ воздухъ плохой...

И они ушли, не сказавъ даже «спасибо»...

Старушка снова сѣла за прялку. Но въ глазахъ у нея темнѣло, и пальцы дрожали.

Кучеръ выпрягъ бѣлаго. Теперь вороные вольнѣе могли нестись по твердой дорогѣ. И шумъ колесъ заглохъ вдали...

Оборвалась серебристо-бѣлая нить четвертой кудели.

Конецъ.

Бѣла, словно яблоня весной, голова Крестьянскаго Сына. Тепло его пригрѣваетъ милость высокой родни. Тамъ, внизу, веселится она, эта родня. А жена его все еще цвѣтетъ, точно роза, вся въ шелку, въ жемчугахъ, въ золотыхъ украшеніяхъ. Звуки музыки и пѣсни какимъ-то образомъ проникаютъ въ комнату Крестьянскаго Сына.

Отчего такъ темно въ его комнатѣ? Вѣдь надо только повернуть маленькую кнопку, и комната озарится огнемъ тысячи свѣчъ. Но нѣтъ, пусть будетъ темно: это больше подходитъ къ его сумрачнымъ думамъ.

Передъ Крестьянскимъ Сыномъ — четыре клубка, четыре клубка минувшихъ временъ. Давно ужъ лежали они въ ящикѣ его стола, но онъ боялся до нихъ дотронуться: стыдъ и жалость мѣшали... Но сегодня вечеромъ грустныя думы, какъ вѣтеръ пустыни, проносятся надъ нимъ. Онѣ проникаютъ во всѣ уголки души, медленно давятъ грудь, захватываютъ дыханіе. Зачѣмъ избѣгать боли? Пусть болитъ, пусть ноетъ, пусть забудутся всѣ невзгоды сегодняшняго дня.

И медленно разматываетъ онъ первый клубокъ. Легкій вѣтеръ вѣетъ съ родины, усиливаясь, какъ боль, и затѣмъ снова затихаетъ. Такъ вздыхала Мать, когда тяжело было на сердцѣ ея.

Крестьянскій Сынъ разматываетъ второй клубокъ.

Тихій дождикъ бьетъ въ окно, шумитъ въ листьяхъ липы и всасывается во влажную осеннюю землю.

Такъ плакала Мать, когда душа ея переполнилась болью.

И Крестьянскій Сынъ разматываетъ третій клубокъ.

Что это за гулъ, такой тихій, однообразный, зовущій къ покою? Новую пѣсню, что ли, запѣли внизу? Нѣтъ, гулъ несется

съ родины. Такъ колоколъ гудитъ на кладбищѣ, усопшаго несутъ къ могилѣ.

И Крестьянскій Сынъ разматываетъ четвертый клубокъ.

Затихаетъ вѣтерокъ, пересталъ дождикъ, не слышенъ колокольный гулъ. А вверху сквозь листья липы мерцаютъ звѣздочки — спокойно, тихо, далеко отъ міра и зла его. И Крестьянскій Сынъ долго глядитъ на покой звѣзднаго міра и думаетъ долгія думы, пока думы его, превращаясь въ серебристый свѣтъ, не расходятся въ небесной глубинѣ . . .

Перевелъ ***Янъ Страуянъ.***

Я. ПОРУКЪ.

ТЫ СПРАШИВАЕШЬ, ЧТО Я ПРИНЕСЪ...

Ты спрашиваешь, мать, что я принесъ
Изъ странъ чужихъ, съ нерадостной дороги
На память? — Сердца боль и горечь слезъ,
Усталость, отягчающую ноги.

Еще въ карманѣ скомканный платокъ,
Отъ многихъ слезъ онъ мокръ бывалъ порою,
Да хлѣба зачерствѣвшаго кусокъ,
На грошъ послѣдній былъ онъ купленъ мною...

Въ моемъ прошедшемъ дремлетъ сонъ и мгла,
Но тишиной меня вашъ дворъ встрѣчаетъ,
Я вновь сажусь у стараго стола, —
И юность вновь мнѣ кликомъ отвѣчаетъ.

С. Шервинскій.

ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ У ОКНА.

Нѣтъ струнъ на арфѣ,
Нѣтъ счастья въ жизни,
Но пѣсни старыя звучатъ!
Мой домъ — безъ милой,
Мой шагъ — безъ цѣли,
Но жить, но жить еще я радъ.

На сводѣ неба,
Какъ въ снѣжныхъ скалахъ,
Изъ облаковъ встаетъ луна.

Изъ голой рощи
Снѣга бѣлѣютъ,
Грудь странной болью стѣснена!

О, кто же далъ вамъ
Свѣтъ вѣчный этотъ,
Звѣздъ искры, синій небосводъ?
Мой свѣточъ гаснетъ,
И темной ночью
Отрады сердце не найдетъ...

Блеститъ озерный
Ледъ, скованъ стужей,
И даль звенитъ, и льды трещатъ;
Но все же сердце
Застыть не смѣетъ.
И жить, и жить еще я радъ!

В. Шершеневичъ.

У ЦѢЛИНЫ.

Съ болота вечеромъ прохлада вѣетъ.
Глотая воздухъ, на холмѣ костеръ
Клубится дымомъ: различаетъ взоръ,
Какъ ворохъ сучьевъ въ ѣдкомъ парѣ прѣетъ.

Стоитъ средь меркнущаго поля
Хозяинъ молодой... И вспомнилась ему
Минувшая, но радостная доля.
И вдругъ — въ душѣ пожаръ встаетъ, колебля тьму!
Но слишкомъ поздно: годъ, — какъ срубленъ боръ дремучій,
И красная хвоя пылаетъ на кострѣ,
Давно ли бывшая живой, зыбучей,
Шумѣвшей весело младенческой порѣ!
И чудится ему, что мчатся, вмѣстѣ съ дымомъ,
Мечтанья дѣтскія столбомъ неуловимымъ.
Лишь обгорѣлый пень на выжженномъ бугрѣ
Напоминаетъ ель, всходившую къ лазури,
Ту ель, подъ чьимъ шатромъ пережидалъ онъ бури!

Горитъ громада цѣлины;
Взлетающее пламя — пьяно,
И дымъ вознесъ до вышины,
Съ угрозой, руки великана.

Пылая, уголья трещатъ;
Какъ взоръ безумія, погибель сторожатъ.
Парами ѣдкими покорный
Отравленъ воздухъ въ полуснѣ.
Уничтоженья ангелъ черный
Одинъ летаетъ въ вышинѣ.

Ю. Верховскій.

Я ЗНАЮ.

Я знаю, какъ роза цвѣтетъ
Въ тишинѣ, —
Ея ароматъ стоитъ
Въ тишинѣ.
Я знаю, какъ блекнетъ она
Въ тишинѣ,
И осень ей шепчетъ:
«Забудься во снѣ!»

Я знаю: родится любовь
Въ тишинѣ,
И сердце мечтаетъ, груститъ
Въ тишинѣ.
Я знаю, какъ гибнетъ оно
Въ тишинѣ,
И звонъ погребальный:
«Забудься во снѣ!»

В. Аренсъ.

ОСЕНЬ.

Лебеди бѣлые
Въ высь улетѣли.
Очи печальныя
Вслѣдъ имъ глядѣли.

Черные вороны —
На пурпурныхъ кленахъ.
Бѣлые голуби —
На кровельныхъ склонахъ.

Что же вы, голуби,
Не мчитесь къ дубравамъ?
Иль жалко умчаться
Въ даль со двора вамъ?

Счастья цвѣтокъ мой
Въ саду увядаетъ.
Яблоню яро
Злой вѣтеръ сгибаетъ.

К. Липскеровъ.

ОСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Подъ осенней листвой, подъ шумомъ березы,
Я стою, опять одинокъ.
Весна моя гдѣ? И гдѣ мои розы?
Вся опора для ногъ — песка бугорокъ.

За высокой горой, за взволнованнымъ моремъ,
Надъ мирной долиной, — гдѣ-то сіяетъ заря.
Тамъ — розы мои! Тамъ — весна, незнакомая съ горемъ!
Тамъ бѣлыя тучки по небу проходятъ, горя.

И выше стремятся взлетѣть мои грезы:
Увидѣть, какъ тамъ, за горой, расцвѣтаетъ весна!
Подъ осенней листвой, подъ шумомъ березы,
Душа умираетъ, напраснымъ томленьемъ полна!

В. Брюсовъ.

Твоя душа полна неслышнымъ, тихимъ счастьемъ,
Имъ на твое лицо наложена печать;
Прекрасное, оно на всѣхъ глядитъ съ участьемъ,
Струя вокругъ себя святую благодать.

Ахъ, а въ моей груди живутъ слѣпыя страсти,
Клубятся, какъ въ аду опламененномъ дымъ,
Кошмарами встаютъ... И, прошлаго во власти,
Я мертвеннымъ лицомъ ужасенъ всѣмъ живымъ.

В. Брюсовъ.

ВЕСНА ПРИШЛА.

Весна пришла.
Алѣютъ розы.
Лугъ зеленѣетъ вдоль пути.
Я — веселъ, молодъ! Свѣтлы грезы!
По свѣту я дорогу знаю!
Весна пришла. Со мной, свѣтла,
Моя невѣста. Мы ликуемъ.
Идти, идти! Дорогу знаю
По свѣту я. Идти, идти!
Весна пришла. Алѣютъ розы.
Лугъ зеленѣетъ вдоль пути.
Мы въ долъ сошли къ поющимъ струямъ...
«Дороги дальше я не знаю!»

В. Брюсовъ.

ПѢСНЯ ЛЮБВИ.

Изъ глуби прохладной колодца,
Гдѣ небо любуется въ воды,
Мнѣ влаги черпни ты жемчужной
И сердце мое оживи.

И новая сила забьется...
Въ страну красоты и свободы
Мы вмѣстѣ отправимся дружно,
Къ желанному краю любви!

Тамъ сосны на темени горномъ
Шумятъ и поютъ про свободу.

Въ кладбищенской тихой оградѣ
Свободу найдемъ съ красотой.

На ложѣ любви непросторномъ,
Могильному преданы своду,
Уснемъ въ бѣлоснѣжномъ нарядѣ,
Обвѣяны запахомъ хвой!

С. Шервинскій.

ВЕСНА ЛЮБВИ.

Ты помнишь ли, какъ было разъ весной?
Сквозила солнцемъ зелень молодая,
Моей руки касалась ты рукой,
Пчела неслась съ добычей луговой,
И нити паутинъ вились, сверкая.

Ты помнишь ли, какъ было разъ весной?
Ты лобъ мнѣ поцѣлуями покрыла,
И въ безднѣ взора взоръ терялся мой,
И закипалъ въ груди любви прибой,
И тяжесть голову къ плечу клонила.

Ты помнишь ли, какъ было разъ весной?
Мелькнула вдругъ зеленая зарница:
То противъ солнца съ вѣтки золотой,
Окрылена свободой дорогой,
Къ небесной глубинѣ взлетѣла птица.

Я помню, да, то было разъ весной.
Какъ сонная, ты шла дорогой встрѣчной.
Мелькалъ въ осинахъ бѣлый обликъ твой,
Мнѣ шелъ навстрѣчу ангелъ неземной
Съ прозрачной грудью и съ рукою млечной.

Я помню, да, какъ было разъ весной.
Про жизни рай мечтали мы въ волненьи,
И цвѣлъ вѣнокъ надъ юной головой.
Мы взорами мѣнялись чередой,
А поцѣлуй намъ ускорялъ мгновенье.

Еще я помню, было той весной...
Ты бѣлую въ тотъ день дала мнѣ руку,
Теплю сіялъ лучъ солнца золотой...
Но счастье обернулось ложью злой,
И знойную теперь лишь помню муку.

С. Шервинскій.

НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЙ И ДВА ЕДИНСТВЕННЫХЪ

Сѣдовласый, ясный Владыка,
возсѣдающій на тронѣ,
полный зиждительныхъ думъ, —
Кому послушны сонмы звѣздъ,
у Чьихъ ногъ цвѣтутъ бѣлыя розы,
Творецъ добра и красоты, —
Тебя люблю я!

Дерзновенный, блѣдно-зеленый Демонъ,
съ плѣнительно сизыми кудрями,
со взглядомъ, пронизывающимъ душу,
съ грустной и ѣдкой улыбкой,
Тебя люблю я!
Веди меня во мракъ,
веди меня въ ночь, —
если тамъ я не зрячъ,
то — не достоинъ я свѣта!
Мракъ проклинаетъ
лишь тупая обыденность,
тотъ, — кто душевно слѣпъ,
не отличаетъ добра отъ зла,
чернаго отъ бѣлаго,
— кто въ слѣпомъ самодовольствѣ
превозноситъ свѣтъ въ гимнахъ хвалебныхъ
изъ трусости
и простодушія жалкаго!
Для меня мракъ — великая тайна,
полная образовъ
незримаго міра;
я вѣрю, что мракъ это —
тѣлесными очами незримый
невѣдомый свѣтъ!

Кто всеобъемлющъ, —
Тотъ вселюбящъ;
Кто вселюбящъ — Тотъ
Богъ!
Кто всесокрушающъ, —
тотъ всененавидимъ;
кто всененавидимъ — тотъ
Сатана!
Эти два Единственныхъ —
мои идеалы и третій,
мой высшій идеалъ:
Неосуществленный!

Надъ тронами двухъ Единственныхъ
витаетъ Неосуществленный,
словно паръ серебристый,
словно тающаго золота — духъ,
словно бѣлый шелкъ, сверкая въ лунныхъ лучахъ;
безформенный, невѣсомый,
внѣ силы и матеріи,
внѣ міровъ и пространства,
по ту сторону жизни и смерти,
надъ тронами двухъ Единственныхъ,
витаетъ Неосуществленный,
незримый и неслышный,
но вѣчно ощутимый!
Его дыханіе —
спутникъ всякой мысли;
оно овладѣваетъ всѣми нашими чувствами,
властвуя въ тоскѣ надъ нами
со всесокрушающей силой.
Тоска презираетъ бывшее и сущее —
въ надеждѣ, что Неосуществленный
однажды станетъ Сущимъ.
Тоска, словно жажда,
горитъ вокругъ троновъ обоихъ Единственныхъ.
Тоска возноситъ мои сокровеннѣйшія чувства
все выше, туда,
откуда яснѣе виденъ нашъ бѣдный,
мрачный міръ.
Тоска горитъ въ солнцѣ,
въ тоскѣ блекнетъ луна.

и тоска сіяетъ
въ алмазахъ звѣздъ;
розы и лиліи томятся въ тоскѣ;
и, гонимая тоской,
катится къ морю вода.
Первоисточникъ тоски — Неосуществленный,
и эта тоска
по Неосуществленному,
кого нѣтъ и не будетъ,
крѣпкими узами связала троны обоихъ Единственныхъ.
Какъ въ небытіи сливаются враги, —
такъ въ Неосуществленномъ объединяются Единственные,
мучимые тоскою
по всепрекраснѣйшему!
Они бросились бы другъ другу въ объятья,
примирившись, но между ними —
прошлое, настоящее, будущее,
превозносимое, будущее,
о которомъ оба Единственные думаютъ съ горькой улыбкой.

И все же Неосуществленный
объединяетъ противниковъ;
тотъ, кого не существовало,
любимъ всѣми, какъ нѣчто возвышенное,
прекрасное, какъ идеалъ.
О немъ оба Единственные
сосредоточенно думаютъ.
Годъ за годомъ
умалялась тлѣнность вѣчности,
разрушались творенья,
исчезали и возникали новыя,
въ міровомъ пространствѣ качались дѣянія призраковъ,
и по капризу силъ
жизнь побѣждалась
повсюду смертью
ея холоднымъ сномъ.
Народы возникали, исчезали,
герои являлись и гибли,
а по землѣ ручьями
лились слезы и кровь.
То изъ-за корысти и славы,

то въ гнѣвѣ возмущенной справедливости,
наказуя виновныхъ,
грохотъ войны оглашалъ воздухъ.
Любя лишь себя самого,
король ненавидѣлъ короля,
мечъ лжи и предательства
торжествовалъ.
Безуміе становилось
для людей достойнымъ примѣромъ, —
ими создавались несчастья, бѣдствія и позоръ.
Такъ это повторялось тысячи вѣковъ.
Оба Единственные созерцали безумную драму,
обвиняя другъ друга въ тѣхъ причинахъ,
изъ-за которыхъ міръ задыхался въ невѣжествѣ.
Сѣдовласый, ясный Владыка проливалъ слезы,
блѣдно-зеленый Демонъ
хохоталъ громоподобно,
словно разряжалась въ тучахъ зеленая молнія.
Слезы сѣдовласаго Владыки
образовали потокъ;
кристально-прозрачный, онъ устремился
къ трону Демона,
подножьемъ котораго служитъ
багровый порогъ преисподней.
Могучій потокъ слезъ,
падая въ вѣчное адово пламя,
извергъ въ воздухъ
паръ и клубящійся дымъ.
Внутри ада бурлилъ
и неистовствовалъ паръ,
и гигантскимъ бѣлымъ столбомъ
вырывался въ лазурь,
омрачая ее.
Земля дрожала,
врата преисподней
разлетѣлись, какъ щепки:
преисподняя родила
дочь сѣдовласаго Владыки,
которая,
когда разсѣялся паръ,
прекрасная, какъ чудо,
стояла между тронами обоихъ.

И звучнымъ голосомъ
позвалъ ее ясный Владыка: «Иди сюда,
Состраданіе!»
Демонъ также оказалъ ей
вниманіе.
Въ его пеклѣ,
въ царствѣ величайшихъ мученій и боли,
родилась молодая королева человѣчества,
Состраданіе.
Прекрасная дѣва
казалась несчастной, когда оба Единственные
протянули къ ней свои руки:
Демонъ смотрѣлъ на нее
съ вожделѣніемъ,
но она отвернулась отъ мрачнаго
трона его,
внимая словамъ сѣдовласаго
Владыки
о страшныхъ мученіяхъ человѣчества
Но прежде, чѣмъ она поняла
Бывшее,
Сущее,
она почувствовала, что выше всѣхъ
Неосуществленный,
который окружалъ ее,
словно нѣжное дуновеніе весны.

И Дѣва полюбила его,
того, котораго не будетъ во вѣки.
Она въ своей тоскѣ
жаждала обнять его, но онъ
въ рукахъ ея таялъ, какъ дуновенье мечты,
и горькими слезами
омочила она его нѣжный слѣдъ.

Сѣдовласый, ясный Владыка
взялъ Состраданье къ себѣ,
въ свое лоно.
Изъ ихъ поцѣлуевъ вспорхнула
Любовь,

въ ихъ объятьяхъ расцвѣли
алыя розы,
и Слабость разнесла по міру ихъ славу.
Человѣчество оживилось на мигъ отъ вѣсти,
что, словно теплое дуновеніе, струилась съ небесъ.
Человѣкъ человѣка
называлъ своимъ братомъ,
сестра узнавала сестру.
Межъ людьми
Появились любовь, состраданье
и справедливость.
И Неосуществленный принялъ
образъ человѣческій,
но люди признали,
что онъ не человѣкъ,
а также не Бывшій
и не Сущій,
принужденный жить и страдать, —
и вотъ Неосуществленный остался Неосуществленнымъ,
а образъ человѣческій остался человѣку.
Но новое чаяніе все же
охватило людскіе умы,
они прославляли
Нѣчто, непонятное,
идущее наперекоръ всѣмъ
законамъ природы,
они прославляли: Любовь,
Состраданіе и пѣли
звонкія, сердечныя пѣсни
Неосуществленнному!

Тогда Демонъ,
съ искрометнымъ, пронзающимъ взглядомъ
отвратилъ лицо свое отъ сосѣда
и трижды плюнулъ во гнѣвѣ.
И вотъ изъ-подъ трона его выползла
сизая, съ косыми глазами,
свирѣпая Ненависть.

— «О, ненависть, зажги свой костеръ,
да загорится отъ него цѣлый міръ,

да сгинетъ слава Любви, —
ибо преходяща она, смертна, ничтожна!
Иди, подними міръ къ войнѣ,
ибо смѣшонъ мнѣ человѣкъ, живущій въ любви.
Искази его ликъ, и онъ станетъ мнѣ милымъ.
О Ненависть, спѣши
зажечь свой гигантскій костеръ!» —
Такъ говорилъ Демонъ.
И Ненависть ринулась на землю съ огнеблещущимъ поясомъ,
протянутымъ между землею и сферами неба.
И вскорѣ по всей землѣ запылалъ ея гигантскій костеръ,
обвивая людей, животныхъ, растенія;
даже скалы, накаленныя злобой, трескаясь,
падали съ шипѣньемъ въ пѣнныя волны морей.
Дымъ застлалъ солнце;
словно глазъ, кровавый и красный,
глядѣло оно сквозь горячій туманъ.
И въ яростной злобѣ бросались люди одинъ на другого,
и застонала земля въ грохотѣ пушекъ.
Тутъ сѣдовласый Владыка
сказалъ:
— «Неужели никого ты не любишь,
Демонъ, и только Ненависть умѣешь сѣять?»
— «Я люблю одного», —
звонко и дерзко
воскликнулъ могучій Демонъ,
— «Я люблю Неосуществленнаго!»
Тутъ сѣдовласый Владыка поникъ головою
и грустно сказалъ:
— «И я его также люблю!
И такъ какъ мы
въ Сущемъ, Бывшемъ и въ томъ, что будетъ,
вѣчно не сходимся
и оба любимъ лишь одного,
Неосуществленнаго,
то вознесемъ его выше себя
на могучій, единственный тронъ,
а сами потонемъ въ Нирванѣ, —
Да придетъ и властвуетъ нашъ Идеалъ,
да придетъ и властвуетъ
Неосуществленный!»

«Я презираю Нирвану,

какъ и тебя, и весь міръ,
и мой Неосуществленный
твоему ни въ чемъ не подобенъ!
Не будь тебя,
онъ былъ бы живъ, — мой Идеалъ!
По твоей винѣ
я потерялъ его навсегда.»
И Демонъ отвернулся отъ трона
Владыки.

Изъ пламени всемірной Ненависти,
возрожденный, какъ Фениксъ,
воспрянулъ Неосуществленный;
но не примкнулъ,
ни къ одному, ни къ другому изъ Двухъ
Словно молнія, прорѣзалъ онъ
безпредѣльное пространство небесъ,
и, раскинувъ крылья свои въ безконечность,
онъ отдѣлилъ
свою прозрачную ясность
отъ мрачныхъ предѣловъ обоихъ Единственныхъ,
гдѣ надъ вселенной царило
дыханіе бѣдствій и смерти.

И за это душа моя
восхваляетъ Неосуществленнаго!
Она возрождается въ ясности,
которая ей доступна лишь мысленно.
Безцѣнность сознанья
замѣняетъ мнѣ рай, а вѣра
нѣжными, теплыми руками обвиваетъ мнѣ шею,
цѣлуетъ тихо и нѣжно
и усыпляетъ мой разумъ, чтобъ онъ не мѣшалъ
мнѣ грезить о томъ,
что когда-нибудь снова придетъ Неосуществленный
и станетъ править надъ жизнью,
и тогда настанетъ царство мира и гармоніи!
Ахъ, наши бѣдныя людскія сердца
такъ жаждутъ этого чуда!

На высокой, бѣлой скалѣ,
за пѣнящимся моремъ,

сокрытые молніеносными тучами,
вѣчно намъ незримые,
стоятъ троны обоихъ Единственныхъ.
Людское пространство и время —
для нихъ безкрайность и вѣчность!
Пройдутъ наши страданья,
минуютъ наши заботы,
но ихъ страданья не утаснутъ во вѣки.

Что имъ отъ
Состраданья и Любви,
отъ Ненависти и вѣчныхъ проклятій,
отъ искупленія и святости,
отъ преисподней и рая!
Это для обоихъ Единственныхъ —
давно знакомая имъ — пустота!
Мы изслѣдуемъ, ищемъ, —
имъ же давно все извѣстно,
Мы тщимся познать земную природу, —
ими познано все,
и найдена лишь пустота.
Не вѣря другъ въ друга,
они создали міръ.
Не вѣдая счастья,
они вѣчно томятся
ожиданіемъ,
тоской по
Неосуществленному.

И, можетъ быть, когда-нибудь грядетъ это новое чудо—
Неосуществленный —
и облечется въ плоть правды!
И, можетъ быть, это чудо соберетъ
развѣянную пыль нашихъ праховъ
и создастъ новые образы, —
объединитъ разсѣянныя мысли нашего духа,
которыя нѣкогда бодро носились
въ прозрачномъ эѳирѣ,
и раздастся кличъ Генія съ звѣздныхъ высотъ:
«Да будетъ, да явится настоящая жизнь!

Да настанетъ, взойдетъ
утро мира!
Миръ и жизнь —
это братъ и сестра!
Да грядетъ Неосуществленный!
Чудо, чудо
да снизойдетъ на насъ!»

Pro autore.

Неосуществленный явился,
словно видѣнье, предо мной,
словно сонъ,
— съ тоскою преслѣдуемый явью —
въ нѣжномъ, аломъ свѣтѣ,
въ чистой гармоніи.
По стройнымъ мраморнымъ пропилеямъ
поднимался онъ вверхъ,
въ священный, сверкающій свѣтъ!
На землѣ стоялъ я
въ туманѣ и грязи,
средь ненависти,
зависти, злобы,
и простеръ я руки свои къ Неосуществленному!
Но Онъ отвернулся отъ
горькой правды,
отъ меня,
отъ Сизифа и Данаидъ.
И раздался голосъ:
«Не жди меня!»

Отзвуки пѣсни „Неосуществленный и два Единственныхъ".

«Не жди меня!»
Эти слова раздаются
въ эти тихія ночи:
то чарующая рѣчь Идеала,
то проклятье намъ и величье — Ему.

«Не жди меня!»
и сокрушается сердце мое,
ибо я люблю
Неосуществленнаго.
«Не жди меня!»
гремитъ трубный гласъ,
и мой крикъ отчаянья
гибнетъ въ немъ, подобно голосу путника,
заблудившагося въ безжалостно шумящемъ лѣсу.
«Не жди меня!»
«Не жди меня!»
Глухіе кладбищенскіе колокола —
простые бубенчики въ сравненьи съ могучимъ
кликомъ Идеала:
«Не жди меня!»

«Я люблю Неосуществленнаго!»
Это выдумка Демона —
любить не-Сущаго!
Да и способенъ ли Демонъ любить?
Все же по Неосуществленному
пылаетъ въ тоскѣ его сердце,
и лишь отъ мысли о Немъ
могутъ возникнуть странныя терзанья
о Сущемъ;
созданье мысли
раскрываетъ широко врата
въ храмъ любви.
Если же Демонъ полюбитъ, — тогда
міру конецъ!

Перевела ***Б. Балта.***

НИЩІЕ НА ЯРМАРКѢ.

Вскорѣ послѣ обѣда исчезъ изъ волостной богадѣльни Яшка Косой. Онъ имѣлъ привычку спать цѣлые дни или сидѣлъ на обвалившемся крыльцѣ, покуривая старую глиняную трубку и лѣниво глядя на бѣло-зеленую рощу, откуда безпрерывно неслись къ нему величественныя пѣсни природы. Яшка Косой былъ

тучноватый, расхлябанный человѣкъ, — вслѣдствіе удара, у него отнялась вся правая половина тѣла. Онъ уважалъ Библію и читалъ псалмы, но, несмотря на это, безконечно любилъ водку.

Часъ спустя исчезъ и Стрекоза. Это былъ странный нищій. Чѣмъ онъ, собственно, страдалъ, не могъ сказать ни онъ, ни кто другой. Но было несомнѣнно одно, — это то, что, кромѣ костей и кожи, у этого человѣка ничего не осталось. Руки у него постоянно дрожали, такъ что онъ не могъ донести до рта ложку, не расплескавъ содержимаго, и потому вмѣсто нея употреблялъ небольшую деревянную чашечку. Стрекоза былъ похожъ на чучело, какимъ пугаютъ птицъ. У него неестественно длинный носъ; кожа на узкомъ лбу вся въ морщинахъ, цвѣтъ ея желтовато-коричневый, а на скулахъ она какъ бы натянута и лоснится. Стрекоза славился, какъ знахарь и колдунъ; онъ умѣлъ гадать, и у него было больше имущества, чѣмъ полагается нищему. И потому-то смертельно ненавидѣлъ его Яшка Косой, у котораго была только одна рубашка, штаны съ тысячью заплатъ и старый кафтанъ, весь въ лохмотьяхъ. Гардеробъ Стрекозы былъ не на много разнообразнѣе, но каждый зналъ, что его сестра, жившая въ убогой банѣ, хранитъ порядочную сумму его денегъ. По этой причинѣ волостной старшина одно время даже хотѣлъ лишить его чести именоваться волостнымъ нищимъ, но, въ концѣ концовъ, махнулъ на это рукой, боясь, чтобъ Стрекоза не заколдовалъ его.

Къ вечеру исчезла и Лизочка Черная. Она не считалась настоящей нищей. Ходила она довольно бодро и потому время отъ времени помогала сосѣдямъ по хозяйству, либо пасла стадо по праздникамъ. Лизочка Черная говорила мало, и потому трудно было узнать, чѣмъ занята ея душа. У нея было широкое коричневое покрывало, прятавшее въ себѣ всю ея маленькую, узенькую фигурку; и она не знала бóльшей радости, какъ носить въ рукѣ узелокъ, въ который былъ завернутъ либо пирожокъ, либо кусочекъ мяса, либо творогъ съ толченой коноплей.

Трое нищихъ исчезли. Катенька стояла у окна и удивлялась: куда же это они дѣвались? Въ окно была видна столбовая дорога. По ней двигались телѣги. Къ телѣгамъ были привязаны коровы, лошади. Въ иныхъ телѣгахъ были окрашенные въ желтый цвѣтъ прялки или стулья. Вотъ провезли мимо ящикъ съ булками. Тутъ Катенька вспомнила, что завтра должна состояться большая ярмарка въ Плукстахъ, куда ежегодно къ этому времени стекались громадныя толпы народа изъ окрестныхъ приходовъ. Въ глазахъ Катеньки невольно засверкали слезы. Въ дни ея молодости она часто бывала на весе-

лой ярмаркѣ. Но теперь — убогая старая дѣва — она еле могла минутку постоять у окна. Какъ охотно отправилась бы она въ Плуксты! За ночь можно бы пройти эти двадцать пять верстъ Но, увы, объ этомъ она не смѣла теперь и думать. Можетъ быть, послѣзавтра перепадетъ ей булочка, либо кусокъ колбасы изъ добычи Яшки Косого или Лизочки Черной. Отъ Стрекозы она ничего не ожидала. Стрекоза былъ скряга: сушилъ хлѣбъ въ печи, чтобъ онъ не зачерствѣлъ, не плѣсневѣлъ и чтобъ его меньше можно было съѣсть.

Катенька всплакнула, сѣла на кровать и со скуки начала читать псалмы.

Яшка Косой тѣмъ временемъ храбро шагалъ по дорогѣ. Здоровой ногой онъ дѣлалъ такіе бойкіе шаги, что можно было подумать, будто онъ идетъ высматривать себѣ невѣсту. Но Стрекоза, хоть и вышелъ изъ дому позже, все-таки догналъ его недалеко отъ Виллаунскаго моста.

— Тьфу, чортъ! — сплюнулъ Стрекоза, увидѣвъ Яшку Косого, который плелся впереди его, согнувшись на правый бокъ.

Стрекозѣ было бы куда пріятнѣе, если бъ онъ оказался единственнымъ нищимъ на всей ярмаркѣ. Имъ овладѣла страшная ярость при одной только мысли, что Яшка, вдобавокъ, будетъ не единственнымъ его конкурентомъ. Въ первую минуту Стрекоза хотѣлъ было броситься въ лѣсъ и окольными путями обогнать Яшку, чтобъ только не встрѣтить своего смертельнаго врага; но вдругъ въ головѣ его родилась новая идея, заставившая радостно вздрогнуть все его тощее тѣло. Онъ вспомнилъ, какъ тяжело ему пришлось въ прошломъ году на ярмаркѣ, которая была для него самой доходной статьей. Въ прошломъ году онъ выручилъ тамъ больше двадцати рублей, не считая различныхъ гостинцевъ, рукавицъ, носковъ и табаку, но онъ выручилъ бы навѣрное вдвое больше, если бы могъ со всѣми справиться. Почитателей его знахарскаго искусства было такъ много, что онъ, можно сказать, послѣднюю каплю выдавилъ изъ себя, а подъ конецъ упалъ, запыхавшись, около канавы и лепеталъ: «Отче Небесный! не могу больше... Помоги, о Господи!...»

Стрекоза — пройдоха. Онъ никогда не просилъ милостыни, никогда не протягивалъ руки «Христа ради»... Народъ, можно сказать, самъ шелъ къ нему за милостыней. Во время ярмарки онъ выбиралъ гдѣ-нибудь на окраинѣ удобное мѣстечко, подыскивалъ за гривенникъ человѣка, который бы вбилъ въ землю крѣпкій колъ — у самого Стрекозы не было достаточно силъ для этого, — и народъ самъ валилъ къ нему. Человѣку разсудительному

гутъ можно было лопнуть со смѣху, такъ какъ подобное шутовство врядъ ли гдѣ-либо было видано. Никто, собственно, не зналъ, съ какихъ поръ это началось, но такъ ужъ было заведено: если кто на Плукстовской ярмаркѣ покупалъ корову, овцу или другую какую скотинку, тотъ велъ ее къ Стрекозѣ. Стрекоза сидѣлъ въ своей полинялой, старой шляпѣ и быстро мигалъ маленькими, хитрыми глазками. Онъ привязывалъ скотину къ веревкѣ, другой конецъ которой былъ привязанъ къ колу, и, бормоча непонятныя слова, гонялъ животное вокругъ кола. Каждый зналъ, что послѣ этого скотина, будь она даже съ какимъ-либо незамѣтнымъ порокомъ, не только станетъ здорова, но принесетъ съ собою въ хлѣвъ благословеніе и для другихъ животныхъ. Возлѣ кола стояла кадочка съ водой, покрытая крышкой. Народу издавна было извѣстно, что въ этой кадочкѣ Стрекоза хранилъ воду изъ цѣлебныхъ источниковъ. Гдѣ находились эти цѣлебные источники, никто не спрашивалъ. Изъ этой кадочки Стрекоза наливалъ по ложкѣ въ бутылку то тому, то другому, приходившему за помощью, и получалъ за это гривенникъ, пару рукавицъ либо носковъ, — кто что могъ дать.

Другіе нищіе пытались было подражать Стрекозѣ, но во-первыхъ, они не были такъ ловки, а, во-вторыхъ, народъ не вѣрилъ въ ихъ силу, и Стрекоза, въ концѣ концовъ, остался единственнымъ врачомъ-чудотворцемъ, знахаремъ и колдуномъ для людей и животныхъ. Яшка Косой, Лизочка Черная и нищіе сосѣднихъ приходовъ, заходившіе въ Плуксты на ярмарку, были и оставались простыми нищими, занимавшими мѣсто вблизи кабака, гдѣ на нихъ не могли наскочить или наѣхать цыгане; причитывая молитвы, ждали они, пока кто-нибудь сжалится надъ ними.

Съ трепетнымъ сердцемъ думалъ Стрекоза о предстоящей ярмаркѣ, когда увидѣлъ Яшку Косого; вмѣстѣ съ враждебнымъ чувствомъ къ товарищу возникла въ душѣ новая мысль: а что, если взять Яшку Косого себѣ въ помощники? У кола оставался бы онъ самъ, Стрекоза, такъ какъ, во-первыхъ, это ремесло было выгоднѣе, и Яшкѣ, разумѣется, не очень-то можно было довѣрять; во-вторыхъ, Яшка не могъ бы такъ ловко распоряжаться у заколдованнаго кола, какъ онъ самъ. Но зато было бы великолѣпно, если бъ Яшка распоряжался у кадочки съ цѣлебной водой...

— Ей-Богу, возьму себѣ Яшку въ помощники и дамъ ему за труды три цѣлковыхъ...

Но вслѣдъ затѣмъ Стрекоза ужаснулся: три цѣлковыхъ, такія громадныя деньги! Три цѣлковыхъ! Онъ, пожалуй, такъ

много и самъ не выручитъ!... Въ концѣ концовъ, онъ рѣшилъ дать Яшкѣ рубль и харчи. Чего жъ ему больше нужно?!... И Стрекоза началъ ковылять быстрѣе, чтобы догнать Яшку. Яшка уже усталъ и сѣлъ около канавы, какъ разъ когда Стрекоза подходилъ къ нему. Яшка сверкнулъ на него бѣлками широко раскрытыхъ глазъ и даже испугался, когда Стрекоза остановился передъ нимъ и закашлялъ.

— М-ммъ! и ты въ Плуксты?

— А что же? Собираюсь. Чего же дома-то безъ толку сидѣть?

Стрекоза хотѣлъ было что-то сказать, но въ это время ѣхали мимо нѣсколько телѣгъ съ привязанными къ нимъ коровами. На одной телѣгѣ сидѣла здоровенная баба съ дочкой. Дочь правила, а сама хозяйка подавала коровѣ пучки травы. Повернувъ голову, она долго смотрѣла внимательными глазами на Стрекозу, который стоялъ, какъ чудовище, съ громадной ношей на спинѣ.

— Народу будетъ много! — замѣтилъ Стрекоза. — Кабы Господь только далъ хорошую погоду!...

И, вытянувъ шею, Стрекоза посмотрѣлъ на небо и задрожалъ отъ радости. Небо было ясно, и тихое вечернее солнце золотило верхушки елей.

— Дождя не будетъ! А если и польетъ, то не раньше какъ подъ вечеръ! — добавилъ Яшка.

— Послушай, Яшка, — заговорилъ Стрекоза, придвигаясь къ товарищу, — ты умѣешь только спать да курить. Великихъ дѣлъ Господнихъ ты совершенно не замѣчаешь. Сколько травокъ да цвѣточковъ на лугу, сколько былинокъ да листочковъ въ лѣсу! Берешь ихъ и кладешь въ спиртъ, либо въ чистую воду... Ты знаешь, къ чему я это говорю. И я не накопилъ себѣ, Богъ вѣсть, какихъ богатствъ. Нищимъ былъ, нищимъ и останусь, но есть своя радость — помогать народу. Покупаетъ человѣкъ коровушку у чужого, у совершенно чужого... Слышишь, Яшка! Помяни Господа, и все будетъ хорошо... Знаешь вѣдь, какъ солнце остановилось, когда Іисусъ Навинъ Господа призвалъ... какъ, бишь, долину-то эту звали?... Но ты, Яшка, знаешь, къ чему я веду... Становлюсь я старъ, не въ силахъ всѣмъ помочь. Яшка, давай держаться вмѣстѣ, я дамъ тебѣ...

Стрекоза хотѣлъ ужъ было сказать, что дастъ ему рубль, но подумалъ: не много ли? Все же остановился на рублѣ: не то — Яшка могъ отказаться.

— Рубль и харчи! — проворчалъ Яшка. — А гдѣ же табакъ?

Безъ трубки я жить не могу. И стоять въ такой пыли! Ротъ такъ просохнетъ, что и слова не скажешь...

— Ну, когда ужъ выручишь грошъ-другой, такъ возьмешь въ кабакѣ... полштофчикъ... и пачку табаку получишь. Согласенъ?

— Ну, что жъ, придется, видно, поработать... — успокоился Яшка.

Онъ былъ малый не דуракъ и быстро соображалъ: «Спущу гривенникъ-другой за пазуху»...

Но объ этомъ же думалъ и Стрекоза и смотрѣлъ на Яшку злыми глазами...

— Долго мы еще тутъ будемъ сидѣть? — обратился Стрекоза къ Яшкѣ, какъ будто тотъ ужъ продалъ ему душу свою. — Вставай, пойдемъ! Вѣдь мы не верхомъ ѣдемъ. Хорошо бы успѣть до восхода солнца запастись водой и вбить колъ!

— А гдѣ жъ твои цѣлебные источники? — недовѣрчиво спрашивалъ Яшка своего товарища и, вздыхая, пытался встать.

— Погоди — увидишь, увидишь... Все дано Господомъ на пользу человѣку, нужно только взять съ умѣньемъ да съ молитвой...

И долго-долго шли они, не говоря ни слова. Уже темнѣло, а они прошли только шесть верстъ.

— Пойдемъ по прямой дорогѣ! — сказалъ Стрекоза.

— По какой прямой? Я не знаю...

— Я знаю! Мимо усадьбы Грема... Перейдемъ въ другой разъ рѣчку. Я знаю: у запруды переберемся; воды тамъ мало, мельничная плотина разрушена... Перейдемъ черезъ рѣку, а тамъ черезъ выгонъ Вимбы; а дальше ужъ видна ель, что около усадьбы Грема...

Яшка согласился. Нищіе молча шли черезъ ольховникъ, черезъ поляну, на которой зеленѣли большіе кусты можжевельника. Около можжевельника гудѣли жуки. Стрекоза остановился, поглядѣлъ и вздохнулъ.

— Какъ хорошо твореніе Господне!... Яшка, ты не мѣшкай, иди скорѣе! Подумай, когда же мы пройдемъ такую даль?!

Яшка не сказалъ ни слова, и шагу не прибавилъ: онъ не могъ ходить быстро...

Въ рѣкѣ все-таки оказалась вода, и съ Яшкой чуть не сдѣлалось дурно, когда онъ вмѣсто запруды увидалъ двѣ жерди, переброшенныя черезъ воду. Жерди были достаточно прочны, чтобъ удержать двухъ нищихъ, но все-таки, когда на нихъ ступали, онѣ качались. Стрекоза, пожалуй, перебрался бы, держась за колъ,

но Яшка не былъ акробатомъ и не могъ на одной ногѣ пройти по двумъ качающимся жердямъ.

— Я тутъ не стану переходить! — сказалъ Яшка и пугливо покосился на темную воду.

— Вотъ колъ: держись за него и переходи! — приказалъ Стрекоза.

— Нѣтъ, ужъ я лучше прямо засуну голову въ воду, чѣмъ стану искушать Господа... Нѣтъ ли тутъ брода?

Стрекоза, ругаясь, побрелъ вверхъ по рѣкѣ, чтобъ отыскать для товарища бродъ.

Немножко погодя гдѣ-то за кустомъ раздался всплескъ воды, и Стрекоза завизжалъ:

— Яшка, ступай сюда, тутъ переберешься!

Яшка — онъ только было усѣлся — поднялся и поплелся въ ту сторону, гдѣ исчезъ Стрекоза. Къ счастію, тамъ нашлось большое бревно, лежавшее наискось рѣки; осторожно подвигаясь впередъ, двое нищихъ кое-какъ перебрались на другой берегъ.

— Слава Богу, что не свалился, — говорилъ Яшка: — такъ бы тамъ и остался!

— Не мели пустяковъ! — серьезно сказалъ Стрекоза, — мѣси-ка получше землю... Ночь лѣзетъ на шею!

И въ самомъ дѣлѣ, когда они по узкой тропинкѣ вошли въ боръ, ночь такъ и накинулась на нихъ. Темнота была не такъ ужъ черна, но у нищихъ глаза слабы. Путники нѣсколько часовъ блуждали въ лѣсу, хотя по расчету Стрекозы давно уже должна быть поляна. Онъ предполагалъ, что они, пожалуй, заблудились, но не смѣлъ сказать объ этомъ.

— И что бы намъ пойти по дорогѣ! — стоналъ Яшка. — Я больше не могу держаться на ногахъ.

— Я уйду, оставайся одинъ, — грозился Стрекоза.

Наконецъ показалась поляна.

— Вотъ видишь! Не говорилъ я тебѣ?!—сказалъ Стрекоза.— Съ какой стати намъ было идти такую чортову даль по большой дорогѣ!

Но у самого Стрекозы нехорошо было на душѣ. Мѣстность казалась ему совершенно незнакомой. Онъ остановился и старался проникнуть взоромъ сквозь сумерки. Ему казалось, что передъ нимъ покатый, но высокій склонъ горы.

— Тутъ вспахано, — съ отчаяніемъ заговорилъ Яшка.

— Отче нашъ, иже еси на небеси... — читалъ Стрекоза молитву. — Тамъ либо ель около усадьбы Грема, либо коло-

кольня!... И остави намъ долги наши... Ей-Богу, это ель! — воскликнулъ радостно Стрекоза.

Глаза его понемногу привыкли къ темнотѣ и стали различать предметы; въ черной точкѣ на горѣ онъ узналъ знакомую ель. Не окончивъ молитвы, онъ поплелся впередъ, а Яшка пошелъ за нимъ, вздыхая и ругаясь.

— Слава Господу милостивому! — воскликнулъ наконецъ радостно Стрекоза.

Онъ вышелъ на большую дорогу и оглянулся на Яшку...

* * *

Несмотря на ночныя передряги, Стрекоза съ самаго ранняго утра стоялъ у своего кола, а Яшка клевалъ носомъ у кадушки, наполненной водою изъ цѣлебныхъ источниковъ. Яшка и самъ не зналъ, откуда Стрекоза досталъ цѣлебной воды. Но какое ему до этого дѣло! Онъ надѣялся утащить грошъ-другой изъ выручки Стрекозы, такъ какъ не было недостатка въ людяхъ, которымъ нужна была цѣлебная вода. Къ обѣду Стрекоза былъ весь въ поту. Онъ только что началъ гонять вокругъ кола старую яловую корову. Яловица не хотѣла бѣгать, какъ слѣдуетъ: то прижималась къ колу, то ударялась въ сторону, стараясь освободиться отъ веревки. Но Стрекоза хлесталъ ее кнутомъ по спинѣ и, картавя, приговаривалъ:

— Ну-ну! Прямо! Прямо!

Корова стала, остановился и Стрекоза, но старушка, купившая яловицу, жалобно заговорила:

— Батюшка, погоняй еще разокъ!

Стрекоза погналъ коровенку еще разъ, потомъ отвязалъ ее, получилъ за трудъ и хотѣлъ было отдохнуть маленько, но тутъ къ нему подползъ Яшка и тихо, но съ отчаяніемъ въ голосѣ, зашепталъ:

— Кадушка опрокинулась!

Глаза Стрекозы сверкнули гнѣвомъ.

— Болванъ! — прошипѣлъ онъ, — нехристь! Иди къ канавѣ, внизу канава... принеси кружкой... понимаешь — кружкой!

Яшка заковылялъ, спрятавъ кружку въ мѣшкѣ. А Стрекоза началъ гонять вокругъ кола молодого жеребца. Затѣмъ слѣдовали одинъ за другимъ пара барановъ, свинья, старая лошадь. Яшка все еще не возвращался. Стрекоза сходилъ съ ума отъ ярости.

— Убью его, дьявола! — ворчалъ онъ.

Тутъ протиснулась къ нему какая-то старая дѣва. Она держала въ рукѣ пару рукавицъ, двѣ булки и бумажный рубль.

— Чего ты хочешь? — спросилъ ее Стрекоза, увидѣвъ обильное вознагражденіе.

Дѣвица наклонила голову къ уху Стрекозы и сердито, но тихо сказала:

— Заколдуй ты мнѣ Дзильнову Анну! Она у меня жениха отбила. Заговорила, сволочь, моего Мартына!..

Стрекоза оставилъ стараго коня у кола, снялъ шляпу съ головы, состроилъ торжественную мину и началъ шевелить губами.

— Заколдуй мнѣ ее такъ, чтобъ она больше двигаться не могла! — сердито шипѣла старая дѣва.

Стрекоза ниже наклонилъ голову и сжалъ руки.

— Готово? — спросила дѣвица.

— Готово! — отвѣтилъ Стрекоза.

— На! — сказала дѣва и отдала Стрекозѣ пару рукавицъ, булки и бумажный рубль.

Дѣвица исчезла въ толпѣ, Стрекоза продолжалъ свою работу, но Яшка все не возвращался.

— Въ кабакъ, нехристь, ушелъ! — скрипѣлъ зубами Стрекоза и во всю мочь гонялъ вокругъ кола скотину, чтобъ вернуть то, что онъ потерялъ изъ-за Яшки.

— Можно получить цѣлебной воды? — спросила старушка, за юбку которой держался мальчикъ въ новенькой, сѣрой шапкѣ; въ рукѣ у старушки была бутылка.

— Отдалъ, все, что было, отдалъ больнымъ, — въ отчаяніи воскликнулъ Стрекоза.

— Дай хоть капельку! — молила старушка.

Стрекоза вылилъ все, что осталось на днѣ кадочки, и старушка ушла успокоенная, а Стрекоза получилъ два блина и жаренаго цыпленка...

*

Солнце клонилось къ западу. Съ ярмарки начали разъѣзжаться. Возлѣ кола Стрекозы не было больше ни одного животнаго. Самъ нищій былъ утомленъ до смерти. Сердце у него невыносимо болѣло: Яшка надулъ его безсовѣстно. Но добыча Стрекозы была не малая. Никогда онъ еще такъ много не выручалъ, теперь онъ безпокоился о томъ, какъ унести выручку. Съ деньгами легко справиться, но булки, цыплята, рукавицы и носки не умѣщались въ его обширныхъ мѣшкахъ. Наконецъ ему все-

таки удалось нагрузить все добро на себя. И онъ медленно пошелъ по направленію къ корчмѣ.

— Ей-Богу, это Лизочка Черная! — удивился Стрекоза, — ишь ты, и она сюда приплелась!

Лизочка Черная сидѣла на перекресткѣ, около камня, и все кланялась. Но ей почти не подавали. У рѣдкаго прохожаго являлось состраданіе къ нищенкѣ.

Стрекоза остановился и замигалъ глазами.

— Не видала ли Яшки?

— Видала, въ кабакъ пошелъ, — простонала Лизочка.

Къ ея удивленію, Стрекоза бросилъ ей булку на колѣни.

— Ѣшь! — сказалъ онъ самодовольно, почти гордо и пошелъ дальше.

Въ общей половинѣ кабака, растянувшись вдоль стѣны, около печи, лежалъ Яшка Косой.

Стрекоза наклонился къ Яшкѣ и потянулъ носомъ. Отъ Яшки несло водкой и чесночной колбасой.

— Дьяволъ! — воскликнулъ Стрекоза и хотѣлъ ударить товарища, но остановился.

Онъ оглянулся кругомъ и началъ изслѣдовать мѣшокъ Яшки. Въ немъ были крошки хлѣба, но денегъ не было.

— Не добромъ ты кончишь! — проворчалъ Стрекоза и, сѣвъ на скамью, повѣсилъ голову. Онъ глядѣлъ въ окно и обдумывалъ, не поѣсть ли, и если поѣсть, то не выпить ли рюмочку. Онъ чувствовалъ себя безконечно усталымъ.

Да, не легко ему давался хлѣбъ насущный!

Перевелъ ***Янъ Страуянъ.***

К. СКАЛЬБЕ.

ПАРУСЪ.

Вдоль молодыхъ луговъ и рощъ зеленыхъ
Скользитъ, бѣлѣя, парусъ на волнахъ,
И спитъ рѣка въ своихъ отлогихъ склонахъ,
Блеститъ волна, какъ рыба въ камышахъ.

По берегу — дома. Вотъ въ яркомъ свѣтѣ
Балконъ просторный, солнцемъ озаренъ.
О, тамъ бы жить, смотрѣться бъ въ окна эти! . . .
Но мчится парусъ, мимо мчится онъ.

Онъ алчетъ мглы морской въ тяжелыхъ стонахъ,
И вѣтромъ вольнымъ грудь его полна . . .
Вдоль молодыхъ луговъ и рощъ зеленыхъ
Его уноситъ легкая волна.

С. Шервинскій.

МОЙ ДОМИКЪ.

Мой домикъ нынѣ
И сѣръ, и плохъ,
Въ болотной тинѣ
Лежитъ, заглохъ.

Туманы тянутъ,
Ползутъ едва;
Березки вянутъ,
Желта трава.

Хоть затянуло
Окошко мхомъ,

Гора взглянула
Въ мой тусклый домъ.

Смотрю въ оконце·
Тропа бѣжитъ,
Гора на солнцѣ
Какъ жаръ горитъ.

И, словно волны,
Четы людей
Стремятся, полны
Любви своей.

Въ вѣнкахъ красуясь,
Гурьбой идутъ,
Въ цвѣтахъ, цѣлуясь,
Идутъ, поютъ.

Слова безпечны
На ихъ устахъ,
И слезы вѣчны
Въ моихъ глазахъ.

Юрій Верховскій.

ВЕЧЕРОМЪ.

По небу, въ закатѣ багряномъ,
Сверкающій всадникъ летитъ.
Иду съ шалуномъ-мальчуганомъ, —
Отецъ его часто бранитъ.

Далекое облако блещетъ.
Безсильно, какъ птичка въ силкѣ,
Рука мальчугана трепещетъ
Въ моей огрубѣлой рукѣ.

Онъ шепчетъ сквозь слезы: «Гдѣ всадникъ?
Зачѣмъ ускакалъ онъ отъ насъ?
Что стоило въ нашъ палисадникъ
Заѣхать подъ вечеръ хоть разъ?»

«Ахъ, мальчикъ мой, садикъ твой — чахлый,
А въ домѣ — и сумракъ, и сонъ.
Отецъ твой — ворчливый и дряхлый:
Чѣмъ встрѣтилъ бы рыцаря онъ?

Нѣтъ, рыцарь къ сіяющимъ странамъ
Отъ нашихъ несется болотъ,
Тоскою по солнцѣ румяномъ
Волнуя угрюмый народъ!»

В. Ходасевичъ.

ЛѢСНАЯ КОРЧМА.

Въ тѣни прохладныхъ елей
Я на корчму набрелъ:
Изъ темной мѣди кружки,
И старый жерновъ — столъ.

Хозяинъ рыжебородый —
Какъ побагровѣвшій боръ...
Меня, какъ стараго гостя,
Онъ потчуетъ съ давнихъ поръ.

Приходитъ дѣвушка съ пастбищъ,
Садится подъ окномъ...
У ногъ моихъ песъ ложится, —
И я забываю свой домъ.

С. Шервинскій.

ВЕЧЕРЪ.

Трепещетъ вѣтеръ въ лиственныхъ вершинахъ,
Цвѣты склоняетъ сонный лепестокъ.
Туманъ, бѣлѣя, стелется въ долинахъ,
Зари блѣднѣетъ пламенный цвѣтокъ.

Звѣзда на небо всходитъ за звѣздою,
Съ свѣчами стражи, — землю охранять...
И ночь идетъ, весь міръ зовя къ покою,
Съ привѣтомъ тихимъ, какъ къ ребенку мать.

С. Шервинскій.

УТРО.

Ласкается дѣвушка
Разсвѣтнаго сна;
Меня и баюкаетъ,
И нѣжитъ она.

Но милой противлюсь я
Движеньемъ радостныхъ рукъ, —
Вѣночекъ ея разсыпается,
И падаютъ розы вокругъ.

Но что мнѣ послышалось?
Кто дверью скрипитъ,
И обувью мягкою
Чуть слышно шуршитъ?

Ласкающій голосъ, и тихъ, и глубокъ,
Мнѣ молвитъ, колеблясь: «Ужъ утро, сынокъ!»
И жесткая трогаетъ нѣжно рука,
И гладитъ, лелѣя, и будитъ меня.

Тяжелыя вѣки раскрылъ я слегка
Навстрѣчу сіянію свѣтлаго дня.
Къ постели склоняется милая мать,
Смѣется и ласково будитъ опять.

И распахнулась дверь широко, —
Вотъ пахарь предо мной и статный, и высокій.
Въ его рукѣ блеститъ топоръ.
Зоветъ меня къ труду и крикъ его, и взоръ.
Во слѣдъ ему лучи бросаютъ жаркій взглядъ
И комнату мою привѣтно золотятъ.
Мнѣ бодрость отъ него живительная вѣетъ;
За нимъ, въ росѣ блестя, широкій лугъ бѣлѣетъ,
И лѣсъ ликующій сіяетъ и дрожитъ.
Гори, разсвѣтъ труда, — величественный видъ!
Идемъ! Свиститъ топоръ, — и нынѣ лѣсъ вчерашній
Для насъ разстелется широкой тучной пашней.

Юрій Верховскій.

УХОДЯ.

Усталый, къ темной долинѣ
Иду впередъ черезъ горы.
Въ груди — холодныя тѣни,
И слезы туманятъ взоры.

И солнце, и пурпуръ заката
Я тамъ оставилъ далече;
Друзей за горами оставилъ,
Любовныя пѣсни и рѣчи.

Кругомъ — съ болотами поле,
Туманъ и снѣга пеленою...
А тамъ вѣтерка дыханье
Ласкало тепломъ за горою.

Пока не вернусь, помедли
Спускаться, о солнышко, нынѣ.
Я видѣлъ тебя такъ мало...
Иду я къ темной долинѣ.

С. Шервинскій.

МОЯ ПОѢЗДКА КЪ СНѢГУРОЧКѢ.

Эту сказку разсказалъ мнѣ нѣкій морякъ.

* * *

Сердце у меня было юное, словно сосудъ, только что вынутый изъ пламени, облитый радужной глазурью... Дотронешься — звенитъ.

Невидимое пламя накаляло его, и оно разносило по моимъ жиламъ горячую кровь.

Какъ вешніе потоки увлекаютъ съ собою прибрежныя деревья, такъ моя бурная кровь влекла меня куда-то, въ невѣдомую даль.

И я покинулъ неприглядную хижину отца на тихой опушкѣ лѣса и направился черезъ вспаханный братомъ холмъ въ невѣдомую даль, спотыкаясь о комья земли. Я былъ словно камень въ горномъ потокѣ.

Надо мной раскинулся лазурный океанъ неба. Позади меня остался его темно-зеленый еловый берегъ. Одна за другой отъ берега отплывали свѣтлыя, облачныя лодочки, кто-то расшилъ ихъ паруса золотыми нитями, и, волнуемыя утреннимъ вѣтеркомъ, онѣ уносились въ даль надъ моею головой.

Въ лодочкахъ сидѣли зори, сверкая бисерными краями, великаны въ блестящихъ мѣдныхъ латахъ съ огненными мечами.

Зори воспѣвали грезы; великаны говорили о подвигахъ, и ихъ разсказы были подобны рощѣ, поднимавшейся изъ туманныхъ облаковъ въ утренней зарѣ.

Надо мной двигалась громадная ладья съ огненными бортами. Въ ней стоялъ величественный гигантъ въ сѣромъ плащѣ, съ головой, окаймленной темнымъ вѣнкомъ волосъ. Его глаза, пылавшіе словно два солнца, смотрѣли на сѣверъ.

Передъ нимъ въ небесной лазури плыла царевна-зорька. Онъ догналъ ее. Ея маленькая лодочка, словно бѣлый цвѣтокъ водяной лиліи, прильнула къ его большой ладьѣ, и я услышалъ, какъ великанъ разсказывалъ ей о Снѣгурочкѣ, которая живетъ за океаномъ, въ алмазномъ замкѣ, и плететъ дивные, лучистые вѣнки. Къ ней на смотрины ѣздятъ пылкіе юноши, и лучшему изъ нихъ она преподноситъ огненный вѣнокъ, сажая юношу съ собою на украшенное алмазами ложе.

Лодки исчезли въ туманѣ.

Спотыкаясь, я устремился за ними. Разсказъ великана наполнилъ мою душу томленіемъ, какъ дубовый боченокъ наполняется молодымъ бродящимъ виномъ.

Покидая отцовскій домъ, я еще не зналъ, куда я направлю свой путь.

Теперь же мнѣ стало ясно, что я иду къ Океану, на смотрины къ Снѣгурочкѣ.

*

По бурымъ пашнямъ, лугамъ и болотамъ, черезъ овраги, по межамъ, среди зеленѣющихъ нивъ, я шелъ все впередъ.

За деревьями, играя золотомъ лучей, спускалось солнце. Сумерки, словно темно-сѣрыя воды, заливали окрестность.

Люди, оставивъ орудія своего труда, пугливо исчезали въ хижинахъ, спрятанныхъ между деревьями. Со скрипомъ закрылись двери, въ окнахъ вспыхнули бѣлые огоньки.

Путники сворачивали съ бѣлой ленты большой дороги въ темныя аллеи, стучались въ закрытыя двери и съ опущенной головой ждали, пока имъ откроютъ.

Я не стучался ни въ одну дверь. Я не боялся мрака. Изъ моего сердца ключомъ билъ яркій потокъ свѣта...

Уже много утреннихъ и вечернихъ зорь миновалъ я, когда однажды утромъ поднялся на берегъ, поросшій рѣдкими соснами, сквозь которыя свѣтилось небо.

Уже край свѣта? Нѣтъ, здѣсь только его начало: вдали — океанъ и небо. У берега стояла лодочка, а невдалекѣ — корабль съ бѣлымъ парусомъ, похожій на исполинское, приподнятое кверху крыло.

Ликуя, бросился я въ лодку и вскорѣ очутился на кораблѣ, но едва всталъ у руля, какъ надъ моей головой пронеслось что-то похожее на прохладную, сѣрую тѣнь, и за спиной я услышалъ шумъ, напоминающій шелестъ широкихъ крыльевъ, — паруса надулись, и корабль понесся прямо къ сѣверу.

Много дней и ночей я провелъ въ пути. Чѣмъ дальше въ море, тѣмъ выше поднимались волны, тѣмъ быстрѣе несся мой корабль.

Море становилось все однообразнѣй. Рѣдко пронесется мимо корабля стая чаекъ со свистомъ, касаясь парусовъ концами острыхъ крыльевъ; рѣдко сверкнетъ и растаетъ вдали бѣлый парусъ.

Наконецъ и это все исчезло, и предо мной широко простерлось вѣчное молчаніе...

Вокругъ меня стаей голодныхъ волковъ выли волны, и мой корабль безпощадно билъ грудью ихъ широкія, сѣдыя, косматыя спины. Нѣкоторыя изъ нихъ, разъяренныя, вставали на дыбы и съ воемъ открывали пѣнящуюся пасть, собираясь схватить мой корабль, но моя «Юная Мощь» однимъ ударомъ дробила изумрудныя челюсти волнъ и гордо неслась впередъ по сѣдымъ гривамъ поверженныхъ.

На горизонтѣ показались бѣлоснѣжныя, странно движущіяся тучи: это были ледяныя горы.

Тамъ начиналось царство Снѣгурочки. То были ея бѣлые богатыри, вышедшіе на просторъ для битвы. Я видѣлъ, какъ они угрожающе кидались другъ на друга, сверкая ледяными мечами, какъ съ грохотомъ устремлялись они одинъ на другого и, сплотившись въ одну гигантскую глыбу, со страшнымъ шумомъ тысячью кусковъ разсыпались по океану. Мимо меня проносились широкія льдины, своими зелеными тѣлами они терлись о бока корабля.

Я находился въ воротахъ Сѣвернаго царства. По обѣимъ сторонамъ, угрожающе протянувъ серебряныя копья, возвышались

ледяные великаны; между ними извивалась широкая щель, — въ ней бились высокія волны раздробленныхъ ледяныхъ тѣлъ.

А поперекъ этой щели темнымъ островомъ лежалъ Морской царь. Его широкія ноздри были погружены въ воду, воспаленные глаза съ полуоткрытыми въ дремотѣ вѣками сверкали какъ отблески горна. Изъ ноздрей вылетали въ воздухъ снопы искръ, окутанныхъ дымомъ.

Лавируя межъ плавающихъ льдинъ, мой корабль плылъ навстрѣчу чудовищу.

Вотъ одинъ изъ бѣлыхъ богатырей зашевелился и медленно двинулся ко мнѣ. Смѣло выпятивъ свою дубовую грудь, корабль кинулся на него и врѣзался острымъ лбомъ въ его тѣло. Мгновеніе — и богатырь закачался: съ страшнымъ грохотомъ рухнули его кости, а голова тяжело упала на корабль и разлетѣлась вдребезги, обрызгавъ палубу бѣлоснѣжной кипенью мозга.

Корабль застоналъ, качнулся и пошелъ обратно.

Приближалась ночь, надвигался мракъ, лишь на небѣ мерцали звѣзды.

Корабль мой медленно плылъ стороной, и я думалъ: зачѣмъ мнѣ ѣхать мимо жабръ чудовища? Не лучше ли обогнуть его и пріѣхать въ замокъ съ другой стороны?

И вглядываясь въ пространство бушующихъ волнъ, я далъ кораблю идти туда, куда онъ хочетъ.

* * *

Океанъ мало-по-малу стихъ. Корабль качался на мелкихъ, тихихъ волнахъ.

Надъ волнами дымился прозрачный туманъ, и, кутаясь въ него, впереди корабля трепетали бѣлоснѣжныя птицы, тихо воркуя, то выставляя свои широкія спины, то утопая въ волнахъ тумана, какъ будто желая зарыться въ теплую постель мягкихъ водъ.

Чѣмъ дальше я плылъ, тѣмъ гуще становился туманъ, поднимаясь все выше. Онъ ласкалъ мои руки, грудь, щеки, теплый, матовый, будто вспотѣвшее стекло окна. Мои обвѣтренныя щеки, потрескавшіяся, окровавленныя руки пріятно ощущали его прикосновеніе. Онъ обнялъ мои члены, словно теплая ванна: мои туто напряженныя мышцы размякли, мысли путались въ головѣ... Я облокотился о руль и не то во снѣ, не то наяву увидѣлъ, какъ туманъ исчезъ въ синей дали... Надъ моей головой спустилось что-то бѣлое и, лѣниво качаясь, закрыло все небо. Потонули звѣзды... востокъ и западъ слились воедино. Я даже не зналъ, плы-

ветъ мой корабль къ югу или къ сѣверу, движется онъ или стоитъ на мѣстѣ...

Я не знаю, какъ долго продолжалось мое забвеніе. Придя въ себя, я замѣтилъ вдали нѣчто похожее на темную лѣсную просѣку, прикрытую пнями. Запыхавшійся вѣтерокъ слабо шелестѣлъ въ опустившихся парусахъ. Корабль плылъ медленно и грузно, и чѣмъ больше онъ приближался къ страшному «нѣчто», тѣмъ сильнѣе меня охватывала жуть: то, что я видѣлъ теперь, напоминало собой плавающее кладбище съ торчащими, сломанными крестами, на крестахъ болталось что-то въ родѣ сѣрыхъ лохмотьевъ — быть можетъ, ленты вѣнковъ.

По мѣрѣ приближенія темные холмы вырастали все выше, и вскорѣ я понялъ, что предо мною остовы погибшихъ кораблей. Нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ развалились, на другихъ еще держались надломленныя мачты, тяжело свѣсившись на бокъ. То здѣсь, то тамъ, на нихъ висѣли сгнившіе сѣрые паруса.

Весь океанъ былъ загроможденъ гніющими трупами кораблей.

Корабль мой со стономъ ударился о камни. Широкое кольцо волнъ, качаясь и уменьшаясь, уплывало все дальше, пока совсѣмъ не изгладилось съ поверхности моря...

Въ отчаяніи я сталъ глядѣть сквозь лѣсъ сломанныхъ мачтъ и вскорѣ замѣтилъ вдали сѣрую полосу суши. Корабль погибъ, но я еще могъ спастись.

Дрожащими руками я спустилъ черезъ бортъ лодку. Она упала, забрызгавъ меня теплой, гніющей водой, и остановилась, покачиваясь. По канату я спустился въ лодку.

Работая веслами, я боялся оглянуться назадъ: на кораблѣ кто-то лежалъ растянувшись и хохоталъ, — это былъ тотъ самый, кто, взявши меня за руки, плюнулъ мнѣ въ лицо. Это онъ растянулся на кораблѣ и хохоталъ...

* * *

Подъѣзжая къ берегу, я увидѣлъ рядъ однообразныхъ домовъ, похожихъ на ящики.

Издали всѣ они сливались въ темно-сѣрую стѣну. Не было ни башни, ни крыши, которая поднялась бы надъ общимъ ея уровнемъ.

Оставивъ на мели лодку, я босикомъ побрелъ по мелкой, теплой лужѣ, которою кончался могучій океанъ. Когда я плылъ на кораблѣ, горизонтъ оставался все въ томъ же разстояніи отъ меня. Съ какимъ бы пыломъ я ни стремился къ нему, онъ оставался недоступенъ, и въ этомъ была его прелесть. Теперь же я замѣтилъ,

что съ каждымъ шагомъ онъ становится все ближе, а за домами и вовсе сливается съ землей.

Чуждыми показались мнѣ аккуратные четырехугольные домики, чужое, низкое, закоптѣлое небо... Ноги отказались нести меня дальше, и я опустился на сѣрый каменистый песокъ.

Сидѣлъ и думалъ — самъ не знаю что... Рѣзкій визгъ, полный ужаса и отчаянія, врѣзался въ мою измученную, оробѣвшую душу. Около одного изъ домовъ я замѣтилъ лежавшую на столѣ свинью. Какъ странно торчали ея ноги! Навалившись надъ ней, какой-то человѣкъ слушалъ, какъ она визжитъ. Другой, въ бѣломъ передникѣ, съ засученными рукавами, вонзилъ въ шею животнаго ножъ. У его ногъ, весь сгорбившись, маленькій мальчикъ въ рубашонкѣ держалъ миску, и черная струя крови фонтаномъ била въ нее изъ шеи свиньи.

Визгъ становился слабѣе, отъ шеи къ тазу протягивалась темная кровяная дуга.

Ноги свиньи скорчились и снова вытянулись на столѣ; кровяная дуга изогнулась, и черная струя упала на ручонку мальчика. Визгъ прекратился.

Человѣкъ слѣзъ со свиньи и сталъ поднимать свое упавшее на землю сабо; мальчикъ побѣжалъ къ дому, весело разглядывая испачканную кровью руку. Мужчины съ трубками во рту принялись потрошить свинью, и на ихъ круглыхъ щекахъ сіяла животная радость.

Недалеко отъ нихъ пара собакъ, лежа на кучѣ мусора, грызла кости, и ворона теребила что-то.

Я закрылъ глаза...

Вдругъ я услышалъ голоса и, поднявъ голову, увидѣлъ, что вокругъ меня собираются откормленные люди въ пушистыхъ одеждахъ. Они начали сочувственно разспрашивать меня, и я, словно во снѣ, разсказалъ имъ о своихъ приключеніяхъ, самъ не понимая, что говорю. Они выслушали мой разсказъ такъ спокойно, словно все это было имъ уже знакомо. Въ моемъ несчастіи они искали оправданія своей жизни, нашли его и радовались... Они, какъ я, тоже стремились куда-то вдаль, тѣмъ же путемъ, что и я, и попали на этотъ Островъ Мира и Довольства, гдѣ царствуютъ счастіе и полный покой.

— Идеализмъ молодости!... Пылкая кровь!... Безумныя мечты!... — говорили они, перебивая другъ друга, а я, опечаленный, сидѣлъ на камнѣ.

— Добродушный! Добродушный! — услышалъ я за собой шопотъ.

Кто-то похлопалъ меня по плечу, и, обернувшись, я увидѣлъ пожилое, круглое личико, круглый животикъ и на плечѣ моемъ — круглую мягкую руку.

— Не тужи! — говорилъ круглый человѣчекъ. — Жизнь здѣсь идетъ, какъ по маслу. Посмотри, какіе здѣсь всѣ пухленькіе! — Онъ весело моргнулъ глазами и показалъ на стоявшихъ кругомъ. — Я имъ всѣмъ помогалъ. Я люблю молодыхъ людей и радуюсь, когда имъ везетъ. Не тужи! Если тебѣ не хватаетъ на обзаведеніе, я дамъ тебѣ окорокъ, а капусты ты можешь брать изъ моей бочки, сколько угодно. Моя дочь Букашечка сваритъ тебѣ пищу. Ты явился какъ разъ въ день нашего праздника: сегодня у насъ большая тризна свиней. Иди съ нами и будь нашимъ гостемъ!

Они подняли меня съ камня и повели съ собою.

Передъ однимъ изъ домовъ были поставлены длинные столы. Черезъ открытую дверь клубился паръ. Изъ кухни на дворъ, со двора на кухню то и дѣло ходили розовыя дѣвушки, ставя на столъ дымящіяся миски со щами.

— Столъ накрытъ, — сказалъ Добродушный, съ довольнымъ видомъ потирая руки. — Садитесь!

Всѣ сѣли. Я тоже.

О, какъ низко было ихъ небо!

На немъ, просушиваясь, висѣли телячьи шкуры и свиные пузыри, тутъ же торчали воткнутыя ложки обѣдающихъ, а надъ моей головой висѣлъ тяжелый безменъ.

Люди встали, достали съ неба ложки и начали кушать. Я также потянулся, взялъ ложку и сунулъ ее въ щи, но онѣ мнѣ показались противными, и я потихоньку спряталъ свою ложку.

Добродушный это замѣтилъ.

— Ого! — сказалъ онъ, — ты не привыкъ къ нашему любимому блюду! Букашечка, подай-ка гостю меду!

Изъ-за стола поднялась кругленькая дѣвушка съ черными глазами, черными волосами и поставила предо мной большой горшокъ съ медомъ и большую кружку молока.

— Запивай молокомъ, тогда можно больше скушать, — ласково сказала она; въ уголкахъ ея рта были хлѣбныя крошки, а въ ямочкѣ на подбородкѣ сверкала капелька меда. — Я всегда запиваю, тогда не давитъ подъ ложечкой, — закончила она и мягко провела рукой по животику...

*

Когда затихли прихлебываніе и чмоканье, и нѣкоторые изъ

гостей подняли головы отъ своихъ мисокъ, откинулись на стульяхъ и, глядя на жирные кусочки мяса, стали обдумывать, — продолжать ли еще ѣсть или нѣтъ, — на другомъ концѣ стола всталъ какой-то мужчина, поднялъ бороду и ударилъ обгрызанной свиной косточкой о миску. Всѣ насторожились.

Добродушный наклонился къ моему уху и благоговѣйно шепнулъ:

— Пророкъ Рунгисъ *) . . .

— Уважаемые земляки и землячки, — заговорилъ Рунгисъ. — Для Края Мира и Довольства насталъ опять тотъ желанный день, когда онъ можетъ праздновать большую тризну свиней. Большая свинья убита, изъ каждой миски намъ пріятно улыбается ея жирное тѣло. На всѣхъ губахъ блеститъ жиръ, на всѣхъ щекахъ сіяетъ счастіе и блаженство. Подумаемъ же теперь, кому мы обязаны этимъ блаженствомъ. Уже древними греками было замѣчено, что теплый туманъ, окружающій нашу страну, оказываетъ замѣчательно благотворное вліяніе на быстрое ожирѣніе свиней; въ наше время всякому школьнику извѣстно, что туманъ этотъ — источникъ нашего благоденствія . . . Но, спрашивается, чему же обязаны этимъ туманомъ? Мы обязаны имъ нашему низкому небу: это оно мѣшаетъ движенію воздуха, мѣшаетъ разсѣяться туману. Но не только этимъ мы обязаны ему: оно охраняетъ также и нашъ покой. У насъ нѣтъ надобности смотрѣть въ даль; наше небо близко, прямо, такъ сказать, у самаго носа нашего и его въ любомъ мѣстѣ можно достать рукою. — (Тутъ ораторъ коснулся рукою неба.) — Оно такъ практично, что ни одинъ смертный не пожелаетъ лучшаго. Надобно ли повѣсить телячью шкурку, или положить ложку, или достать что-нибудь другое — достаточно протянуть руку. Это предохраняетъ наши души отъ лишнихъ заботъ и наше тѣло отъ лишнихъ движеній. Вотъ благодаря этому мы и сыты, и счастливы. Такъ будемъ же любить и уважать наше небо! Въ честь его я предлагаю присутствующимъ встать съ сидѣній и единодушно спѣть: «Радостно и тихо . . .»

Всѣ встали и запѣли:

„Радостно и тихо
Жизнь моя течетъ...“

Я стоялъ и глядѣлъ на деревья, растущія у жилищъ. Всѣ они были лишены верхушекъ; вѣтви тянулись горизонтально, словно руки полиповъ, мягкія и масляныя, какъ стебли репейника, съ ши-

---

*) Толстякъ.

рокими, пушистыми листьями, и въ ихъ влажной корѣ кишѣли бѣлые паразиты.

— Отчего ваши деревья такъ коротки? Отчего у нихъ нѣтъ верхушекъ? — вырвалось у меня.

— Куда жъ имъ расти! — пробормоталъ кто-то равнодушно въ отвѣтъ.

Солнца не было вовсе. Не слышно было шелеста птичьихъ крыльевъ, а безвѣтренные листья уныло висѣли на вѣткахъ, точно уши лягавой собаки.

Послѣ обѣда присутствующіе растянулись на коврахъ, разостланныхъ на травѣ, передъ жилищами.

Двое разговаривали.

Первый сказалъ:

— Какъ прелестно говорилъ сегодня нашъ пророкъ! Слово, въ слово, какъ въ прошломъ и позапрошломъ году.

— Да, и какъ ясно! — отвѣтилъ другой. — Мнѣ знакомо каждое слово его рѣчи.

— Спокойствіе-то какое! — зѣвнулъ первый. — Глаза сами закрываются.

— Да, — отвѣтилъ другой, засыпая.

Межъ оставленныхъ столовъ прогуливались теперь птицы, подбирая остатки ѣды.

Ожирѣвшія, онѣ, повидимому, совершенно разучились летать. Ни одна изъ нихъ не поднимала крыльевъ. Нѣкоторыя изъ нихъ спали, положивъ головы подъ крылья.

Тутъ вѣдь не было солнца.

Одна изъ птицъ, особенно жирная, прыгнула на колѣни къ Добродушному и начала собирать тамъ крошки.

— Соловей, — сказалъ онъ, моргнувъ мнѣ глазами. — Попробуй, что за перышки! Королева! А мясцо-то! — Добродушный щелкнулъ языкомъ и провелъ рукой по губамъ. — Къ Мартынову дню зарѣжемъ, то-то будутъ щи!

— Неужели ни одна птица у васъ здѣсь не поетъ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, слава Богу! Отъ этого мы застрахованы. Ни одна, ни, ни... Упаси, Господи, отъ такого несчастія! Однажды, неизвѣстно откуда, забрела было какая-то шальная и такъ запѣла, что глазъ нельзя было сомкнуть. Повѣсили... Съ тѣхъ поръ ни одна и пикнуть не смѣетъ, можно спать, гдѣ угодно...

* * *

Я началъ жить въ Краю Мира и Довольства, или въ Странѣ Жирныхъ Свиней, какъ звали его иначе.

У меня была пушистая одежда, какъ у другихъ, теплая постелька и бѣлая комнатка.

Аппетитная Букашечка варила мнѣ аппетитныя щи, а Добродушный добродушно хлопалъ меня по плечу.

Все у меня было такъ же, какъ у другихъ. Однако люди удивлялись, отчего я не полнѣю.

Добродушный говорилъ:

— Отчего ты такой худой? Надо бы ужъ тебѣ и разжирѣть. Посмотри, какъ опухли другіе! . . .

Но я оставался такимъ же угловатымъ и неотесаннымъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ утонули солнце и звѣзды, я потерялъ охоту и къ жизни, и къ смерти.

Три раза въ день я выходилъ изъ дома, бралъ съ неба ложку и кружку, ѣлъ, пилъ, а затѣмъ привѣшивалъ ихъ снова къ небу. Къ небу! . . . Послѣ этого я укрывался въ своей комнатѣ и лежалъ тамъ. Мнѣ ничего не хотѣлось. Моя душа убѣгала отъ этой жизни, она закрывала вѣки и стонала, но такъ тихо, что никто этого не слышалъ. Меня считали тихимъ, счастливымъ человѣкомъ, такъ какъ никто не зналъ, почему я живу съ закрытыми глазами . . .

Тамъ, за туманомъ, остались тѣ утра, когда за моимъ окномъ стояла утренняя звѣзда и мимо нея бѣжали розовыя облака. Какъ хотѣлось тогда жить! Теперь мнѣ по утрамъ не хотѣлось открывать глаза: я зналъ, что за окномъ стѣна тумана, которую они здѣсь называютъ днемъ.

Къ вечеру стѣна становилась сѣрѣе — это была ночь.

Я лежалъ безпомощный и стыдился самого себя. Мнѣ хотѣлось забыться, я глядѣлъ вглубь прошлаго и видѣлъ вспаханный холмъ. Солнце шло черезъ гору, и юноша безъ шапки, босикомъ, спѣшилъ за нимъ по комьямъ земли, самъ не зная, куда ступаетъ его нога. Въ моей памяти воскресъ могучій запахъ земли: въ землѣ таятся жизнь и мощь . . .

И въ отчаяніи я говорилъ въ темноту, самъ не зная — кому:

— Похороните меня въ землю и посѣйте сверху траву! Я хочу возродиться подъ дерномъ!

*

Ко мнѣ явилась Букашечка. Войдя, она всякій разъ ставила на мой столъ горшокъ съ медомъ и молоко.

— Вставай же! Я тебѣ принесла меда и молока. Пей, тогда можно больше скушать, — сказала она, и все ея простодушное личико сіяло сердечностью, и, какъ всегда, капелька меда сверкала въ ямочкѣ ея подбородка.

Я смотрѣлъ на нее, и мнѣ становилось жаль дѣвушки.

Она такъ хороша, мила и все-таки такъ далека отъ меня, ото всего, что я храню въ моей груди.

— Отчего они тебя зовутъ Букашечкой? — спросилъ я ее. — Ты вѣдь человѣкъ. Какъ можно человѣка звать Букашечкой?!

— А тебѣ мое имя не нравится? — сказала она съ широко раскрытыми отъ удивленія глазами. — Моему папашѣ оно очень нравится. Онъ говоритъ, что я такая гладенькая, кругленькая, словно Букашечка. Со временемъ вся земля станетъ гладкой, и всѣ люди будутъ катиться на ней, словно мячики. Тебя папаша бранитъ, говоритъ, что изъ тебя ничего не выйдетъ, если ты не поправишься... хи-хи-хи... Ты вѣдь плоскій, какъ доска... А когда я хлопочу по хозяйсву, — я страшно люблю заниматься хозяйствомъ, — онъ говоритъ, что я ползаю, какъ букашечка. Вотъ они и прозвали меня Букашечкой.

Потомъ она прибавила вполголоса:

— Хотя всѣ и говорятъ, что только круглые люди красивы и что настанутъ такія времена, когда можно будетъ ходить лежа: не надо будетъ ни вставать, ни шагать, — но ты мнѣ нравишься больше всѣхъ... Идетъ ко мнѣ этотъ платокъ? — быстро прервала она разговоръ и стала посрединѣ комнаты, откинувъ черные волосы ото лба и завязывая подъ подбородкомъ углы бѣлой косынки.

— Ничего себѣ!

— Пойдемъ танцовать!

Она протянула мнѣ руки и, не дожидаясь меня, стала кружиться по комнатѣ, напѣвая:

— Ла-ла, ра-ла, ра-ла-ла.

— Ну, отчего ты не идешь? — надувшись, воскликнула она и остановилась.

— Я не умѣю.

— Не умѣешь! Чего же тутъ не умѣть! Я научу. Это же очень просто! Смотри, вотъ такъ: ла-ла, ра-ла, ра-ла-ла...

Она снова закружилась.

— Чего же тутъ не умѣть!

— Ну, хочешь, будемъ играть! Лови меня!

И она остановилась, глядя на меня черезъ плечо, готовая бѣжать, шалить, хохотать.

— Я разучился играть и смѣяться. Меня давитъ тоска. Если бъ ты знала!...

Я хотѣлъ разсказать ей, но она прервала:

— Тоска! Какая у тебя можетъ быть тоска?! Просто ты гордъ и заносчивъ.

Она надулась, взяла посуду и ушла...

Однажды она зашла ко мнѣ въ красной шелковой кофтѣ, съ глубокимъ вырѣзомъ. Въ небольшомъ углубленіи между грудями ютилась огненная роза, соблазнительно глядя на меня однимъ глазомъ, какъ будто говоря: «Хорошо здѣсь, но не для тебя!»

Въ пылающемъ лицѣ Букашечки тоже было нѣчто таинственное и соблазнительное.

Она взяла меня за руку и вымолвила страстно:

— Пойдемъ, я тебѣ что-то покажу!

Меня манила ея пылающая красота, я оставилъ свою руку въ ея горячей рукѣ и пошелъ за нею.

Она повела меня въ какой-то домъ. Мы миновали нѣсколько хорошо обставленныхъ комнатъ и остановились у закрытой двери. Тутъ она отпустила мою руку, прислушалась и, затаивъ дыханіе, тихо отворила дверь.

— Рай! — шепнула она, показывая головой на открытую дверь.

Но я смотрѣлъ, ничего не понимая.

Посреди небольшой розовой комнаты возвышались двѣ уютныя орѣховыя кровати, съ высокими расписанными спинками. На кроватяхъ обнявшись лежали мужчина и женщина, закутанные въ бѣлыя шелковыя кружева, — двѣ прижатыя одна къ другой головы: одна большая, темная, другая бѣлая и розовая, словно цвѣтъ яблони. На потолкѣ качался красный фонарь, и розовыя свѣтовыя волны ползли по кружевамъ, освѣщая склеенныя поцѣлуемъ губы влюбленныхъ.

— Это спальня! — сказалъ я.

— Спальня?... — повторила удивленно Букашечка. — Но вѣдь на то и рай, чтобы спать! Развѣ не красиво, а? Мой папаша можетъ мнѣ устроить еще красивѣе, — шепнула она и, вспыхнувъ, опустила глаза, и ея груди задрожали, словно двѣ голубки, когда мимо нихъ пролетаетъ ястребъ, а роза, ласкаясь между ними, соблазнительно глядя на меня однимъ глазомъ, дрожала и смѣялась...

На вспыхнувшемъ лицѣ дѣвушки я замѣтилъ и признаніе, и вопросъ, но я отвернулся, словно не понимая ни того, ни другого.

* * *

Мое отчаяніе все росло и душило меня. Я ненавидѣлъ себя и однажды, скрежеща зубами, выбѣжалъ на улицу и, плача, упалъ на землю.

Увидѣвъ это, прачки воткнули свои вальки въ небо и закричали:

— Смотрите, смотрите, какъ онъ бѣсится! Смотрите, какъ онъ запачкалъ свое пальтецо! А манжеты-то каковы! Ахъ, ты, нечисть, ахъ, нечисть! Батюшки!

Вокругъ прачекъ собрались люди. Они ругали и проклинали меня, и, когда я шелъ домой, вокругъ меня градомъ падали камни. Иные изъ нихъ ударялись мнѣ въ спину, въ плечи и въ ноги, и каждый ударъ уменьшалъ мою боль. Кошмаръ охватилъ съ такой силой, что только болью можно было прогнать его, и я шелъ радостно подъ градомъ камней, словно подъ осенними яблонями.

Усталый и освобожденный вернулся домой и почти безъ сознанія упалъ на кровать.

Черезъ нѣкоторое время ко мнѣ вошелъ Добродушный. Его узкія брови были сдвинуты, добродушная губа отвисла и дрожала.

— Такова-то твоя благодарность, молодой человѣкъ! Такъ ты мнѣ отплачиваешь за добро! Развѣ для того я выхлопоталъ тебѣ мѣсто въ нашемъ краю, чтобы ты срамилъ меня въ глазахъ моихъ согражданъ?... Если тебѣ безразлична моя честь, то, по крайней мѣрѣ, подумалъ бы о себѣ. Что станетъ съ тобою, если ты такъ будешь вести себя? Станутъ ли терпѣть тебя здѣсь наши честные граждане? Тебя прогонятъ съ земли, и ты потонешь въ морѣ! Каждый гражданинъ свято чтитъ честь своей одежды, а ты пачкаешь ее въ грязи. На что теперь похоже твое пальто? Куда теперь ты покажешься въ немъ?

Онъ говорилъ до тѣхъ поръ, пока у него не высохло во рту и не заболѣли челюсти, потомъ ушелъ. Въ его простодушномъ лицѣ сіяло сознаніе долга.

А я легъ и заснулъ измученный и грязный.

* * *

И счастіе сжалилось надо мною и послало мнѣ сонъ. Я не могу передать его такъ красиво, какъ видѣлъ.

Я стоялъ на льду. Была ранняя весна. Въ воздухѣ чувствовалось что-то нѣжное и чистое, какъ будто только что прошелъ теплый дождикъ. По небу тянулись золотисто-розовыя полосы, а на краю горизонта стояли грозовыя, облачныя горы. Съ неба упало золото и сверкало надъ водой. Я черпалъ его ладонью, глядѣлъ на него, и слезы туманили мнѣ взоръ... Поднялъ голову: Снѣгурочка!...

Я ее сразу узналъ: въ ея глазахъ горѣло сіяніе, которымъ

можно зажечь небо. Это отъ ея взгляда розовѣли облачныя горы и вода сверкала, словно золото.

На ней былъ зеленый ледяной шелкъ, а на ногахъ — украшенныя ледяной чешуей туфельки съ серебряными подковками. Ея гибкіе члены были словно стальные, и она крѣпко ступала въ своихъ подкованныхъ туфелькахъ. Ея голосъ былъ подобенъ факелу, ея рука легла въ мою руку, какъ выкупанный въ волнахъ бѣлый камешекъ. Тепло сжавъ мою руку, она сказала:

— Я знаю, какъ горячо ты жаждалъ меня, и пришла тебя спасти.

Она положила свою ручку на мое сердце, наклонила къ нему голову, послушала и сказала:

— Оно совсѣмъ не бьется: туманъ сдавилъ его. Но мое дыханіе творитъ чудеса: подъ нимъ оно снова воспрянетъ.

Она начала дышать мнѣ на грудь, и вотъ въ груди моей что-то растаяло, поднялось вверхъ, я чувствовалъ, что по щекамъ у меня дождемъ текутъ слезы.

— Выплачь изъ него весь гной, чтобы оно снова стало чистымъ и юнымъ...

— Такъ... Крѣпись, теперь я дамъ ему огня!

Ея дыханіе жаркимъ потокомъ хлынуло въ мою грудь, и я почувствовалъ, какъ снова запылало мое сердце.

— Ну, теперь ты снова силенъ, — сказала она и весело посмотрѣла мнѣ въ лицо.

И я исчезъ въ розовомъ сіяніи ея взора.

— Теперь иди, я тебя познакомлю съ небомъ! — сказала она, и ея ручка снова легла въ мою руку.

* * *

Она повела меня на небо. Мы поднимались по розовымъ облачнымъ горамъ, качались на маленькихъ тучкахъ; все рдѣло и сіяло подъ ея взорами.

По дорогѣ мы встрѣтили Утреннюю Звѣзду. Она любезно поздоровалась съ нами.

— Куда ты идешь? — спросила ее Снѣгурочка.

— Пойду свѣтить на гору, за большимъ болотомъ. Тамъ заблудилось двое дѣтей, которыя искали неба. Они потонутъ въ трясинѣ, если я не покажу имъ дороги.

Словно бѣлый огонекъ прошла она мимо насъ и, сверкая, растаяла вдали.

— Звѣзды — мои подруги, — сказала Снѣгурочка. — Гуляя по небу, мы часто встрѣчаемся...

Она шла впереди словно солнце, и я плылъ въ ея свѣтѣ.

Мы пришли къ высокой тучѣ. Вокругъ ея вершины, шурша, кружились снѣжинки, словно пчелиный рой вокругъ липы. Вся гора дрожала отъ глухого гула. Мы поднялись наверхъ. Маленькія снѣжинки рдѣли въ сіяніи Снѣгурочки, касаясь моего лица, словно лепестки бѣлыхъ цвѣтовъ. Сильный вѣтеръ кружилъ ихъ вокругъ насъ, какъ будто мы были тѣмъ деревомъ, куда онѣ собираются сѣсть.

Я замѣтилъ за сѣтью снѣжинокъ три огромные, покрытые снѣгомъ улья. Подойдя поближе, я замѣтилъ, что они шевелились, что у нихъ толстыя руки въ перчаткахъ; они вертѣли глубоко воткнутыя въ небо рукоятки ручныхъ мельницъ. Я поднялъ кверху глаза: ульи оказались большеголовыми великанами, съ замерзшими, въ сосулькахъ, бородами, красными щеками; ихъ маленькіе глаза искрились, какъ ледъ на солнцѣ.

— Это снѣгомолы, — сказала Снѣгурочка. — Погляди внизъ!..

Внизу виднѣлось большое поле, покрытое грязью. Старый нищій съ грязной сумой, сгорбившись, шлепалъ по грязи и умоляюще глядѣлъ вверхъ.

— Земля грязна... — тихо сказала Снѣгурочка, и ея голосъ исчезъ въ шумѣ мельницы.

Снѣжинки летѣли изъ мельницъ во всѣ стороны, свертывались въ клубящіяся тучи, распростерлись надъ полемъ и медленно падали, покрывая бѣлизною грязь и лохмотья нищаго, ласкали его щеки, словно бѣлые вербные барашки. И невольно я вспомнилъ, какъ мать однажды, придя изъ церкви, приложила къ моей щекѣ вербу...

— Позволь мнѣ тоже вертѣть мельницу! — воскликнулъ я съ жаромъ.

Но Снѣгурочка, посмотрѣвъ на меня, отвѣтила, улыбаясь:

— Нѣтъ, для тебя найдется работа! Пойдемъ дальше!

Ея ручка снова легла въ мою руку, словно выкупанный въ волнахъ бѣлый камешекъ, и мы пошли дальше...

Вдругъ вершина горы, мимо которой мы проходили, ярко зардѣлась, и на ней показались синіе пылающіе всадники на красныхъ коняхъ и понеслись со свистомъ вдаль. Ихъ волосы развѣвались волнами, словно пламя; ихъ мечи метали синія перекрестныя искры.

— Это рыцари сѣвернаго сіянія, — сказала Снѣгурочка. — Они объявляютъ войну въ долинахъ и будятъ въ людяхъ жажду

подвиговъ и побѣдъ. Ты слышишь? — спросила она, прислушиваясь.

Съ земли поднималось рѣзкое шипѣніе.

— Погляди внизъ: тамъ острятъ мечи!

И вотъ я увидѣлъ село, надъ которымъ проносились стаи чаекъ. Надъ крышами темныхъ избушекъ колыхалась красная пелена, черныя оконца домовъ пылали огнемъ. Передъ жилищами стояли женщины и дѣти. Они съ криками показывали на сѣверное сіяніе, и на ихъ блѣдныхъ лицахъ былъ страхъ. Но юноши и мужчины стояли вокругъ точильнаго камня, и сталь ихъ оружія пѣла жестокую пѣснь борьбы.

Открылась дверь, а изъ нея вышелъ широкоплечій мужчина съ косой въ рукѣ. Онъ невозмутимо раздвинулъ локтями кричащую толпу женщинъ и дѣтей, отвязалъ косу отъ рукоятки, отдалъ рукоятку женщинѣ, а самъ подошелъ къ точильному камню. Другой, только что поднявъ съ точила топоръ, проводилъ пальцемъ по его острію, пробуя его остроту. По острію топора стекала вода и въ красномъ свѣтѣ сіянія казалась кровью....

Но вотъ всадники разсѣялись, растаяли во мракѣ.

— Куда они исчезли? — спросилъ я.

— Мракъ пожираетъ ихъ, — отвѣтила Снѣгурочка. — Но посмотри, тамъ уже готовъ новый отрядъ.

И она показала на вновь зардѣвшуюся вершину горы.

— Сдѣлай меня тоже сіяніемъ! — воскликнулъ я съ жаромъ. — Я тоже хочу пылать, сверкая мечомъ.

— Нѣтъ, — сказала она, тихо пожимая мою руку. — Я не хочу, чтобы мракъ проглотилъ тебя. Для тебя найдется другая работа. Пойдемъ дальше!...

Вдали за горой виднѣлась широкая рѣка. Надъ вершиной горы стоялъ, словно вечерняя туча, черный горбатый кузнецъ и, наклонившись, ковалъ пылающій кусокъ желѣза. Отъ каждаго удара его молота сыпались большія, круглыя искры и роемъ падали въ воду. Раскраснѣвшееся лицо кузнеца бросало черезъ рѣку красный заревой отблескъ.

— Смотри, вотъ кузнецъ повернулся, и остывшее желѣзо исчезло въ горнѣ: это — солнце погрузилось въ Даугаву *. Поднимемся выше!

И вотъ мы поднялись въ ясное, голубое пространство, гдѣ было тихо, какъ въ храмѣ. Тамъ росли молодыя сосны, хвоя которыхъ испускала мягкій чарующій свѣтъ. Среди лѣса гуляли

* Двина (по латышски Даугава).

стройные мужчины и, ломая лучистыя вѣтви, плели изъ нихъ вѣнки. Изъ ихъ тонкихъ пальцевъ сочились капельки крови и, падая на вѣнки, горѣли тамъ рубинами.

— Эта кровь изъ ихъ сердецъ, — тихо произнесла Снѣгурочка. — Посмотри: ихъ вѣнки тѣмъ красивѣе, чѣмъ больше на нихъ крови. Кто хочетъ имѣть красивый вѣнокъ, — долженъ ломать самыя колючія вѣтви.

У горизонта протянулась гирлянда вѣнковъ, сплетенныхъ тысячелѣтіями, и это было похоже на радугу. Каждый новый человѣкъ присоединялъ къ ней свой маленькій вѣнокъ, и гирлянда становилась все шире и радужнѣе.

— Погляди внизъ! — сказала Снѣгурочка.

Я взглянулъ: по горному хребту тянулась какая-то дорога. На нее отъ гирлянды падалъ бѣлый свѣтъ. Изъ темныхъ долинъ карабкались наверхъ промокшіе люди и, очищая платье отъ ила, становились на дорогу.

И голосъ Снѣгурочки прогремѣлъ по небу:

— Когда-нибудь этотъ радужный сводъ будетъ исполненъ свѣта, болѣе величественнаго и яркаго, чѣмъ солнце. Тогда освѣтятся всѣ долины, люди поднимутся на горы и будутъ гулять по бѣлымъ дорогамъ. Смотри, отъ каждаго новаго вѣнка становится все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Иди, ломай вѣтви и плети вѣнокъ!

И вотъ къ душѣ моей снова приблизилось нѣчто великое и священное, снова въ моихъ глазахъ появились слезы. Снѣгурочка поцѣловала меня, и я проснулся.

Ея поцѣлуй омылъ меня волной блаженства. Я вышелъ изъ дому и закричалъ:

— Проснитесь! Проснитесь!... Пусть все гремитъ и дрожитъ: знайте, за стѣнами тумана спрятано небо, и солнце, и прохладное утро!...

Край, спавшій безпробуднымъ сномъ, зашевелился. Собаки залаяли, въ домахъ зазвучали глухіе, сонные голоса, заскрипѣли двери, и кто-то сдавленнымъ голосомъ потребовалъ веревку. Изъ мрака выползли приземистыя фигуры людей и на меня напали со всѣхъ сторонъ. Они связали меня по рукамъ и ногамъ и потащили куда-то по грязи и камнямъ. Вотъ они остановились. Завизжалъ ключъ, съ грохотомъ открылись тяжелыя двери. Меня толкнули... и по скользкимъ камнямъ я покатился въ какую-то черную яму. Дверь за мной закрылась. Приподнявшись, я нащупалъ руками мокрыя стѣны...

Но развѣ я былъ въ тюрьмѣ? Нѣтъ, я былъ свободенъ. Мое сердце было снова наполнено вѣрой и мощью.

Упавъ на солому, я заплакалъ отъ радости, словно узникъ, получившій долгожданную свободу. Да, я вырвался, наконецъ, изъ своей тюрьмы, гдѣ стѣнами были блѣдные дни и сѣрыя ночи.

* *

Я сталъ думать, и во влажной безднѣ мрака, сверкая, падали мнѣ на колѣни одна за другою лучистыя вѣтки сосенъ. Я заплеталъ ихъ въ вѣнокъ, и вскорѣ вся тюрьма была полна сіяющихъ волнъ свѣта...

Не знаю, какъ долго я просидѣлъ такъ. Не стало больше ни утра, ни ночи. Моя тюрьма была постоянно свѣтла, словно солнечный день, и, заплетая лучистыя хвои, я не чувствовалъ, какъ двигалось время.

Вѣнокъ былъ готовъ.

Я рѣшилъ отдохнуть и положилъ его въ свою тѣнь. Изъ угловъ тюрьмы хлынула мгла, и я уснулъ...

* * *

Меня разбудилъ визгъ ключа. Дверь съ грохотомъ открылась, и въ ней показалась красная, тупая морда сторожа.

Онъ подошелъ, толкнулъ меня ногой и сказалъ:

— Вставай! Великій судъ страны зоветъ тебя!

Этотъ человѣкъ показался мнѣ жалкимъ, и я рѣшилъ испробовать на немъ силу своего вѣнка.

Я пошелъ за нимъ, держа вѣнокъ въ своей тѣни.

Когда онъ, закрывъ двери, обернулся, я кинулъ ему на голову вѣнокъ.

Ошеломленный, разсерженный, онъ началъ плеваться и махать руками, отъ этого вѣнокъ спустился ему на ноги. Взбѣшенный, онъ топталъ его ногами, рубилъ мечомъ, но не могъ ни затоптать, ни разрубить: тихо сіяя, вѣнокъ лежалъ въ травѣ, словно яркое солнечное кольцо.

Не зная, что дѣлать, сторожъ въ ужасѣ остановился.

Его глаза выкатились, челюсти дрожали. Первый разъ въ жизни онъ встрѣтилъ нѣчто такое, чего нельзя было ни задушить, ни разрубить, ни растоптать.

Недалеко отъ тюрьмы, подперевъ голову руками, лежалъ ребенокъ въ бѣлой рубашкѣ и, болтая ножкой, смотрѣлъ на траву.

Вѣнокъ сіялъ и зажигалъ въ травѣ милліоны бѣлыхъ, огненныхъ шариковъ — капельки росы.

Ребенокъ вскочилъ на ноги. Широко раскрывъ глазки, онъ долго глядѣлъ на вѣнокъ, потомъ коснулся его пальцемъ, и паль-

чикъ засіялъ, словно зажженная свѣчка. Ребенокъ ликуя бросился бѣжать и скоро исчезъ въ толпѣ молодежи, словно снѣжный комокъ въ темныхъ еляхъ.

Сторожъ, очнувшись отъ изумленія, потащилъ меня за собою, а вѣнокъ остался въ травѣ, словно сіяющее солнечное кольцо.

* *

Меня ввели въ комнату, переполненную горбатыми калѣками съ надутыми пазухами. Присмотрѣвшись поближе къ нимъ, я убѣдился, что это были совсѣмъ не калѣки: они просто сгорбились, и у каждаго изъ нихъ было что-то за пазухой. «Навѣрно, подсудимые», подумалъ я, глядя на нихъ.

Увидѣвъ, что я стою прямо, они зашептались, и я услышалъ неясныя фразы:

— Онъ не умѣетъ отдать честь... Такъ неразумно ведетъ себя въ залѣ суда... Нѣтъ смиренія...

Одинъ же изъ нихъ, посмотрѣвъ на меня, покачалъ головой и сказалъ совсѣмъ лаконически:

— Это конченный!

Вышелъ служитель суда съ длиннымъ шестомъ и началъ равнять согнутыя спины. Онъ хотѣлъ сгорбить и меня, но я стоялъ прямо и одиноко, будто дерево среди срубленныхъ пней.

Тутъ кто-то коснулся моего плеча. Я оглянулся: Добродушный!

На его лицѣ не было ни малѣйшаго упрека. Онъ, повидимому, все простилъ мнѣ и хотѣлъ спасти меня. Подъ-мышкой у него былъ «соловей», котораго онъ собирался зарѣзать къ Мартынову дню. Соловей вертѣлъ головой и хлопалъ глазами.

Я невольно улыбнулся.

— Согнись! Согнись! — шепталъ Добродушный. — Не бойся, — хотя на моемъ лицѣ онъ не могъ, вѣроятно, замѣтить ни малѣйшаго страха. — Я попробую замолвить за тебя словечко. Букашечка велѣла тебѣ кланяться и сказать, чтобы ты не боялся... Она очень тебя...

Онъ прервалъ свою рѣчь и согнулся: появился судья. Это былъ Рунгисъ. Съ поднятой головой онъ сѣлъ на судейское мѣсто, положивъ свой огромный животъ на столъ.

Добродушный протискался сквозь толпу и подошелъ къ судьѣ.

Соловей щелкнулъ, слуга унесъ его подъ-мышкой, и у судебнаго стола тихо забурчали два голоса...

Потомъ позвали меня.

Рунгисъ взялъ какой-то листъ и, всматриваясь въ него, заговорилъ:

— Ты, молодой человѣкъ, обвиняешься въ томъ, что въ двадцать четвертую ночь соннаго мѣсяца, когда всѣ блаженно спали, ты дерзко оставилъ свою постель, вышелъ на улицу и началъ кричать такъ, что цѣлый край былъ потревоженъ. Шумъ оказался такимъ потрясающимъ, что многіе граждане нѣсколько ночей послѣ этого не могли спокойно уснуть. Ты преступилъ священнѣйшій законъ этой страны — сонъ и такимъ образомъ ты совершилъ величайшее преступленіе, на какое способенъ человѣкъ: нарушеніе спокойствія. Обвиняемый, что ты можешь сказать въ свое оправданіе?

— Я радуюсь, что ваши граждане имѣли возможность хоть разъ въ жизни провѣтрить свои отлежалые бока.

— Твои слова слишкомъ дерзки, молодой человѣкъ, чтобы принимать ихъ всерьезъ. Я вижу, въ тебѣ очень много мальчишескаго задора, и свое преступленіе ты совершилъ въ юношескомъ пылу. Еще не поздно раскаяться! Твой станъ такъ же подходящъ для мирнаго накапливанія жира, какъ и у другихъ гражданъ. Одинъ очень уважаемый гражданинъ хочетъ взять тебя на поруки. Покайся въ своихъ грѣхахъ, стоя передъ всѣмъ народомъ на колѣняхъ, обѣщай тихо проводить ночи въ своей постели, — тогда тебѣ будетъ даровано прощеніе. Иначе ты будешь изгнанъ въ море и потонешь въ немъ!

— Вамъ не надо выгонять меня: я и самъ уйду изъ этого теплаго хлѣва, который вы выстроили для себя и своихъ свиней. Я не остался бы здѣсь, если бъ вы меня привязали даже цѣпями!

— Слѣпецъ! Ты издѣваешься надъ родиной! — предупредилъ судья.

— Здѣсь не моя родина! Эта узкая, загороженная полоса слишкомъ ничтожна для моей любви. Моя родина — вся земля!

— Кто презираетъ нашу благословенную страну, того она изгоняетъ. Завтра рано ты вернешься назадъ, въ море! — произнесъ грозный судья.

— Только не назадъ! Я пойду впередъ, прямо черезъ ваше небо.

— Ступай, ступай и разбей себѣ голову о небо!

* * *

Многочисленная толпа вышла посмотрѣть, какъ я расшибу голову объ ихъ небо. Собаки жадно ждали моей крови.

Букашечка выскочила изъ своего дома и послѣдовала за мной, словно блѣдная тѣнь. Ея плечи подергивались отъ рыданій...

Я шелъ мимо тюрьмы и увидѣлъ вѣнокъ въ рукахъ какого-то юноши. Вокругъ него толпилась молодежь, и лица ихъ сіяли въ сверканіи вѣнка.

— Идите со мной, я выведу васъ изъ-подъ этихъ удушливыхъ сводовъ! — воскликнулъ я.

Юноши подняли вѣнокъ и съ ликованіемъ пошли слѣдомъ за мною. Отцы дергали ихъ за плащи, становились съ розгами и палками въ рукахъ поперекъ ихъ дороги, а матери съ рыданіями бросались имъ на шеи...

Они остались бороться, а я смѣло ринулся впередъ, и въ тотъ же мигъ туманная стѣна неба послушно разступилась предо мною. Въ лицо мнѣ пахнулъ свѣжій вѣтеръ, и яркій свѣтъ ослѣпилъ мои глаза.

Солнце! Небо! Море!...

На волнахъ качался мой корабль, а на пескѣ ожидала лодка.

Словно окрыленный, я спустился къ берегу.

И вотъ я снова на кораблѣ. Снова со свистомъ поднимаются и падаютъ влажныя крылья вѣтра, и высоко качаются волны. Цѣлый день купаетъ меня въ золотѣ солнце, а ночью звѣзды показываютъ мнѣ дорогу.

Я гляжу въ безграничную даль моря и думаю: «Міръ не имѣетъ конца, а небо — края. Настоящая жизнь велика, какъ міръ, и высока, какъ небо».

*Перевела **Б. Балта**.*

ПЛУДОНЪ.

РЕКВІЕМЪ.

Лежать и мнѣ въ землѣ сырой:
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ.

Козловъ.

Сонъ мой храните, возницы!
Тише влеките мой прахъ!
Чтобъ не встряхнуть колесницы
Тамъ, на курганныхъ пескахъ!..
Вѣтеръ, о чемъ твои муки?
Лѣсъ, что ты тяжко шумишь? —
Или, въ томленьи разлуки,
Ты мнѣ «прости» говоришь?

Ручеекъ! Твой потокъ
Быстро въ рощѣ гнетъ цвѣтокъ!
Мой привѣтъ!... Когда весною
Будутъ юныхъ звать мечтою
Соловьи на берегъ твой, —
Порастетъ мой холмъ травой.

Помаленьку, шажкомъ,
Блѣднымъ верескомъ, пескомъ,
Гдѣ игра была мнѣ въ радость,
Гдѣ ребенку жизни сладость
Улыбнулась за холмомъ, —
Помаленьку, шажкомъ!

Чу! Точно теплой струею
Дождикъ бѣжитъ по щекѣ:
Матери сердце больное

Въ жгучей изныло тоскѣ.
Матери счастье сулилъ я,
Радости старческихъ дней,
Горе взамѣнъ навалилъ я
На спину бѣдную ей.

Мать, постой!... Часъ-другой, —
Смерть придетъ и за тобой!...
Тамъ, гдѣ тишиной небесной
Насладится безтѣлесный,
Тамъ мы встрѣтимся опять, —
Потерпѣть недолго, мать!...

Помаленьку, шажкомъ
Мы до цѣли добредемъ...
Торопливо жизнь промчалъ я,
Второпяхъ и путь скончалъ я, —
Такъ пора забыться сномъ...
Помаленьку, шажкомъ!

Нѣтъ, не подъ звоны бокала,
Не на паркетномъ полу, —
Мать мою люльку качала
Въ темномъ и дымномъ углу.
Слезы стекали ручьями
Въ полный до края сосудъ;
Вѣрными были друзьями
Голодъ, да горе, да трудъ.

Такъ умри, сякъ умри, —
Только юностью гори;
Лишь огонь любви горящей —
Жизни свѣтъ животворящій,
Всѣмъ намъ, всѣмъ, судьбою данъ
Мильды * сладостный обманъ.

Помаленьку, шажкомъ,
Тихимъ доломъ и лѣскомъ!...
Ужъ звонятъ съ кладбища... Тише!..
Поднимайте гробъ мой выше

---

* Мильда — богиня любви въ латышской миѳологіи.

И несите въ тихій домъ
Полегоньку, шажкомъ!

Кто на пути недвижимый,
Блѣдный, какъ мраморъ, застылъ? —
Братецъ мой! Братецъ любимый!...
Дорогъ ты въ мірѣ мнѣ былъ!...
Стихли сердечныя боли...
Мы разлучились въ пути...
Здѣсь ужъ не встрѣтимся болѣ,
Выйди, скажи мнѣ «прости».

Замкнутъ кругъ — персть мнѣ другъ,
Не ломай напрасно рукъ:
Пусть, борьбой суровой свалѣнъ
Въ груду труповъ и развалинъ,
Палъ товарищъ боевой, —
Все разитъ и бьетъ живой.

Помаленьку, шажкомъ!...
Подъ дерновымъ бугоркомъ
Не тревожьте погребенныхъ,
Тягой жизни утомленныхъ,
Усыпленныхъ сладкимъ сномъ...
Помаленьку, шажкомъ!

Вѣтками елокъ могила,
Зеленью дышитъ земля.
Тихая пристань укрыла
Сломленный станъ корабля.
Радость и горе простыли,
Тяжкая смолкла борьба.
Да и тебя вѣдь къ могилѣ
Гонитъ, счастливецъ, судьба!

Человѣкъ прожилъ вѣкъ,
Въ ночь уходитъ человѣкъ...
Вотъ надъ бѣдною могилой
Всталъ другой — съ живою силой
Мысль къ великому стремитъ,
Часъ насталъ — и онъ зарытъ.

Полегоньку, шажкомъ
Въ тихій домъ, въ подземный домъ! —
Пядь пути, еще мгновенье —
И навѣкъ успокоенье
Подъ дерновымъ холодкомъ...
Полегоньку, шажкомъ!

Живые! Кончено съ вами.
Сырость ложится на грудь;
Здѣсь, въ этой сумрачной ямѣ,
Горестный кончился путь.
Въ бѣлый песокъ испарится,
Словно сугробъ отъ лучей,
Все, чѣмъ борецъ веселится,
Міръ величавый идей.

Меркнетъ свѣтъ, солнца нѣтъ:
Дверь скрипитъ за мной вослѣдъ;
Съ шумомъ персть на гробъ валится,
Холмъ песчаный громоздится...
Пѣсня тихая сквозь сонъ...
Отдаленный, сонный звонъ...

Помаленьку — уснемъ,
Помаленьку — уснемъ...

Александръ Блокъ.

ДВА МІРА.

(Купальный сезонъ.)

Когда, горя дѣвическимъ стыдомъ,
Къ песчанымъ дюнамъ солнце ниспадаетъ, —
Средь стройныхъ дачъ, на берегу морскомъ,
Ручьемъ веселымъ жизнь, бурля, вскипаетъ.

Дневную дрему сбросивъ, паркъ ожилъ:
По листьямъ липъ фонарный отсвѣтъ льется,
И музыка въ размахѣ легкихъ крылъ
Воздушною гармоніей несется.

Тамъ — женщинъ пестрый садъ.
Дразнящій ароматъ
Струятъ шелка, прически, ленты, банты...
Толпа мужчинъ жужжитъ,
Шампанское шипитъ,
Красуются въ жилетахъ бѣлыхъ франты

Когда вкругъ солнца тысячи лучей
Въ алмазныхъ туфляхъ пляшутъ, точно дѣти,
Толпа суровыхъ, сгорбленныхъ людей
Бредетъ изъ хижинъ — въ морѣ ставить сѣти.

Безмолвные подъ бременемъ труда,
Въ глаза смертей не разъ они взирали,
Когда гнала ихъ лютая нужда
Въ коварныя, бушующія дали.

Какъ призраки, толпой
Плывутъ во тьмѣ ночной
Беззвучныхъ, черныхъ лодокъ вереницы;
И ужасовъ полна
Подъ ними глубина,
И прочь летятъ съ тревожнымъ крикомъ птицы.

Когда разстелетъ полночь надъ землей
Полотнища таинственнаго флера, —
Волнуя всѣхъ, вакханкою нагой,
Флиртующимъ является Венера.

Огонь погасъ... Листки роняетъ кустъ
Невинныхъ розъ... Теплѣетъ воздухъ синій...
Горячее дыханье слитыхъ устъ
Возносится надъ алтаремъ богини.

Плѣнительной рукой
Венера нектаръ свой
Ко всѣмъ губамъ подноситъ въ чашѣ ясной,
И каждый къ чашѣ льнетъ,
И грудь восторговъ ждетъ,
И кровь вскипаетъ бурей сладострастной...

Когда съ болотъ несется птичій крикъ,
И змѣи молній вьются въ грозныхъ тучахъ, —

Свой скипетръ бурь поднявъ, Морской Старикъ
Стремитъ валы, какъ стаю львовъ ревучихъ.

Они до тучъ вздымаютъ пѣну гривъ,
Рычатъ и скачутъ въ черныхъ безднахъ моря,
И воютъ, пасти алчныя раскрывъ.
Рыбачьей лодкѣ въ львиныхъ лапахъ — горе!

Вдали циклопъ-маякъ
Глядитъ въ ненастный мракъ,
На камни лодку гонятъ волны злыя...
Прочь снасти!... Бокъ пробитъ...
Свистя, вода бѣжитъ...
Спасите насъ, угодники святые!...

Когда, надъ пѣной яснымъ вставъ лицомъ,
Какъ факелъ, солнце въ окнахъ виллъ пылаетъ, —
Красавица въ альковѣ голубомъ,
Свой первый сонъ изнѣженно вкушаетъ.

Съ улыбкою на розовыхъ устахъ,
Она на мягкомъ ложѣ разметалась.
Амуръ глядитъ съ насмѣшкой нѣжной: «Ахъ,
Съ невинной розой что сегодня сталось?»

Какъ чайку — зыбь волны,
Ей грудь вздымаютъ сны,
А сердце счастья мигъ недавній ловитъ, —
И каждый пульса стукъ,
Какъ еле внятный звукъ,
Расцвѣтъ любви и жизни славословитъ.

Когда восходитъ солнце, взоръ сквозь мглу
Оно тайкомъ на хижину кидаетъ:
Тамъ, на холодномъ каменномъ полу,
Ломая руки, женщина рыдаетъ,

Глядя, какъ на соломѣ, въ сторонѣ,
Лежитъ семьи послѣдняя опора, —
Тотъ, въ глотку смерти брошенный волной,
Чья отстрадала молодость такъ скоро.

И сердце отъ скорбей
Изнемогаетъ въ ней
И, мнится, меркнетъ вмѣстѣ съ лампой сонной,
А гулкій шумъ деревъ
И волнъ суровый ревъ
Звучатъ надъ жизнью пѣсней похоронной.

В. Ходасевичъ.

И. РАЙНИСЪ.

ЗОЛОТОЙ КОНЬ.

Сказка въ пяти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Отецъ, батракъ.
Бернъ
Липстъ } его сыновья
Антинъ
Король.
Принцесса, его дочь.
Богатый принцъ.
Министръ.
Бѣлый отецъ.
Черная мать.
Мать вѣтровъ и духи вѣтровъ.
Мать снѣговъ и дѣти снѣговъ.
Заблудившіяся дѣти.
Семь вороновъ.

Глашатай, народъ, стража, придворные, воины, принцы, угольщикъ, свита принцессы.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Изба батрака. Табуретки, столъ; налѣво кровать, съ изголовьемъ у стѣны; за кроватью свободное пространство. — На кровати лежитъ больной отецъ. Три сына: Бернъ, Липстъ и Антинъ заняты зимними работами: крутятъ веревки, готовятъ лучины и т. п. Окно. Дверь въ кухню. Вечеръ. Слабый свѣтъ лучины.

СЦЕНА I.

ОТЕЦЪ (въ постели, стонетъ).

Чую, ахъ! Уже я чую
То, что чуять не охота.
Изъ дверей несется холодъ.
Старшій, глянь: что дверь, закрыта?

БЕРНЪ.

Дверь закрыта очень плотно;
Что волнуешься напрасно!

ОТЕЦЪ.

Въ одѣялахъ ноги мерзнутъ.
Средній, глянь: окно закрыто ль?

ЛИПСТЪ.

Окна ставнями закрыты.
Что дурачишься да бредишь? (Къ Берну):
Охъ, какъ сталъ старикъ несносенъ.

БЕРНЪ.

Это стало нестерпимо.
Хоть бы кончилось все разомъ!

ОТЕЦЪ (немного погодя).

Грудь отъ сырости застыла.
Младшій, глянь: дрова горятъ ли?

АНТИНЪ.

Печка топится прекрасно.
Лишь отъ слабости ты мерзнешь.

Вотъ одежда, дай прикрою.
Я же — молодъ, не озябну!
(Снимаетъ свой полушубокъ и прикрываетъ отца).

ОТЕЦЪ.

Чую, охъ! Уже я чую:
Это — моего отхода
День, должно быть, наступаетъ.

СЦЕНА II.

(ЧЕРНАЯ МАТЬ, одѣтая въ черные покровы, закутанная черной вуалью, поднимается за кроватью отца).

АНТИНЪ.

Батя! Мы тотъ день не впустимъ,
Преградимъ ему дорогу!

ЧЕРНАЯ МАТЬ вѣетъ своимъ дыханіемъ на отца.

ОТЕЦЪ.

Кто въ лицо мнѣ стужей дышитъ?

ЧЕРНАЯ МАТЬ трясетъ его плечи.

ОТЕЦЪ.

Кто меня схватилъ за плечи?

ЧЕРНАЯ МАТЬ тянетъ его за ноги.

ОТЕЦЪ.

За ноги меня кто тянетъ?

АНТИНЪ.

Батя, здѣсь твои лишь дѣти.

ОТЕЦЪ.

Все жъ она вошла, навѣрно,
Та непрошенная гостья,
Все жъ тайкомъ сюда закралась,
Пробралась оконной щелью,
Или скважиной замочной,
Иль сквозь дымъ, печной трубою!

АНТИНЪ.

Грудью слабъ ты, не волнуйся.

ЧЕРНАЯ МАТЬ, немного спустя, беретъ отца за руку.

ОТЕЦЪ.

Кто, холодный, жметъ мнѣ руку?

АНТИНЪ.

Дай, тебѣ своимъ дыханьемъ
Я согрѣю руки, батя.
(Наклоняется и дышитъ на руки отца.)

ЧЕРНАЯ МАТЬ, немного спустя, кладетъ отцу руку на грудь.

ОТЕЦЪ.

Давитъ! Не могу дышать я!

АНТИНЪ.

Батя, вотъ мое дыханье,
Въ немъ и молодость, и сила!
(Наклоняется къ самымъ губамъ отца.)

ЧЕРНАЯ МАТЬ садится на край постели, давитъ то колѣни отца, то его грудь.

ОТЕЦЪ.

На кровать сѣлъ кто-то, видишь?
Вотъ прилегъ мнѣ на колѣни,
Вотъ ползетъ все выше, выше...
(Немного спустя, переведя дыханіе).
День мой, ахъ! еще помедли!
Дай мнѣ хоть еще минутку!
А затѣмъ, пойду съ тобою,
Вижу, этого не минуть.
Лишь позволь мнѣ при отходѣ
Сыновьямъ сказать словечко!

АНТИНЪ.

Нѣтъ, не уходи, желанный,
Нѣтъ, не оставляй однихъ насъ!
Безъ тебя—безъ головы мы!

БЕРНЪ.

Ужъ и самъ безъ головы онъ.

ЛИПСТЪ.

На плечахъ одна лишь шапка.

ОТЕЦЪ.

Дѣти, видно, отхожу я.

АНТИНЪ.

Нѣтъ, не уходи, желанный!
Коль уйдешь, одинъ ты будешь.
Всѣ вѣдь съ похоронъ вернутся,
А тебя лежать оставятъ.
Кто тебя прикроетъ шубой?
Изголовье кто поправитъ?
Простыни тебѣ разложитъ?
Милымъ словомъ обласкаетъ,
Коль проникнетъ въ кости сырость?

ОТЕЦЪ.

Мнѣ давно разбили кости
Ржи мѣшки, снопы пшеницы!
Плугъ стальной, взрѣзая землю,
Раскрошилъ давно мнѣ тѣло!
Сулитъ гостья вѣчный отдыхъ:
Отдыхать пойду за нею!

БЕРНЪ.

Что, отецъ, болтать такъ много!
Лучше вспомни, посчитай-ка,
Все добро, что намъ оставишь.

ЛИПСТЪ.

А чего спѣшить со счетомъ?
Вѣдь добра не накопилъ онъ,
Про дѣтей своихъ не думалъ.

ОТЕЦЪ.

Охъ, сынокъ, что нищій скопитъ?
Сами вы — мое богатство,
Да объ томъ скажу вамъ слово,
Что всего дороже въ мірѣ.

БЕРНЪ (тихо Липсту).

Слушай, слушай! Что бъ ты думалъ!

ЛИПСТЪ (также тихо).

Говорилъ бы лишь скорѣе!

ОТЕЦЪ.

Мой участокъ не доходенъ,
Да и тотъ, не знаю, мой ли,
Но зато у васъ обоихъ
Голова съ умомъ и руки.

БЕРНЪ.

Ну же! Говори скорѣе!
Про добро скажи намъ слово,
Что всего дороже въ мірѣ?

ЛИПСТЪ.

Гдѣ оно тобой зарыто?

ОТЕЦЪ.

Слушайте: тотъ кладъ единый,
Глубоко заложенъ въ сердцѣ.
Чѣмъ слабѣй кто и безсильнѣй,
Тѣмъ важнѣе — единенье!
Если нѣтъ иного клада,
Единитесь: будетъ сила!

БЕРНЪ.

Знаемъ это. Ну, а дѣло?

ОТЕЦЪ.

(Указываетъ на Антина).

Вы бѣднягѣ помогите.
Съ малолѣтства слабъ онъ тѣломъ,
Тяжкій трудъ ему не въ силу,
Онъ—не въ васъ, не изворотливъ.

БЕРНЪ.

Хорошо, но гдѣ же деньги?

ОТЕЦЪ.

Вы его, любя, храните.
Онъ послушенъ, добродушенъ.
Старшій! Я тебѣ оставлю . . .

БЕРНЪ.

Что оставишь? Говори же!

ОТЕЦЪ.

Охъ, уже я задыхаюсь.
Средній... Охъ, конецъ подходитъ!

ЛИПСТЪ.

Погоди! Скажи сначала.

ОТЕЦЪ.

Дѣти милыя, прощайте! (Умираетъ).

ЧЕРНАЯ МАТЬ исчезаетъ.

ЛИПСТЪ.

Погоди! Скажи! Все медлилъ,
Умереть не могъ скорѣе,
Вдругъ, когда сказать бы, — умеръ.

БЕРНЪ.

Былъ упрямъ, такимъ остался!

АНТИНЪ (вскрикиваетъ).

Горе, горе, милый батя!
Отошелъ. Одни мы, братья.

БЕРНЪ.

Мертвъ, — добра не подѣливши!

ЛИПСТЪ (трясетъ еще плечи отца).

Говори! Ты слышишь? Слышишь?

АНТИНЪ.

Онъ глаза закрылъ, на насъ онъ,
Милый, больше не посмотритъ!
(Цѣлуетъ отца въ глаза).
Поцѣлуемъ ихъ закрою,
Чтобъ песокъ въ нихъ не проникнулъ!
Спи, чтобъ встать подъ новымъ солнцемъ!
(Опускается на колѣни у кровати отца, плачетъ и держитъ, обнявъ, голову отца).

БЕРНЪ. Ну, вотъ видите! Вотъ видите! Умеръ онъ, и изволь теперь догадываться, что еще хотѣлъ онъ мнѣ сказать.

ЛИПСТЪ. Ахъ, ты! Слышишь ли? (Отворачивается отъ отца). То никакъ своей болтовни не могъ кончить, а теперь — нѣмъ, какъ дерево.

БЕРНЪ. И то хорошо: успѣлъ сказать, что все оставляетъ мнѣ.

ЛИПСТЪ. Какъ такъ? Тебѣ все оставляетъ? Что ты бредишь? За дурака меня, что ли, считаешь, какъ этого простофилю? (Указываетъ на Антина).

БЕРНЪ. А развѣ ты не слышалъ, какъ отецъ сказалъ: «Старшій, я тебѣ оставлю». Я — старшій, и все, что онъ оставитъ, значитъ, мое. По праву первородства.

ЛИПСТЪ. Какое такое право? Онъ и меня помянулъ и мнѣ бы все оставилъ, кабы не лишился языка. Нѣтъ! все пополамъ, пополамъ!

БЕРНЪ. Тебѣ онъ сказалъ: «Средній! охъ, конецъ подходитъ!» То есть, значитъ, ужъ конецъ дѣлежу, потому что все ужъ отдано старшему, мнѣ, значитъ. А третьяго онъ и вовсе не поминалъ, такъ что ему и вовсе ничего не приходится. Да онъ, вѣдь, и совсѣмъ еще мальчишка.

ЛИПСТЪ. Тому ничего! Тому ничего! Все пополамъ, все пополамъ! Но черная корова — мнѣ; я ее за рога держалъ, когда доили.

БЕРНЪ. Какая тебѣ корова? Какіе рога? Ты хочешь забрать мое добро? Вотъ тебѣ рога! (Толкаетъ его въ бокъ).

ЛИПСТЪ. Ой, ой, ой! Такъ вотъ ты какой!?

АНТИНЪ (поднимая голову съ изголовья отца). Зачѣмъ вы, братья, ссоритесь? Отецъ вѣдь только что глаза закрылъ! А вѣдь онъ сказалъ, что дороже всего — держать единеніе!

БЕРНЪ. Что бредишь? Только что проснулся, а тоже хочетъ участвовать въ разговорѣ. Держи, лучше, языкъ, чѣмъ единеніе!

ЛИПСТЪ. Послушай! Что это онъ тамъ, согнувшись, сидитъ у изголовья отца?

БЕРНЪ. Мы честно боремся за справедливый раздѣлъ имущества, а онъ, можетъ быть, тѣмъ временемъ потихоньку вытащилъ изъ-подъ подушки кошелекъ съ деньгами?

ЛИПСТЪ. Кто поскромнѣй, всегда останется въ убыткѣ. На одной правдѣ далеко не уѣдешь!

БЕРНЪ (обращаясь къ Антину). Что ты тамъ вытащилъ изъ-подъ подушки?

АНТИНЪ. Ничего я не бралъ. Я только поплакалъ на подушкѣ батюшки.

ЛИПСТЪ. Подожди, братъ! Давай, обыщемъ, не взялъ ли ты чего-нибудь?

АНТИНЪ. Братья, братья! Что вы дѣлаете? Развѣ не стыдно вамъ отца?

БЕРНЪ. Вишь, стыдить еще насъ вздумалъ.

ЛИПСТЪ (вытаскиваетъ у Антина изъ пазухи свертокъ денегъ). А это что такое? Тутъ цѣлая куча денегъ! Разъ, два, три — постой! (Оборачиваясь къ Берну, который тоже хватается за деньги). Цѣлыхъ десять рублей!..

БЕРНЪ. Откуда ты ихъ взялъ? Кто далъ?

АНТИНЪ. Это остатокъ моего прошлогодняго жалованья, это отецъ мнѣ далъ на мои нужды; вы сами это хорошо знаете.

БЕРНЪ. Ты ихъ вытащилъ изъ-подъ подушки. Кто тебѣ, дураку, такія деньги дастъ? Давай сюда!

ЛИПСТЪ. Надо пошарить подъ подушкой. (Подходитъ къ кровати).

БЕРНЪ. Нѣтъ, пусти меня. Это мое!

ЛИПСТЪ. Пополамъ! Пополамъ! (Отталкиваетъ брата.)

АНТИНЪ. Братья, милые, ой, ой! Что вы дѣлаете?

БЕРНЪ. Убирайся ты, медвѣженокъ! Чего мѣшаешь! (Къ Липсту). И ты, младшій, осмѣливаешься толкать старшаго?

АНТИНЪ. Братья, дайте отцу отдохнуть хоть одинъ-то день!

ЛИПСТЪ (вытаскиваетъ что-то изъ-подъ подушки). Мое, мое, мое!

БЕРНЪ. Нѣтъ, это мое и моимъ останется.

ЛИПСТЪ (разсматривая находку). Ахъ, это только отцовскій кисетъ!

БЕРНЪ. Ну, такъ пусть это будетъ твоя доля наслѣдства Все, что еще окажется, — мое.

ЛИПСТЪ. Мнѣ половина, мнѣ половина!

БЕРНЪ (вынимаетъ что-то изъ-подъ подушки). Ахъ, это только головная щетка!

ЛИПСТЪ. Ну, возьми ее цѣликомъ! Я отказываюсь отъ своей законной половины.

АНТИНЪ. Братья, милые, приберемъ сначала отца! Отнесемъ его въ теплую кухню, обмоемъ, надѣнемъ на него чистую рубаху и новое платье.

БЕРНЪ. Чего тутъ? Времени еще много.

ЛИПСТЪ. Нѣтъ, лучше сейчасъ. Удобнѣе будетъ рыться въ постели. Давай отнесемъ его въ кухню.

(Антинъ и Бернъ поднимаютъ мертвеца. Липстъ остается позади).

БЕРНЪ (къ Липсту). А ты почему остаешься? Иди съ нами! А то ты здѣсь одинъ заберешь всѣ деньги.

ЛИПСТЪ (идетъ). Идите, идите! Подымемъ всѣ сразу.

АНТИНЪ. Бѣдный батя! Бѣдный батя!

(Выносятъ тѣло въ кухню; черезъ открытую дверь видно, какъ они укладываютъ тамъ свою ношу. Оба старшихъ брата входятъ опять въ комнату, Антинъ же остается въ кухнѣ).

СЦЕНА III.

БЕРНЪ (въ сторону кухни). Ну, вотъ! Прибери ты теперь, Антинъ, нашего милаго отца! Ты моложе и привыкъ къ такой работѣ. Обмой его хорошенько и надѣнь чистую рубашку!

АНТИНЪ (подходитъ къ двери). Помогите и вы, братцы; пойдетъ дѣло скорѣе.

БЕРНЪ. Я не могу. Мнѣ некогда, надо будетъ сходить къ кистеру.

ЛИПСТЪ. А мнѣ надо сходить къ сосѣдямъ попросить ихъ придти въ эту ночь, на молитву къ покойнику. У тебя же времени вдоволь. (Къ Берну). А тебѣ, старшій, надо торопиться поскорѣе; пока ты еще попадешь къ кистеру; вѣдь это хорошій конецъ. Мнѣ къ сосѣдямъ ближе. Одѣвайся ты сейчасъ, а я еще приберу комнату.

БЕРНЪ. Знаю я тебя — деньги ты приберешь. (Закрываетъ кухонную дверь и устремляется къ кровати отца). Мое — все, что находится въ кровати отца! Я первый тутъ!

ЛИПСТЪ. Такого условія у насъ не было. Все пусть будетъ по закону и по справедливости.

БЕРНЪ. Что я говорю, то и — законъ; я сильнѣе.

ЛИПСТЪ. А я умнѣе. Пусть будетъ все пополамъ!

БЕРНЪ. Пусть будетъ пополамъ! Мнѣ деньги, тебѣ кошелекъ.

ЛИПСТЪ. Ну — я всѣ деньги буду хранить въ своемъ кошелькѣ, на такихъ условіяхъ согласенъ.

БЕРНЪ. Уходи съ кровати! Я выну мѣшокъ.

ЛИПСТЪ. Вынимай! (Беретъ подушку, распарываетъ ее, вынимаетъ оттуда что-то и прячетъ въ карманъ).

БЕРНЪ (положивъ мѣшокъ на полъ, ощупываетъ его). Чего ты тамъ роешься въ подушкѣ? Не спряталъ ли чего въ карманъ?

ЛИПСТЪ. Ничего, посмотри.

БЕРНЪ (осматриваетъ карманъ). А это что?

ЛИПСТЪ. Тотъ же самый табачный кисетъ.

БЕРНЪ. Давай его сюда.

(Оба отворачиваются, каждый въ свою сторону. Липстъ вынимаетъ кошелекъ съ деньгами, Бернъ находитъ деньги въ табачномъ кисетѣ. Оба смѣются).

ЛИПСТЪ (оборачиваясь). Чего ты смѣешься? Ахъ ты, негодяй, разбойникъ! Навѣрно, въ табачномъ кисетѣ оказались деньги! .. Дай мнѣ назадъ мое имущество!

БЕРНЪ. Ха, ха, ха! Вотъ и вся твоя мудрость, а еще говоритъ, что онъ умнѣе! Ты такой же дуракъ, какъ и Антинъ. Я самый сильный и самый умный.

ЛИПСТЪ. А вотъ что, негодяй, разбойникъ, а вотъ что у меня есть! (Показываетъ найденный кошелекъ).

БЕРНЪ. Давай сюда, жуликъ ты этакой!

ЛИПСТЪ. Постой, поищемъ тутъ! (Распарываетъ мѣшокъ.) Видишь, что тутъ еще есть!

БЕРНЪ. Что тутъ написано? (Читаетъ: «Для младшаго брата!»).

ЛИПСТЪ. Это, значитъ, для меня, ибо третій не въ счетъ.

БЕРНЪ. Нѣтъ, тотъ моложе, кто скорѣе получилъ въ свои руки. (Серебряныя монеты разсыпаются по всей комнатѣ; оба брата собираютъ ихъ и толкаются).

СЦЕНА IV.

АНТИНЪ (входитъ изъ кухни). Братья милые, я васъ хотѣлъ просить... (Смотритъ на разсыпавшуюся серебряную монету.) Что это на полу, такія красивыя вещицы, словно звѣздочки по небу разсыпаны! На что же онѣ похожи? (Поднимаетъ одну монету).

БЕРНЪ. Не смѣй трогать! Брось на землю, что ты поднялъ! Отдай мнѣ!

ЛИПСТЪ. Эхъ, медвѣженокъ! Тоже захотѣлъ деньги подбирать!

БЕРНЪ. Зачѣмъ ты пришелъ сюда? Что тебѣ нужно? Ты видишь, что мы заняты серьезнымъ дѣломъ. Мальчику тутъ нечего дѣлать.

ЛИПСТЪ. Занялся бы лучше дѣломъ, что тебѣ поручено! Не успѣлъ отецъ глаза закрыть, а ты уже начинаешь лѣнтяйничать.

АНТИНЪ. Я омылъ отца и пришелъ васъ просить, чтобы вы мнѣ дали чистую рубашку, новое платье и простыню. Надо одѣть нашего милаго батю и постлать ему постель для вѣчнаго покоя.

БЕРНЪ. Некогда мнѣ теперь искать рубашку и простыни. У меня есть дѣла поважнѣе.

ЛИПСТЪ. Какъ знаешь, такъ дѣлай. Только скорѣе убирайся!

АНТИНЪ. Но, братцы, какъ же нашъ батя?...

ЛИПСТЪ. Чѣмъ твердить непрестанно про милаго отца, покажи лучше, что ты его дѣйствительно любишь. Дай ему свою рубашку и платье!

АНТИНЪ. Я у васъ не спрашиваю ваше собственное; я только прошу для отца платье и рубашку, которыя онъ еще при жизни носилъ.

ЛИПСТЪ. А, вотъ что! Что онъ носилъ при жизни, то теперь послѣ его смерти составляетъ наслѣдство, и принадлежитъ намъ. Стало быть, ты хочешь, чтобы мы отдали свое добро? Если ты ужъ такой добрый, то дай изъ своего наслѣдства!

АНТИНЪ. Но у меня нѣтъ никакого наслѣдства, вы же для меня ничего не оставили.

БЕРНЪ. Твоего никто у тебя не бралъ. Развѣ на тебѣ нѣтъ рубашки? А другая, чистая, въ сундукѣ. Вотъ тоже умникъ нашелся!

ЛИПСТЪ. Скорѣе принимайся за работу, негодяй!

АНТИНЪ. Почему вы такъ строги со мной, милые братья? Я охотно дамъ отцу свое новое платье, боюсь только, будетъ ли оно достаточно хорошо для того, чтобы показываться ему въ томъ блескѣ, гдѣ виденъ будетъ каждый шовъ и каждая заплата. Это для меня была бы большая радость, если бы отецъ ходилъ тамъ въ моемъ платьѣ. Тогда онъ больше вспоминалъ бы меня, а я его.

БЕРНЪ. Иди, иди, думайте другъ о другѣ, а намъ надо подумать, какъ лучше устроить нашу и твою жизнь. Ты, вѣдь, самъ не думаешь ни про себя, ни про хозяйство.

(Антинъ уходитъ опять въ кухню; братья же остаются и собираютъ опять деньги на полу).

СЦЕНА V.

БЕРНЪ. Ничего, ничего! Старикъ для насъ постарался. Кто бы подумалъ, что такъ много наберется?

ЛИПСТЪ. Что же, и мы для него старались! Развѣ мы не работали и не голодали для него?

БЕРНЪ. Давали и мы, конечно, кой-что, но оставляли и себѣ.

ЛИПСТЪ. А развѣ теперь мы не велѣли его честь-честью прибрать, обмыть, одѣть? Нѣтъ, онъ-то каковъ! Спряталъ въ по-

душкѣ и велѣлъ еще написать «для младшаго сына!». Значитъ, прямо хотѣлъ отобрать у насъ наше добро?

БЕРНЪ. И отдать этому дурачку! Развѣ это не глупость и упрямство? На что такому деньги? Онъ, вѣдь, все равно, отдастъ ихъ первому нищему.

ЛИПСТЪ. Онъ готовъ самъ съ себя сапоги снять для всякаго, кто умѣетъ ими пользоваться. Но мы тоже это дѣло ловко устроили. (Оба смѣются).

БЕРНЪ. Рубашка ближе къ тѣлу, чѣмъ сюртукъ.

ЛИПСТЪ. А что мы теперь будемъ дѣлать съ деньгами? Это нужно хорошенько обдумать.

БЕРНЪ. Я женюсь сейчасъ же на Ильзѣ и приведу ее сюда жить. Ты же можешь подумать, гдѣ тебѣ пріютиться.

ЛИПСТЪ. Я тоже женюсь, но не буду такимъ дуракомъ, чтобы взять бѣдную; я возьму Трину съ деньгами.

БЕРНЪ. Деньги у нея есть и, вдобавокъ, еще длинный носъ.

ЛИПСТЪ. Онъ не длиннѣе, чѣмъ кошель ея отца.

БЕРНЪ. Въ такомъ случаѣ ты можешь съ длиннымъ носомъ остаться у тестя.

ЛИПСТЪ. Нисколько. Я останусь тутъ; половина избы моя.

БЕРНЪ. Гдѣ же тутъ намъ всѣмъ помѣститься въ такой маленькой избѣ? Я буду спать на постели отца, Ильза въ кухнѣ, а гдѣ же помѣстишься ты съ Триной?

ЛИПСТЪ. Пусть Антинъ спитъ на чердакѣ; онъ вѣдь не женатъ.

БЕРНЪ (смѣется). А если и онъ захочетъ жениться? Что тогда?

ЛИПСТЪ (смѣется). Кого же онъ возьметъ? Грету изъ богадѣльни, что ли?

БЕРНЪ. Послушай, Антинъ! (Открываетъ дверь.) Ты вѣдь уже взрослый парень, не думаешь ли ты жениться? Липстъ хочетъ тебѣ посватать Грету изъ богадѣльни.

АНТИНЪ. Зачѣмъ вы шутите, братья; теперь не время шутить.

БЕРНЪ. Чего тамъ! Вотъ видишь, мы оба женимся, а если ты не женишься, то тебѣ придется спать на чердакѣ.

АНТИНЪ. Я никогда не женюсь.

БЕРНЪ. Онъ женится на березовой дочери съ бѣлой рубашкой.

ЛИПСТЪ. Нѣтъ, онъ возьметъ себѣ лѣсную ворону въ черномъ платьицѣ.

БЕРНЪ. Чего шутить! Антинъ мечтаетъ о великихъ вещахъ.

Вѣдь недаромъ онъ говоритъ постоянно про принцессу на стеклянной горѣ?

АНТИНЪ. Охъ, та уже семь лѣтъ какъ умерла; лежитъ въ своемъ стеклянномъ гробу и грѣется на бѣломъ солнышкѣ. Чего ей не хватаетъ? Батя теперь тоже умеръ. Посмотрите на минуту, какъ тихо и счастливо онъ спитъ! Должно быть лучше тамъ, куда они ушли. Теперь и мое времячко подоспѣло, пойду и я туда, гдѣ лицо дѣлается такимъ тихимъ и счастливымъ.

БЕРНЪ. Иди, иди! Мы не гонимся за этимъ счастьемъ и поэтому останемся тутъ.

ЛИПСТЪ. Да, но кто же будетъ исполнять твою работу, если ты уйдешь? Найди замѣстителя, тогда можешь итти куда хочешь. О работѣ вѣдь ты никогда не заботился. Тебѣ бы только набить полное пузо, да мечтать о принцессахъ.

СЦЕНА VI.

(Бѣлый отецъ входитъ въ кухню, одѣтый, какъ нищій. Дверь изъ кухни въ комнату открыта).

НИЩІЙ.

Дѣтки милыя, день добрый!

БЕРНЪ.

Съ коихъ поръ онъ сталъ отцомъ намъ?

ЛИПСТЪ.

Мертвъ одинъ, другой нашелся!

НИЩІЙ.

Духи добрые осушатъ
Ваши искреннія слезы!
Ахъ, велико ваше го́ре:
Милый батя вашъ скончался,
Отошелъ, какъ годъ прошедшій.

ЛИПСТЪ.

Это все мы сами знаемъ.

НИЩІЙ.

Все, что отъ него осталось,
На столѣ тамъ распростерто
Это приметъ въ свое лоно

Мать-сыра-земля обратно,
А взамѣнъ пошлетъ ребенка.

БЕРНЪ.

Эхъ, не во-время пришелъ ты!

АНТИНЪ (нищему).

Посмотри, старикъ, на батю,
Какъ онъ тощъ, какъ исхудалъ онъ,
Какъ совсѣмъ изсохли руки!

НИЩІЙ.

Словно тѣла нѣтъ на бедрахъ.

АНТИНЪ.

Ребра всѣ пересчитаешь.

НИЩІЙ.

Какъ глубоко щеки впали!

ЛИПСТЪ.

Сердобольные какіе!

БЕРНЪ.

Чего хочешь? Чего ходишь?
Уходи какъ годъ прошедшій!

НИЩІЙ.

Я уйду, уйду, сыночекъ,
Какъ вашъ батенька, уйду я.
Дай мнѣ лишь кусочекъ хлѣба,
Дай глотокъ воды напиться,
Отдохнуть дозволь съ дороги!

БЕРНЪ. Тутъ не богадѣльня. Иди, работай, тогда будетъ у тебя хлѣбъ. Чего тутъ слоняешься и болтовню разводишь!

НИЩІЙ. Я, дѣти мои, слишкомъ старъ для работы.

ЛИПСТЪ. Можешь еще пастухомъ служить, а если нѣтъ, то иди въ богадѣльню. Что ты тутъ стоишь и двери не закрываешь? Холода напускаешь! Уходи!

АНТИНЪ (тихо). Вотъ тебѣ, старичокъ, кусокъ хлѣба; зайди въ переднюю отдохнуть.

НИЩІЙ. Уйду, сынокъ, уйду. Быть можетъ, на пиру короля перепадетъ и мнѣ какая-нибудь крошка.

БЕРНЪ. Что за пиръ? Что тебѣ перепадетъ?

НИЩІЙ. Я ухожу, не буду надоѣдать вамъ своей болтовней.

ЛИПСТЪ. Погоди, куда бѣжишь? Что за пиръ? Вотъ упрямый нищій, ничего не хочетъ сказать!

НИЩІЙ. Король устроилъ большой пиръ и позвалъ всѣхъ, пусть идетъ, кто желаетъ. Развѣ не знаете? Всѣ люди уже туда собираются. Не такъ ужъ далеко вы живете.

ЛИПСТЪ. Мы, вѣдь, старикъ, люди, горемъ удрученные, мы недѣлями цѣлыми ничего не знаемъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Старикъ нашъ хворалъ, хворалъ, все не хотѣлъ помирать, а мы ни на часъ не могли отойти отъ его постели.

БЕРНЪ. Надо же было присутствовать, когда онъ умираетъ, чтобы чужіе люди имущества не растащили. Ничего мы не знаемъ. Разсказывай, разсказывай. Присядь тутъ, на порогѣ!

НИЩІЙ (усаживается). Какъ же, большой будетъ пиръ. Королевская дочь вотъ теперь уже семь лѣтъ какъ умерла и положена въ стеклянный гробъ.

ЛИПСТЪ. Знаемъ, знаемъ. Это всякій знаетъ, ты про пиръ-то разсказывай.

НИЩІЙ. Ну, вотъ, она лежитъ въ стеклянномъ гробу на стеклянной горѣ, куда никто не можетъ взобраться ни пѣшкомъ, ни верхомъ, ни ползкомъ. Когда осенніе вѣтры дуютъ, то принцесса вздыхаетъ, а когда солнце свѣтитъ — плачетъ.

(Антинъ, присѣвъ рядомъ съ нищимъ, тоже вздыхаетъ).

НИЩІЙ. Что съ тобою, сынъ, ты тоже вздыхаешь?

БЕРНЪ. Не обращай на него вниманія! Онъ у насъ совсѣмъ простоватъ. Всѣхъ жалѣетъ, обо всемъ плачетъ. Курицу рѣжутъ, онъ и то слезы льетъ. Объ умершей принцессѣ все время жалѣетъ и мечтаетъ.

ЛИПСТЪ. Какіе пустяки! Разсказывай про нихъ.

НИЩІЙ. Такъ, вотъ, дочь короля уже семь лѣтъ какъ лежитъ . . .

ЛИПСТЪ. Чтобъ тебѣ пусто было съ твоими семью годами! Чего ей не лежать!? Принцессѣ-то! Онѣ и наяву ничего не дѣлаютъ. Намъ, вотъ, небось этого нельзя: мы должны трудиться и хлѣбъ себѣ зарабатывать. Ну, а какъ же насчетъ пира?

НИЩІЙ. Принцесса, однако, не умерла, она воскреснетъ. Завтра исполняется какъ разъ семь лѣтъ и семь дней, и долженъ прійти тотъ, кто ее разбудитъ.

БЕРНЪ. Пришелъ бы сразу, далъ бы ей разъ хорошенько въ бокъ, взялъ за плечи, тогда, небось, не спала бы всѣ эти годы! Живо бы встала!

АНТИНЪ (съ трудомъ подавляя слезы, взволнованно). Не смѣй ее трогать, брать за плечи! Она тонкая, какъ паутинка, все ея тѣло прозрачно и хрупко, какъ ледъ, щечки бѣлы, какъ снѣгъ, волосы золотисты, какъ блескъ солнца. Она отъ одного дыханія содрогается и плачетъ.

БЕРНЪ (смѣется вмѣстѣ съ другимъ братомъ). Вишь ты! Вишь ты! Тихій нашъ сверчокъ-то! Ужъ таковъ онъ есть: и въ мысляхъ даже не позволяетъ трогать свою принцессу — она вѣдь его невѣста.

АНТИНЪ. Какъ тебѣ, братъ, не стыдно такъ говорить.

(Оба брата опять смѣются).

НИЩІЙ. Ты правъ, сынокъ, она, на самомъ дѣлѣ, такая — нѣжная и хрупкая. Но гдѣ жъ ты ее видѣлъ?

АНТИНЪ (тихо). Во снѣ.

ЛИПСТЪ. Что ты, нищій, тутъ торчишь? Чего ноги выставилъ?

НИЩІЙ. Уйду, уйду.

БЕРНЪ. Ну, а какъ, все-таки, насчетъ пира?

НИЩІЙ. Что же я могу сказать, когда вы меня гоните, не даете ни мяса, ни хлѣба.

БЕРНЪ. Оставайся, заходи въ комнату, получишь мясо и хлѣбъ и все. Садись, вотъ, тутъ на табуретку.

НИЩІЙ. Завтра, ровно въ двѣнадцать часовъ принцесса проснется отъ долгаго сна. Но встать изъ гроба она сможетъ лишь въ томъ случаѣ, если найдется человѣкъ, который взойдетъ на стеклянную гору и снесетъ оттуда принцессу. А кто ее снесетъ, тому король дастъ ее въ жены, назначитъ его своимъ наслѣдникомъ и отдастъ ему все свое царство. Если же никто не въ силахъ будетъ подняться на гору, то принцессѣ придется навѣки вѣковъ остаться на стеклянной горѣ.

АНТИНЪ. Увы! Увы! Неужели не найдется никого, кто былъ бы способенъ подняться на гору?

НИЩІЙ. И вотъ, на завтрашній день, по случаю воскресенія принцессы, король велѣлъ устроить большое празднество и зоветъ на пиръ всѣхъ, кто только желаетъ прійти и ѣсть за его столомъ.

БЕРНЪ. Тутъ ужъ, навѣрное, цѣлаго быка съѣдятъ и выпьютъ бочку пива!

НИЩІЙ. Что ты! Для этого пиршества уже закололи триста шестьдесятъ пять быковъ, зарѣзали семьсотъ свиней и наварили пятьсотъ бочекъ пива. Колбасы же сложены кучами, какъ стоги сѣна, а хлѣбные караваи лежатъ, словно кучи камней.

БЕРНЪ. Вотъ будетъ объяденіе!

ЛИПСТЪ. Этакое множество! Я полагаю — при такомъ количествѣ можно цѣлаго быка утащить и то не замѣтятъ. Какъ полагаешь, старикъ? Ты, пожалуй, тоже какую-нибудь курочку подъ пальто спрячешь? Но развѣ насъ туда пустятъ, навѣрное, только однихъ господъ пускаютъ?

НИЩІЙ. Всѣ званы и всѣ могутъ явиться на пиръ короля; понятно, кто плохо одѣтъ, останется по ту сторону забора вмѣстѣ съ простымъ народомъ.

(АНТИНЪ глубоко вздыхаетъ).

НИЩІЙ. Что съ тобой, сынокъ? — Вы тоже можете прійти; такихъ молодцовъ, какъ вы, и королевской дочери нечего стыдиться. Праздничное платье-то у васъ, навѣрно, окажется?

БЕРНЪ. Подойди поближе, старичокъ, сядь вотъ тутъ на стулъ. Какъ же не быть у насъ праздничному платью! Конечно, есть!

НИЩІЙ. Могли бы, дѣтки, и мнѣ дать какой-нибудь поношенный сюртучишко, этотъ у меня совсѣмъ обносился.

БЕРНЪ. Найдется, найдется! А много ли тамъ господъ собралось?

НИЩІЙ. Со всѣхъ концовъ. Грозный принцъ изъ сосѣдняго царства очень хотѣлъ бы получить принцессу.

АНТИНЪ. Ахъ, если онъ такой грозный, то пусть не достанется ему принцесса.

ЛИПСТЪ. Чего ты, дуракъ, тутъ вмѣшиваешься? Не твое это дѣло, тутъ мечтами не занимаются. Иди лучше, принеси изъ амбара мой зеленый платокъ.

НИЩІЙ. Господа всячески ужъ пробовали въѣхать на гору:— верхомъ, на лошадяхъ, оленяхъ, собакахъ, и на слонахъ даже, но никому не удалось .

(Братья начинаютъ готовиться).

БЕРНЪ. Кто сильнѣе, тому удастся.

ЛИПСТЪ. Чего силою нельзя добиться, того можно достигнуть умомъ. Ну, теперь нужно спѣшить. Ты можешь теперь итти; поздно ужъ, а работы у насъ еще много.

АНТИНЪ. А тотъ, кто нехорошо одѣтъ, развѣ не можетъ смотрѣть хотя бы издали, какъ снесутъ принцессу съ горы?

НИЩІЙ. За заборомъ можно смотрѣть, сколько угодно, но тамъ тебя въ толпѣ затрутъ. Ну, да братья, навѣрно, вѣдь дадутъ тебѣ новый кафтанъ и возьмутъ тебя съ собою въ середину; ты вѣдь видишь, какіе они добрые, даже мнѣ, чужому человѣку, обѣщали сюртукъ, и мяса, и хлѣба, сколько угодно.

ЛИПСТЪ. На что ему новый сюртукъ? Вѣдь онъ только что собрался было умирать вмѣстѣ съ отцомъ.

АНТИНЪ. Я бы и передъ смертью хотѣлъ увидѣть, какъ проснется принцесса и расцвѣтетъ, подобно вешнему лугу. А сюртукъ я потомъ вамъ верну обратно.

ЛИПСТЪ. Знаемъ, какъ ты вернешь. Это такъ же, какъ и помираешь! Какой дуракъ дастъ тебѣ сюртукъ? Заработай его самъ!

НИЩІЙ. Дали бы все-таки мальчику, пусть посмотритъ и попытаетъ счастье въ состязаніи.

ЛИПСТЪ. Вишь, какой заступникъ нашелся! Убирайся-ка самъ-то! Мѣшаешь только своей болтовней.

НИЩІЙ. А гдѣ же обѣщанный сюртукъ, мясо и хлѣбъ, — сколько угодно?

ЛИПСТЪ (собирается его бить). Подожди, я тебѣ сейчасъ дамъ по спинѣ, сколько угодно. Вонъ!

(Нищій уходитъ).

СЦЕНА VII.

ЛИПСТЪ (Антину). А ты, защитникъ всѣхъ бѣдныхъ, можешь убираться слѣдомъ за нимъ! Всякимъ бродягамъ позволяетъ шататься по нашему дому!

(Антинъ выходитъ въ переднюю).

БЕРНЪ. Столько людей въ такой маленькой комнаткѣ! Ты можешь жить и въ хлѣву, на чердакѣ.

ЛИПСТЪ. Но вѣдь тамъ наши вещи! Онъ и туда натащитъ всякаго сброду и воровъ, и тѣ еще растащатъ имущество. Пусть переночуетъ въ стогу соломы; человѣкъ молодой, — не замерзнетъ.

БЕРНЪ. Ну, а если онъ курить начнетъ? Стогъ сгорѣть можетъ?!

ЛИПСТЪ. Пусть въ такомъ случаѣ поищетъ себѣ мѣсто гдѣ-нибудь подальше! Вонъ, на лугу — стогъ сѣна. Да только, чтобы утромъ рано быть опять на работѣ! Во время обѣда можешь сбѣгать на дворъ короля и хорошенько тамъ наѣсться, не нужно будетъ тогда тебѣ ни обѣда, ни ужина. Тамъ дадутъ нищимъ все, что останется отъ стола важныхъ гостей. Чего жъ мы тебя будемъ даромъ кормить? Тогда ужъ лучше откормить свинью, ее, по крайней мѣрѣ, можно зарѣзать къ Рождеству.

БЕРНЪ. Какъ только я взойду на стеклянную гору и сдѣ-

лаюсь зятемъ короля, мнѣ уже не надо будетъ держать такихъ вотъ Антиновъ батраками и кормить ихъ. Рабочій вѣдь онъ — неважный. Мнѣ тогда будетъ принадлежать все царство, и у меня затанцуютъ ужъ не такіе батраки. Ты, Антинъ, теперь свободный человѣкъ и можешь итти, куда тебѣ угодно!

АНТИНЪ. Только эту ночь дайте мнѣ переночевать, милые братья! Я хочу видѣть, какъ воскреснетъ принцесса. Куда мнѣ дѣваться на морозѣ? Я умру и не увижу ея. Милые братцы, пожалуйста, несите вы ее осторожно, очень осторожно! А когда я ее увижу, я готовъ и на покой.

ЛИПСТЪ. Вонъ! Вонъ! Иди себѣ на покой!

(Занавѣсъ).

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Лѣсъ. Тропинка. Поздній осенній вечеръ.

СЦЕНА I.

НИЩІЙ. Усталъ я, милый сынокъ, мои старыя ноги не хотятъ больше слушаться. Остановимся и отдохнемъ; подумаемъ, гдѣ бы намъ переночевать.

АНТИНЪ. Ты иди дальше по этой дорожкѣ, держись правой стороны, и придешь къ лѣсной сторожкѣ. Тамъ живутъ добрые люди.

НИЩІЙ. А гдѣ ты останешься, сынокъ? Пойдешь назадъ въ отцовскій домъ?

АНТИНЪ. Мой отцовскій домъ на кладбищѣ. Скоро я отправлюсь туда, но эту ночь останусь тутъ, чтобы завтра пораньше встать и поскорѣе отправиться во дворецъ.

НИЩІЙ. Я хотѣлъ бы остаться у твоихъ братьевъ, но они такіе сердитые.

АНТИНЪ. У нихъ теперь, послѣ смерти отца, много заботъ, некогда имъ тобой заниматься.

НИЩІЙ. Они, вѣдь, и тебя прогнали изъ дому?

АНТИНЪ. Это правда, что они скоро сердятся. Ну, мы, братья, какъ-нибудь поладимъ. Да и то правда, что комнатка дѣйствительно тѣсновата для всѣхъ. Къ тому же они женятся, и я имъ мѣшать буду.

НИЩІЙ. Тебѣ, сынокъ, тоже пора жениться. Кто о тебѣ, бѣдняжкѣ, будетъ заботиться? Гдѣ ты пріютишься? Хочешь, со-

сватаю тебѣ богатую домовладѣлицу, ты мнѣ тогда дашь и хлѣбъ и платье.

АНТИНЪ. Не хочу я жениться.

НИЩІЙ. Такъ всегда молодые говорятъ. Ну, если я тебѣ найду хорошую дѣвушку, захочешь?

АНТИНЪ. Никогда я не женюсь.

НИЩІЙ. Экій ты какой! Пропадешь ты въ такомъ случаѣ!

АНТИНЪ. Умру, — скорѣе попаду къ своему милому отцу. Хочу вотъ только повидать праздникъ: какъ тамъ придетъ принцъ и снесетъ со стеклянной горы спящую принцессу.

НИЩІЙ. А что это братья дразнили все тебя принцессой? Развѣ ты ее видѣлъ?

АНТИНЪ. Не спрашивай, не надо!

НИЩІЙ. Почему, сынокъ, нельзя мнѣ спрашивать? Вспоминается мнѣ одна пѣсенка:

> Синія стекла, зеленые льды,
> Снѣжное, бѣлое платье въ срединѣ,
> Синія стекла, зеленые льды,
> Лунныя, блѣдныя щеки въ срединѣ,
> Синія стекла, зеленые льды,
> Длинныя кудри, что̀ солнце въ срединѣ!

АНТИНЪ. Не поминай про нее, ни слова не поминай!

НИЩІЙ. А почему, сынокъ, не поминать? Такъ красиво спитъ она въ своемъ гробу. Всѣ ходили смотрѣть на нее, жалѣли ее, такую молодую да красивую!

АНТИНЪ. Ахъ, отецъ, что ты дѣлаешь! Всю душу изъ меня выматываешь, корни сердца моего изъ земли вырываешь!

НИЩІЙ (полуговоритъ, полунапѣваетъ).

> Синія стекла, зеленые льды,
> Оцѣпенѣлое тѣло въ срединѣ!

(Антинъ громко плачетъ).

НИЩІЙ.

> Что ты плачешь, милый мальчикъ?
> Жаль тебѣ царевны, что ли?

АНТИНЪ.

> Да, отецъ, мнѣ жаль царевны,
> Оттого-то я и плачу.

НИЩІЙ.

Развѣ ты, сынокъ, царевну
На горѣ стеклянной видѣлъ?

АНТИНЪ.

Ахъ, отецъ, отецъ чужой мнѣ!
Развѣ видѣлъ я царевну?
Каждый день ее я вижу,
Все въ глазахъ моихъ безсмѣнно:
Снѣговыя покрывала,
И блестящій бѣлый иней,
Тонкіе, сквозные пальцы,
Нѣжно-хрупкіе, какъ льдинки,
Пальцы, что легко сжимаютъ
Помертвѣлую фіалку!

НИЩІЙ.

Это все во снѣ ты видишь?

АНТИНЪ (рѣзко прерывая).

Охъ, я вижу каждой ночью:
Недвижима, помертвѣла,
Съ блѣднымъ ликомъ, рѣетъ мимо;
Внизъ опущены рѣсницы,
Голова на грудь упала,
Серебро росы на кудряхъ
Золотыхъ, — и слезы льются!

НИЩІЙ.

Это все во снѣ ты видишь?
Ты ее живой не видѣлъ,
Почему жъ объ ней ты плачешь,
Если ты ея не знаешь?

АНТИНЪ.

Почему, отецъ, увѣренъ
Ты, что я ея не знаю?
Всѣ на свѣтѣ, даже дѣти
Нашу вѣдаютъ царевну!
Какъ же мнѣ объ ней не плакать?
Вся земля объ ней въ печали.
Ахъ, ушла она изъ жизни,
И въ стеклянныхъ стѣнахъ гроба
Станъ ея въ плѣну томится.

НИЩIЙ.

А въ лицо ее ты знаешь?

АНТИНЪ.

Какъ въ лицо ее не вѣдать?
Съ плачемъ всѣ смотрѣть ходили,
Какъ она во гробѣ дремлетъ.
И меня отецъ покойный.
Во дворецъ водилъ съ собою,
Но лишь издали смотрѣлъ я:
Впереди вельможи были,
Близко насъ и не пускали.
Въ первый мигъ, какъ посмотрѣлъ я,
Такъ глаза закрылъ отъ блеска.
Во второй, какъ посмотрѣлъ я,
Такъ застлали слезы взоръ мой.
Въ третiй разъ, какъ посмотрѣлъ я,
Такъ мой взоръ переломился,
Ничего вокругъ не вижу,
Даже солнца мнѣ не видно!
И съ тѣхъ поръ мнѣ нѣтъ покоя,
Боль ея ношу съ собою;
Мысль одна, — пашу ли въ полѣ:
Такъ страданья грудь ей пашутъ!
Мысль одна, — кошу ли сѣно:
Такъ ей боли радость косятъ!
Мысль одна, — пшеницу жну ли:
Такъ мученья сердце жнутъ ей!
И не спорится работа!
Знаю: я обидѣлъ братьевъ,
Пожалѣвъ въ душѣ царевну.

НИЩIЙ.

Что жъ ты такъ ее жалѣешь,
Если мигъ одинъ лишь видѣлъ?

АНТИНЪ.

Въ этомъ всѣ мои печали,
Съ той поры, какъ сталъ я взрослымъ.
Стыдно мнѣ, что все сказалъ я:
Ото всѣхъ таилъ я это,
Но ко мнѣ ты добръ, а сердце

У меня нѣжнѣе глаза.
Вотъ — сказалъ, а ты смѣешься.

НИЩІЙ.

Нѣтъ, сынокъ, я не смѣюся,
Но не плачь ты о царевнѣ:
Завтра съ горемъ ей разстаться.

АНТИНЪ (тихо вздыхая).

Завтра съ горемъ ей разстаться?

НИЩІЙ.

Придутъ завтра дѣти Солнца,
Чтобъ, на высь горы стеклянной
Въѣхавъ, разбудить царевну;
На коня на золотого
Сѣвъ, въ лучахъ, она поѣдетъ.

АНТИНЪ (вздыхая).

Сѣвъ, въ лучахъ, она поѣдетъ!

НИЩІЙ.

Что вздыхаешь, мой сыночекъ?
Будетъ хорошо царевнѣ.

АНТИНЪ.

Будетъ хорошо царевнѣ. (Немного спустя).
Кто жъ на гору въѣхать можетъ?

НИЩІЙ.

Тотъ, кто такъ же чистъ, какъ солнце.

АНТИНЪ.

А царевну кто разбудитъ?

НИЩІЙ.

Тотъ, кто ласковъ такъ, какъ солнце.

АНТИНЪ.

Кто же внизъ снесетъ царевну?

НИЩІЙ.

Тотъ, кто силенъ такъ, какъ солнце.

АНТИНЪ.

Охъ, но кто же равенъ солнцу?

НИЩІЙ.

Кто себя отдать способенъ!

АНТИНЪ.

Охъ, всю жизнь свою я бъ отдалъ,
Пусть берутъ, умру охотно,
Лишь хочу ее увидѣть!

НИЩІЙ.

Кто себя отдать способенъ,
Жизнь свою, и съ жизнью—волю!

АНТИНЪ.

Какъ, отецъ? И съ жизнью — волю!
Мнѣ бъ имѣть хоть взглядъ единый!
Ей одной всю жизнь я отдалъ.
Завтра всѣ ее увидятъ,
Я одинъ ли не увижу?
Всѣмъ то будетъ безразлично,
А вся жизнь моя — лишь въ этомъ!

НИЩІЙ.

Кто себя отдать способенъ,
Жизнь свою, и съ жизнью — волю.

АНТИНЪ.

Батя! замираетъ сердце!
Кто жъ на это все способенъ?

НИЩІЙ.

Есть такой, и онъ разбудитъ.

АНТИНЪ.

Батя! Охъ, я не способенъ.
Но ее хочу увидѣть,
Ей помочь хочу, сказать ей,
Что ея несу я боли.
Ей, быть можетъ, станетъ легче! (Въ отчаяніи плачетъ.)

НИЩІЙ.

Не печалься, мой сыночекъ.
Будетъ хорошо царевнѣ,
Ей помогутъ дѣти Солнца.

Старику, кто мнѣ поможетъ,
Кто накормитъ, кто напоитъ,
Дастъ обрывокъ одежонки?

АНТИНЪ.

Ты пойди къ лѣсной усадьбѣ:
Тамъ напоятъ, тамъ накормятъ.

НИЩІЙ.

Дальній путь, большіе вѣтры!
Стало холодно, сыночекъ!
Хорошо тебѣ послушать,
Что скажу я про царевну,
Сказки сердце согрѣваютъ,
Мнѣ жъ морозъ сжимаетъ руку!

АНТИНЪ.

Рукавицы дамъ тебѣ я,
(Снимаетъ рукавицы и отдаетъ нищему).
Въ нихъ свои согрѣешь руки,
Вѣдь меня на дворъ пропустятъ
И безъ варежекъ, навѣрно!

НИЩІЙ.

Ужъ какъ холодно, сыночекъ!
Шею стужа обнимаетъ,
По спинѣ бѣгутъ мурашки.

АНТИНЪ.

Вотъ возьми мой шарфъ на шею,
И безъ шарфа, вѣдь, пропустятъ!
(Снимаетъ шейный платокъ и отдаетъ нищему).
Это — матери подарокъ,
Согрѣвалъ меня всегда онъ,
Какъ сама любовь родимой!

НИЩІЙ.

Все жъ мнѣ холодно, сыночекъ.
(Надѣваетъ на себя платокъ).
Въ старости кровь грѣетъ плохо.
Пусть платокъ согрѣетъ шею,
Спину же остудитъ вѣтеръ.
Вишь, кафтанъ весь износился,
Какъ и старческое тѣло:

Стала ткань рѣдка, какъ сито,
Все тепло насквозь проходитъ.

АНТИНЪ.

Охъ, отецъ, чужой отецъ мнѣ!
Безъ кафтана вѣдь не впустятъ!
Во дворцѣ вельможи будутъ,
Не дозволятъ состязаться,
Запретятъ итти на гору.

НИЩІЙ.

Тоже хочешь состязаться?
Будутъ тамъ стоять вельможи,
Во дворецъ тебя не впустятъ,
Постоишь ты за заборомъ.

АНТИНЪ.

И кафтанъ бери мой, батя!
Сохранитъ тебѣ тепло онъ:
Сдѣланъ онъ изъ доброй ткани,
Нѣжныя слова въ основѣ,
Затканныя лаской теплой.
(Снимаетъ кафтанъ и отдаетъ нищему, который его надѣваетъ).

НИЩІЙ.

Все мнѣ холодно, сыночекъ,
Ногъ тепло не достигаетъ,
Застываетъ гдѣ-то въ бедрахъ;
Ноги судорога сводитъ,
Пальцы смерзлись, онѣмѣли,
Кости старыя недвижны.

АНТИНЪ.

Охъ, отецъ, чужой отецъ мнѣ!
Безъ сапогъ куда пойду я?
Не остаться бъ на дорогѣ!

НИЩІЙ.

Добредешь, возьми вотъ лапти.
(Антинъ снимаетъ сапоги и надѣваетъ лапти нищаго).

АНТИНЪ.

Что жъ, отдамъ и сапоги я.
Будешь двигаться ты въ силахъ.

Сапоги дала корова,
Батя шилъ ихъ, самъ же плакалъ:
Молока не будетъ больше!

НИЩІЙ.

Все мнѣ холодно, сыночекъ.
Исщипала стужа щеки,
Вѣтеръ волосы издергалъ,
Сквозь дырявую шляпчонку
Проникаютъ хлопья снѣга.

АНТИНЪ.

Охъ, отецъ мой, охъ, отецъ мой!
Такъ не пустятъ и къ забору.

НИЩІЙ.

Пустятъ! Ты скажи, что жарко́.
Волоса твои — что шапка.

АНТИНЪ.

Что жъ, отецъ, возьми и шапку.
(Отдаетъ и шапку).
Кошечка ее дала мнѣ,
Та, которую вскормилъ я.

НИЩІЙ.

Я теперь спасенъ, сыночекъ.
Вотъ опять могу ходить я!
Да получишь ты стократно
Все, что далъ, на новомъ солнцѣ!

АНТИНЪ.

Мнѣ не жить подъ новымъ солнцемъ!
Я и утра не увижу.
Мать снѣговъ меня похититъ,
Отведетъ къ родному батѣ.

НИЩІЙ.

Горевать, сыночекъ, рано,
Стужу юность пересилитъ.

АНТИНЪ.

Да, не стану горевать я,
Вотъ раздую огонечекъ.

НИЩІЙ.

Ухожу я. (Уходитъ.)

АНТИНЪ.

Путь счастливый.

НИЩІЙ (возвращается еще разъ).

Я еще скажу, сыночекъ:
Не жалѣлъ ты дать мнѣ платье,
Я тебя, въ твой день, припомню.
Пожелаешь ты одежды,
Королевичи что носятъ, —
Ты тогда ногой лишь стукни,
Ты тогда лишь молви слово:
Конь заржетъ и принесетъ все,
Мѣдь, и серебро, и злато.
Только это слово молви:

Стукъ, стукъ, стукаю,
Конь, скачи сюда!
Платье скрадено,
Дай мнѣ новое,
Было тканое,
Дай мнѣ мѣдное!

АНТИНЪ.

Уходи ужъ! ладно, батя!
Мнѣ куда дѣвать такое.

НИЩІЙ.

Ухожу я! (Уходитъ).

АНТИНЪ.

Путь счастливый.
(Садится и разводитъ огонь).

СЦЕНА II.

АНТИНЪ (одинъ). Ахъ ты, бѣдняга, бѣдняга! У самого нечѣмъ прикрыться отъ вѣтра и мороза, а, вишь, хочетъ мнѣ подарить золотое и серебряное платье! Столько-то я понимаю, чтобы догадаться, что говоритъ онъ. Это только по добротѣ души: не хочетъ отымать у меня надежды; хочетъ, добрый старичокъ, поблагодарить и отплатить мнѣ. Ну, прилягу теперь и немного

сосну; огонь поможетъ мнѣ перенести ночной холодъ, а завтра я хоть издали да посмотрю, какъ принцессочка воскреснетъ и заблеститъ, словно красное солнышко. (Засыпаетъ.)

СЦЕНА III.

(Входятъ заблудившіяся дѣти).

ПЕРВЫЙ РЕБЕНОКЪ.

Огонекъ! огонь! идите!

ВТОРОЙ.

Можно будетъ здѣсь согрѣться.

ПЕРВЫЙ.

Не побьетъ ли этотъ парень?

ВТОРОЙ.

Онъ заспался, не замѣтитъ.

АНТИНЪ (подымая голову).

Кто такой сюда явился?

ДѢТИ (сначала бѣгутъ, но потомъ останавливаются).

ПЕРВЫЙ (тихо).

Не бѣгите: голосъ — добрый.

ВТОРОЙ (тоже).

Самъ отъ стужи онъ согнулся.

ПЕРВЫЙ (тоже).

Безъ сапогъ самъ и безъ шапки.

АНТИНЪ.

Ну, входите, согрѣвайтесь:
Какъ въ лѣсу вы очутились?

ПЕРВЫЙ.

Заблудились на морозѣ,
Мать собрать послала хворостъ.

АНТИНЪ.

Ну, садитесь, согрѣвайтесь.
(Дѣти подсаживаются къ костру).

ПЕРВЫЙ.

Намъ тепло, а мать, навѣрно,
Мерзнетъ дома безъ полѣна.
Дай ты мнѣ одно полѣнце!

ВТОРОЙ.

Дома ждетъ меня братишка,
Дай и мнѣ одно полѣнце.

ВСѢ.

Дай мнѣ тоже! Дай мнѣ тоже!
(Каждый беретъ по полѣну; весь костеръ разобранъ и потухаетъ).

АНТИНЪ (смѣется).

Вы вѣдь все себѣ забрали!

ПЕРВЫЙ.

Дай еще мнѣ углей въ листьяхъ!
(Вѣточками загребаетъ уголья и убѣгаетъ).

ВСѢ.

Дай мнѣ тоже! Дай мнѣ тоже! (Берутъ тоже.)

АНТИНЪ.

Растопить мнѣ не осталось,
Хоть одинъ оставьте уголь!

ПЕРВЫЙ (оборачивается, смѣясь).

Сядь на теплое мѣстечко,
И углей не нужно будетъ.

ВСѢ.

Побѣжимъ домой скорѣе!
(Убѣгаютъ въ темнотѣ, размахивая горящими полѣньями и свѣтя угольями).

СЦЕНА IV.

АНТИНЪ (опять одинъ).

Какъ бѣгутъ! ахъ, дѣти, дѣти!
Искры сыплются, какъ звѣзды.
Дома всѣхъ огонь согрѣетъ...
Мнѣ жъ огня не надо больше:
Я къ тебѣ иду, мой батя!

Здравствуй, милая принцесса!
Спать теперь мы будемъ оба:
Я — на этомъ мѣстѣ тепломъ,
Ты же — на горѣ холодной. (Засыпаетъ).

СЦЕНА V.

(Антинъ спитъ. Входитъ Мать вѣтровъ со своими дѣтьми; у всѣхъ длинныя трубы изъ бересты).

МАТЬ ВѢТРОВЪ (высокая худая женщина, въ длинныхъ сѣрыхъ покровахъ, идетъ съ трубой впереди всѣхъ; дѣти за ней. Трубя, обходятъ они вокругъ сцены).

Въ трубы вѣтры трубятъ,
Гуломъ чащу будятъ,
У-а! у-а! у-а!
Духи, дуйте въ трубы,
У-а! у-а! у-а!

ДУХИ ВѢТРОВЪ (завываютъ хоромъ).

Въ трубы трубимъ роемъ,
Грустно, жутко воемъ,
У-а! у-а! у-а!

МАТЬ ВѢТРОВЪ.

Грустно, жутко стонемъ,
Сучья ломимъ, клонимъ,
Ухъ! ухъ! ухъ!

ДУХИ ВѢТРОВЪ.

Сучья ломимъ, клонимъ,
Ухъ! ухъ! ухъ!

МАТЬ ВѢТРОВЪ.

Листья сдались бурямъ,
Міръ зеленый умеръ,
Ай-ай! ай-ай! ай-ай!

ДУХИ ВѢТРОВЪ.

Умеръ! умеръ! умеръ!
Вай-ай! вай-ай! вай-ай!

МАТЬ ВѢТРОВЪ.

Осень землю студитъ,
Стужа зелень губитъ,
У-у! у-у! у-у!

ДУХИ ВѢТРОВЪ.

Губитъ! губитъ! губитъ!
Тр-тр! тр-тр! у-у!

МАТЬ ВѢТРОВЪ.

Рѣки льдомъ мы кроемъ,
Мостъ по водамъ строимъ,
А-у! а-у! а-у!

ДУХИ ВѢТРОВЪ.

Рѣйте по-льду роемъ,
А-у! а-у! а-у!

МАТЬ ВѢТРОВЪ.

Въ трубы вѣтры трубятъ,
Гуломъ чащу будятъ,
Мать вѣтровъ ихъ нудитъ,
А-у! а-у! у-у! у-у!

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА VI.

(Антинъ продолжаетъ спать, еще болѣе скорчившись. Входитъ Мать снѣговъ со всѣми духами, вся въ бѣломъ, полная, въ широкомъ одѣяніи; у нея полный передникъ снѣга, подъ мышкой бѣлые мѣшочки со снѣгомъ. Духи снѣга, дѣти, одѣтыя въ бѣлое, несутъ бѣлыя простыни и блестящія снѣжинки).

ДУХИ СНѢГА.

(шалятъ, прыгаютъ толпой вокругъ матери, дергаютъ ея передникъ, вырываютъ у нея мѣшочки).

Дай посмотрѣть! дай поиграть!
Дай, мама! бѣленькая мать!

МАТЬ СНѢГОВЪ (отбиваясь, задыхаясь).

Ахъ, шалуны! бездѣльники!
Я васъ! ужъ вы, баловники!
Не будь я слишкомъ тяжела,
Ужъ какъ бы вамъ я задала!

ДУХИ СНѢГА.

Что держишь, мама, ты подъ мышкой?

МАТЬ СНѢГОВЪ.

А вамъ съ того лѣниться слишкомъ?
Стелите бѣлый нашъ покровъ,
Отъ холодовъ и отъ вѣтровъ,
Надъ травами завялыми:
Пусть спятъ подъ одѣялами!

ДУХИ СНѢГА.

Ахъ, мама, какъ ты растолстѣла!

МАТЬ СНѢГОВЪ.

Вамъ оттого ль сидѣть безъ дѣла?
Насъ всходы дожидаются,
Ихъ стебельки качаются,
Головушки склоняются,
Отъ холода пищать:
«Хладъ! — хладъ! — хладъ!»

ДУХИ СНѢГА (одинъ другому).

Скорѣй, скорѣе,
Прикрой теплѣе!

МАТЬ СНѢГОВЪ.

Кусты примѣчайте,
Платкомъ прикрывайте!

ОДИНЪ ИЗЪ ДУХОВЪ.

Вотъ — можжевельникъ!
Дай варежки, бездѣльникъ!
А то — на каждый вѣткѣ коготь, —
Нельзя и трогать!
(Надѣваетъ бѣлыя варежки и отскакиваетъ отъ укола).

ВТОРОЙ.

Березка дружочекъ,
Пропалъ твой листочекъ,
Бери же снѣжочекъ!
(Сыплетъ на березу горсть снѣга).

ТРЕТІЙ.

Зелененькой елочкѣ
Быть въ бѣлой мурмолочкѣ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ахъ, липочка ясная,

Гдѣ платьице красное?
Въ сундукъ до весны убрала, какъ запасное?
Прикройся по плечикамъ бѣлой одеженькой.
Стоитъ, улыбается, важной да нѣжненькой!

ПЕРВЫЙ (увидя Антина на землѣ).

Вотъ, вотъ, вотъ! Что тутъ?

ВСѢ (сбѣгаются кругомъ).

Глянь, глянь, глянь! Кто тутъ?

ПЕРВЫЙ.

Ни кустъ, ни дерево! Кто это? ну-тка!

МАТЬ СНѢГОВЪ.

Потише, дѣтки, это вамъ не шутка!

ВТОРОЙ.

Онъ расцвѣтетъ, проснувшись ото сна?

МАТЬ СНѢГОВЪ.

Его разбудитъ ранняя весна.
Какъ все, что здѣсь лежитъ во снѣ усталомъ,
Его покройте теплымъ одѣяломъ.

ПЕРВЫЙ.

Всѣ покрывала мы поразстелили.

ВТОРОЙ.

Вотъ лишь кусочекъ малый сохранили.
Гдѣ холодно ему, скажи?

ПЕРВЫЙ.

На сердце прямо положи,
Какъ теплое крыло, оно
Всѣхъ прежде стужей сражено.
(Духи закрываютъ Антина покрываломъ).

ВСѢ ДУХИ.

Мама! Дѣло свершено!
Дай пощупаемъ,
Расколупаемъ,
У тебя въ передникѣ?
Что затаено?

МАТЬ СНѢГОВЪ.

Тише, привередники!

ПЕРВЫЙ.

Трахъ! лопнулъ карманъ. Что тамъ было?
Не пухъ и не шерсть, а какъ мыло!
Весь бѣлый, какъ цвѣтики вишни!

МАТЬ СНѢГОВЪ.

Не сыпьте! потише! потише!

ВСѢ.

Мнѣ горсточку! горсточку тоже!

МАТЬ СНѢГОВЪ.

Даръ неба храните построже!

ПЕРВЫЙ.

Иль ангелы сахаръ разсыпали?

ВТОРОЙ.

Попробуй: что вкусно ли? липко ли?

ЕЩЕ ОДИНЪ.

Не сладко, не остро, не солоно!

ПЕРВЫЙ.

Ахъ, ахъ! языку-то какъ холодно!

ВСѢ.

Тоже! тоже! тоже!
(Вырываютъ у матери передникъ; сыплется снѣгъ).

МАТЬ СНѢГОВЪ.

Охъ! охъ! охъ!
Что шагъ, то вздохъ!
Привередники!
Надоѣдники!

ВСѢ.

Скорѣй, скорѣе!
Верти веселѣе!
(Вертятся вокругъ матери кругомъ, увлекая ее за собою).

МАТЬ СНѢГОВЪ.

Охъ! охъ! охъ!
(Всѣ удаляются, поднимая снѣговую метель).

СЦЕНА VII.

(Становится совсѣмъ темно; издали слышны жалобныя завыванія вѣтра. А Черная мать, одѣтая какъ въ первомъ дѣйствіи, встаетъ около Антина, продолжающаго спать на землѣ. Въ темнотѣ Черная мать едва видна).

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Шла своимъ я чернымъ слѣдомъ
И нашла свою добычу:
Не будить тебѣ принцессы,
Не достичь горы стеклянной.
Я тебя возьму съ собою!

НИЩІЙ (выходитъ изъ мрака).

Матерь черная! кого ты
Здѣсь нашла? Что за добыча:
Исхудалый, жалкій мальчикъ!

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Старецъ бѣлый, многоликій!
Опоздалъ ты нынче! Мужа
Этого ты не отымешь
И хитришь совсѣмъ напрасно.

НИЩІЙ
(смѣется, указывая на Антина).

Развѣ это мужъ? — Мышенокъ!
Ворону больному пища,
Что иной поймать не въ силахъ!
Вотъ кого теперь ты ловишь!

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Что смѣяться, бѣлый старецъ,
Я того возьму на долю,
Кто отнять принцессу хочетъ!
(Поднимаетъ руку и наклоняется надъ Антиномъ).

НИЩІЙ.

Ха-ха! Воскреситъ принцессу

Тотъ, кто силенъ такъ, какъ солнце.
Такъ ли силенъ этотъ мальчикъ?
Матерь черная, сильна ты!
Брать его тебѣ ль не стыдно?

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Бѣлый старецъ, что хитришь ты?
Слово давнее я знаю:
«Трое станутъ сиротами,
Побѣдитъ дремоту — младшій,
Малый—бо́льшихъ, слабый—сильныхъ!»

НИЩІЙ (продолжаетъ).

«Побѣдитъ, кто потеряетъ;
Кто отдастъ, тотъ получаетъ;
Что черно,—бѣло; мое же—
Что твое!»

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Хитришь ты, старецъ!

НИЩІЙ.

Ха-ха-ха! вѣрь бѣлой вѣсти!
Если вѣришь, побѣдилъ я!
(Указываетъ на Антина).
Все свое мнѣ этотъ отдалъ:
Сапоги, кафтанъ и шапку,
И платокъ свой шейный даже.
Самъ же онъ — сейчасъ замерзнетъ.

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Что смѣешься, многоликій?
Говори, коль лучше знаешь!

НИЩІЙ.

А зачѣмъ тебѣ скажу я?
Годъ умретъ, сиротъ оставитъ,
Одолѣетъ Май дремоту...
Нѣтъ, молчу!.. Ты чары дѣешь,
Сильный сынъ и умный — ѣдутъ;
Ѣдутъ всѣ земные принцы;
Дѣти солнца скачутъ съ неба,
Побѣдятъ они дремоту!

Лишь испытывалъ тебя я,
И узналъ: за мной побѣда!
(Со смѣхомъ уходитъ поспѣшно).

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Нѣтъ! За мной, за мной побѣда!
Хитростей отцу не дамъ я
Дщерь завѣтную, земную! (Спѣшитъ за Нищимъ).

СЦЕНА VIII.

(Медленно занимается сѣроватый разсвѣтъ. Заблудившіяся дѣти, въ образѣ духовъ зари, съ блестящими звѣздочками, вмѣсто углей, въ бѣлыхъ одеждахъ, ходятъ вокругъ Антина, останавливаются, чтобы его разбудить, стоятъ полукругомъ, наклоняются къ спящему).

ПЕРВЫЙ ДУХЪ.

Что ты спишь! Пора проснуться!
За работу время, парень!

АНТИНЪ (просыпаясь).

Развѣ утро? Что за стужа!
Не вставать бы! Такъ и спать бы!
Сладкіе, меня держите,
Сны, и дню не отдавайте,
Убивающему грезы!

ПЕРВЫЙ.

Самъ вставай, буди и грезу!

АНТИНЪ.

Дѣти милыхъ сновъ, уйдите!
Дайте мнѣ не просыпаться!
Мать вѣтровъ во снѣ трубила,
Мать снѣговъ меня прикрыла;
Нѣкто бѣлый, съ кѣмъ-то чернымъ
О моей душѣ боролись.
О, морозъ! о, ночь! возьмите —
Прочь меня изъ этой жизни,
Въ міръ, гдѣ всѣ мои мечтанья,
Гдѣ отецъ и гдѣ принцесса!

ПЕРВЫЙ.

На горѣ стеклянной, въ гробѣ
Ледяномъ, принцесса дремлетъ,
Ждетъ тебя, а слезы каплютъ.

ВТОРОЙ.

Стонетъ: гдѣ же мой спаситель?
Что жъ меня не мчитъ онъ къ солнцу?

ПЕРВЫЙ.

Будетъ спать, Антинъ. Проснися!
Бей стекло, пусть ледъ растаетъ!

АНТИНЪ.

Грезы милыя вы, дѣти!
Дразните меня зачѣмъ вы?

ПЕРВЫЙ.

Встань, одѣнься — ногу въ стремя!
Во дворецъ явиться — время!

ВТОРОЙ.

Встань! Спѣши на состязанье!

ПЕРВЫЙ.

Встань! Спѣши на пированье!

АНТИНЪ.

Что вы, мальчики, смѣетесь!
Я стою замерзшій, голый,
Гдѣ мнѣ взять коня и платье?

ПЕРВЫЙ.

Ты промолви только слово,
Какъ наказывалъ тотъ старецъ,
Конь, заржавъ, примчится съ платьемъ.

АНТИНЪ.

Я взаправду ли проснулся?

(Дѣти хватаютъ Антина, толкаютъ его, щекочутъ, щиплютъ, кричатъ ему въ уши).

ДѢТИ (вмѣстѣ, перебивая другъ друга).

Больно? Чувствуешь? Ты слышишь?

АНТИНЪ.

Больно! Чувствую! Ой! слышу!
Но вы кто же, коль не грезы?

ПЕРВЫЙ.

Твои ласковыя рѣчи!

ВТОРОЙ.

Тобой данные подарки!

ТРЕТІЙ.

Твоя жалость къ людямъ бѣднымъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Твои стоны о несчастныхъ!

ПЕРВЫЙ.

Мы — тѣ угли, что ты отдалъ
Заблудившимся малюткамъ!
(Дѣти размахиваютъ своими звѣздочками).

АНТИНЪ.

Какъ же такъ? О чудо, чудо!

ПЕРВЫЙ.

Что дивиться? Время ѣхать!

ВТОРОЙ.

Поспѣши сказать то слово!

АНТИНЪ.

Охъ, могу ль я въ это вѣрить?
Лучше снова спать улягусь.
(Дѣти окружаютъ и толкаютъ его).

ДѢТИ (вмѣстѣ, перебивая другъ друга).

Встань! Промолви! Слово! Слово!

ПЕРВЫЙ.

Торопись, пока не поздно!
Сѣрый свѣтъ въ борьбѣ со тьмою,
Лѣсъ трепещетъ подъ зарею,
Тишина подъ землю сходитъ
И съ собою насъ уводитъ.

ВСѢ.

Торопись! Скажи то слово!

ПЕРВЫЙ.

Повторяй за мной: скажу я:
«Стукъ-стукъ, стукаю,
Конь, скачи сюда!»

АНТИНЪ.

Стукъ-стукъ, стукаю,
Конь, скачи сюда!

(Дѣти поднимаютъ правую ногу Антина и стучатъ ею три раза послѣ каждой фразы).

АНТИНЪ.

Я не вѣрю вамъ! Пустите!

ПЕРВЫЙ.

Лишь тверди, зачѣмъ же вѣрить?
«Платье скрадено,
Дай мнѣ новое!»
(Дѣти стучатъ ногою Антина, какъ раньше).

АНТИНЪ.

Платье скрадено,
Дай мнѣ новое!

ПЕРВЫЙ.

«Было тканое,
Дай мнѣ мѣдное!»

(Дѣти стучатъ ногою Антина, какъ раньше. Появляется красноватый отблескъ. За деревьями виденъ мѣдный конь съ мѣднымъ платьемъ).

АНТИНЪ.

Что за чудо! Что за чудо!
Вотъ невиданная прелесть!
Мѣдный конь и съ мѣднымъ платьемъ!

ПЕРВЫЙ.

Прямо мчись къ горѣ стеклянной.

ВСѢ.

Поклонись отъ насъ принцессѣ.

АНТИНЪ.

Дѣти сновъ моихъ, прощайте!
Съ солнцемъ новымъ мчусь къ тебѣ я,
Моя дальняя принцесса!

(Занавѣсъ).

ТРЕТЬЕ ДѢЙСТВІЕ.

Подножье стеклянной горы. По обѣимъ сторонамъ крутые утесы, между ними — площадка. Синеватыя и зеленоватыя скалы, цвѣта стекла и льда, съ бѣлыми снѣговыми пятнами; на деревьяхъ также снѣгъ. Передъ горой — равнина. Направо, за кулисами, — палатки короля; слѣва — равнина отгорожена веревкой; по сю сторону веревки — тѣ изъ собравшихся, кто одѣтъ лучше; по ту сторону—простой народъ. Раннее утро. Гора озарена же она скажетъ, коли ты начнешь лазить за чужими принцес-
блѣднымъ свѣтомъ. Собравшійся народъ ждетъ, стоя; слышны разговоры вполголоса. Стража оттѣсняетъ всѣхъ отъ горы и забора.

СЦЕНА I.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА, (указывая на гору). Какъ блеститъ на солнцѣ, словно ледъ! Смотрѣть нѣтъ силъ!

КАКОЙ-ТО ХОЗЯИНЪ. И какая она скользкая! — Охъ, это, значитъ, туда-то нужно взобраться, чтобы получить дочь короля?

ДРУГОЙ ИЗЪ НАРОДА. Ну, тебѣ-то не придется взбираться; денегъ у тебя много, ты сумѣешь откупиться отъ такой обязанности.

ХОЗЯИНЪ. Вотъ еще! А я какъ разъ думалъ попытаться, чтобы стать зятемъ короля.

ПЕРВЫЙ. Да у тебя, чего добраго, дома уже есть жена? Что сами?
ная гора! А на ея вершинѣ — прекраснѣйшая изъ царевенъ!

КАКОЙ-ТО ЮНОША. Ахъ! какая красивая — эта стеклян-

БѢДНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Эхъ, кабы сошла, наконецъ, принцесса съ высокой своей горы. Она вѣдь само счастье! Ждемъ мы ее, давно уже ждемъ!

НАРОДЪ. Ждемъ, давно ждемъ!

ПЕРВЫЙ. Авось сегодня кто-нибудь сумѣетъ взобраться

туда! Ужъ если нынче никто не взберется, то, говорятъ, никогда не вернется принцесса и счастье.

ВТОРОЙ. Охъ, а какая крутая эта гора и высокая! Кому на нее взобраться? Напрасно мы тутъ ждемъ. Все останется попрежнему.

НАРОДЪ. Нѣтъ, нѣтъ, не останется!

ПЕРВЫЙ (смотритъ на вершину горы). Вершина еле видна. До завтрака, пожалуй, не успѣть взобраться.

ВТОРОЙ. Лучше и не пытаться! Если до завтрака не поспѣешь обратно, другіе все съѣдятъ, а самъ ничего не получишь.

СЦЕНА II.

(Входитъ глашатай со спутниками).

СТРАЖА. Прочь съ дороги, прочь! Прочь — отъ горы! Идетъ глашатай! Съ новыми вѣстями отъ короля!

ГЛАШАТАЙ (трубитъ въ трубу). Нашъ господинъ и повелитель, его величество, всемилостивый король...

НАРОДЪ. Слушайте! Слушайте! Тише!

ПЕРВЫЙ. Послушаемъ, что намъ новаго скажутъ.

ВТОРОЙ. Что же онъ новаго скажетъ. Всѣмъ уже извѣстно: пусть лѣзетъ на гору и ломаетъ себѣ шею тотъ, кто хочетъ жениться на дочери короля!

НАРОДЪ. Тише! Тише!

ГЛАШАТАЙ (трубитъ снова). Нашъ государь и повелитель объявляетъ всѣмъ собравшимся и всѣмъ вѣрноподданнымъ и всѣмъ странамъ и народамъ: да собираются всѣ на свадебный пиръ дочери короля. Сегодня исполнился срокъ, когда принцессѣ надлежитъ встать изъ своего стекляннаго гроба и сойти внизъ со стеклянной горы. Поэтому соберемъ всѣ силы, дабы спасти принцессу себѣ на счастье. Да идутъ всѣ принцы и всѣ вельможи! Да идутъ всѣ, кто только способенъ подняться на стеклянную гору и снести внизъ принцессу. Кто сумѣетъ совершить это, тотъ получитъ руку принцессы, король объявитъ его своимъ зятемъ и потомъ передастъ ему свое царство. А помимо того, всѣхъ собравшихся его величество король всемилостивѣйше угощаетъ своей трапезой. (Уходитъ).

СЦЕНА III.

(Входитъ старикъ со своимъ сыномъ).

ХОЗЯИНЪ (къ стоящему рядомъ). А гдѣ же будетъ этотъ самый пиръ? Въ замкѣ короля, или тутъ?

ПЕРВЫЙ. А не все ли равно гдѣ! была бы ложка съ собою, а тогда ѣшь, гдѣ придется.

СТАРИКЪ (сыну). Вотъ она и есть, эта знаменитая стеклянная гора! Вотъ она какая!

СЫНЪ СТАРИКА. Только и есть, что стекло. Что же тутъ удивительнаго?

ПЕРВЫЙ. Что же, этого мало тебѣ? Изъ алмаза это ли нужно было ее сдѣлать? Чтобъ можно было бы кусочекъ отломать и въ карманъ спрятать?

ВТОРОЙ. Ну тогда быстро разнесли бы всю гору и принцесса давно была бы уже внизу.

ПЕРВЫЙ. Скажи, старикъ, такъ ты съ сыномъ до сихъ поръ ни разу не видалъ стеклянной горы? Вѣрно далеко живете?

СТАРИКЪ. Не такъ чтобы очень далеко, да не видали, сынокъ, хотя слыхать много слыхали про это чудо. Все только несвезти надобно, то скотину покормить, то еще что. Но вотъ нынче, когда принцессу спасать будутъ, да когда тутъ даромъ наѣсться можно, — ужъ мы собрались и пришли.

ПЕРВЫЙ. Правильно сдѣлали, умно.

ВТОРОЙ. Справедливо поступили. Всякій долженъ помогать при спасеніи человѣка и страны, особливо когда при этомъ можно хорошо наѣсться.

УГОЛЬЩИКЪ (у забора). А когда же позволятъ намъ лѣзть на гору?

СТРАЖНИКЪ. Обожди, обожди! Есть тутъ женихи поважнѣе тебя, пусть сначала они попробуютъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ЗРИТЕЛЕЙ. Оставался бы ты лучше въ лѣсу смотрѣть, чтобы деготь у тебя не попортился. Лѣзь-ка лучше въ свою угольную яму, чѣмъ на стеклянную гору.

УГОЛЬЩИКЪ. Э, какъ знать, можетъ быть я то какъ разъ и взлѣзу? Послушайте, господинъ стражникъ, а что отдастъ мнѣ король честно свою дочь, ежели я возьму да взлѣзу на гору?

СТРАЖНИКЪ. Вымойся сначала какъ слѣдуетъ, тогда увидимъ.

ВТОРОЙ ИЗЪ ЗРИТЕЛЕЙ. Самъ-то онъ явился нечестно подъ этакой личиной, а тоже требуетъ, чтобы ему честно жену дали!

УГОЛЬЩИКЪ. А вотъ я таки и взлѣзу! прилипну лапами, въ дегтѣ измазанными, къ стеклу, и взлѣзу! да на самую верхушку! Что взялъ?

ПЕРВЫЙ. Поглядывай, какъ бы тебѣ самому не забрались на верхушку! Чего толкаешься! Чего другимъ сажей платье портишь!

СТРАЖНИКЪ (угольщику, который, согнувшись, пытается пробраться черезъ заборъ). Куда лѣзешь? Вотъ тебѣ! (Даетъ ему по шапкѣ).

ПЕРВЫЙ. Ну, теперь какъ? Попало по верхушкѣ?

ВТОРОЙ (оглядываясь и указывая). Вонъ, тамъ идетъ много блестящихъ господъ. Все, должно быть, принцы, которые подниматься будутъ. Вѣрно, по этой сторонѣ и будутъ взбираться. По краямъ-то скалы почти отвѣсныя. Туда никто и посмотрѣть не пошелъ.

ПЕРВЫЙ. Вотъ, тоже сказалъ! А развѣ на этой сторонѣ въ силахъ человѣческихъ кому-нибудь взобраться? И думать оставь! Тутъ только чудомъ можно что-нибудь сдѣлать.

ХОЗЯИНЪ. Ну, ежели кто очень богатъ, такъ можно придѣлать себѣ эдакіе алмазные когти.

ПЕРВЫЙ. Хоть клювъ алмазный себѣ приставь и то не взберешься.

СТАРИКЪ. Ну, сынокъ, богатому все возможно.

ВТОРОЙ. Богатство только дурака умнымъ сдѣлать не можетъ, да старика молодымъ.

ПЕРВЫЙ. Человѣкъ побольше можетъ, чѣмъ богатство.

СТРАЖНИКЪ. Сторонись! Дорогу! Самъ король идетъ. со всѣмъ своимъ дворомъ.

НАРОДЪ. Да здравствуетъ нашъ король! Да здравствуетъ!

СЦЕНА IV.

(Входитъ король съ министромъ и свитой; среди свиты — Сѣверный и другіе принцы. Звучатъ трубы, музыка и привѣтствія толпы).

КОРОЛЬ (садится и даетъ знакъ рукой).

МИНИСТРЪ. Нашъ всемилостивѣйшій государь и повелитель повелѣваетъ приступить къ состязаніямъ.

(Звучатъ сигнальныя трубы. Принцы и придворные становятся передъ кресломъ короля и кланяются).

КОРОЛЬ. Вы всѣ, прибывшіе сюда принцы и вельможи! и вы всѣ, оказавшіе мнѣ честь и пришедшіе сватать мою дочь! идите и пытайтесь подняться на эту стеклянную гору, на вершинѣ которой дочь моя лежитъ въ стеклянномъ гробу. Я всѣмъ вамъ же-

лаю лучшаго успѣха, тому же, кто сумѣетъ подняться на гору и принесетъ оттуда принцессу, я отдамъ ея руку.

ПРИНЦЫ (кланяются еще разъ и отходятъ).

КОРОЛЬ (Богатому принцу). Тебѣ же, мой милый сынъ, какъ наслѣднику нашего сосѣдняго, дружественнаго и богатаго царства, я даю мое особое благословеніе и особыя привиллегіи, какія подобаютъ твоему высокому положенію.

БОГАТЫЙ ПРИНЦЪ (гордо кланяется).

ДРУГІЕ ПРИНЦЫ (перешептываются между собою).

КОРОЛЬ (принцамъ). А вы, многоуважаемые гости, всѣ пользуетесь одинаковыми правами, каждый по своему положенію. Идите теперь и попытайте свое счастье!

(Всѣ кланяются и подходятъ къ горѣ).

(Слуги готовятъ для принцевъ ступеньки, лѣстницы и т. п. Богатый принцъ отдаетъ приказы своей прислугѣ. Инымъ изъ принцевъ удается подняться на нѣкоторую высоту, но затѣмъ они падаютъ назадъ; послѣ каждаго паденія трубятъ въ трубы. Вдругъ красноватый свѣтъ, на подобіе утренней зари, озаряетъ всю сцену. На лѣвой сторонѣ на скалахъ, въ половинѣ высоты сцены, виденъ поднявшійся на конѣ вооруженный всадникъ; конь и всадникъ мѣднаго цвѣта; у всадника большой щитъ, напоминающій восходящее изъ-за горъ солнце. Въ народѣ большое волненіе, трубятъ въ трубы, раздаются радостные возгласы).

НАРОДЪ (перебивая другъ друга). Смотрите! Смотрите!

ПЕРВЫЙ. Красный, какъ осеннее солнышко, появился онъ на горѣ.

ВТОРОЙ. Красный конь и мѣдный щитъ.

ТРЕТІЙ. А какъ тихо и спокойно ѣдетъ этотъ всадникъ! Конь не споткнется — гляди! — поднимается безъ натуги! Ѣдетъ какъ по ровному лугу!

ПЕРВЫЙ. А кто такой этотъ всадникъ? Лицо-то у него закрыто мѣднымъ шлемомъ. Онъ такъ блеститъ, что предъ глазами все краснымъ дѣлается!

ВТОРОЙ. Смотри! Принцесса, тамъ на вершинѣ, подняла уже одну руку!

ТРЕТІЙ. Что городишь! Развѣ отсюда это разглядишь!

БОГАТЫЙ ПРИНЦЪ (зоветъ). Онъ выѣхалъ раньше срока! Не позволяйте ему ѣхать! Прикажите вернуться. (Направляется къ королю).

КОРОЛЬ. Успокойтесь, мой сынъ. Ему не предоставлено

право выѣхать первымъ. Но онъ, вѣдь, поднялся по самому крутому мѣсту, гдѣ никто даже и не рискнулъ попытаться!

МИНИСТРЪ (стражникамъ). Пусть этотъ всадникъ вернется! Идите, скажите ему это.

(Стражники уходятъ).

КОРОЛЬ (министру). Кто такой этотъ всадникъ?

МИНИСТРЪ. Никто этого не знаетъ, ваше величество! Это — чужой, самозванецъ, который даже не представился вамъ, какъ это подобало бы. Я прикажу его задержать и доставить сюда. (Другимъ стражникамъ). Немедленно поднимитесь наверхъ и приведите его сюда! А вы бѣгите налѣво и не дайте ему ускользнуть:

(Стражники, поднимаясь на гору, падаютъ назадъ).

НАРОДЪ (голоситъ и плачетъ). Спускается внизъ! Спускается внизъ! Увы! Увы!

(Образъ всадника на горѣ меркнетъ и опускается; свѣтъ дѣлается блѣднымъ, какъ въ облачный зимній день).

ПЕРВЫЙ. Заходитъ, какъ солнышко, съ красными заплаканными глазами!

ВТОРОЙ. Просіялъ, какъ алое зарево, и опять погасъ! Тамъ было наше счастіе!

ТРЕТІЙ. Не смогъ онъ привести къ намъ солнышко!

ПЕРВЫЙ. Но, быть можетъ, онъ явится снова!

МИНИСТРЪ (зоветъ). Пусть вернутся стражники! Мой приказъ исполненъ; хочу щадить ваши силы. Непослушный самозванецъ уже самъ спускается внизъ. (Королю). Вотъ, ваше величество, какъ распорядительность и умѣніе всегда приводятъ къ цѣли. Я счастливъ, что могу посвятить свои слабыя силы для вашего благополучія.

КОРОЛЬ. Хорошо, хорошо!

НАРОДЪ. Нѣтъ, не взбирается больше!

ПЕРВЫЙ. Что же, нѣтъ больше солнечнаго всадника? Куда онъ исчезъ? Какъ солнышко появился изъ-за моря и погрузился опять въ воду!

КОРОЛЬ (министру). Пусть угощаютъ народъ!

(Уходитъ съ придворными; остаются лишь стражники и нѣкоторые придворные служащіе, которымъ министръ отдаетъ приказы).

МИНИСТРЪ. Пусть дадутъ народу поѣсть! Но наблюдать, чтобы не было слишкомъ много такихъ, что не постарались одѣться какъ слѣдуетъ.

СТРАЖНИКИ. Слушаемъ!

СЦЕНА V.

(На площади слуги раскладываютъ ковры и на нихъ ставятъ кушанья и напитки, трубятъ въ трубы и приглашаютъ на пиръ. Стражники распоряжаются. Внѣ забора никому ѣсть не даютъ; многіе стараются проникнуть по сю сторону забора; нѣкоторыхъ стражники за взятку пускаютъ).

ПЕРВЫЙ. Подкрѣпимся хорошенько! Кто старался, тотъ заслужилъ и угощеніе.

ВТОРОЙ (по ту сторону забора). Объ чемъ же онъ старался? Старался поближе попасть къ мясному.

ПЕРВЫЙ. Что глупости городишь. Каждый видѣлъ, какъ сильно я сочувствовалъ дѣлу.

ТРЕТІЙ (первому). Чего разговаривать съ тѣмъ, кто за заборомъ? Что такой понимаетъ? Вѣдь недаромъ его не пустили сюда. Закусимъ-ка лучше сами.

СТАРИКЪ (съ сыномъ). Сынокъ, покушай хорошенько, чтобы хватало силушки на гору подняться. Будетъ и мнѣ легче, когда въ домѣ будетъ невѣстка.

ПЕРВЫЙ. Что же ты, старикъ, полагаешь, что принцесса пойдетъ у тебя коровъ доить?

СТАРИКЪ. Ну, по крайней мѣрѣ, своихъ служанокъ пришлетъ, пусть тѣ помогаютъ.

СЦЕНА VI.

(Входитъ Антинъ съ нищимъ и становится съ лѣвой стороны, за заборомъ).

АНТИНЪ (одѣтъ какъ во второмъ дѣйствіи, безъ кафтана и шапки, несмѣло, но въ то же время спѣшно увлекаетъ нищаго съ собою, тихо).

Батя, подойдемъ поближе!
Дай хоть взглядъ единый кинуть.
Виденъ верхъ горы отсюда:
Ѣхалъ я, — былъ за скалой онъ.

(Оба подходятъ къ забору и хотятъ выйти на средину, но сторожъ не пропускаетъ ихъ).

СТРАЖНИКЪ. Эй, старикъ! Куда лѣзешь, оборванецъ? Назадъ вмѣстѣ съ сыномъ. Тутъ не мѣсто нищенствовать.

НИЩІЙ. Мы пришли не нищенствовать. Мы пришли посмотрѣть на свадебный пиръ принцессы.

СТРАЖНИКЪ. Такъ нечего сюда заходить. Смотрѣть можете и съ той стороны забора.

АНТИНЪ (стражнику). Позволь мнѣ хоть на мигъ посмотрѣть на вершину горы! Отсюда не такъ видно, какъ оттуда (указываетъ на площадь).

СТРАЖНИКЪ. Чего тамъ смотрѣть? Вершина — какъ всѣ вершины! Оставайся тамъ!

НИЩІЙ (стражнику). Сынъ мой, король велѣлъ всѣхъ пригласить на свадебный пиръ, богатыхъ и бѣдныхъ, и всѣхъ велѣлъ накормить отъ своего стола. Но ты, сынъ, не хочешь насъ даже пропустить посмотрѣть.

СТРАЖНИКЪ. Какой я тебѣ сынъ? Что ты меня со своимъ оборванцемъ равняешь! Знаемъ мы, какъ вы тутъ смотрѣть будете! Пустишь васъ, голодныхъ, сейчасъ первые на кушанья наброситесь!

НИЩІЙ. Король пригласилъ всѣхъ на пиръ и состязаніе. Мнѣ бы и куска хлѣба довольно, а сынъ мой принялъ бы участіе въ состязаніи.

СТРАЖНИКЪ. Вишь, какіе участники нашлись. Участвовать въ пиру и въ состязаніи могутъ лишь порядочные люди. А вы какъ пришли? Въ такихъ лохмотьяхъ, что всѣмъ гостямъ королевскимъ стыдно станетъ. Даже въ такой праздничный день не постарались одѣться, какъ слѣдуетъ. Твой сынъ такъ вотъ въ одной рубахѣ, даже и безъ шапки!

НИЩІЙ. Получше нѣтъ одежды; откуда намъ ее взять?

СТРАЖНИКЪ. Мнѣ, что ли, вамъ ее давать? Одолжите у того, у кого есть.

ОДИНЪ ИЗЪ ЗРИТЕЛЕЙ ЗА ЗАБОРОМЪ. Парень этотъ навѣрно былъ на состязаніи въ другомъ мѣстѣ, тамъ должно быть и сорвали съ него кафтанъ и шапку.

ВТОРОЙ. Можетъ быть подрался въ корчмѣ, а теперь пришелъ сюда къ королю опохмѣлиться.

НИЩІЙ. Почему вы, дѣтки, сами нищіе, сами оставленные за заборомъ, смѣетесь надъ нашей нищетой?

ПЕРВЫЙ. Мы и не лѣземъ въ середину; не пускаютъ, такъ не пускаютъ, а онъ, вишь, хочетъ итти состязаться! Это дозволено лишь порядочнымъ людямъ.

ОДИНЪ ИЗЪ УЧАСТНИКОВЪ ПИРА ВНУТРИ ЗАБОРА. Посмотрите только, какихъ тутъ не набралось? И всѣ хотятъ стать женихами дочери всемилостивѣйшаго нашего государя и короля! Такъ-то они не достойны ему и сапоги почистить, а теперь вотъ всѣ норовятъ зятьями его стать!

НИЩІЙ (за заборомъ, указывая на Антина). А, можетъ быть, какъ разъ онъ-то и поднимется на вершину?

(Всѣ смѣются.)

ПЕРВЫЙ (внѣ забора). Шапку и кафтанъ онъ уже скинулъ, чтобы сейчасъ надѣть корону, да королевскую мантію. (Смѣется).

СТРАЖНИКЪ (тихо нищему). Если есть у тебя копѣйка, пропущу тебя, а того не могу. (Указываетъ на Антина).

НИЩІЙ. Нѣтъ у меня копѣйки; если бы даже и была, и то не далъ бы. За святое дѣло денегъ не даютъ.

АНТИНЪ (отводитъ Нищаго въ сторону, тихо).
Что жъ, отецъ, уйдемъ, уйдемъ мы!
Верха мнѣ горы не видѣть!

НИЩІЙ (тоже тихо).
Да! Пора вторично ѣхать.
Кличь коня серебрянаго!

АНТИНЪ. Я вторично не поѣду.
Тщетно ты меня надежилъ!
Надо мной вѣдь всѣ смѣются.

НИЩІЙ. Гибель — толки слушать! гибель —
И отъ цѣли отрекаться!
Но дрожишь не потому ли
Ты, что цѣли недостоинъ?

АНТИНЪ. Мчало сердце вверхъ, какъ вѣтеръ,
Словно вихрь меня взносило.
Объ одномъ въ пути я думалъ:
Лишь о ласковой улыбкѣ!

НИЩІЙ. Для тебя ли та улыбка?
Гибель — думать о наградѣ!
Думай лишь о долѣ славной!
Ну, сѣдлай коня второго.
Лишь два раза остается.
Пусть твое не дремлетъ сердце,
Лишь оно тебя возвыситъ.

АНТИНЪ (тяжко вздыхаетъ). Не могу я, отецъ, пожалѣй меня!

БѢДНЯКЪ (подходитъ къ нищему). Сыну твоему, кажется, очень хотѣлось бы видѣть состязаніе? Безъ денегъ тутъ не пускаютъ. Развѣ вы не видали, какъ только что огненный всадникъ доскакалъ до средины горы?

ОДИНЪ ИЗЪ ЗРИТЕЛЕЙ (внѣ забора Нищему). Какъ? Вы этого не видали? Охъ, ужъ такъ это было красиво! Все небо горѣло алымъ заревомъ и у всѣхъ лица радостно улыбались.

ВТОРОЙ. Это былъ сынъ солнца. Хотѣлъ привести къ намъ счастіе. Но зашло опять солнышко.

ТРЕТІЙ. Не горюйте, милые. Вернется онъ и снова приведетъ къ намъ солнышко. Не оставитъ насъ въ вѣчномъ мракѣ, принесетъ къ намъ принцессу счастія!

АНТИНЪ (тихо Нищему).

Что жъ! Попробую вторично!

НИЩІЙ (такъ же).

Рѣчи зыбки, словно вѣтеръ.
Вѣрь огню, сынокъ, не вѣтрамъ!

(Оба тихо направляются сквозь толпу къ выходу).

СЦЕНА VII.

Братья Антина, БЕРНЪ и ЛИПСТЪ, входятъ, разряженные, опоясанные шарфами яркаго цвѣта и съ большими перьями на шапкахъ.

БЕРНЪ (стражнику). Пусти насъ на пиръ, мы пришли какъ разъ во-время.

ПЕРВЫЙ (изъ народа). На пиръ-то во время, а на состязаніе опоздали. Оставайтесь-ка теперь за заборомъ.

СТРАЖНИКЪ. Куда лѣзете? Не для васъ столъ накрывали. Кто вы такіе?

БЕРНЪ. Мы дѣти честнаго отца, мы...

СТРАЖНИКЪ. Этого только недоставало, чтобы вы были дѣтьми безчестнаго отца. А гдѣ же онъ, этотъ вашъ отецъ?

БЕРНЪ. Въ гробу, только что въ гробъ положили.

СТРАЖНИКИ. Вотъ такъ честные сыновья! Отца — въ гробъ, а сами — на пиръ.

АНТИНЪ (отошедшій съ нищимъ къ выходу, тихо). Батя, батя! это вѣдь мои братья? Какъ бы они не начали ругать меня.

НИЩІЙ (тихо). Давай, уйдемъ сейчасъ.

ПЕРВЫЙ (изъ народа). Глянь-ка, какъ эти разрядились! Прямо пѣтухи какіе-то.

ВТОРОЙ. А на головахъ у нихъ по цѣлой овечьей шкурѣ!

ТРЕТІЙ. Брюхо опоясали, чтобы можно было побольше даромъ нажраться!

БЕРНЪ. Всѣ ѣдятъ, такъ почему же и намъ не закусить?

ЛИПСТЪ. Пропусти насъ скорѣе, господинъ стражникъ. Не охота намъ тутъ долго стоять, съ простымъ народомъ.

СТРАЖНИКЪ. Докажите, что вы бѣлой кости. А деньги у васъ есть, коли вы наслѣдники?

БЕРНЪ. Вотъ онѣ! (Долго вынимаетъ.).

СТРАЖНИКЪ. Это фальшивыя. (Суетъ въ карманъ).

БЕРНЪ. Что-о-о?

СТРАЖНИКЪ. Давай другія, или я тебя задержу.

БЕРНЪ. На вотъ еще, и будетъ.

СТРАЖНИКЪ. Заходи, ты, какъ я вижу, человѣкъ честный. А ты кто такой? (Обращаясь ко второму брату, который хотѣлъ проскользнуть по сю сторону забора). Подожди, братъ!

ЛИПСТЪ. Онъ за двоихъ далъ.

БЕРНЪ. Тогда отдай мнѣ половину того, что я далъ.

ЛИПСТЪ (отталкиваетъ его). Что ты еще выдумалъ? (Начинаютъ толкаться).

СТРАЖНИКЪ. Что! Вы тутъ драться хотите у стола самого короля? Сейчасъ платите оба пени!

ОБА БРАТА. Охъ, милый, добрый баринъ, отпустите насъ! Отпустите! Это у насъ такъ только такой дружескій разговоръ вышелъ.

АНТИНЪ (вмѣшиваясь). Отпустите ихъ, любезный, отпустите. Имъ такъ жалко разставаться съ денежками.

СТРАЖНИКЪ. А ты чего вмѣшиваешься, оборванецъ!

БЕРНЪ. Слышишь? Кто это тамъ? Ба, да это вѣдь нашъ Антинъ.

ЛИПСТЪ. Ты, негодяй, чего тоже сюда прилѣзъ?

БЕРНЪ. Боже мой, да онъ безъ шапки и въ одной рубахѣ!

ЛИПСТЪ. И тотъ нищій тоже тутъ! И на немъ отцовскій кафтанъ, гляди-ка, гляди!

БЕРНЪ (стражнику). Господинъ добрый, вотъ у того нищаго кафтанъ нашего отца. Ловите его!

ЛИПСТЪ. А этотъ мальчишка у насъ съ работы сбѣжалъ. Доставьте его къ намъ обратно.

БЕРНЪ (Антину). Ахъ ты такой-сякой — жаль, что тутъ люди добрые, а то бы я тебѣ сказалъ, кто ты такой!

АНТИНЪ (Нищему). Бѣжимъ скорѣе! (Народъ разступается, даетъ дорогу).

ЛИПСТЪ. Ловите! Ловите! (Народъ не пропускаетъ).

СЦЕНА VIII.

ПЕРВЫЙ (изъ народа). Вотъ такъ братья! Сами въ шубахъ и пятью поясами опоясаны, а мальчишку зимою выпустили въ одной рубахѣ и босикомъ.

БЕРНЪ. Чего зря болтаете, милые, вы вѣдь не знаете, что

это за чортовъ сынъ? Обкрадываетъ весь домъ и все тащитъ вотъ этому нищему.

ВТОРОЙ (изъ-за стола). Развѣ это не его отецъ?

ЛИПСТЪ. Какой тамъ отецъ? Просто нищій и колдунъ. Онъ своимъ колдовствомъ подбиваетъ мальчишку идти на состязаніе и сулитъ ему, что получитъ принцессу.

БЕРНЪ. А гдѣ ему ее получить? Сами видите, каковъ онъ!

ВТОРОЙ (изъ народа). Вы, вѣрно, тоже на состязаніе пришли? что такъ разодѣлись?

БЕРНЪ. Какъ же! Мы люди съ достаткомъ.

ТРЕТІЙ (внѣ забора). Оно и видно. Все свое имущество на себя напялили.

БЕРНЪ. Я сейчасъ пойду попытать счастье.

ЛИПСТЪ. Ну и ступай! А я хочу сперва подкрѣпиться. До верхушки дорога-то длинная. (Когда старшій начинаетъ взбираться на гору, Липста вдругъ беретъ опасеніе). Какъ? Ты одинъ хочешь получить принцессу? Пополамъ, пополамъ.

БЕРНЪ. Что за пополамъ! Пусти меня!

ПЕРВЫЙ (изъ народа). Теперь уже ссоритесь! А какъ же вы будете потомъ жить, если на одной поженитесь?

БЕРНЪ. Мы вѣдь это такъ только.

ЛИПСТЪ. Мы вѣдь только деньги пополамъ.

СТРАЖНИКЪ. Убирайтесь вы вонъ! Теперь не дозволено состязаться, подождите пока затрубятъ трубы.

ЛИПСТЪ. Вотъ, я правильно сказалъ, что сперва надо закусить.

СЦЕНА IX.

(Внѣ забора раздается шумъ. Серебряный всадникъ поднимается на гору. По сценѣ разливается серебряный свѣтъ).

НАРОДЪ (внѣ забора). Небеса мои! Глядите, глядите!

ДРУГІЕ. Солнышко ведутъ! Солнышко ведутъ!

ПЕРВЫЙ. Я вѣдь говорилъ, не унывайте: придетъ!

ПЕРВЫЙ (изъ народа внутри забора). Чего они кричатъ! Голодныя крысы! Хотятъ только выманить насъ изъ-за стола, чтобы имъ все осталось!

ВТОРОЙ. Еще вѣдь ни разу не трубили.

ТРЕТІЙ. Нѣтъ, постойте, тамъ въ самомъ дѣлѣ опять всадникъ!

ПЕРВЫЙ (внѣ забора). Вотъ такъ красота! Бѣлѣе луны!

ВТОРОЙ. Серебро блеститъ, какъ бѣлое солнышко зимою.

ТРЕТІЙ. Это другой всадникъ, но еще торжественнѣй! Да и конь у него больше. Этотъ, навѣрное, взберется на вершину.

ПЕРВЫЙ (внутри забора). И правда! и правда! Кто бы это могъ подумать. Но вѣдь ни разу еще не трубили!

ВТОРОЙ. (Глашатаямъ, которые выбѣгаютъ). Трубите скорѣе, чего спали!

ГЛАШАТАЙ. Тебѣ какое дѣло? Не приказано, вотъ и не трубили. Мы тутъ ничего не знаемъ.

ТРЕТІЙ. Развѣ сами не видите, что всадникъ уже на полпути къ вершинѣ?

ГЛАШАТАЙ. А ты самъ чего ѣлъ да молчалъ?

СЦЕНА X.

(Выбѣгаетъ весь Дворъ вмѣстѣ съ Королемъ).

ВСѢ. Смотрите, смотрите!

МИНИСТРЪ. Почему во время не трубили?

КОРОЛЬ. Видите? Видите? Что вы на это скажете?

ПРИНЦЪ. Я скажу, что онъ скоро вернется, не достигнувъ вершины.

(Шумъ въ толпѣ).

НАРОДЪ (внѣ забора). Увы! Увы! Увы!

ПЕРВЫЙ. Вотъ и серебряный всадникъ не достигъ вершины.

ВТОРОЙ. Что теперь будетъ? Что теперь будетъ?

(Трубы).

ТРЕТІЙ. Чего они трубятъ, когда уже заходитъ наше серебряное солнышко!

НАРОДЪ. Увы! Увы! Увы!

КОРОЛЬ. Пусть сейчасъ возобновятся состязанія. Мы скоро опять вернемся сюда. Пропустить сюда весь народъ. (Отходитъ съ принцемъ въ сторону; тихо принцу). Мы распорядимся, чтобы приставили къ горѣ лѣстниицу, настолько выше другихъ, на сколько вы сами стоите выше всѣхъ остальныхъ.

ПРИНЦЪ. Но если и это не поможетъ?

КОРОЛЬ. Ну, и тогда мы ничего не потеряли. Значитъ, никому другому уже не взойти тоже, развѣ только этому незнакомцу; но вѣдь онъ не выполнилъ предписаній.

ПРИНЦЪ. Однако, если и это не поможетъ?

КОРОЛЬ. Пусть только онъ принесетъ намъ принцессу, а дальше мы посмотримъ.

(Уходятъ вмѣстѣ съ придворными).

СЦЕНА XI.

ГЛАШАТАЙ. Состязаніе возобновляется. Пусть выходить каждый, кто только способенъ принять въ немъ участіе, богатый и бѣдный, знатный и простой! Уберите прочь загородку! пустите всѣхъ въ середину.

ПЕРВЫЙ (внѣ забора). Чего ужъ мы туда пойдемъ со своими слабыми силами, когда даже самъ серебряный рыцарь не смогъ подняться на вершину!

ВТОРОЙ. Больше никто не сможетъ.

БЕРНЪ. Не безпокойтесь, милые, мы-то попытаемся!

ЛИПСТЪ. Захвати только съ собою хлѣба на дорогу, чтобы было чѣмъ подкрѣпиться. (Оба уходятъ).

(Загородку убираютъ).

НАРОДЪ. (Подходитъ ближе къ горѣ и разсматриваетъ тѣхъ, которые собираются на нее подниматься. Идутъ слуги съ подушками и одѣялами и раскладываютъ ихъ у подошвы горы. Другіе устанавливаютъ лѣстницы со скамеечками, приносятъ особенно длинную лѣстницу, приставляютъ ее къ горѣ и всячески укрѣпляютъ).

НАРОДЪ (смотритъ на всѣ приготовленія и тихо перешептывается. Когда на сценѣ что-либо происходитъ или возникаетъ болѣе значительный разговоръ, этотъ шопотъ стихаетъ).

Слѣва входятъ Нищій и Антинъ.

СЦЕНА XII.

НИЩІЙ (задерживая Антина).

Не ходи, уйди, прошу я.

АНТИНЪ.

Дай мнѣ видѣть! дай мнѣ видѣть!
Больше нѣтъ забора. Скалы
Мнѣ вершину закрывали.
Видъ опять зажжетъ мнѣ сердце!

(Вырывается изъ рукъ Нищаго, выбѣгаетъ на середину сцены, смотритъ вверхъ).

Какъ далеко до вершины!
Смотришь—голова кружится!
Грудь сгоритъ, а не достигнешь! (Падаетъ безъ чувствъ).

НИЩІЙ.

Не ходи, уйди, прошу я!

(Народъ окружаетъ обоихъ; чувствуется состраданіе).

ПЕРВЫЙ.

Отецъ, что это случилось съ парнемъ?

НИЩІЙ.

Голова у него закружилась при видѣ блестящей вершины стеклянной горы.

ВТОРОЙ.

Пойдемте, подымемъ парня. (Подымаютъ Антина).

ТРЕТІЙ. Дайте ему глоточекъ вина.

НИЩІЙ. Спасибо, милые, спасибо за вашу помощь; но онъ не переноситъ вина. Вотъ и оправился уже. (Отводитъ Антина въ сторону, оба тихо разговариваютъ).

АНТИНЪ.

Батя! Ослабѣли силы:
Третій день ужъ, какъ не ѣлъ я.

НИЩІЙ.

Здѣсь вотъ сѣмячки: по снѣгу
Разсыпали ихъ для птичекъ.
Съѣшь одно и подкрѣпишься.

АНТИНЪ.

Батя, хлѣба, тѣло слабо!

НИЩІЙ.

Съѣшь одно! Не надо болѣ.
И одно возставитъ силы.
Тяжесть хлѣба внизъ потянетъ,
Не допуститъ до вершины.

(Кладетъ въ ротъ Антину сѣмячко).

АНТИНЪ.

Грудь сгоритъ, а не достигну!

НИЩІЙ.

Ты, быть можетъ, цѣль отвергнулъ,
Оттого и не достигъ ты . . .

АНТИНЪ.

Вверхъ меня сердечный пламень
Поднималъ, — стремилъ, свиваясь!
Объ одномъ въ пути я думалъ:
О фіалочкѣ я думалъ.

НИЩІЙ.

Но не для тебя фіалка!
Красота отъ цѣли клонитъ.
О высокой дали думай!

АНТИНЪ.

Въ пустоту смотрѣть такъ трудно!
Дай мнѣ цѣль, отецъ, прямую.
Крупныхъ слезъ глаза принцессы
Полны тамъ, въ стеклянномъ гробѣ...
Красота тамъ вмѣстѣ съ сердцемъ!

НИЩІЙ.

Торопись къ коню златому!

(Оба поспѣшно уходятъ).

СЦЕНА XIII.

НАРОДЪ. Вотъ, вотъ, идетъ самъ толстый баринъ!

БАРИНЪ (пышно одѣтый, подходитъ со спутниками къ горѣ, около которой его слуги уже разостлали ковры). Положите ковры сюда! (Слуги исполняютъ приказаніе.) Положите тутъ подушки! Теперь поднимите меня вверхъ! Держите крѣпко! Пустите, теперь я самъ поднимусь. (Падаетъ внизъ.) Маршъ, назадъ! Соберите всѣ ковры и подушки! (Уходитъ со всѣми слугами; люди смѣются и кричатъ «ура!»).

ОДИНЪ ИЗЪ ЗРИТЕЛЕЙ. Вотъ тебѣ и на! Пришелъ со всей свадебной постелью, а теперь ѣдетъ домой!

ВТОРОЙ. А вотъ и нашъ угольщикъ! Своими измазанными руками старается прилипнуть къ стеклу. Идетъ дѣло! ((Угольщикъ нѣсколько поднимается, но другіе стаскиваютъ его внизъ). Вотъ тебѣ разъ, свои же стаскиваютъ. (Народъ опять кричитъ «ура!» и смѣется).

ПЬЯНИЦА (подходитъ къ горѣ, присматривается). Подождите, вотъ будетъ дѣло, какъ я начну. Надо только подкрѣпиться. (Вы-

пиваетъ изъ бутылки). Ну, вотъ теперь. Дайте дорогу! (Хочетъ разбѣжаться, поднимаетъ руки вверхъ, но шатается).

ПЕРВЫЙ (пьяницѣ). Ноги у тебя слабыя, шатаются. Подкрѣпись еще немного!

ПЬЯНИЦА. Хорошо сказано. Надо подкрѣпиться. (Выпиваетъ.) Ура! (Опять шатается, его поддерживаютъ.) Эхъ, пусть останется на завтра, пусть принцессса поститъ еще денекъ. (Уходитъ, люди смѣются).

МАЛЬЧИКИ И МОЛОДЫЕ ПАРНИ (со смѣхомъ подходятъ къ горѣ; нѣкоторые имѣютъ съ собою саночки.) Ребята, давайте, будемъ взбираться! Держись! Айда! Катись, на санкахъ! (Поднимаются, нѣкоторые падаютъ, другіе катятся на санкахъ).

СОСКОЛЬЗНУВШІЕ. Будемъ опять подниматься! Айда! (Поднимаются и вновь падаютъ. Народъ сопровождаетъ ихъ паденіе возгласами.)

ПЕРВЫЙ. Имъ что за дѣло! Падаютъ и вновь поднимаются! Имъ все смѣшно. Теперь-то они могутъ надо всѣмъ смѣяться, но что будетъ, когда они подрастутъ?

СЦЕНА XIV.

(Входятъ Бернъ и Липстъ).

ВТОРОЙ. Глядите, вотъ идутъ два злобныхъ брата. (Къ горѣ подходятъ оба брата и спорятъ между собою).

БЕРНЪ (съ мѣшкомъ черезъ плечо). Пусти меня раньше, я старше!

ЛИПСТЪ. Иди, иди! Ты полѣзай тамъ, а я тутъ. (Оба поднимаются).

БЕРНЪ (поднявшись довольно высоко). Липстъ, мѣшокъ тянетъ меня обратно.

ЛИПСТЪ. Брось мѣшокъ внизъ!

БЕРНЪ. Съ ума ты сошелъ? Чтобы другіе забрали мои денежки! Возьми ты мѣшокъ, но потомъ честно отдай мнѣ его обратно!

Ой, ой! (Падаетъ; народъ кричитъ «ура!» и смѣется).

ПЕРВЫЙ. Брось, брось намъ денежки? Ха-ха-ха! (Второму.) Этотъ уже не броситъ. Но кто хочетъ достигнуть до вершины, долженъ отказаться отъ всякихъ земныхъ благъ!

БЕРНЪ. Скорѣе, Липстъ, скорѣе! Возьми, а не то, я упаду! Ой, ой! (Падаетъ; народъ кричитъ «ура!» и смѣется).

ЛИПСТЪ (вися на горѣ). Ну, вотъ видишь, не хотѣлъ сбросить! А тебя самого мѣшокъ стащилъ внизъ!

БЕРНЪ. Ахъ ты, чортъ этакій! Зачѣмъ ты не взялъ! — Вишь какую хитрость придумалъ и держится. А мнѣ, своему родному брату, ничего не сказалъ. Постой, я тебѣ!

ЛИПСТЪ. Ха, ха, ха! Видишь ли теперь, что я умнѣе всѣхъ? У меня острые когти, я ихъ у лисицы отрѣзалъ!

БЕРНЪ. Проклятый обманщикъ! Ты младшій, это — я имѣю право на принцессу!

ЛИПСТЪ. Ха, ха, ха! Отсюда съ высоты я смѣюсь надъ твоими правами.

БЕРНЪ. Чортъ бы тебя побралъ! Громъ и молнія на твою мошенническую голову! Пусть глаза твои ослѣпнутъ отъ блеска горы! Свались ты съ самой вершины и разбейся на тысячу кусковъ! (Народъ смѣется).

ПЕРВЫЙ. Вотъ нѣжная братская любовь!

ЛИПСТЪ. Ха, ха, ха! Лопни ты самъ на ровномъ мѣстѣ отъ зависти! Ты лишь навозъ по сравненію со мною! Ха! ха! ха!

(Вдругъ передъ Липстомъ появляется Черная мать и ногой наступаетъ на его руку; Липстъ сильно вскрикиваетъ отъ испуга и падаетъ внизъ. Народъ кругомъ взволнованно кричитъ и размахиваетъ руками; одновременно раздается второй крикъ Берна и возгласы среди народа: «Ой! ой!»).

ПЕРВЫЙ (спѣшитъ ближе къ толпѣ около Липста и обращается къ тѣмъ, которые стоятъ впереди). Вотъ оба пропали! Навалился прямо на брата! И брата убилъ и самъ убился!

ВТОРОЙ. О! О! Они пожелали другъ другу смерти и пожеланія обоихъ исполнились!

ПЕРВЫЙ. Но кто же теперь посмѣетъ подниматься послѣ того, какъ ихъ постигла такая злая участь?

ВТОРОЙ (указывая въ правую сторону, откуда слышенъ сильный людской говоръ). Что тамъ такое? Чего тамъ сбѣжались? А, тамъ поставили большую лѣстницу! Это для принца. Другимъ этого не позволяютъ. Но все-таки хватитъ ли у него храбрости чтобы подниматься. Вѣдь опасно и съ лѣстницей.

ПЕРВЫЙ. Король избралъ его себѣ въ зятья и другому своей дочери не отдастъ, будь это хоть самъ сынъ солнца. Да и не посмѣетъ: побоится, какъ бы принцъ не пришелъ со своимъ войскомъ и не разгромилъ всего царства.

ВТОРОЙ. Въ такомъ случаѣ этотъ принцъ и получитъ нашу принцессу. Но для насъ тогда настанутъ тяжелыя времена. Принцъ свирѣпъ, какъ самъ чортъ. Это всѣ его люди твердятъ. Что-то будетъ? Что-то будетъ?

СЦЕНА XV.

(Входитъ принцъ со своими спутниками. Принцъ подходитъ къ лѣстницѣ. Народъ кричитъ «глядите! глядите!» — Тѣмъ временемъ на скалахъ появляется золотой всадникъ, на золотомъ конѣ и съ золотымъ щитомъ).

НАРОДЪ. Видите?! Тамъ! Тамъ!

ПЕРВЫЙ. Золотой конь! Золотой конь! Золотой щитъ!

ПРИНЦЪ (въ гнѣвѣ кричитъ, но его заглушаютъ восторженные крики народа). Остановись, всадникъ, остановись! Принцесса принадлежиитъ мнѣ!

ПЕРВЫЙ. Сынъ солнца беретъ принцессу! Ведетъ къ намъ солнышко! Конецъ теперь всѣмъ печалямъ. Радуйтесь, ликуйте! воспряньте!

НАРОДЪ (ликуя). Сынъ солнца вернулъ намъ солнышко! Поднялся! Поднялся! Воскресеніе! Воскресеніе!

(Занавѣсъ).

ЧЕТВЕРТОЕ ДѢИСТВІЕ.

Вершина стеклянной горы, покрытая снѣгомъ; деревья въ инеѣ; зеленоватыя и синеватыя ледяныя скалы. По серединѣ — стеклянный гробъ съ принцессой. Кругомъ семь вороновъ сидятъ въ дремотѣ, свѣсивъ головы. По всей вершинѣ синеватый дневной свѣтъ. Мимо проходитъ Мать Снѣговъ со своими снѣжными дѣтьми и Мать Вѣтровъ съ духами вѣтровъ, которые трубятъ въ берестовыя трубы. Вмѣстѣ съ ними идетъ Бѣлый Отецъ въ видѣ Дѣдушки-Мороза; это маленькій старичекъ въ бѣломъ одѣяніи, съ серебрянымъ топорикомъ въ рукахъ; на головѣ у Мороза бѣлая горностаевая шапка.

Часы бьютъ одиннадцать. Морозъ ударомъ по дереву или скалѣ прибавляетъ двѣнадцатый ударъ и тихо смѣется. Другіе тоже тихо смѣются и проходятъ мимо, завывая.

Спящіе вороны приподымаютъ головы, вмѣстѣ съ ударами часовъ, вытягиваютъ шеи и расправляютъ крылья, какъ-будто проснувшись послѣ долгой спячки; говорятъ сквозь сонъ.

СЦЕНА I.

(Семь братьевъ-вороновъ).

ПЕРВЫЙ. Было такъ и будетъ такъ — кра!

ВТОРОЙ. Спитъ она и будетъ спать, — кра!

ТРЕТІЙ. Дни за днями, годъ за годомъ, — кра!

ЧЕТВЕРТЫЙ. Вотъ семь лѣтъ, а кто разбудитъ? — кра!

ПЯТЫЙ. Минетъ семь и семьдесятъ, — кра!

ШЕСТОЙ. Тщетно имъ надѣяться, — кра!

СЕДЬМОЙ (быстрѣе). Стужа, холодъ, тьма, конецъ — кра!

ВСѢ (каркая, тихо смѣются).

ПЕРВЫЙ. Кра, братецъ! Мнѣ кажется — часы пробили, часы судьбы — кра! — Языкъ хочетъ говорить — кра! — Семь лѣтъ молчалъ онъ — кра! Трудно слово произнести — кра!

ВТОРОЙ. Кра, братецъ! Чего намъ тутъ говорить — кра? Я все знаю, что можно выразить словами. Ты, старшій братъ, семисотлѣтній, знаешь даже все, чего не выразить и словами — кра! Мы семь братьевъ знаемъ всѣ семь мудростей. Что же могли бы мы сказать другъ другу? — кра!

ТРЕТІЙ. Кра, братецъ! Мы молчали семь лѣтъ — кра! и будемъ опять молчать семьдесятъ семь лѣтъ — кра! Чтобы подумать о томъ, что было и чего не можетъ быть, — кра! Чтобы мы за время сна сдѣлались умнѣе всѣхъ, кра!

ЧЕТВЕРТЫЙ. Кра, братцы: Мы были приставлены стеречь принцессу, которую взяла въ плѣнъ наша Черная мать,—кра! Мы должны были молчать, чтобы нечаянно не произнести имя принцессы; и, вѣдь, только силою ея имени можно открыть ледяной гробъ!

ПЯТЫЙ. Кра, братцы! Теперь можно смѣло говорить; мы кругомъ все обыскали; тутъ нѣтъ ни одной живой души.

ШЕСТОЙ. Кра, братцы! А смотрѣли вы въ ея гробу?

ВСѢ. Да! Смотрѣли и тамъ.

СЕДЬМОЙ. Кра, братцы! А искали ли вы на ея губахъ? Кра!

ВСѢ. Да, да! Искали!

ПЯТЫЙ. Кра, ея губы блѣдны и сомкнуты!

ВТОРОЙ. Кра, а искали ли вы въ ея глазахъ? — Кра!

ВСѢ. Да! Искали!

ПЯТЫЙ. Кра! Глаза ея безъ блеска, какъ стеклянные, они покрыты слезами!

ПЕРВЫЙ. Кра, братцы! А искали ли вы въ ея сердцѣ?—Кра!

ВСѢ. Да, да! Искали, — кра!

ПЯТЫЙ. Кра! Ея сердце тихо, какъ нашъ сонъ, не бьется. На немъ лежитъ окоченѣвшая фіалка!

СЕДЬМОЙ. Кра! А не осталось ли проблеска жизни подъ крылышками ея души?—Кра!

ВСѢ (взволнованно, сердясь). Кра! Кра! Кра!

ПЯТЫЙ. Кра! Сама Черная мать искала тамъ, когда взяла принцессу подъ свою защиту, кра! кра! кра!

ПЕРВЫЙ. Кра! Уже не хочешь ли ты, столѣтній, самый младшій изъ насъ, быть умнѣй предвѣчной Черной матери?—Кра!

СЕДЬМОЙ. Я больше ничего не говорю. Дѣлайте, какъ знаете, кра!

ПЕРВЫЙ. Кра! Такъ что же? Значитъ, никто ничего опаснаго въ ней не замѣтилъ? Кра!

ВТОРОЙ. Мнѣ показалось, что принцесса тосковала и во снѣ мечтала объ чьихъ-то алыхъ, теплыхъ устахъ! кра!

ВСѢ (смѣются). Кра! Кра! Кра!

ТРЕТІЙ. Мнѣ показалось, что внизу зажглось чуть замѣтное зарево, поднялось и погасло, — кра!

ВСѢ (смѣются). Кра! Кра! Кра!

ПЯТЫЙ. Мнѣ показалось, что стеклянная гора вдругъ дрогнула подъ мѣдными подковами коня, но вскорѣ снова все притихло,—кра!

ВСѢ (смѣются). Кра! Кра! Кра!

ШЕСТОЙ. Мнѣ показалось, что тамъ внизу карабкались на гору женихи! Кра! Ха! Ха!

ВСѢ (смѣются еще сильнѣе). Ха, ха, ха! — Кра! Карабкались! Карабкались! — Ха, ха, ха!

(Голосъ жаворонка тихо раздается и потомъ смолкаетъ.)

ПЯТЫЙ БРАТЪ. Кра, кра, братцы! Мнѣ показалось, что гдѣ-то близко пропѣлъ жаворонокъ, кра!

ВСѢ (взволнованно). Кра! Кра! Кра!

(Взлетаютъ, но скоро опять опускаются).

ШЕСТОЙ. Кра! Затихъ. Не бойтесь, то былъ лишь отзвукъ былыхъ воспоминаній, изъ семилѣтней дали! — Кра!

СЕДЬМОЙ. Чу! Какъ будто снова дрогнула гора подъ ударами серебряныхъ подковъ. И крышка гроба лопнула! Кра!

ПЯТЫЙ. Кра! Давайте-ка посмотримъ, гдѣ лопнула она! Кра!

(Всѣ поднимаются и летаютъ вокругъ гроба.)

ПЯТЫЙ. Вотъ трещина. — Кра!

ШЕСТОЙ. Тутъ щелочка,—кра!

ТРЕТІЙ. Тонкая, какъ серебряный волосокъ,—кра!

ПЕРВЫЙ. Кра! какъ ни тонка, а все жъ и сквозь нее душа принцессы можетъ ускользнуть. Кра! Посмотрите, закрыты ли уста принцессы? Ахъ! Мой правый глазъ вдругъ потемнѣлъ, — кра!

ПЯТЫЙ. Ея губы блѣдны и крѣпко сжаты,—кра!

ШЕСТОЙ. Но одинъ уголокъ открытъ! Чуть-чуть! На острiе булавки,—кра!

ПЕРВЫЙ. Хотя бы и меньше! Но вѣдь и такъ душа принцессы можетъ ускользнуть, кра! Скорѣй закройте трещину!

ВСѢ. Кра! Кра! (Становятся у изголовья гроба и дуютъ на ледъ).

ПЕРВЫЙ. Кра! Но кто жъ сломалъ вдругъ крышку?

ШЕСТОЙ. То была золотая подкова коня; отъ нея и гора содрогнулась! Кра!

ПЯТЫЙ. Нѣтъ, это — старый Морозъ вздумалъ попробовать, крѣпко ли держится наша гора, да видно слишкомъ сильно ударилъ! — Кра!

СЕДЬМОЙ. А тутъ ли душа-то? Не ушла ли изъ гроба? Кра!

ТРЕТIЙ. Ужъ не она ли пропѣла тутъ жаворонкомъ? Кра!

ПЕРВЫЙ. Кра!Голосъ жаворонка слишкомъ грубъ для бабочки ея души, — кра! Вѣдь бабочка стрекочетъ мельче стрекозы, — кра!

ПЯТЫЙ. Кра! Поищемъ, не улетѣла ли бабочка?! Кра!

ВСѢ. Кра! Кра! Поищемъ, — кра!

СЕДЬМОЙ. Послушай, старшiй братъ, мнѣ кажется, что у тебя что-то есть на рѣсницахъ праваго глаза? Ужъ не бабочка ли это? — Кра! Почему у тебя правый глазъ вдругъ потемнѣлъ? Кра!

ПЕРВЫЙ. Кра! Кра! Что ты выклюнуть мнѣ его хочешь, что ли?—Кра! Погляди-ка лучше, нѣтъ ли чего на твоемъ черномъ языкѣ? — Кра!

СЕДЬМОЙ. Я больше ничего не говорю; дѣлайте, какъ знаете, — кра!

ПЕРВЫЙ. Кра! Мнѣ кажется, что мы проспали,—кра! Мнѣ кажется, что часъ ужъ пробилъ, часъ судьбы, и заколдованное время миновало, то время, когда придетъ сынъ солнца,—кра!

ВТОРОЙ. Мнѣ тоже кажется, что этотъ часъ уже пробилъ, кра! Теперь принцесса никогда ужъ болѣе не встанетъ, кра! Заснетъ и незачѣмъ намъ будетъ стеречь ее, кра!

ВСѢ. Кра! Намъ тоже кажется, что пробило двѣнадцать, — кра, кра, кра!

СЕДЬМОЙ. Кра! Всего одиннадцать ударовъ сосчиталъ я, двѣнадцатый мнѣ показался трескомъ отъ мороза, — кра!

ДРУГIЕ. Двѣнадцать, двѣнадцать, — кра, кра, кра! Минулъ завѣтный часъ! — Кра! кра! Побѣда! побѣда! кра! кра! кра!

СЕДЬМОЙ. Я больше ничего не говорю, дѣлайте, какъ сами знаете, — кра!

ТРЕТІЙ. Ну, принцесса-Солнцедумка, теперь ты спи спокойно, не принесетъ тебѣ тепла и солнца твой долгожданный избавитель! — кра!

СЕДЬМОЙ. Кра! Что вы сдѣлали! Зачѣмъ упомянули ея имя! Кра! кра! кра!

ВСѢ. Кра! Не придетъ больше, — кра! Побѣда, — кра!

ВТОРОЙ (протяжно зѣвая). А! Кра! Теперь можно и прилечь, поспать, какъ слѣдуетъ!

(Голосъ жаворонка раздается громче и два раза.)

ВСѢ. Ой, ой, ой! Кра! кра! кра!

ШЕСТОЙ. Кра! Но, вѣдь, уже пробило двѣнадцать! Навѣрно это жаворонкомъ чирикнулъ филинъ, хотѣлъ лишь подразнить насъ; тоже, небось, обрадованъ побѣдой! — кра!

СЕДЬМОЙ. Кра! А не скрывался ли въ жаворонкѣ Бѣлый отецъ, не подслушалъ ли онъ тайное имя принцессы, которымъ можно ее воскресить? — кра!

ШЕСТОЙ. Да и Морозъ-то былъ ли настоящій? кра! Не Бѣлый ли отецъ приходилъ сюда подъ личиной Мороза? — кра!

ВТОРОЙ. Кра! Охъ у меня въ горлѣ что-то першитъ, — кра! Ужъ не Бѣлый ли отецъ забрался туда и чирикалъ тамъ жаворонкомъ? — кра, кра!

СЕДЬМОЙ. Когда ты спалъ, у тебя клювъ былъ раскрытъ! Онъ легко могъ забраться туда, — кра! Давай-ка поищемъ у тебя въ горлѣ!

ПЕРВЫЙ. Кра! Ты мнѣ, старшему брату, собирался выклюнуть глазъ, — кра! Теперь хочешь второго за горло душить! — кра!

СЕДЬМОЙ. Я больше ничего не говорю! Дѣлайте, какъ знаете, — кра! Но ты, второй братъ, закрой, по крайней мѣрѣ, свой клювъ, чтобы жаворонокъ не смогъ улетѣть. Тамъ мы навѣрное его поймаемъ! — кра!

ПЕРВЫЙ. Кра! Помолчимъ еще одинъ послѣдній часъ, пока не пробьетъ тринадцатый, — первый по нашему новому счету, — кра!

ВТОРОЙ. Сейчасъ придетъ Черная мать и освободитъ насъ отъ службы! Тогда кончится этотъ синеватый свѣтъ льда и наступитъ — кра — полная тьма! Кра!

(Всѣ опускаютъ головы, собираясь спать. Тишина).

СЦЕНА II.

(Часы бьютъ двѣнадцать. Во время одиннадцатаго удара, вдругъ, темнѣетъ и весело раздается: «кра! кра! кра!» Но вмѣстѣ съ двѣнадцатымъ ударомъ темную сцену пересѣкаетъ узкій лучъ свѣта).

ПЕРВЫЙ ВОРОНЪ. Кра! Кра! Кто здѣсь? Кра! Закройте крыльями! кра! кра!

ВСѢ. Кра! Кра! Кра! (взмахиваютъ крыльями въ сторону свѣта).

(Начинаетъ дуть вѣтеръ; слышенъ шумъ какъ будто отъ ударовъ подковъ по скаламъ. Трескъ льда. Появляется Антинъ въ золотыхъ, освѣщенныхъ солнцемъ, доспѣхахъ. Вороны отступаютъ туда, гдѣ еще темно. Навстрѣчу Антину, изъ темноты несется душа принцессы въ образѣ блестящей бабочки).

ПЕРВЫЙ ВОРОНЪ. Кра! Съ моего праваго глаза что-то улетѣлю, — кра! Теперь я вижу яснѣе, — кра!

ВТОРОЙ. Кра! Это была бабочка—душа, — кра! Чудо! чудо! кра!

ВСѢ. Ловите ее, — кра! Ловите ее, — кра! (Бѣгутъ за бабочкой, но отпрянули отъ блеска Антина).

ПЕРВЫЙ (указывая крыльями на Антина). Какъ страшно блеститъ онъ! — кра!

ВТОРОЙ. Нѣтъ силы смотрѣть! — кра!

ТРЕТІЙ. Негдѣ укрыться! — кра-кра!

БАБОЧКА-ДУША

(тѣмъ временемъ опустилась на правое плечо Антина).

АНТИНЪ (Бабочкѣ). Красивая крылаточка, солнечная пчелка! Кто ты такая, что первая летишь мнѣ навстрѣчу въ ледяномъ домѣ зимы?

БАБОЧКА.

Тиръ, тиръ, тиръ!
Да, я — бабочка,
Да, я — душенька,
Той твоей царевночки.
Милой Солнцедумочки.
Ты свое ушко открой,
Ты меня въ сердечкѣ скрой,
Пусть твоя внимаетъ душенька,
Что поетъ твоя царевночка.
Тиръ, тиръ, тиръ!

АНТИНЪ.

Въ долгой скорби солнце знало,
Что зоветъ далекій голосъ,
Что изъ дали звѣзды манятъ!

ВТОРОЙ ВОРОНЪ (во мракѣ). Чудо! Чудо! кра! Изъ моего рта что-то вылетѣло!

СЕДЬМОЙ. Кра! Нечего удивляться, если ротъ разинулъ. Изъ него, навѣрное, жаворонокъ вылетѣлъ! Кра-кра!

ЖАВОРОНОКЪ (вылетѣлъ изъ тьмы къ свѣту и сѣлъ на лѣвое плечо къ Антину).

Чиришь, чиришь, чиришь!
Слышь, солнцеводецъ, слышь!
Солнцедумочка-царевна!
Этимъ именемъ побѣдно
Гробъ ея растворишь!
Чиришь, чиришь, чиришь!

ПЕРВЫЙ ВОРОНЪ. Кра! Насъ обманули, — кра! Насъ обокрали! — кра! Мы ограблены! — кра!

ВСѢ. Обмануты, — кра! обокрадены, — кра! Ограблены,— кра! кра! кра!

ПЕРВЫЙ. Жаворонокъ укралъ у насъ имя принцессы, — кра! Бѣлый отецъ обманулъ насъ, — кра! Зачѣмъ вы впустили его? — Кра!

ВТОРОЙ. Кра! Кра! Бѣлый отецъ обернулся жаворонкомъ и, покуда спокойно зѣвалъ я, — кра! забрался обманомъ мнѣ въ ротъ, — кра! кра!

ЖАВОРОНОКЪ (на плечѣ Антина, чирикая, смѣется). Чирикъ! Чирикъ! Зачѣмъ же вы спите съ раскрытыми ртами? Какіе же вы сторожа послѣ этого? Чирикъ! Ты, второй, хорошо меня спряталъ отъ своихъ же кра-братьевъ, во рту у себя. Чирикъ! а когда надо мнѣ было улетѣть, ты въ удивленьи самъ раскрылъ ротъ и далъ мнѣ свободу! — чирикъ!

ВОРОНЫ (перебивая другъ друга). Врунъ, — кра! Лгунъ, — кра! Воръ, — кра! (Прыгаютъ отъ злости и бьютъ крыльями).

ЖАВОРОНОКЪ. Ха, ха, ха! Чирикъ! Я проникъ сюда подъ видомъ Мороза, чирикъ! Когда пробило одиннадцать, я топорикомъ прибавилъ двѣнадцатый разъ, чирикъ! Чтобы вы думали, будто время прошло, и съ радости проболтали бы мнѣ тайное имя принцессы, — чирикъ!

ВОРОНЫ (прыгаютъ и каркаютъ отъ злости, рвутъ на себѣ перья).

ЖАВОРОНОКЪ. Чирикъ! Прыгайте отъ злости, рвите перья, чиръ-чирикъ! Кра! — братья, чирикъ! Глупыя башки! чирикъ! лежебоки, чирикъ!

ВОРОНЫ. Врунъ, — кра! Лгунъ, — кра! Бѣлый воръ, — кра! Хитрецъ старый, — кра! Бѣдныхъ вороновъ обокралъ,—кра! кра!

БАБОЧКА.

Тиръ, тиръ, тиръ:
Я раньше, раньше жаворонка
Сначала, раньше слушала,
Свое ловила имячко,
Тиръ, тиръ, тиръ, тиръ!
Въ себѣ я чуяла,
Что ты — спасеніе,
И такъ сказала душенькѣ,
Тиръ, тиръ, тиръ, тиръ!

АНТИНЪ.

Въ долгой скорби сердце знало,
Что зоветъ далекій голосъ,
Что изъ дали звѣзды манятъ!

ПЕРВЫЙ ВОРОНЪ. Кра! Всѣ мы вмѣстѣ виноваты, — кра!

ВТОРОЙ. Кра! Нѣтъ нигдѣ правды, — кра!

ТРЕТІЙ. На кого теперь положиться? Кому вѣрить? Кра! Кра!

ЧЕТВЕРТЫЙ. Свѣтлѣетъ все сильнѣе, — кра!

(На сценѣ понемногу разсвѣтаетъ).

ПЯТЫЙ. Кинемся къ нимъ! Накроемъ ихъ крыльями, — кра!

ШЕСТОЙ. Его лицо сіяетъ, какъ снѣгъ на солнцѣ, — кра!

СЕДЬМОЙ. Его взоръ, какъ молнія, — кра!

ПЕРВЫЙ. Его одежда пылаетъ, какъ печь, — кра!

ВТОРОЙ. Наши крылья ударяются объ его лучи, какъ объ стеклянныя стѣны, кра!

ТРЕТІЙ. Мои глаза какъ въ огнѣ, кра!

ЧЕТВЕРТЫЙ. А у меня въ глазахъ острыя ледяныя иголки, кра!

ПЯТЫЙ. Мнѣ словно снѣжные сугробы давятъ голову, кра!

(Всѣ, каркая, отходятъ назадъ).

АНТИНЪ. Что вы каркаете, воронята? Что машете крыльями? Идите на покой, устали, небось, сторожить!

ПЕРВЫЙ ВОРОНЪ. Кра! Почему онъ такъ ласково говоритъ? Кра!

ВТОРОЙ. Кра! Нѣтъ у него ни меча, ни шпаги, а все же онъ побѣждаетъ насъ, кра!

СЕДЬМОЙ. Кра! Онъ еще издѣвается надъ нами, кра!

АНТИНЪ. Я, воронята, не издѣваюсь надъ вами! Вы такъ хорошо стерегли принцессу, что за всю длинную зиму съ ней ничего плохого не произошло. Ея отдыхъ ни разу не былъ нарушенъ. Спасибо вамъ, добрые воронята!

СЕДЬМОЙ. Кра! Онъ еще благодаритъ насъ; когда мы уже побѣждены, хочетъ насъ обмануть своимъ ласковымъ обращеніемъ, кра!

АНТИНЪ. Зачѣмъ мнѣ обманывать васъ, воронята? Мнѣ вѣдь больше ничего не нужно,—только воскресить принцессу. Вы вѣдь съ нею вмѣстѣ были здѣсь въ плѣну, на горѣ. Теперь и вамъ можно улетѣть отсюда.

ПЕРВЫЙ ВОРОНЪ. Кра! Мы никуда не улетимъ, не отдадимъ тебѣ принцессы, кра! Мы не позволимъ тебѣ взять ее у Черной матери и вернуть Бѣлому отцу, кра! Закройте гробъ крыльями, кра! Въ крышкѣ гроба есть уже трещинки, закройте ихъ своимъ тѣломъ, кра!

АНТИНЪ. Воронята, идите на покой, прошло ваше время.

ВОРОНЫ. Кра! Кра! Кра!

(Ложатся съ распростертыми крыльями на гробъ).

АНТИНЪ (громко). Солнцедумочка!

(Какъ бы ударъ грома; воронята отскакиваютъ отъ гроба; гробъ открытъ).

ЖАВОРОНОКЪ. Чиришь! Вотъ вашъ тринадцатый ударъ! То часъ вашей судьбы, вороны, чиришь! Теперь начинается новое время! Чиришь!

ВОРОНЫ.

Кра! Кра! Кра! Ой, ой, ой!

ПЕРВЫЙ.

Что случилось! Что же будетъ! Кра!

СЕДЬМОЙ.

Стужѣ, мглѣ, зимѣ конецъ! Кра, кра, кра!

ЖАВОРОНОКЪ.

Вороны, бѣгите! Чиръ-чиришь!
Больше нѣтъ для васъ тутъ мѣста! Чиръ!

АНТИНЪ (тихо подходитъ ко гробу, тогда какъ вороны, наконецъ, отступаютъ влѣво и исчезаютъ. Ставъ у гроба, Антинъ тихо зоветъ):

Солнцедумка!

(Опускается у гроба на колѣни и, нагнувшись надъ нимъ, плачетъ).

ЖАВОРОНОКЪ.

Дальше здѣсь и мнѣ не мѣсто.
Таетъ ледъ отъ слезъ горячихъ;
Въ поле мчусь — повѣдать людямъ,
Что опять вернулось солнце! — Чиръ, чиришь!

СЦЕНА III.

(Входитъ съ лѣвой, вороньей, стороны Черная мать).

ЧЕРНАЯ МАТЬ (восклицаетъ).

Отецъ бѣлый, многоликій,
Въ видѣ истинномъ предстань здѣсь!

БѢЛЫЙ ОТЕЦЪ (входитъ, въ образѣ Мороза, съ правой стороны отъ Солнцеводца).

Матерь черная, что надо?

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Ты всегда прядешь обманы!
Ложью вырвалъ мою долю,
Но еще моя — принцесса!
Я приду, я одолѣю.
Гробъ пустымъ не будетъ! Мой онъ,
А съ нимъ вмѣстѣ — этотъ парень!

БѢЛЫЙ ОТЕЦЪ.

Матерь черная, сочтемся!
Бери парня, если можешь,
Но оставь мою мнѣ долю!

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Не поддерживай ты парня
И твоей не трону доли.

БѢЛЫЙ ОТЕЦЪ.

Больше я надъ нимъ не властенъ.

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Вотъ, своимъ ты связанъ словомъ.
Слово — прочной сѣти крѣпче!

(Оба исчезаютъ, каждый въ свою сторону. Антинъ остается одинъ, у него на плечѣ Бабочка-Душенька).

СЦЕНА IV.

АНТИНЪ (стоя передъ гробомъ, тихо).

Солнцедумка! Солнцедумка!
Ты избавлена отъ смерти!
Взоръ ее ты видишь, раньше
Видѣвши ее лишь въ грезахъ!

(Осматривается и припоминаетъ).

Синія стекла, зеленые льды,
Бѣлое, снѣжное платье въ рединѣ,
Блѣдныя, лунныя щеки въ срединѣ,
Длинныя кудри, что солнце, въ срединѣ,
Душенька, въ снѣ онѣмѣломъ, въ срединѣ...

ДУШЕНЬКА.

... И Солнцедумка, что дремлетъ въ срединѣ!

АНТИНЪ.

Лейтесь вольно, лейтесь слезы,
Льдинки тающей весны!
Открывайся, сердце! — грезы
Предъ тобой воплощены,
Что семь лѣтъ въ плѣну томились,
Что всю жизнь въ душѣ хранились!

ДУШЕНЬКА.

Полно плакать, мальчикъ милый!
Ледъ твои прорвали слезы!
Осуши другія щеки:
Солнцедумочка семь весенъ
Дожидалась Солнцеводца!

АНТИНЪ.

Полно, слезы! вы — безсильны!
Объ себѣ жалѣть довольно!

(Опускается на колѣни и наклоняется надъ гробомъ).

Свѣтлымъ взоромъ тамъ я вижу:
Крупными слезами полный
Взоръ, меня сюда приведшій,
Давшій знакъ моимъ мечтаньямъ!

ДУШЕНЬКА.

Слезы закрываютъ вѣки.
Выпей крупныя тѣ слезы:
Этимъ ты глаза раскроешь.

АНТИНЪ.

Выпью крупныя тѣ слезы!
(Цѣлуетъ Солнцедумку въ глаза).
Въ сердце слезы принимаю,
Вы теперь, глаза, откройтесь!

ДУШЕНЬКА.

Ахъ, кончаются тѣ слезы,
Мы теперь глаза откроемъ!

АНТИНЪ (смотритъ на открывшую глаза Солнцедумку).

Синяя вода живая,
Блещетъ, ото льда свободна!
Солнцедумочка возстанетъ,
Глазки блещутъ, губы нѣмы...

ДУШЕНЬКА.

Ей уста распечатлѣй ты!

АНТИНЪ.

Какъ то сдѣлать?

ДУШЕНЬКА.

Поцѣлуемъ!

АНТИНЪ.

Но не для меня тѣ губы!

ДУШЕНЬКА.

Для того, кто ихъ раскроетъ.
Не раскроешь, будутъ нѣмы;
Не обдашь дыханьемъ теплымъ,
Сердцу быть холоднымъ вѣчно!
Душенька, куда пойду я?
Мнѣ сюда нельзя вернуться,
Льды опять закроютъ сердце,
И погибну я, блуждая!

АНТИНЪ.

Ты таилась въ сердцѣ? Какъ же
Ты отъ вороновъ укрылась?

ДУШЕНЬКА.

Тамъ подъ стонами глубоко
Вздохами я прикрывалась!
Устъ врата открой скорѣе,
Въ сердце вдунь скорѣй дыханье!

АНТИНЪ (цѣлуетъ Солнцедумкочку въ губы, восклицая).
Душенька, крылатый образъ!
Краска заливаетъ губы,
На щекахъ какъ будто отблескъ!
Мнѣ и холодно и жарко!
Гдѣ укроюсь? куда дѣнусь?

(Солнцедумка понемногу просыпается и начинаетъ двигаться).

ДУШЕНЬКА.

Видишь: пальцы тихо гнутся,
Онѣмѣло-ледяные!
Руки, спавшія такъ долго,
Поднимаются, проснувшись!
Онѣмѣлая фіалка
Расправляетъ лепесточки!

АНТИНЪ.

Небо — голубое чудо!
Члены оживаютъ; руки
Тянутся, какъ на молитвѣ;
Губы словно жаждутъ молвить!
Солнцедумка! Солнцедумка!
Посмотри, гдѣ солнце всходитъ!

ДУШЕНЬКА.

Дай же руку Солнцедумкѣ,
Помоги же ей воскреснуть!

(Немного спустя).

И въ оттаявшее сердце
Возвращаюсь я обратно.
И меня ты не увидишь!
Лишь съ твоей душою ночью
Тихо говорить мы будемъ,

А потомъ совсѣмъ сольемся,
Послѣ всѣхъ вѣковъ разлуки!

(Бабочка поднимается на воздухъ и потомъ исчезаетъ во гробѣ. Антинъ смотритъ ей вослѣдъ).

(Солнцедумка, лежащая въ гробу, подняла голову).

АНТИНЪ.

Душенька твоя вернулась
Въ домъ родной свой, въ свое сердце!
Встань сама ты, Солнцедумка!

(Подаетъ руки Солнцедумкѣ. Она приподнимается и садится въ гробу).

СОЛНЦЕДУМКА (тихо и медленно).

Такъ пришелъ ты, Солнцеводецъ?

АНТИНЪ.

Да, пришелъ я съ новымъ солнцемъ.

СОЛНЦЕДУМКА.

Долго ль я спала, скажи мнѣ.

АНТИНЪ.

Въ ледяномъ гробу семь весенъ.

СОЛНЦЕДУМКА.

Помоги встать, Солнцеводецъ!

АНТИНЪ.

На-руки мнѣ обоприся!

(Поднимаетъ Солнцедумку изъ гроба).

СОЛНЦЕДУМКА.

Какъ твои пылаютъ руки!

АНТИНЪ.

Кровь горячая въ нихъ — солнца!

СОЛНЦЕДУМКА.

Сонъ еще въ глазахъ понынѣ.

АНТИНЪ.

Выспишься въ дому отцовскомъ.

СОЛНЦЕДУМКА.

А когда придешь ты снова?

АНТИНЪ.

Въ день твоей приду я свадьбы.

СОЛНЦЕДУМКА.

Вотъ мой перстень. У кого онъ,
Лишь тому принадлежу я.
Ты возьми, храни мой перстень.

АНТИНЪ.

Никому его не дамъ я.

(Солнцедумка снимаетъ перстень съ своего пальца и надѣваетъ на палецъ Антину).

СОЛНЦЕДУМКА.

Ты его держи на пальцѣ,
Знай: я безъ него не встану!

АНТИНЪ.

Будетъ вѣчно онъ со мною!

СОЛНЦЕДУМКА.

Словно ледъ во взорахъ таетъ,
Ты мнѣ виденъ какъ въ туманѣ,
И тебя я не узнаю,
Если будешь ты безъ перстня.

АНТИНЪ.

Вѣчно будетъ онъ со мною!

СОЛНЦЕДУМКА.

У тебя глаза какіе?

АНТИНЪ.

Синіе цвѣты фіалки.

СОЛНЦЕДУМКА.

У тебя какія кудри?

АНТИНЪ.

Бѣлый ленъ подъ свѣтомъ солнца.

(Немного спустя).

СОЛНЦЕДУМКА.

Отнеси меня въ нашъ замокъ.

АНТИНЪ.

Солнцедумка! Солнцедумка!
Я несу народу счастье!
(Поднимаетъ Солнцедумку и уноситъ).
Занавѣсъ.

ПЯТОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Большой празднично-убранный залъ во дворцѣ Короля. Налѣво — дверь въ покои принцессы и Короля; направо — входная дверь. Налѣво, на возвышеніи со ступенями, кресла для Короля, Принцессы и Принца.

СЦЕНА I.

Король и Принцъ.

КОРОЛЬ. Будьте увѣрены, любезный принцъ, что и я не менѣе горячо ждалъ того дня, когда вамъ можно будетъ соединить руку съ возвращенной намъ изъ гроба моей дочерью. Теперь, послѣ долгихъ лѣтъ страха и горя, я смогу, наконецъ, освободиться отъ этой тяжести.

ПРИНЦЪ. Однако вы, повидимому, съ этимъ не очень торопитесь! Вы постоянно откладываете день свадьбы: вѣдь прошло уже три мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ принцесса находится среди насъ.

КОРОЛЬ. Вѣдь вы знаете: была опасность, что явится тотъ чужой принцъ, который снесъ мою дочь со стеклянной горы и потомъ, не говоря ни слова, такъ внезапно исчезъ

ПРИНЦЪ. Чужой принцъ! Это, навѣрное, былъ колдунъ или обманщикъ, иначе, зачѣмъ было бы ему такъ таинственно исчезать.

КОРОЛЬ. Но все же онъ имѣлъ полное право на руку моей дочери, ибо вѣдь онъ одинъ спасъ ее отъ смерти.

ПРИНЦЪ. Онъ лишился своего права, не явившись къ вамъ до состязанія и не исполнивъ его правилъ. Къ тому же своимъ внезапнымъ исчезновеніемъ этотъ человѣкъ проявилъ неуваженіе къ принцессѣ и къ вамъ. У меня больше правъ на нее. А въ своей поддержкѣ я вамъ никогда и ни въ чемъ не отказывалъ.

КОРОЛЬ. Я все это, любезный сынъ, признаю съ благодарностью, но все же хорошо, что тотъ принцъ не явился и что его не нашли мои посланные, которыхъ я отправилъ за нимъ, чтобы дать удовлетвореніе народному чувству справедливости.

ПРИНЦЪ. Вы могли бы яснѣе проявить вашу благодарность и разъ навсегда устранить съ моего пути всѣ тѣ препятствія, съ которыми мнѣ еще приходится встрѣчаться.

КОРОЛЬ. Я дѣлаю все, что отъ меня зависитъ.

ПРИНЦЪ. Отъ васъ зависитъ также и добиться того, чтобы принцесса не относилась ко мнѣ такъ равнодушно.

КОРОЛЬ. Ея любовь вы должны сами завоевать; тутъ моя власть кончается.

ПРИНЦЪ. Но пылъ жизни остываетъ во мнѣ при встрѣчѣ со льдомъ смерти, а вы, можетъ быть, еще подмораживаете этотъ ледъ.

КОРОЛЬ. Мое собственное благо вамъ можетъ служить ручательствомъ, что этого быть не можетъ.

СЦЕНА II.

(Входитъ принцесса со свитой).

(Принцесса, понуря голову, медленно двигаясь, какъ будто во снѣ, проходитъ мимо Короля и Принца).

КОРОЛЬ (тихо принцу). А вотъ и принцесса! Она идетъ, чтобы нарядиться въ свадебное платье! Смотрите! Она всегда такая: словно во снѣ, словно застывшая! Она всегда тихо дрожитъ, словно отъ какого-то внутренняго холода. Что я съ этимъ могу подѣлать? Мое отцовское сердце содрогается отъ жалости. Ее мнѣ вернули отъ смерти, но смерть еще сохранила власть надъ нею. Принцесса ждетъ, чтобы ее кто-нибудь разбудилъ. На васъ вся моя надежда, любезный сынъ, и я надѣюсь, что вы ее согрѣете своей горячей любовью и разбудите нѣжными словами.

ПРИНЦЪ. Со мною она нѣма и глуха. Отъ нея вѣетъ такимъ холодомъ, что я боюсь къ ней прикоснуться. Постарайтесь ее расположить ко мнѣ, иначе я уйду, не взирая на свою горячую любовь, а если уйду, то уйду не какъ другъ: вы знаете — я не принадлежу къ числу мягкосердыхъ.

КОРОЛЬ. Не волнуйтесь, мой сынъ!

ПРИНЦЪ. Я совершенно спокоенъ.

(Принцесса, не поднявъ головы, проходитъ мимо).

КОРОЛЬ (тихо). О, дочь моя!

ПРИНЦЪ. А на меня даже полъ-взгляда не кинула!

КОРОЛЬ. Увы, на меня, на отца своего, она пыталась взглянуть, но тяжелыя вѣки опускались на полпути.

СЦЕНА III.

(Король, Принцъ; входитъ Стражъ).

СТРАЖЪ (королю). Было приказано искать того человѣка, который снесъ съ горы ея величество принцессу и взялъ ея кольцо. Человѣкъ этотъ найденъ, и онъ доставленъ сюда.

КОРОЛЬ. Хорошо, пусть войдетъ этотъ рыцарь.

(Стражъ уходитъ).

ПРИНЦЪ. Я намѣренъ потребовать строгое удовлетвореніе отъ того, кто осмѣлился такъ недостойно играть моей честью и присвоить кольцо моей принцессы.

КОРОЛЬ. Каковъ же собою этотъ таинственный рыцарь, который былъ тогда такъ роскошно одѣтъ въ чистое золото?

СЦЕНА IV.

(Стражи вводятъ Антина, держа его какъ плѣнника. Антинъ въ такой же одеждѣ, какъ во второмъ дѣйствіи, безъ кафтана).

СТРАЖЪ. Вотъ онъ, государь!

ПРИНЦЪ (смѣется). Такъ вотъ каковъ этотъ чужой принцъ и рыцарь, одѣтый въ чистое золото! Рубашка изъ льняного шелка и золотые сапоги изъ лыка!

(Стража смѣется).

КОРОЛЬ. Что это такое? Это, вѣрно, недоразумѣніе!

СТРАЖНИКЪ. Нѣтъ, государь! Это и есть обладатель кольца.

ПРИНЦЪ (сурово Антину). Давай сюда кольцо!

АНТИНЪ (смотритъ на принца, но потомъ поворачивается въ сторону короля и кланяется). Привѣтъ тебѣ, король!

КОРОЛЬ. Здравствуй, юноша! Объясни, кто ты и гдѣ ты получилъ кольцо принцессы?

АНТИНЪ. Я — Антинъ. Кольцо же мнѣ надѣла на палецъ сама принцесса на стеклянной горѣ въ то время, какъ я разбудилъ ее отъ долгаго сна.

ПРИНЦЪ. Ха, ха, ха, что за важный женихъ для принцессы!

КОРОЛЬ (Антину). Значитъ, ты тотъ самый золотой рыцарь и принцъ, который снесъ внизъ принцессу и положилъ ее въ мои руки! Но гдѣ же твоя золотая одежда?

АНТИНЪ. Да, я — тотъ самый! Мою золотую одежду унесъ золотой конь. Мнѣ она больше не нужна.

ПРИНЦЪ. Ха, ха, ха! Хорошо сказано.

КОРОЛЬ. Почему же ты скрылся, такъ что тебя надо было искать и доставить сюда какъ преступника?

АНТИНЪ. Меня сюда не доставили. Я самъ пришелъ сюда на свадьбу, какъ это и обѣщалъ ей, и принесъ кольцо, чтобы она его надѣла на палецъ и окончательно проснулась отъ сна.

КОРОЛЬ. Такъ давай сюда кольцо! Такъ и быть я тебя сегодня по случаю свадьбы не буду наказывать, а одарю всѣмъ, что ты пожелаешь.

АНТИНЪ. Я ничего себѣ не желаю.

ПРИНЦЪ. Я тоже хочу быть великодушнымъ. У тебя нѣтъ ни кафтана, ни сапогъ; я тебя одѣну въ чистый шелкъ. Давай кольцо.

АНТИНЪ (смѣясь). Мнѣ золотой конь приносилъ мѣдное, серебряное и золотое платье; твоего шелка мнѣ не надо.

ПРИНЦЪ (въ гнѣвѣ). Я тебѣ могу дать столько денегъ, сколько ты самъ вѣсишь.

АНТИНЪ. Мнѣ достаточно и своей собственной тяжести. Зачѣмъ же мнѣ еще другую такую же? Тогда я не могъ бы подняться на стеклянную гору!

КОРОЛЬ (Антину). Принцъ, вѣдь, добрый и хочетъ вмѣсто наказанія сдѣлать тебя счастливымъ.

АНТИНЪ. Пусть онъ дастъ деньги моимъ братьямъ, тѣ ихъ любятъ.

ПРИНЦЪ. Нечего тутъ разговаривать! Этотъ нищій становится все нахальнѣе. Давай кольцо, а не то жестоко поплатишься!

АНТИНЪ. Я не дамъ тебѣ кольца.

КОРОЛЬ (тихо принцу). Онъ, кажется, довольно простоватъ. (Антину.) Дай мнѣ кольцо, и ты будешь счастливъ.

АНТИНЪ. Если отдамъ кольцо, то не буду счастливымъ, тогда принцесса никогда не проснется. Она сама сказала: «Не могу безъ него встать», и много разъ мнѣ твердила: «Не отдавай кольца никому!»

ПРИНЦЪ (Антину). Чего же ты хочешь? Можетъ быть, ты, нищій, пришелъ сюда какъ побѣдитель и хочешь жениться на дочери короля?

АНТИНЪ. Охъ, господинъ, развѣ я достоинъ ея? Да развѣ есть вообще кто-нибудь, кто можетъ быть достойнымъ такой звѣзды небесной, какъ она? Нѣтъ, — я хотѣлъ лишь разбудить ее отъ ея новаго сна.

КОРОЛЬ (тихо принцу). Ну, въ такомъ случаѣ пусть онъ надѣнетъ кольцо на руку принцессы. Вы видите, что онъ не оспариваетъ вашихъ правъ, и простодушенъ, какъ ребенокъ.

ПРИНЦЪ. Это невозможно. Это лишь совершенно напрасно взволновало бы принцессу. — Надо взять его подъ стражу, чтобы онъ не натворилъ чего-нибудь. Богъ знаетъ, какимъ колдовствомъ онъ получилъ кольцо!?

КОРОЛЬ (Антину). Кто тебѣ помогъ подняться на стеклянную гору?

АНТИНЪ. Чужой отецъ.

КОРОЛЬ. Какъ понять такой отвѣтъ? Ну, а почему ты скрылся сейчасъ же. послѣ того, какъ принесъ принцессу, почему ты не просилъ ея руки?

АНТИНЪ (какъ будто уклоняясь). Принцессѣ надо было окончить свой сонъ въ твоемъ домѣ, а я обѣщалъ прійти только къ ея свадьбѣ, чтобы ее опять воскресить.

КОРОЛЬ. Почему же ты не сказалъ мнѣ, что вернешься?

(Антинъ стыдливо молчитъ).

КОРОЛЬ. Говори, юноша!

ПРИНЦЪ. Видно, совѣсть нечиста.

АНТИНЪ (тихо). Да, нечиста! Мнѣ стыдно!

КОРОЛЬ. Отчего же у тебя нечиста совѣсть?

ПРИНЦЪ. Оттого, что съ помощью колдуновъ и злыхъ духовъ онъ похитилъ со стеклянной горы принцессу и тѣмъ нарушилъ мои права. А почему онъ не показывался все время? Боялся, что будутъ его судить за колдовство!

АНТИНЪ. Что ты говоришь? Да, развѣ злой духъ — Отецъ, который спасъ принцессу отъ смерти.

КОРОЛЬ. Отвѣчай же, почему ты не приходилъ, чего стыдился? Ты уклоняешься отъ отвѣта.

АНТИНЪ. Я стыдился того, что у меня не было хорошаго кафтана.

КОРОЛЬ. А теперь однако не постыдился предстать предо мною вовсе безъ кафтана?! Нѣтъ, ты говоришь неправду. Значитъ, ты обманщикъ и колдунъ.

АНТИНЪ. Охъ, господинъ, я не обманщикъ и не колдунъ. Мнѣ только стыдно, очень стыдно.

ПРИНЦЪ. Нечего тутъ разговаривать!! Задержать его! (*Королю*). Вы слишкомъ мягки и снисходительны къ злоумышленникамъ.

КОРОЛЬ. Но онъ вѣдь оказалъ мнѣ благодѣяніе: онъ спасъ мою дочь. (Антину). Ну, что жъ, ты будешь отвѣчать?!

(Антинъ молчитъ).

КОРОЛЬ. Взять его!

АНТИНЪ. Бери меня, дѣлай со мной, что хочешь, милый король, только бы принцесса была спасена!

КОРОЛЬ. Но вѣдь ты самъ говоришь, что безъ твоего кольца она не можетъ быть спасена.

АНТИНЪ (припоминая). Да, господинъ, это правда! Значитъ, мнѣ все-таки придется сказать... Да, да! Любезный король, я тебѣ это скажу одному, на ухо. Ты такой добрый и не будешь смѣяться надо мной. Наказывать можешь, сколько хочешь, только не смѣйся.

КОРОЛЬ. Ну, говори!

АНТИНЪ (тихо). Всю жизнь мнѣ до слезъ было жалко принцессу, и я такъ мечталъ спасти ее, но когда я ее увидѣлъ, тогда...

КОРОЛЬ. Ну, что же?

АНТИНЪ. Тогда она мнѣ очень понравилась — но вѣдь это не полагалось. Чужой отецъ сказалъ, что она не для меня, но она была такъ дивно прекрасна, что все-таки мнѣ понравилась и когда я несъ ее внизъ съ горы, то поцѣловалъ самый кончикъ ея лѣваго уха. (Падаетъ на колѣни, со стыда, закрывая глаза руками).

(Король смѣется).

ПРИНЦЪ. Почему вы смѣетесь? Это серьезное дѣло. Его преступленіе должно быть раскрыто и подвергнуто наказанію.

КОРОЛЬ (смѣясь). Онъ влюбился въ принцессу.

(Стражи смѣются).

ПРИНЦЪ. Что же тутъ смѣшного? И какъ это такое ничтожество осмѣлилось на подобный шагъ?

КОРОЛЬ. Дѣло вѣдь совсѣмъ не такъ опасно.

АНТИНЪ (встаетъ). А ты все-таки сказалъ...

ПРИНЦЪ. Вы можетъ быть еще защищать его станете?!

КОРОЛЬ. Любезный сынъ, вы сами видите, какой это Божій человѣкъ. Онъ вѣдь вовсе и не требуетъ руки принцессы.

ПРИНЦЪ. Пусть такъ; но все-таки вы его задержите и ве-

лите предать суду за колдовство и за то, что онъ осмѣлился поднять свои глаза на ея величество.

КОРОЛЬ. А кольцо?

ПРИНЦЪ. Имъ я больше не интересуюсь.

КОРОЛЬ. Но отъ этого кольца зависитъ воскресеніе моей дочери.

ПРИНЦЪ. Все это росказни и новое колдовство. Я не хочу имѣть дѣло съ подобными вещами. (Уходитъ со стражей).

СЦЕНА V.

(Король и Антинъ одни).

КОРОЛЬ (Антину). Сынъ мой, отдай мнѣ кольцо, я передамъ его моей дочери.

АНТИНЪ. Охъ, охъ! А вдругъ болѣе она не воскреснетъ? Ты, вѣдь, — ея отецъ, какъ же ты можешь такъ поступать?

КОРОЛЬ. Дай мнѣ; все будетъ хорошо.

АНТИНЪ. Горе мнѣ, горе! Лучше возьми мою жизнь! (Умоляетъ его на колѣняхъ).

КОРОЛЬ. Отдай, мой сынъ, это нужно для блага принцессы.

АНТИНЪ. Возьми, коли такъ! (Протягиваетъ руку вмѣстѣ съ кольцомъ).

КОРОЛЬ (хочетъ снять кольцо, но не можетъ). Не могу снять.

АНТИНЪ. Да, его нельзя снять. Я и самъ не могу его снять. Оно срослось съ пальцемъ.

КОРОЛЬ. Чего ты опять меня морочишь? (Зоветъ). Стража! (Входитъ стража). Задержать его! (Стража уводитъ Антина; король даетъ знакъ одному изъ стражи и тотъ остается). Иди къ начальнику двора, пусть онъ передастъ принцессѣ, что отецъ желаетъ еще разъ видѣть ее до свадьбы. (Стражъ уходитъ). О, мое безпокойство! О, моя тревога! Милая дочь! Такой простой, милый юноша и такъ ее любитъ! Да и она сама тоже.

СТРАЖА (возвращается). Ея величество сами идутъ сюда!

СЦЕНА VI.

(Входитъ принцесса со свитой).

КОРОЛЬ. Ты уже идешь, сокровище моего сердца! Какъ ты прекрасна въ своемъ торжественномъ одѣяніи! Серебро, зеленый шелкъ и голубая фата, спускающаяся съ алмазной короны, гдѣ

сверкаетъ еще иней! О, какъ ты хороша, моя зимняя принцесса! Ты все еще живешь въ своемъ стеклянномъ замкѣ зимы и сна?

ПРИНЦЕССА (тихо). Да.

КОРОЛЬ. Ты такъ чудесно спасена отъ смерти и такъ чудесно намъ возвращена, теперь ты отдохнешь на рукахъ своихъ близкихъ! Ты опять радуешь сердце отца, которое было такъ близко къ отчаянію. Ты улыбнулась, дорогая моя?

ПРИНЦЕССА. Да.

КОРОЛЬ. Когда ты ушла отъ насъ, съ тобою ушло все наше счастье. Нашъ дворецъ опустѣлъ; люди стали задумчивы, поля высохли и перестали родить хлѣбъ; изъ луговъ выползали змѣи. Наши враги сдѣлались сильными, а наша мощь ослабѣла. Нашъ народъ обѣднѣлъ, врагъ же сталъ богатымъ. Но теперь все это снова измѣнится. Дорогому принцу, который спасъ тебя, поднявшись на стеклянную гору, мы должны быть благодарны за столь неожиданное счастье. Онъ моя опора и если онъ лишитъ меня своей поддержки, тогда — погибель неизбѣжна. Ты что-нибудь сказала, моя надежда?

ПРИНЦЕССА. Нѣтъ.

КОРОЛЬ. Но теперь ты спасена и дѣлаешь насъ счастливыми. А ты сама, ты чувствуешь себя тоже счастливой?

ПРИНЦЕССА. Я не знаю.

КОРОЛЬ. Съ тѣхъ поръ, какъ ты встала изъ гроба, солнце повернулось въ нашу сторону; зима стала отходить, и мы больше не боимся ея возвращенія. Радуешься ли ты вмѣстѣ съ радостью всего народа, радость ты наша?

ПРИНЦЕССА. Да.

КОРОЛЬ. Твоя радость слишкомъ тиха и не находитъ словъ — колокольчиковъ,—чтобы звенѣть ими. У тебя нѣтъ еще своей собственной радости, ты радуешься за другихъ. Но сегодня наступилъ великій день. Когда ты отдашь свою руку милому жениху, тогда и ты тоже узнаешь радость. Нравится ли тебѣ твой принцъ?

ПРИНЦЕССА. Я не знаю.

КОРОЛЬ. Онъ красивѣе всѣхъ другихъ мужчинъ. Ты его еще не знаешь, но всмотрись въ него.

ПРИНЦЕССА. Туманъ мѣшаетъ мнѣ видѣть его.

КОРОЛЬ. А ты помнишь, какимъ онъ былъ, когда пробудилъ тебя отъ долгаго сна?

ПРИНЦЕССА. Туманъ мѣшалъ мнѣ видѣть его, я помню только какъ сверкала его золотая броня.

КОРОЛЬ. Я его позову сюда, онъ тутъ же поблизости дожидается. Позвать?

ПРИНЦЕССА. Нѣтъ.

КОРОЛЬ. Почему ты такъ холодно относишься и къ нему и ко всѣмъ намъ? Почему ты такъ печальна? Можетъ быть, ты не можешь еще преодолѣть воспоминаній о своемъ долгомъ снѣ? Можетъ быть, скучаешь о томъ, кто тебя воскресилъ?

ПРИНЦЕССА. Онъ не хочетъ вновь разбудить меня!

КОРОЛЬ. Развѣ твое сердце не бьется для того, кто вынесъ тебя изъ ледяного гроба?

ПРИНЦЕССА. Мнѣ холодно.

КОРОЛЬ. Ахъ, дорогая моя, ты вновь уходишь отъ жизни, какъ въ тотъ день, когда легла во гробъ.

ПРИНЦЕССА. Я устала.

КОРОЛЬ. Такъ мало жила и уже устала! Нѣтъ, нѣтъ, ты должна увидѣть радость, чтобы и самой стать радостной! Вотъ идетъ принцъ, онъ не въ силахъ былъ дожидаться твоего приглашенія. Твое сердце еще не проснулось, мое милое дитя. (Цѣлуетъ ея волосы). Я ухожу и уступаю мѣсто принцу. (Уходитъ).

СЦЕНА VII.

(Принцесса со свитой; входитъ Принцъ).

ПРИНЦЪ. Прекрасная принцесса, еще нѣсколько минутъ, и на мою долю выпадетъ счастіе получить вашу руку; позвольте мнѣ ее пока поцѣловать.

ПРИНЦЕССА (сидитъ неподвижно). Да.

ПРИНЦЪ (опустившись на одно колѣно, цѣлуетъ ея руку). Холодная, какъ ледъ! Неужели даже въ этотъ день предчувствіе счастія не волнуетъ вашу кровь, не согрѣваетъ ваше сердце и руку?

ПРИНЦЕССА. Нѣтъ.

ПРИНЦЪ. Вы такъ холодны! вы такъ неблагодарны къ тому, кто васъ разбудилъ и снесъ со стеклянной горы!

ПРИНЦЕССА (тихо).

Синія стекла, зеленые льды,
А посрединѣ, — а посрединѣ...

ПРИНЦЪ. Вы произносите чужія слова! Вы не слушаете меня! Я вижу, что вы ко мнѣ равнодушны. Позвольте мнѣ уйти. (Уходитъ).

СЦЕНА VIII.

(Принцесса со свитой).

ПРИНЦЕССА (еще тише). Солнцеводецъ! разбуди меня! разбуди меня! Синія — стекла — зеленые льды... Ахъ, спойте мнѣ эту старую пѣсню: она застыла въ моемъ сердцѣ, оледенѣла въ памяти, я не помню ея...

ДѢВУШКИ (на половину поютъ).

Синія стекла, зеленые льды,
Бѣлое, снѣжное платье въ срединѣ.
Синія стекла, зеленые льды,
Блѣдныя, лунныя щеки въ срединѣ.
Синія стекла, зеленые льды,
Длинныя кудри, что солнце, въ срединѣ.

СЦЕНА IX.

(Входитъ Король и Принцъ. У Принца на груди золотая броня)

КОРОЛЬ. Дочка милая! вотъ пришелъ къ тебѣ твой избавитель въ той же золотой бронѣ, въ какой онъ былъ, когда поднялся на стеклянную гору. Теперь ты его лучше узнаешь. Дай ему руку, — сегодня ты станешь его женой.

ПРИНЦЕССА (тихо, еле слышно).

Ты ль пришелъ вновь, Солнцеводецъ?

(Немного приподнимаетъ руку, протягивая ее принцу).

ПРИНЦЪ. Я здѣсь, ваше высочество! (Беретъ ея руку).

ПРИНЦЕССА (продолжаетъ говорить тихимъ, усталымъ голосомъ).

У тебя льдяные пальцы,
Какъ меня согрѣть ты сможешь?

ПРИНЦЪ. Принцесса, у кого холодная рука, у того сердце горячее. Оно согрѣетъ васъ, когда вы лучше узнаете меня. (Опускаетъ ея руку).

ПРИНЦЕССА. У тебя какія кудри?

ПРИНЦЪ. Черныя, прекрасная Царевна, — цвѣта ворона!

ПРИНЦЕССА. Какъ! не цвѣта льна бѣлѣе?

ПРИНЦЪ. Ха, ха, ха! Такихъ у меня никогда не бывало. Такіе волосы — лишь у батраковъ.

ПРИНЦЕССА. У тебя глаза какіе?

ПРИНЦЪ. Черные, какъ угли, дорогая моя невѣста, и сверкаютъ, какъ искры!

ПРИНЦЕССА. Не фіалки голубыя?

ПРИНЦЪ. Ха, ха, ха! Синіе глаза бываютъ лишь у пастуховъ, а я — воинъ!

ПРИНЦЕССА.

Какъ чужда мнѣ, Солнцеводецъ,
Рѣчь твоя! Меня назвать ты
И по имени не хочешь!

ПРИНЦЪ. Прекрасная моя невѣста, черезъ минуту — я назову тебя по-имени, — и то будетъ мое имя! Вотъ здѣсь нашъ дорогой отецъ. Онъ соединитъ навѣки наши руки и наши имена.

ПРИНЦЕССА. Солнцеводецъ, гдѣ мой перстень?

ПРИНЦЪ. Вотъ здѣсь, дорогая невѣста, — обручальное кольцо. Оно ярко блеститъ своими алмазами. Пусть такъ же блистаетъ и наша общая съ тобою жизнь! (Надѣваетъ кольцо на палецъ принцессы, но кольцо соскальзываетъ съ пальца на полъ).

ПРИНЦЕССА.

Не мое кольцо мнѣ далъ ты.
Видишь ли, оно упало.

ПРИНЦЪ. Дорогая принцесса, возьмите вотъ другое, на немъ пылаетъ алый рубинъ такъ же ярко, какъ моя любовь, и такъ мощно, какъ мое могущество! (Надѣваетъ кольцо принцессѣ на палецъ, но оно соскальзываетъ на полъ).

ПРИНЦЕССА.

Не мое кольцо мнѣ далъ ты.
Видишь ли: оно упало!
Солнцеводецъ, гдѣ мой перстень?
(Плачетъ).
Гдѣ ты, гдѣ ты, Солнцеводецъ?
Взоръ, во мглѣ, тебя не видитъ.
(Встаетъ и простираетъ руки).

КОРОЛЬ. Дорогая дочь моя! Ты взволнована. Поди отдохнуть въ свои покои. Мы будемъ продолжать празднество, пока ты придешь въ себя. Принцъ принесетъ твое кольцо, и тогда мы пригласимъ тебя опять.

(Принцесса со свитой тихо удаляется).

СЦЕНА X.

(Король и Принцъ).

КОРОЛЬ. Это тотъ самый перстень, который принесъ сегодня утромъ молодой нищій. Онъ сказалъ, что безъ этого кольца принцесса никогда не проснется.

ПРИНЦЪ. Надо немедленно раздобыть это кольцо! (Зоветъ). Стража! (Входитъ стража). Возьмите кольцо у того нищаго, котораго привели сегодня утромъ! Спѣшите! (Стража уходитъ).

КОРОЛЬ. Вотъ и вамъ понадобилось кольцо, которое сегодня утромъ такъ мало интересовало васъ, только потому, что оно нужно было лишь для полнаго воскресенія моей дочери! Придется отложить торжества; волненія могутъ повредить принцессѣ, и она снова уснетъ на долгія времена.

ПРИНЦЪ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Откладывать нельзя! Это ничуть не повредитъ принцессѣ, ей повредитъ лишь промедленіе. Надо поспѣшить! Я приказалъ уже своимъ людямъ устроить торжественныя шествія. Они каждую минуту могутъ сюда явиться вмѣстѣ со свадебными гостями и поздравленіями.

СЦЕНА XI.

(Входитъ Стража).

СТРАЖЪ (Принцу). Всемилостивѣйшій принцъ! Кольца не получить намъ! Нельзя снять его съ пальца. Оно какъ будто приросло къ рукѣ.

ВТОРОЙ СТРАЖЪ. Тончайшей ниточки не провести между пальцемъ и кольцомъ.

ПРИНЦЪ (внезапно въ гнѣвѣ кричитъ). Какъ осмѣливаетесь вы явиться передо мною, не исполнивъ моего приказанія? Что за разговоры! Вы въ обморокъ готовы упасть, когда цыпленка рѣжете! И еще называетесь воинами! Я надѣну желѣзныя кольца на ваши руки, тогда научитесь исполнять мою волю! (Королю). Извините, государь, я иду, чтобъ самъ исполнить то, чего не могутъ совершить мои воины. (Уходитъ со стражей).

СЦЕНА XII.

(Входятъ придворные, собираясь на свадебный пиръ; трубятъ трубы; дѣвушки сыплютъ цвѣты; мальчики покрываютъ ступени трона коврами. Входитъ Принцесса со своей свитой; надъ ней несутъ балдахинъ. Позже входитъ Принцъ).

КОРОЛЬ (Принцессѣ). Ты пришла, моя милая дочь! Насталъ торжественный мигъ. Достаточно ли у тебя силы?

ПРИНЦЕССА. Да.

КОРОЛЬ. Вотъ идетъ нашъ дорогой Принцъ.

ПРИНЦЕССА. Ты придешь ли, Солнцеводецъ?

(Поднимаетъ руку, чтобы протянуть Принцу, но рука на полпути останавливается).

ПРИНЦЪ (держитъ въ правой рукѣ кольцо; въ лѣвой рукѣ у него бѣлый, забрызганный кровью платокъ). Я приношу тебѣ, дорогая принцесса, кольцо, которое ты такъ желала. Этимъ же кольцомъ я обручаюсь съ тобой, какъ со своей женой и заключаю тебя столь же крѣпко въ свои руки, какъ это кольцо обнимаетъ твой палецъ. (Надѣваетъ ей кольцо на палецъ; Принцесса на шагъ отступаетъ).

КОРОЛЬ. Милыя мои дѣти! Дайте теперь другъ другу руки на вѣки вѣковъ! Я, дитя, твою слабую ручку кладу въ сильную руку твоего друга. Мое благословеніе да . . .

ПРИНЦЕССА (вскрикиваетъ и падаетъ на руки отца).

СЦЕНА XIII.

(У главныхъ дверей на правой сторонѣ шумъ; входятъ два стража, очищая дорогу, за ними семь вороновъ несутъ стеклянный гробъ. За ними — Черная мать. Кругомъ смятеніе).

СТРАЖЪ (идя впереди восклицаетъ). Дорогу! Дайте дорогу! (Останавливаются вблизи Принца).

ПРИНЦЪ (тихо стражникамъ). Что это значитъ?

СТРАЖЪ. Не знаемъ, господинъ.

ПРИНЦЪ. Кто позволилъ войти поздравителямъ? Кто это такіе?

СТРАЖЪ (тихо). Никто ихъ не знаетъ. Мы думали, что распорядители впустили лицъ, назначенныхъ для маскарада.

ПРИНЦЪ (тихо). Такихъ масокъ мы не ждали. (Громко шествію). Назадъ! Назадъ! Теперь не время!

СЦЕНА XIV.

(Черезъ главныя двери входитъ, и проходя мимо гроба останавливается слѣва, Бѣлый отецъ, въ образѣ Мороза).

БѢЛЫЙ ОТЕЦЪ (глухо).

Не мѣшай, еще есть время!

ПРИНЦЕССА (идя навстрѣчу гробу).

Синія стекла, зеленые льды,
Душенька окоченѣла въ срединѣ.

ЧЕРНАЯ МАТЬ
(поднимая руку на Принцессу).

Въ домъ вѣковой свой, во гробъ ледяной,
Къ Матери черной обратно вернись!

ПРИНЦЕССА (тихо).

Черная мать! возвращаюсь назадъ,
Въ домъ вѣковой свой, во гробъ ледяной.
Вновь Солнцеводецъ ко мнѣ не пришелъ,
Снова меня воскресить не сумѣлъ.

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Вновь я тебя принимаю, — иди!
(Прикасается рукою къ Принцессѣ).

ВОРОНЫ: ПЕРВЫЙ.

Было такъ, такъ будетъ вѣчно, — кра!

ВТОРОЙ.

Ты опять заснешь на вѣки, — кра!

ТРЕТІЙ.

День за днями, годъ за годомъ, — кра!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Годъ седьмой, гдѣ воскреситель? — кра!

ПЯТЫЙ.

За седьмымъ — семидесятый! — кра!

ШЕСТОЙ.

Тщетно грезишь ты о солнцѣ! — кра!

СЕДЬМОЙ.

Холодъ, стужа, мракъ, конецъ, — кра, кра, кра!
(Всѣ семеро смѣются.)

КОРОЛЬ.

Дочка! милая дочурка!
(Хочетъ приблизиться къ Принцессѣ).

ПРИНЦЕССА (уклоняется отъ отца).

Нѣтъ, меня, отецъ, не трогай!
Смерть меня рукой коснулась,
И умретъ, меня кто тронетъ!

КОРОЛЬ.

Горе! горе! горе! горе!
Дочка, ты опять уходишь?

ПРИНЦЕССА.

Ухожу теперь навѣки,
Счастливъ будь, отецъ мой милый!

КОРОЛЬ. Не уходи, дитя мое, не уходи! Второй разъ я этого не переживу. Увы! увы! увы!

ПРИНЦЪ (очнувшись отъ удивленія). Долой колдовство! Волшебникъ, прочь отъ моей невѣсты! Она — моя! Я первый наложилъ на нее свою руку! (Протягиваетъ руку къ Принцессѣ):

БѢЛЫЙ ОТЕЦЪ.

Ты умрешь: не прикасайся!

ПРИНЦЪ. Волшебники, вѣдьмы, колдуны! Стражники, берите ихъ! Сюда, воины, сюда! Я вамъ приказываю.

(Никто не трогается съ мѣста. Принцесса вступаетъ въ гробъ и ложится. Великая тишина).

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Бѣлый отче, многоликій!
Ты обманутъ хитроумный!

БѢЛЫЙ ОТЕЦЪ.

Не прійти клялась: пришла все жъ!
Самъ тебѣ помогъ я...

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Нынѣ
Отойди: ты словомъ связанъ,
Слово — прочной сѣти крѣпче
Жди теперь, что въ силахъ хитрость!

БѢЛЫЙ ОТЕЦЪ.

Матерь Черная! того я
Жду, кто мой былъ и своимъ сталъ!

ЧЕРНАЯ МАТЬ (ворону).

Что сказалъ онъ, старый воронъ?
Все мое и нѣтъ чужого!
Все возьму, все одолѣю,
Въ мірѣ я одна останусь!

ПЕРВЫЙ ВОРОНЪ.

Кра, кра! (Замолкаетъ).

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Что молчишь? Иль ты не знаешь?

ПЕРВЫЙ ВОРОНЪ.

Знаю, но не понимаю, — кра!
То свое, что для другого, — кра!
Кто отдастъ, тотъ получаетъ,
Побѣдитъ, кто потеряетъ,
Устоитъ, кто измѣнится, — кра, кра!

БѢЛЫЙ ОТЕЦЪ.

Матерь! Этого и жду я.

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Жди себѣ, я одолѣю!

БѢЛЫЙ ОТЕЦЪ.

Такъ свою бери же долю!

ЧЕРНАЯ МАТЬ (воронамъ).

Что жъ! мою берите долю!
Въ вѣчный домъ ее несите!

(Вороны обступаютъ гробъ и поднимаютъ его. Въ народѣ ропотъ).

КОРОЛЬ (на колѣняхъ, съ распростертыми въ сторону Принцессы руками). Увы! увы! что я сдѣлалъ? Мое дитя, моя единственная дочь! Тебя опять берутъ отъ меня. Такъ возьмите же и мои старые дни! Несите и для меня гробъ!

ПРИНЦЪ. Чортъ и молнія! Чтобы тебя всѣ девять чертей побрали! Исчезните привидѣнія! Я одинъ васъ всѣхъ разгоню! (Хватаетъ саблю и хочетъ кинуться на вороновъ. Бѣлый отецъ поднимаетъ руку, вороны опускаютъ гробъ на землю и машутъ крыльями).

КОРОЛЬ (Принцу). Ты ея убійца! Тебѣ я отдалъ свое единственное дитя, желалъ ей добра и принесъ смерть!

(Вороны поднимаютъ гробъ съ Принцессой и уходятъ).

ВОРОНЫ (всѣ).

Мы беремъ, что наша доля. Кра!
Въ вѣковѣчный домъ уносимъ. Кра!

СТАРЫЙ ВОРОНЪ.

Было такъ, такъ будетъ вѣчно. Кра!

МОЛОДОЙ ВОРОНЪ.

Стужа, холодъ, мракъ, конецъ. Кра-кра-кра!

(Черная Мать направляется къ дверямъ. Въ народѣ ропотъ и вздохи. Вдругъ раздается громкій крикъ со стороны дверей.)

ГОЛОСЪ АНТИНА.

Увы, увы!

СЦЕНА XV.

(Принцесса, лежащая въ гробу, поднимаетъ руку; вороны останавливаются и, каркая, опускаютъ гробъ на полъ. Въ народѣ всеобщее тихое: «А! А!» Шумъ у дверей; черезъ толпу пробирается Антинъ; онъ, по прежнему, въ одной рубахѣ, безъ кафтана, но рубаха мѣстами разорвана и въ крови).

АНТИНЪ (зоветъ).

Солнцедумка! Солнцедумка!

(Принцесса поднимается въ гробу и сидя, вскрикиваетъ; вороны машутъ крыльями, закрывая ее, и каркаютъ).

ЧЕРНАЯ МАТЬ

(простирая руку къ Антину).

Ты умрешь, не приближайся!

(Вороны летятъ навстрѣчу Антину и, размахивая крыльями, громко каркаютъ).

АНТИНЪ.

Матерь Черная, ты кто же?
Мнѣ твоей руки не страшно.
Пусть умру: она воскресла бъ!

БѢЛЫЙ ОТЕЦЪ (Черной Матери).

Ха, ха, ха! Отыди, Матерь!

(Черная Мать отходитъ).

АНТИНЪ (зоветъ).

Солнцедумка! Солнцедумка!
Встань! Иди ко мнѣ скорѣе!

ПРИНЦЕССА (стремительно встаетъ изъ гроба, расталкиваетъ вороновъ и, съ распростертыми объятіями, бѣжитъ къ Антину. Черная Мать остается справа Бѣлый Отецъ — слѣва).

Все жъ пришелъ ты, Солнцеводецъ!

АНТИНЪ.

Ай, моя ты Солнцедумка!

(На мигъ застываютъ въ объятіяхъ. Въ народѣ — шопотъ, потомъ тишина).

БѢЛЫЙ ОТЕЦЪ (смѣется).

Опусти же руку, Матерь!

(Черная Мать опускаетъ руку).

Вспомни: Смерть надъ тѣмъ безсильна,
Кто не побоялся Смерти!

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Нарушитель всѣхъ законовъ!
Козни новыя ты строишь!

БѢЛЫЙ ОТЕЦЪ.

Ты напрасно обвиняешь:
Не моя здѣсь власть, — чужая.

(Указываетъ на Антина и Солнцедумку).

Былъ онъ мой, но сталъ своимъ онъ,
Волей нашу власть разрушилъ,
Побѣдилъ, себя отдавши.
Тотъ получитъ, отдаетъ кто,
Побѣдитъ, кто потеряетъ,
Устоитъ, кто измѣнится!

ЧЕРНАЯ МАТЬ.

Я возьму, я одолѣю.
Гробъ остаться пустъ не можетъ.

(Царевна и Антинъ опускаютъ руки).

ПРИНЦЕССА.

Гдѣ ты медлилъ, Солнцеводецъ?

АНТИНЪ.

Ждалъ, когда ты дома кончишь
Страшный сонъ горы стекляной.

ПРИНЦЕССА

(вдругъ вскрикиваетъ, какъ бы припоминая)

Солнцеводецъ! Перстень, перстень!
Ахъ, зачѣмъ его ты отдалъ!

Безъ него я не узнала!
Взоры были полны смерти.
Черный Принцъ обманъ затѣялъ.

АНТИНЪ
(опускается на колѣни, сложивъ руки, какъ бы для молитвы).

Твой отецъ сказалъ, что перстень
Нуженъ, чтобы ты воскресла!

ПРИНЦЕССА.

Отдалъ ты зачѣмъ? Сказалъ ты:
«Онъ на пальцѣ будетъ вѣчно!»

АНТИНЪ.

Да, на пальцѣ! Но колечко
Вмѣстѣ со всѣмъ пальцемъ взяли!
Видишь: вотъ пустое мѣсто.

(Показываетъ поднятую руку).

ПРИНЦЕССА (вскрикиваетъ).

Горе мнѣ! ахъ, Солнцеводецъ!
Кто съ тобою сдѣлалъ это?

АНТИНЪ.

Грозный Принцъ!

(Указываетъ на Принца).

ПРИНЦЕССА
(также указываетъ на Принца).

Принцъ грозный? этотъ?

(Въ народѣ ропотъ; всѣ оборачиваются въ сторону Принца, указываютъ на него пальцами).

КОРОЛЬ. Милыя дѣти, я виноватъ! Занятый земными, мелкими заботами, я вторично предалъ васъ въ руки Смерти! Сила вашихъ сердецъ васъ вырвала изъ нихъ и побѣдила самую Смерть!

ПРИНЦЕССА
(Антину, беря его за руку).

Къ милому отцу приблизься!

(Оба подходятъ къ Королю).

КОРОЛЬ. Подойдите, мои дѣти, подойдите! Вы сами соединили ваши руки, пусть же онѣ остаются соединенными на вѣки вѣковъ!

Я промедлилъ со своимъ благословеніемъ: дайте теперь ваше благословеніе — мнѣ, своему старому отцу! пусть и у меня сердце станетъ молодымъ и сильнымъ, какъ и у васъ.

(Въ народѣ ликованіе, но вдругъ, когда Принцъ выходитъ впередъ, все стихаетъ).

ПРИНЦЪ. Довольно, старый дуракъ! Я теперь знаю тебя! Довольно я наслушался вашихъ глупыхъ рѣчей!.. Война, война, война! (Выхватываетъ мечъ). Сюда, мои воины, возьмитесь за ваши мечи! (Съ обѣихъ сторонъ свита короля и Принца берется за мечи). Идите, схватите этого обманщика короля, который всѣхъ насъ обманывалъ! Схватите его распутную дочь и этого нищаго зятя! Тащите всѣхъ троихъ къ висѣлицѣ! Вырвите у нихъ ихъ лживые языки! Ха! Ха! Гибель и смерть имъ!

(Всѣ молчатъ).

ПРИНЦЪ. Война и гибель! Что жъ вы молчите? Вы испугались женщинъ да птицъ? Схватить ихъ! Я ихъ всѣхъ изрублю въ куски! Я ихъ живыми сожгу на кострѣ! Адъ и дьяволъ!

(Всѣ молчатъ.)

БѢЛЫЙ ОТЕЦЪ
(Черной Матери, указывая на Принца).

Ты, съ лицомъ единымъ, Матерь,
Вотъ твоя гдѣ будетъ доля!

(Черная Мать, поднявъ руку и держа въ рукѣ черную вуаль, тихо приближается къ Принцу. Вороны поднимаются на крыльяхъ и также направляются къ Принцу. Тотъ стоитъ неподвижно, какъ вкопанный; мечъ падаетъ изъ рукъ его).

ВОРОНЫ ВСѢ.

Это нашъ, — кра!
Это нашъ, — кра!

ПЕРВЫЙ (указывая на Принца).

Въ черныхъ кудряхъ, словно воронъ, — кра!
Съ хищнымъ клювомъ, словно воронъ, — кра!

ВТОРОЙ.

Съ острымъ взглядомъ, словно воронъ, — кра!

ТРЕТІЙ.

Кра, кра, кра! лови! бери! кра!

ЧЕРНАЯ МАТЬ
(накидываетъ на Принца черную вуаль).

Вашу долю вы берите,
Въ вѣковѣчный домъ несите!
Гробъ остаться пустъ не можетъ!

ВОРОНЫ. Кра, кра, кра! Лови! Бери! Кра!

(Вороны кладутъ Принца въ гробъ. Антинъ и Солнцедумка, на колѣняхъ передъ отцомъ. Въ народѣ громкое ликованіе).

Занавѣсъ.

Перевелъ ***В. Брюсовъ.***

ТРУДЪ И РАДОСТЬ.

Если побѣдилъ ты, — веселъ будь:
Путь свободный проложилъ твой трудъ.

Если побѣжденъ ты, — веселъ будь:
Презрѣнный, въ груди созрѣетъ трудъ.

Если вкругъ все сѣро — веселъ будь:
Вспыхнетъ въ сердцѣ ярко-алъ твой трудъ.

Если кѣмъ любимъ ты, — веселъ будь:
Будетъ грѣть тебя нѣжнѣе трудъ.

Если кѣмъ гонимъ ты, — веселъ будь:
Тверже укрѣпитъ себя твой трудъ.

Что бъ ни стало, — всюду веселъ будь!
Ты, въ движеньи вѣчномъ, самъ — свой трудъ!

В. Брюсовъ.

СОСНЫ.

Рядъ сосенъ царственныхъ гроза сломила,
На дюнахъ вставшихъ, надъ прибоемъ водъ.
Смотрѣли гордо сосны въ небосводъ.
Склонять стволы имъ нестерпимо было!

«Ты насъ сломила, вражеская сила!
Но мы отмстить сумѣемъ въ свой черёдъ.
Нашъ вздохъ послѣднiй о враждѣ поетъ,
И въ каждой вѣткѣ ненависть почила!»

И сосны выплыли въ просторъ зыбей
Свободной стаей гордыхъ кораблей,
Ихъ груди смѣло мчатся противъ бури.

И закипаетъ вновь съ грозой борьба:
«Бушуй, безумствуй, грозная Судьба,
Мы все жъ пробьемся къ областямъ лазури!»

В. Брюсовъ.

СТАНЬ ТВЕРДОЙ, МЫСЛЬ!

Стань твердой мысль!
Стань зычнымъ, слово!
Стань наковальней, мысль!
Стань колоколомъ, слово!

Тьмы кузнецовъ тебя куютъ вѣка:
Ковачъ великій, безпощадный голодъ,
Всей тяжестью обрушиваетъ молотъ,
А, скромнымъ сонмомъ, бьютъ исподтишка
Со стороны, и сгорблены, и сѣды,
Старухи-сестры, маленькія бѣды.

Стань твердой, мысль!
Стань зычнымъ, слово!

Въ горнилѣ мукъ бѣлѣй раскалено,
Закалено огнемъ и сожжено!
Мѣха вздуваютъ пламя неуклонно,
Тебя палятъ неистовымъ огнемъ,
Толкаютъ въ самый жаръ, сжимаютъ въ немъ
Давленьемъ атмосферы раскаленной.
Стань разсѣкающимъ мечомъ!

Стань острой, мысль!
Стань грознымъ, слово!

Стань чуждымъ ржавчинѣ клинкомъ изъ стали,
Чтобъ гражданинъ могъ смѣло взять тебя,
Чтобъ ты сверкало, камни стѣнъ дробя,
Чтобъ цѣпи предъ тобой и брони пали!

Стань острой, мысль!
Стань грознымъ, слово!

В. Брюсовъ.

БѢДНЫЙ БРАТЪ.

Гдѣ мать? гдѣ отецъ? гдѣ товарищи?
Одинъ я стою на пожарищѣ,
Все отнято, милый мой братъ!

— Да, все они могутъ отнять,
— Но только не въ силахъ заставить тебя застонать!
Твое это, бѣдный мой братъ!

А руки мои окровавлены,
Веревками крѣпкими сдавлены,
Свободы лишился я, братъ!
— Да, все они могутъ отнять,
— Но только не въ силахъ заставить тебя застонать!
Твое это, бѣдный мой братъ!

Въ тюрьму меня бросить намѣрены,
И тамъ я погибну, затерянный,
Мнѣ солнца не видѣть, мой братъ!
— Да, все они могутъ отнять,
— Но только не въ силахъ заставить тебя застонать!
Твое это, бѣдный мой братъ!

Иль въ степи угонятъ холодныя,
Голодныя степи, безплодныя . . .
Безъ хлѣба томиться мнѣ, братъ!
— Да, все они могутъ отнять,
— Но только не въ силахъ заставить тебя застонать!
Твое это, бѣдный мой братъ!

Подъ пули, быть можетъ, поставленный,
Лежать буду, всѣми оставленный,
Въ могилѣ безвѣстной, мой братъ!
— И жизнь они могутъ отнять,
— Но все же не въ силахъ заставить тебя застонать!
Какъ громъ, то молчанье раскатится,
Другими твой подвигъ подхватится:
Твое это, бѣдный мой братъ!

В. Брюсовъ.

НИКОГДА.

Я не увижу никогда,
Я не вдохну твоей прохлады,
Въ часъ отдыха иль въ часъ труда,
Я не увижу никогда
Тебя, мое родное поле!

Мнѣ не почувствовать хоть разъ
Ни нѣги утренней прохлады,
Ни зноя въ полуденный часъ...
Мнѣ не почувствовать хоть разъ
Тебя, мое родное поле!

Нѣтъ, никогда мнѣ не обнять
Тебя, когда блестятъ Плеяды
Иль жницы точатъ серпъ опять!..
Нѣтъ, никогда мнѣ не обнять
Тебя, мое родное поле!

В. Брюсовъ.

СЛОВА И ДѢЛО.

Рѣчи длинны всегда,
Но безмолвствуетъ трудъ·
Подъ мощью труда
Оковы падутъ!

В. Брюсовъ.

МОЙ БРАТЪ.

Облако въ озеро долго смотрѣлось,
Какъ чрезъ плечо, чрезъ высокій утесъ:
Мрачное, грустное, полное слезъ,
Облако въ зеркалѣ водномъ виднѣлось.

Бродишь и видишь и море и сушу,
Мѣришь лазурныя дали небесъ,
Знаешь красоты всемірныхъ чудесъ, —
Гдѣ жъ успокоить усталую душу?

Гдѣ, обрѣтя свое мѣсто, остаться,
Слѣдъ своей жизни оставить навѣкъ,
Скорби твои утолять, Человѣкъ,
И самому — въ слезахъ раствориться?

В. Брюсовъ.

ЗВУЧАЩЕЕ ПЛАМЯ.

На нить нанизанные звуки
Плывутъ и рѣютъ въ вышинѣ:

Моей души мечты и муки
Горятъ и плавятся въ огнѣ!

Душа горитъ, сгораетъ ярко,
Въ огнѣ расплавлена она.
Пусть сердце полно кровью жаркой,
Душа огнемъ претворена!

Въ ней все тяжелое сгорѣло,
Она свободна и легка:
Все плавится, что̀ тяготѣло, —
Томленья, ужасы, тоска!

Огонь! Пройди до глуби темной,
Гдѣ крылись муки, страхи, гнѣвъ,
Развѣй по нивѣ подъяремной
Свой пламенѣющій посѣвъ!

Огонь, звенящій безъ предѣла,
Сжигай всѣ думы, — чтобъ разнесъ
Потомъ ихъ пеплюмъ, пылью бѣлой,
Свободный вѣтеръ новыхъ грезъ!

Но все плывутъ и рѣютъ звуки,
И думы нижутся на нить:
Моей души мечты и муки
Горятъ, чтобъ бѣлымъ пепломъ стыть!

В. Брюсовъ.

НАШИ ДНИ.

Они идутъ, безчисленны,
То въ свѣтѣ дня, то сквозь туманы;
Безвѣстны и безсмысленны,
Сочатся, словно кровь изъ раны . . .

В. Брюсовъ.

ДЕНЬ СТРАШНАГО СУДА.

Motto: Dies irae, dies illa
Solvet ceolum in favilla.

Не мало пылкихъ
Замретъ сердецъ,

И мощныхъ становъ
Найдетъ конецъ;

Не мало темныхъ
Пройдетъ ночей,
И искръ погаснетъ
До тѣхъ огней;

Костьми вновь будутъ
Поля полны,
И кровь прольется —
До тишины;

Не мало грудей
Испуститъ стонъ;
Возстанетъ гордый,
Падетъ, согбенъ;

Нахлынутъ волны,
И отойдутъ,
И снова, снова
Валы взметнутъ!

Пусть сотни сотенъ
Прошли: за нихъ
Вотъ сотни тысячъ
Пришли другихъ.

Смолкъ голосъ: десять
Взамѣнъ звенятъ, —
Пока просторы
Вкругъ не взгремятъ;

Пока отъ гнѣва
Не дрогнетъ логъ,
И каждый, смятый
Ногой цвѣтокъ!

Землетрясенье
Дома смететъ;
На васъ обрушитъ
Желѣзный сводъ;

Стѣной вы мнили
Жизнь защитить:
Рванутся камни —
Кровь вашу пить!

Съ плечъ ваши зàмки
Стряхнетъ скала,
Главу возвысивъ,
Горда, свѣтла.

Куда бѣжать вамъ?
Враговъ не счесть!
И долъ, и горы,
Готовятъ месть!

Моря, озера,
Не примутъ васъ, —
Потопомъ хлынутъ
Въ тотъ грозный часъ.

Къ болотамъ чернымъ
Бѣжать? Увы!
Вы — ихъ чернѣе,
Имъ чужды вы!

— Земля нѣмая,
Свой зѣвъ раскрывъ,
Задышитъ сѣрой,
Васъ поглотивъ!

В. Брюсовъ.

ГЛУБОЧАЙШІЯ ДУМЫ.

Думы глубокія
Стономъ рождаются,
Бредомъ безформеннымъ,
Жгучимъ предчувствіемъ;

Думы безгранныя,
Сердце когтящія,
Словно желѣзными
Рока ударами.

Нѣтъ въ душахъ радости...
Ахъ, убѣжалъ бы я!...
Но онѣ ласково
Жгутъ, мучатъ, слѣдуютъ...

В. Брюсовъ.

УМѢРЕННОМУ.

Ты чтишь свободу, висѣлицу — тоже;
Народу служишь, служишь и вельможѣ;
Всегда быть хочешь осторожнѣй, строже,
Межъ крайнихъ — ищешь средній путь безъ гнѣва:
Зато и бьютъ тебя, какъ справа, такъ и слѣва.

В. Брюсовъ.

ДУМЫ ВЕСНОЙ.

Все пало, завяло, зарыто въ землѣ,
Я — гибнущій въ ужасѣ, въ тайнѣ, во мглѣ.

Что дѣлать? Сжать губы и жизнь дотянуть,
Пока еще дышитъ усталая грудь.

Что дѣлать? Сжать зубы, терпѣть и терпѣть!
И пусть всѣ надежды должны умереть.

Пусть падаютъ руки и силъ уже нѣтъ; —
Въ глубинахъ изъ мрака рождается свѣтъ.

В. Брюсовъ.

БУРНОЕ ВРЕМЯ.

1.

На небѣ облако высоко поднялось, —
И солнца ликъ въ тяжеломъ мракѣ скрылся.
Подъ нимъ огонь, — что пламенѣлъ и лился, —
Растрепанъ, падаетъ, какъ золото волосъ.

Но облако растетъ, — въ испугѣ сердце ноетъ, —
Полъ-неба темнотой уже заволоклось...
Гнететъ упавшій духъ, и блѣдность щеки кроетъ.

Ложатся на душу невѣдѣнье и сплинъ;
Желанья жаждутъ дальнихъ солнечныхъ равнинъ.

2.

Но облако ползетъ все выше и темнѣй, —
Лучи и свѣтъ давно у тьмы въ неволѣ.
Ужъ небеса гудятъ, молчитъ угрюмо поле,
И ласточки кружатъ такъ низко надъ землей.

Вдругъ грянулъ громъ, и вотъ внезапно буря
Все превращаетъ въ ревъ, и свистъ, и трескъ, и вой,
Ломая дерева, рѣчныя глади хмуря, —
Ломаетъ, топчетъ жизнь безжалостной ногой,
Терзаетъ ликъ земли въ той ярости слѣпой.

3.

И все подавлено, — покрылась мракомъ твердь.
Зарницъ несмѣлый блескъ. Ночь въ ужасѣ застыла.
Вотъ дождь заморосилъ во мглѣ туманной. Сила
Попрала все... Стоитъ, какъ стража, смерть.

Безсиленъ духъ, и тяжелѣютъ вѣжды...
Въ сердцахъ лишь рѣдкихъ скрытъ огонь, чтобъ вновь
Мысль разжигать, души вспугнуть надежды.
Ночь холодна. Дождь проникаетъ въ кровь.
Въ болотахъ стоны мрачныхъ голосовъ...

Вирза.

МОИ ДРУЗЬЯ.

Кто мои друзья? При вешнемъ снѣгѣ —
Юные зеленые побѣги;
Поколѣній будущихъ семья —
Вотъ мои друзья, мои родные!
Здѣсь же дышатъ вкругъ меня чужіе,
И гдѣ родина — не знаю я!

В. Брюсовъ.

МОИ ВРАГИ.

Не враги мои, гордясь по праву,
Побѣдятъ когда-нибудь меня.

Побѣдить меня, — такую славу
Вы получите, мои друзья:
Вы пойдете далѣе, чѣмъ я!

В. Брюсовъ.

ВЪ ГОРАХЪ.

За годомъ годъ, все глубже ты отмѣтишь,
Какъ одинокъ ты! Отойдутъ друзья.
Лишь изрѣдка въ пути родного встрѣтишь,
Иль стебелекъ сорветъ рука твоя.

Потомъ и то исчезнетъ... На вершинахъ
Замретъ душа въ безмолвіи глухомъ...
Ты отдыха не обрѣтешь на льдинахъ.

Но будетъ все жъ — подъ ледянымъ щитомъ —
Тоска земли въ тебѣ пылать огнемъ.

В. Брюсовъ.

ЗЕРНА МЕЖЪ ЖЕРНОВОВЪ.

Прекрасныя мечты ночей безсонныхъ,
Завѣты, идеалы, сердца зовъ, —
Все мелется межъ миговъ обыденныхъ,
Какъ зерна межъ тяжелыхъ жернововъ.

В. Брюсовъ.

САМОУБІЙЦА.

Ты жить усталъ? Усталъ отъ мути вѣка?
Что жъ, путь свободенъ, двери широки,
Но презри тѣ, что указалъ Сенека,
Гдѣ примешь смерть отъ собственной руки.
Иди въ другія, чуждъ привычки ложной,
Гдѣ жизнь свою отдать за братьевъ можно,
Гдѣ миги смерти — свѣтлы и легки!

В. Брюсовъ.

БІЕНІЕ СЕРДЦА.

Сердца біенія —
Мѣра для времени, —
Блещетъ ли радостно
Взоръ на мгновеніе,
Или такъ тягостно
Въ жизненномъ бремени!

Сердца біенія, слышишь, твердятъ:
«Есть время еще, но спѣши — говорятъ —
— Спѣши, наблюдай, какъ уходятъ мгновенія,
И скоро, увы! Хоть тебѣ и не вѣрится,
Станутъ все медленнѣй сердца біенія,
Которыми время недолгое мѣрится!»

В. Брюсовъ.

ЗОЛОТЫЕ ЛИСТЬЯ.

Какъ неспѣшно ступала,
Словно въ туфляхъ свинцовыхъ,
Эта лѣтняя ночь!
Жизнь ея замирала,
Бился пульсъ, какъ въ оковахъ,
Но не могъ изнемочь.

И головки склоняли
Травъ цвѣтныхъ вереницы
Внизъ, до самой земли.
Безъ движенія ждали
И деревья, и птицы,
И просторы вдали...

Открывайте же очи!
Улыбнулся, проснулся
Каждый юный ростокъ.
Послѣ медленной ночи
Травъ зеленыхъ коснулся
Заревой вѣтерокъ.

Золотистыя почки
Тамъ, на горныхъ березкахъ,
Задрожали въ отвѣтъ.
Раньше всѣхъ ихъ листочки
Всѣ въ сверкающихъ блесткахъ
Пьютъ желаній разсвѣтъ.

Въ свѣтѣ солнца все — свято!
Ахъ, чего имъ бояться,
Какъ не пѣть на зарѣ!
И они до заката
Будутъ съ солнцемъ шептаться
На высокой горѣ.

В. Брюсовъ.

МЕДЛЕННОЕ ОСТРІЕ.

Мой тихій стонъ, я знаю, ты — послѣдній!
Нѣтъ, боли мнѣ не чувствовать отнынѣ,
Но взора не покинетъ тѣнь уныній,
И въ сердцѣ скорбь подымется побѣднѣй.
Тотъ тлѣющій огонь — огонь послѣдній!
То — голосъ голубя подъ твердью синей,
То — вѣчный илъ въ бездомныхъ глубяхъ моря.
Неспѣшенъ склонъ отъ радостей до горя
Язвитъ съ неспѣшностью вѣнокъ терновый,
И вечеръ долго свѣтится багровый.

В. Брюсовъ.

ВОЛЧЬЯ БЕРЛОГА.

Какъ волкъ сжился съ своей берлогой
И безъ нея не хочетъ жить,
Такъ память повторяетъ строго
Все то, что жаждешь ты забыть.

Идешь ты къ скаламъ и къ стремнинамъ . . .
Ты развѣ ихъ не избѣгалъ?
И внемлешь бурямъ и пучинамъ,
Какъ прежде столько разъ внималъ.

Себя повсюду узнаешь ты,
Бѣжишь къ берлогѣ безъ слѣда...
Когда-нибудь въ нее войдешь ты,
Чтобъ въ ней остаться навсегда!

В. Брюсовъ.

ЗЕЛЕНОЕ ВИНО.

Ты утомился, замолчалъ...
Пустъ твой бокалъ.
Въ немъ искрилось зеленое вино,
Теперь же сухо даже дно.

«Нѣтъ, не совсѣмъ осушено!
Нѣтъ, что-то тамъ еще лежитъ,
На днѣ забытое блеститъ:
Какъ капля крови, сердце въ немъ
Горитъ огнемъ.»

В. Дамбергъ.

ПѢСНЯ ДѢВУШКИ.

Не пой такъ грустно, соловей, —
Дай отдохнуть душѣ моей!
Въ слезахъ томилась я всю ночь,
Тоску не въ силахъ превозмочь...
Душа моя темна, грустна, —
Твоими пѣснями полна.

Съ постели встану я чуть свѣтъ —
Въ тѣхъ комнатахъ и солнца нѣтъ,
Тамъ копоть лампъ, тамъ пыль одна,
Тамъ жизнь моя погребена,
Тамъ, гдѣ подъ бой часовъ въ тѣни
Проходятъ вечера и дни.

И ночь, и утреннюю тишь
Ты звонкой пѣсней огласишь.
Ты не замолкнешь до утра,

Когда къ работѣ мнѣ пора.
Не пой такъ грустно, соловей, —
Дай отдохнуть душѣ моей!

Варза.

PIETÀ.

Я прячу скорбь въ гирляндахъ изъ цвѣтовъ,
Вѣтвями выстилаю и травою,
Таю въ букетахъ съ молодыхъ лутовъ,
Подъ кипарисомъ и подъ лавромъ крою.

Я часто такъ обманывалъ враговъ:
Чѣмъ глубже раны, — болѣе узорно
Друзей плѣняли краски лепестковъ!

И будешь скрыто блескомъ астры черной *
Ты, сердце! — рана, что̀ таю упорно.

В. Брюсовъ.

*

Безцѣльна была эта жизнь, —
Ее осмыслила ты;
Пустыней была эта жизнь, —
Посѣяла ты цвѣты;

Холодной была эта жизнь, —
Дала ты лучи тепла;
Безъ свѣта была эта жизнь, —
Ты солнце надъ ней зажгла.

И солнце славитъ опять
Моя ожившая рѣчь,
И вновь надежды могу
Въ застывшихъ сердцахъ зажечь.

Т. Кладо.

МОСТИКЪ.

Хочу я мостикъ перекинуть,
Ахъ, черезъ ночь,

* Черная астра — символъ смерти.

Чтобъ тѣсно день ко дню придвинуть,
Чтобъ въ снахъ кошмарныхъ мнѣ не стынуть
Всю ночь!

Моста, — о горе! — не построить
Мнѣ черезъ ночь,
И дня со днемъ — увы! — не сдвоить,
И вновь мнѣ глазъ не успокоить
Всю ночь!

В. Брюсовъ.

ВЕЧЕРНІЙ ПОКОЙ.

На горизонтѣ,
Тучами сжатъ,
Ало-багровый,
Гаснетъ закатъ.

Гдѣ-то, мигая,
Тлѣетъ костеръ,
Перепелъ крикнулъ...
Въ сердцѣ — укоръ.

Тьма набѣгаетъ...
Гдѣ же свѣтло?
Холодомъ вѣетъ,
Никнетъ чело.

В. Брюсовъ.

ПУЧИНА СТРАДАНІЙ.

Съ печалью случайной, ничтожной,
Иду я по берегу моря,
И въ пѣснѣ прибоя тревожной
Мнѣ слышатся ропоты горя, —
Пучина страданій!

Внимаю, — и съ каждымъ мгновеньемъ
Свои забываю печали,
И полонъ я большимъ мученьемъ,
Сливаясь со стонами дали,
Съ пучиной страданій.

И сердце рыдаетъ съ прибоемъ:
Ихъ разное горе — такъ сходно!
Мы муки вѣщаемъ иль кроемъ,
Но всѣ мы — въ тоскѣ безысходной, —
Въ пучинѣ страданій!

Нѣтъ! Жить невозможно въ туманѣ,
Гдѣ мучитъ ничтожное горе.
Открой мнѣ величье рыданій,
Ты, море, великое море,
Пучина страданій!

В. Брюсовъ.

СТАРЫЕ НЕДУГИ.

Горе! Будни заглушили
Солнца смѣхъ въ душѣ твоей,
И заботы тусклыхъ дней
Сердце обручемъ сдавили.

Побѣди заботы тѣ:
Имъ, что гадамъ, крыться въ норы,
Не взнестись за нами — въ горы,
Не подняться къ высотѣ!

В. Брюсовъ

ВОПРОСЫ ДѢВУШКИ.

Скажи мнѣ, милый, милый мой,
Гдѣ взялъ ты столько пестрыхъ словъ?
— Смотрѣлъ я на потокъ людской.

Гдѣ жъ взялъ ты столько яркихъ словъ?
— Смотрѣлъ я на закатъ дневной.

Гдѣ жъ взялъ ты столько мощныхъ словъ?
— Смотрѣлъ я на морской прибой.

Гдѣ жъ взялъ ты столько тихихъ словъ?
— Смотрѣлъ я, что̀ съ моей душой.

Гдѣ жъ взялъ ты столько милыхъ словъ?
— Смотрѣлъ во взоръ твой голубой.

Гдѣ жъ взялъ ты мощь глубокихъ словъ?
— Глубь Смерти взоръ увидѣлъ мой.

Ахъ, милый, милый, милый мой!

В. Брюсовъ.

УСПОКОИВШАЯСЯ ВѢТКА.

Сердце, какъ вѣтка, качается,
Съ которой птица слетѣла,
Потомъ замираетъ несмѣло.
Чего же мой духъ дожидается?
Чего?
Кто знаетъ, чего!
Я только знаю: смеркается.

В. Брюсовъ.

UNA BARCA.

Вновь ропщетъ море, у ногъ бушуетъ;
Хруститъ такъ мягко бѣлый песокъ.
Не изъ отчизны ль вѣтеръ дуетъ?
Въ душѣ такъ мирно, и миръ — глубокъ!
«Le piace una barca, signore?»
Ахъ, да! Я гдѣ же? Гдѣ жаждалъ я быть?
Зачѣмъ, о сердце, себя томить?
Тому — не быть!

В. Брюсовъ.

ВЪ ЗЕЛЕНОЙ ТѢНИ.

Ужели рана заживетъ,
Что долго такъ сочилась кровью,
За днями день, за годомъ годъ?
Ты руку нѣжную съ любовью
Кладешь на сердце мнѣ, — и вотъ,
То сердце, что сочилось кровью,

Согрѣто, — и мечта живетъ!
Но нѣтъ! Не бейся, сердце! Будетъ!
Твой путь еще далекъ, взгляни,
И скоро онъ тебя разбудитъ.
Пока же спи! Усни! Усни!

В. Брюсовъ.

ОПЯТЬ НОЧЬ.

Кругомъ лежала ночь:
Дремали всѣ, неподвижно, одиноко,
Объяты страхомъ; тягостный, глубокій
Сонъ охраняла ночь.

И если гдѣ звенѣлъ
Вдругъ голосъ, онъ — звучалъ такъ безпріютно;
Лишь тѣни бѣлыя вздыхали смутно:
«О, ночь! гдѣ жъ твой предѣлъ?»

Вновь, какъ когда-то, ночь:
Кровавый дождь и буря въ безднѣ черной . . .
Но молотами бьютъ бойцы упорно
И не отступятъ прочь.

«Намъ новый голосъ прозвенѣлъ»,
— Поетъ ихъ молотъ — «день сіялъ, хоть кратокъ.
Не дрогнемъ мы, нашъ шагъ не будетъ шатокъ:
Мы видимъ тьмы предѣлъ!»

В. Брюсовъ.

НОВАЯ СИЛА.

Разрушить это тѣло — въ вашей власти,
Мой станъ согнуть и кости сокрушить,
Лучи огней бездремныхъ потушить
И, по суду, суставы рвать на части;
Во власти пытками и духъ терзать,
Пока застонетъ онъ отъ мукъ суровыхъ,
Чтобъ скорбь свою страдальцамъ передать . . .
Но духъ — не вашъ! И преданный оковамъ,
Свободенъ, онъ возстанетъ съ солнцемъ новымъ!

В. Брюсовъ.

КОРОЛЕВНА.

Въ этотъ грозный день
Кровь лилась фонтаномъ:
Провалились въ землю замокъ съ королевной.

Въ глубинѣ земли
Прелесть-королевна
Все сидитъ надъ пряжей, шесть столѣтій сряду.

Стѣны тамъ — янтарь,
Полъ — зеленой мѣди,
Сводъ — изъ перламутра, кладка — синей стали.

Прялка — словно громъ
Въ ручкахъ королевны,
Брилліантъ — катушка, нити — волны молній.

Въ креслѣ золотомъ
Все сидитъ надъ пряжей,
Мрачно взоръ пылаетъ, черный песъ — у кресла.

Черный песъ порой
Поднимаетъ морду
И рычитъ, почуя сверху запахъ крови.

Въ нѣкій грозный день
Брызнетъ кровь фонтаномъ, —
Въ этотъ день возстанутъ замокъ съ королевной.

Къ пряжѣ новыхъ дней
Сядетъ королевна:
Молніи — основа, а утокъ — снопъ радугъ.

Тканью новыхъ дней,
Солнечнымъ покровомъ,
Всѣхъ теплю одѣнетъ, всѣхъ, рожденныхъ въ скорби.

В. Брюсовъ.

ДЛИННЫЙ ПУТЬ.

Но выше, выше все ведетъ мой путь.
Какъ утромъ тѣнь, все таетъ сномъ безплоднымъ,

А воздухъ сталъ прозрачнымъ и холоднымъ...
Но выше, выше все ведетъ мой путь.

.

Земныхъ оковъ упали съ тѣла звенья:
Зло, ненависть, волненья и мученья.
Безъ прошлаго, безъ страсти, безъ грѣха,
Гляжу, какъ даль, вся въ золотѣ, тиха;
И, крылья пробуя въ эѳирѣ чистомъ,
Душа — какъ бѣлый снѣгъ на склонѣ льдистомъ,
И, сбросивъ все, что тяжело, — она,
Какъ звѣздъ мерцаньемъ, нѣжностью полна.

.

Но выше, выше все ведетъ мой путь.
Какъ утромъ тѣнь, все таетъ сномъ безплоднымъ,
А воздухъ сталъ прозрачнымъ и холоднымъ.
Но выше, къ солнцу, ведетъ мой путь:
Нѣтъ въ вѣчности конца, чтобъ отдохнуть!

В. Брюсовъ.

А. КУРЦІЙ.

ТЫ ОДИНОКЪ.

Какъ робко хочетъ стволъ къ стволу прижаться!
Лишь двѣ березы гордыхъ одиноко,
Бѣлѣя, къ небу тянутся высоко.
Устало листья въ воздухѣ кружатся.
Ты одинокъ. Мечты твои летятъ
Туда, гдѣ за лѣсами тихъ закатъ.

Какъ призрачный маякъ, съ другого края
Ущербный мѣсяцъ круглый всплылъ съ улыбкой;
Въ его лучахъ клубится сумракъ зыбкій;
Мерцаютъ пятна свѣта, угасая.
А ты одинъ. Лишь въ небѣ, высока,
Съ сіяньемъ звѣздъ дрожитъ твоя тоска.

Ты бродишь одинокъ, бредешь безслѣдно...
Странна, длинна, тѣнь за тобой влачится,
Когда луна съ нѣмымъ лицомъ катится,
Оцѣпенѣвъ, въ тоскѣ тяжело-мѣдной.
Ты одинокъ. Ночная дремлетъ даль.
Лишь гдѣ-то, жалуясь, поетъ печаль.

Юрій Верховскій.

ОЖИДАНІЕ.

Осеннее поле и мглистыхъ
Дрожанье дубовъ, безлистыхъ,
Блеклыя травы, стебли, пустоцвѣты —
Осени грозной примѣты —
Вихри и грозы,
Тучи, зари догорающей розы, —

Скрылись безслѣдно.
Но въ памяти прежніе образы — въ рядъ
Стройно проходятъ, какъ взводы солдатъ,
Флейты поютъ, барабанъ рокочетъ
Съ музыкой мѣдной,
А сердце, какъ домъ опустѣлый, хочетъ
Дверь распахнуть и все ждетъ гостей...
Но нѣтъ вѣстей.

М. Долиновъ.

ТИХАЯ НАДЕЖДА.

Ночью, когда все молчитъ,
Дневными трудами накопленный прахъ
Стираю съ чела я;
И въ сердцѣ поетъ, какъ въ подземныхъ ключахъ,
Струя ледяная.
Ночью, когда все молчитъ,
Я плачу, сердцу внимая.

Со звѣздами сердце бесѣду ведетъ,
И тѣ, что погибли давно, упованья,
Что скорбно, давно удалились въ изгнанье,
Какъ лиліи, въ лунныхъ лучахъ, среди водъ,
Встаютъ и струятъ свое благоуханье...
Ночью, когда все молчитъ,
Когда все притихло и спитъ,
Какъ въ темныхъ лѣсахъ утопаютъ былыя страданья!

Е. Сырейщикова.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Осины за окномъ моимъ дрожатъ,
Въ морозной мглѣ роняя свой нарядъ,
И скоро тѣни выростутъ въ туманѣ,
Шепнутъ про смерть, про горечь увяданій,
И о живомъ возопіетъ душа!
Но поле стынуть будетъ, не дыша,
Молчать въ великомъ, смертномъ снѣ природы,
Тая глубоко будущіе всходы.

Е. Сырейщикова.

*

Тропами темными мой путь меня ведетъ;
Ужъ погасаетъ день, и вечеръ настаетъ . . .
Напрасно я ищу ночлега скорбнымъ взоромъ:
Куда бъ я ни пошелъ по стонущимъ просторамъ,
Мнѣ не уснуть. Тоской я жгучей увлеченъ
Бродить по всѣмъ путямъ, гдѣ смертный слышенъ стонъ,
Гдѣ вѣтеръ тучи рветъ, разбрасываетъ, гонитъ
И въ глубинѣ лѣсовъ унылымъ зовомъ стонетъ.
Куда бъ я ни взглянулъ, — вездѣ потоки слезъ,
Мольбы, и ропоты, и шопоты угрозъ.
Проходятъ призраки любимыхъ, какъ въ туманѣ;
Трепещетъ сердце; взоръ, исполненный страданій,
Глядитъ въ тотъ край, куда зоветъ святой обманъ . . .
Не буревѣстникъ ли несется, вихремъ пьянъ?
И ожиданіемъ на мигъ я весь охваченъ . . .
Но жизнь такъ коротка, а путь такъ жутко-мраченъ!

Е. Сырейщикова.

Я. ЯУНСУДРАБИНЪ.

ВРАТА НЕБЕСНЫЯ.

Надъ лѣсомъ медленно плыли синія облака къ востоку. На западѣ сверкало золотое море и поднималось все выше. Надъ верхушками чахлыхъ болотныхъ сосенъ загорѣлась вечерняя звѣзда, заблисталъ мѣсяцъ, словно серебристая краюшка хлѣба. Наступила холодная ночь.

У опушки лѣса, подъ вѣтвями ели, дремала нѣмая землянка. Передъ землянкою сидѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ и раскладывалъ костеръ. Обледенѣлый хворостъ шипѣлъ и сочился. Темный дымъ поднимался и ползалъ по хвоѣ елокъ. Съ нижнихъ вѣтвей ели безпрерывно падали грязныя капли. Онѣ капали на костеръ, на шапку мужчины, на его красныя руки. Къ стѣнѣ землянки была привязана бѣлая, исхудалая лошаденка. На дровняхъ валялась охапка сѣна и соломы для подстилки. Бѣлая кляча стояла съежившись, понуря голову.

— Мишенька уснулъ? — мягко спросилъ мужчина.

— Да, — отвѣтила женщина изъ землянки.

Лошаденка подняла голову и навострила уши. Черезъ лугъ кто-то шагалъ по замерзшему снѣгу. Когда онъ подошелъ ближе, мужчина у костра услышалъ скрипъ снѣга и сталъ прислушиваться.

— Жена, смотри, не твой братъ ли?

Изъ землянки высунула голову женщина съ довольно молодымъ, но изможденнымъ лицомъ. Грязный, бѣлый шерстяной платокъ плотно укутывалъ ея голову, на плечи было накинуто лоскутное одѣяло.

— Навѣрное онъ, — отвѣтила равнодушно жена и сѣла на порогъ землянки.

— Я думалъ, что вы уже спите, — сказалъ пришелецъ.

Онъ протянулъ руку сестрѣ и ея мужу, усѣлся у костра, вздохнулъ и закурилъ трубку. Затянувшись нѣсколько разъ, онъ

вынулъ изъ кармана своего бѣлаго тулупа объемистый свертокъ и подалъ его сестрѣ.

— Это отъ моей жены твоему Мишѣ. Тамъ кусочекъ масла и еще кое-что. Какъ вы вообще существуете? Я по пути къ вамъ все думалъ: откуда вы берете воду? Болота замерзли, а до колодца далеко! Ты работалъ гдѣ-нибудь?

— Воду я беру теперь изъ колодца. У насъ чанъ; — такъ, ведеръ на десять, его хватаетъ на три-четыре дня. Раньше, когда не было лошаденки, я вырубалъ прорубь тутъ же, въ болотномъ рву. Некипяченой, конечно, нельзя было пить: илистая. Но кипяченая никому изъ насъ не нравится. Жена набрала малиновыхъ стебельковъ, я принесъ фунтъ сахару, вотъ и готовимъ иногда себѣ чай! Труднѣе — Мишенькѣ. Мы привыкли къ нашему «дворцу». Одолжилъ я у хорошаго человѣка тридцать рублей и купилъ вчера лошаденку. Дровней во время пожара*) не было дома, теперь я получилъ ихъ обратно. Пока еще держится снѣгъ, поѣду на заработки. Какъ только холмы обсохнутъ, сейчасъ начну ковырять землю. Братъ обѣщалъ дать зерна на посѣвъ, сколько у него останется лишняго. Старшій сынъ тоже прислалъ письмо: рублей пятьдесятъ обѣщаетъ прислать.

— Но что съ Карломъ? Ничего не слышно?

— Богъ его знаетъ! — воскликнула сестра и заплакала.

Мужъ собралъ головешки въ костеръ; огонь ярко запылалъ. Словно привидѣнія, сидѣли эти три человѣка, тихіе, неподвижные, съ сверкающими глазами. Страданія всего міра схватились за руки и, издѣваясь, вихремъ плясали вокругъ ихъ землянки и костра. Это были не только раны, что прежде наносила имъ порою тупая стрѣла судьбы. Такую рану можно было клясть, поплакать надъ нею или даже посмѣяться, — она скоро заживала. Но теперь было истерзано сердце матери, было уничтожено все, что отецъ создалъ трудами своихъ рукъ за всю свою жизнь, была опустошена до послѣдней капли горькая чаша пота его лица. Эту боль не могла вмѣстить душа крестьянина, — вотъ почему онъ сидитъ, вперивъ нѣмой взоръ въ пылающій костеръ.

Но въ землянкѣ спитъ дитя этихъ двухъ измученныхъ страданіями людей. Съ каждымъ кускомъ хлѣба оно впитываетъ въ себя тихую боль отца и матери; съ каждымъ глоткомъ воды, что оно льетъ изъ обгорѣвшаго чана, въ его душѣ нарождается жажда, горячая, пламенная жажда.

---

* Авторъ имѣетъ въ виду пожары 1906 г. и прочія карательныя дѣйствія въ латышскомъ краѣ въ этомъ году.

— Тебѣ, сестра, будетъ труднѣе всѣхъ, — прервалъ пришелецъ мрачное молчаніе. — Старику будетъ пособлять Мишка, сколько онъ сможетъ, а тебѣ надо будетъ справляться и по двору, и въ полѣ: батрака вѣдь не сможете держать.

— А самому развѣ будетъ легко? — возразила сестра. — Какая ужъ тамъ помощь отъ Мишеньки! У самого силы идутъ на убыль. И сколько хорошихъ кусковъ ему перепадетъ до осени? Если Янъ пришлетъ, купимъ корову, овцу. Нужна одежда, нужна капля молока, нуженъ кусокъ мяса на зиму. Надо будетъ обзавестись хотя бы поросенкомъ. Куда же иначе листья дѣвать? Придется же снова посадить садъ. Надо начать строить домъ. Одинъ-другой изъ сосѣдей придетъ на помощь, а главное придется самому одолѣть. По крайней мѣрѣ, надо поставить избушку и хлѣвъ: развѣ ужъ намъ все время, какъ цыганамъ, ютиться въ лѣсу? Хорошо еще, что позволили, а то пришлось бы остаться въ открытомъ полѣ. Хоть бы баню оставили, не сожгли бы. Мы, конечно, могли бы пріютиться до весны у любого сосѣда, но всѣ боятся насъ принять. Да, пожалуй, такъ лучше, не привычно намъ висѣть на шеѣ у чужихъ. Землянку настлали довольно плотно: не холодно. И постоянно жжемъ костеръ, какъ станетъ холодно, такъ вылѣзаемъ и согрѣваемся. Мишенька мается. Но, все жъ, будетъ скоро весна.

— Ничего, — прервалъ ее братъ, — у васъ свой кусокъ земли, родовой. Какъ-нибудь пробьетесь. Одинъ-другой изъ насъ поможетъ вамъ въ работахъ. Мишка подрастаетъ. Еще неизвѣстно, какія могутъ наступить времена, — можетъ быть, Карлъ вернется. Развѣ ужъ вѣчно такъ останется?

Сестра залѣзла въ землянку и легла. Въ землянкѣ только слышно было тихое дыханіе, а за стѣною — жеваніе лошаденки.

Братъ долго глядѣлъ въ темный лѣсъ, наконецъ онъ произнесъ дрожащимъ голосомъ:

— Чортъ не возьметъ! Мы — трусы, и, можетъ быть, у насъ еще слишкомъ мало силъ и разумѣнія, но мы вытерпимъ. Мы — словно старые волки: отъ голода и отъ боли мы воемъ. Но у насъ растутъ дѣти. Они выростутъ и будутъ знать, о чемъ мы выли. Они не будутъ выть заодно съ нами, а тихо и ловко отправятся на пастбища и принесутъ намъ оттуда то, что нужно.

Замолчавъ, онъ посмотрѣлъ на своего шурина, который, прислонившись спиною къ ели, неподвижно смотрѣлъ въ потухавшій костеръ. Потомъ онъ всталъ, подошелъ къ лошаденкѣ и, погладивъ ее, сказалъ:

— Было бы чѣмъ прикрыть. Еще молода?

— Семь лѣтъ.

— Ничего, пустишь на клеверъ, станетъ кругленькою, какъ шарикъ. Сколько жъ у тебя скота — будетъ имъ объяденіе.

— Было бы только здоровье, — выдержимъ!

— Да, — сказалъ шуринъ и подошелъ опять къ костру. — Я собираюсь домой. Завтра надо еще ленъ трепать. Надо будетъ и вамъ выткать по рубашкѣ... Я не думалъ, что васъ такъ скоро найду. Жена мнѣ толковала, въ какомъ мѣстѣ ваша лачуга, но я не могъ сообразить, здѣсь ли она, либо въ томъ поворотѣ. Но, пройдя болото, я увидѣлъ дымъ. Пусть сестра съ Мишкою заглядываетъ по временамъ къ намъ. Не Богъ знаетъ что, — пройти эти семь верстъ. Хлебнетъ хоть горячаго. Мишка могъ бы на недѣльку остаться у насъ. Скоро, вѣроятно, корова отелится — хватитъ, чай, молока всѣмъ.

И, пожавъ руку, онъ медленно ушелъ по лугу, какъ и пришелъ.

Мужъ прислонился къ ели и кулакомъ вытеръ глаза. Ему вспомнился разсказъ отца о вратахъ небесныхъ. Отецъ былъ на барщинѣ. Въ полночь онъ вышелъ изъ гумна. Вдругъ надъ его головою раскрылись врата небесныя, широкія, какъ двери гумна, а за вратами сіяло что-то словно солнце. Онъ палъ на колѣни и молился: «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь». Врата медленно закрылись. И на своемъ вѣку у него не было недостатка въ хлѣбѣ насущномъ.

— Ты еще не идешь спать? — окликнула его жена изъ землянки.

Мужъ вздрогнулъ.

На зеленоватомъ снѣгу пылали темно-красные уголья, словно лужа застывшей крови. Онъ поднялъ глаза. Сквозь еловыя вѣтви виднѣлось блѣдное звѣздное небо. Долго онъ глядѣлъ и ждалъ. Наконецъ раскрылись врата небесныя...

Крестьянинъ хотѣлъ пасть на колѣни и молиться о насущномъ хлѣбѣ, но колѣни не гнулись. Невольно онъ поднялъ оба кулака къ небу и завопилъ:

— Господи Боже, дай подрасти Мишенькѣ, пусть онъ отомститъ мою горькую долю.

Потомъ онъ залѣзъ въ землянку и легъ рядомъ съ сыномъ.

Перевелъ ***

И. АКУРАТЕРЪ.

ВО ВЛАСТИ СЕРДЦА.

Къ добру и злу равно безчувственъ,
Живу во власти сердца я.
Всечасно чаши золотыя
Льетъ надо мной мечта моя.

Моей дорогой сердце правитъ,
А вёсны на устахъ горятъ . . .
Съ толпой какъ камень я, но въ сердцѣ —
Дитя, съ кѣмъ сказки говорятъ.

Меня, я знаю, любятъ гдѣ-то;
Я знаю: гдѣ-то лугъ цвѣтетъ,
И жизни тамъ поютъ мгновенья,
Какъ жрицъ прекрасныхъ хороводъ.

Что всѣмъ я чуждъ, тогда мнѣ ясно.
Во власти сердца, торопливъ,
Какъ призракъ ночи, я тревоженъ,
Какъ стволъ засохшій, — молчаливъ.

С. Шервинскій.

БЕЗЪ ХРАМА.

Безъ храма, безъ пріюта шелъ
Своей дорогой я всечасно,
Съ тѣхъ поръ, какъ сердце я отвелъ
Отъ хладныхъ идоловъ безстрастно.

Теперь любовь, въ своемъ огнѣ,
Все вновь подвергла испытаньямъ.

Вотъ всѣ сокровища — на днѣ
Иль бурь разнесены дыханьемъ.

Нѣтъ храма для меня, когда
Во храмъ течетъ потокъ народный...
Но зависти душа чужда:
Пусть я — язычникъ, но — свободный!

Изъ муки радости растутъ,
Кустами розъ алѣютъ долы,
Цвѣты благоуханье льютъ,
Смѣется жизни взоръ веселый.

Я — воленъ! Я тебя держу,
Безсмертныхъ чаша круговая!
И на костеръ судьбы всхожу,
Какъ жрецъ, себя благословляя.

С. Шервинскій.

ЧУЖЕСТРАНЕЦЪ.

На пиръ роскошный приглашаете
Вы чужестранца.
Вашъ гость — въ вѣнцѣ алмазномъ,
Уста — съ улыбкой гордой.
Почетное ему вы дали мѣсто.

Ему же низки ваши двери, гнуться
Не приучался онъ, —
Его корона
Объ черный стукнулась косякъ, разсыпавъ искры.

Вотъ, вы пируете въ блаженствѣ сладкомъ,
Ему жъ въ винѣ веселья нѣтъ,
Онъ молчаливъ и мраченъ,
Уста кривятся отъ нѣмыхъ страданій...

На что ему хвалы и пиръ въ сверканьи зала?
Алмаза лучшаго въ его вѣнцѣ не стало!..

С. Шервинскій.

ВЪ ЛЮКСЕМБУРГСКОМЪ САДУ, ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

Люблю бродить по вымокшей аллеѣ,
Когда туманы между крышъ лежатъ,
Когда цвѣты, склоняясь и слабѣя,
Предчувствуя холодный мракъ, дрожатъ.

И сердце, полное дневнымъ блистаньемъ,
Покоя ночи утомленно ждетъ,
И вѣритъ въ утро, съ робкимъ упованьемъ,
Что съ нѣжной музыкой оно придетъ.

И медлю я въ аллеѣ мнѣ знакомой,
Гдѣ изваяніе тоски, Верлэнъ,
Подъ голыми вѣтвями — словно дома,
И гдѣ, напротивъ — Фредерикъ Шопэнъ.

И чувствую: я буду брошенъ тоже
Тамъ, гдѣ простертъ страданій вѣчныхъ брегъ:
Чужимъ путемъ брожу я, какъ прохожій,
И счастливъ — быть непонятымъ вовѣкъ!

Привѣтствуя ей родственныя тѣни,
Стихійной радостью душа полна:
О, перлы одинокихъ вдохновеній!
Васъ мечетъ, въ даль меня влача, волна!

В. Бакулинъ.

Ф. БАРДА.

ПѢСНИ О БѢДНОТѢ.

СѢРАЯ ЛАЧУГА.

Дворъ подметаетъ мѣсяцъ двурогій.
Сѣрый прохожій сидитъ на порогѣ;
Изъ кости дырявой онъ сдѣлалъ дуду
И пѣсенку тянетъ, какъ грѣшникъ въ аду . . .
Ночь тяжкіе сны надъ лачугой простерла,
Сдавила во мракѣ хрипящія горла,
Суставы и кости ломотой грызетъ, —
Но крикнуть не можетъ запекшійся ротъ.
Чу! Кто-то огромный гремитъ жерновами
Подъ кровлей и крышу давитъ руками,
Пока не закличетъ пѣтелъ въ свой часъ,
Не вспыхнетъ въ лачугѣ красный глазъ . . .
Но синія птички — вкругъ дѣтской постели,
Тамъ солнышко дремлетъ, тамъ струйки запѣли!

В. Шершеневичъ.

БАБУШКА.

Да, пальцы у меня такъ желты и такъ сухи,
Какъ надъ прилавками, на нити, кости щукъ;
Заострены давно, какъ спицы, локти рукъ,
И ноги, какъ въ снѣгу, все стынутъ у старухи!

Что жъ! Не всегда листва бываетъ зелена,
И въ рощахъ не всегда — расцвѣтъ весеннихъ почекъ,
Но что-нибудь расти все жъ заставляетъ Богъ:
Смотри же, какъ растетъ, тамъ, у креста окна,
Рядами бурыхъ кочекъ,
Съ верхушкой закругленной, мохъ!

И на моемъ крестѣ, съ верхушками такими,
Мохнатый мохъ взойдетъ. Когда, среди вѣтвей
Скрываясь, иволга накличетъ шумъ дождей, —
Самъ Богъ придетъ туда, перстами золотыми,
Сквозь липовую сѣнь, омоетъ поросль ту:
Могилѣ влагу дастъ и влагу дастъ кресту!

Какъ засіяетъ все, зазеленѣютъ кущи!
О, синій мой кошмаръ въ кровавыхъ пятнахъ, ты,
Меня терзающій и кровь мою сосущій,
Не перейдешь тогда кладбищенской черты!
И никогда ко мнѣ ты вторгнуться не сможешь,
Подъ мшистымъ крестикомъ меня не потревожишь!

В. Шершеневичъ.

СТАРШІЙ СЫНЪ.

Мой день меня гнететъ, высасывая силы,
Какъ радуга — съ луговъ весеннихъ водъ разливъ.
Но все жъ, когда безъ сна лежу, глаза раскрывъ,
Я руки чувствую свои, во мглѣ ночной,
Какъ теплыхъ двухъ тигрятъ, что рядомъ спятъ со мной,
И чувствую, какъ мощь мои вздуваетъ жилы.

Блестящій свой топоръ я поутру точу —
И, забывая все, лишь одного хочу:
Проклятую разбить мнѣ клѣтку надо,
Въ которой задыхаюсь много дней!
Меня сдавила изъ костей ограда,
И рою самъ себѣ могилу я подъ ней!
Пусть свѣтлый день въ моемъ окошкѣ встанетъ!
Въ отвѣтъ на пѣснь мою семь разъ пусть эхо грянетъ!

Но день приходитъ вновь и мощь мою сосетъ,
Какъ радуга — разливъ воды весенней съ луга.
Какъ птица крылья въ лѣсъ подбитыя несетъ,
Такъ подъ вечеръ несу я тяжесть рукъ въ лачугу.

В. Шершеневичъ.

А. ШВАБЕ.

УЗЕЛЪ.

Вечерѣетъ.
Къ ночи улица сѣдѣетъ
И, какъ брызги,
Непрерывно измѣняя свой оттѣнокъ,
Люди пробѣгаютъ въ пестротѣ и визгѣ
Городской застѣнокъ.

Бьется на ложбинѣ узкой
Жизни праздничное русло.
Кто его скуетъ?
Все течетъ.
Но хрустальный
Блещетъ на разливѣ этой улицы опальной,
Связывая въ узелъ шумныя стремнины,
Ложный блескъ витрины.

Духъ невѣрный.
Съ давнихъ поръ,
Гдѣ таится твой костеръ.

Въ суетномъ движеньи,
Какъ въ узлѣ, плетутся ноги.
Но глаза мои раскрыты въ удивленьи:
Кто же чудотворецъ бѣшеной тревоги?

Это въ глинѣ — голосъ скорби
Затаенъ, очеловѣченъ.
Страхъ въ глазахъ, горбаты спины.
Ротъ страданьемъ изувѣченъ.
Въ мертвой глинѣ стынутъ люди.

Что имъ въ жизни, что имъ въ чудѣ?
Если завтра, какъ вчера

Узелъ свой толпа развяжетъ
И затихнетъ, лепеча,
Шумъ ея многоголовый.
Впереди
Садъ свинцовый —
Блѣдный садъ моей мечты.

Лариса Рейснеръ.

СТОЛИЦѢ *.

I.

Прекрасна ты, когда въ разгарѣ дня
Какъ въ лихорадкѣ бьется пульсъ столицъ.
Открыта дверь фабричнаго колосса,
И жадныя, съ разгоряченныхъ лицъ
Дыханье пьютъ бѣгущія колеса.

Прекрасна ты, когда въ разгарѣ дня
Кричитъ буравъ, упорный какъ кремéнь!
Горячіе зубцы вонзаютъ пилы
И плавно шелестя сосетъ ремень
Живую грудь, исполненную силы.

Прекрасна ты, когда въ разгарѣ дня
Стучитъ неутомимый Ремингтонъ.
И, обростая буквами, словами,
Всю эту жизнь, похожую на сонъ,
Бумага пьетъ чернильными устами.

II.

Прекрасна ты, когда по вечерамъ
Усталый день взойти не можетъ выше
И какъ бы чашею сквозной
Изъ рукъ его упавшій зной
Блеститъ осколками на каждой крышѣ.

Прекрасна ты, когда по вечерамъ,
Вездѣ темно, и фонари горятъ

---

* Отрывокъ изъ поэмы „Городъ“.

И кажутся въ ночи холодной
Огни безчисленныхъ лампадъ
Глазами рыбъ глубоководныхъ.

Прекрасна ты, когда по вечерамъ
Мелькаютъ шляпы, улицы гремятъ
И всѣхъ, кто утомилъ живое чувство,
Кто жизнью преждевременно измятъ
Въ свой величавый домъ зоветъ Искусство.

III.

Прекрасна ты, прекрасна раннимъ утромъ,
Когда остатокъ ночи пьетъ заря
И тучи розовымъ лобзаньемъ
Послѣдній свѣтъ ночного фонаря,
Какъ взоръ больныхъ очей, смежаютъ на прощанье.

Прекрасна ты, прекрасна раннимъ утромъ.
Въ свой первый путь трамвай идетъ,
О, звукъ пронзительный и краткій,
Какъ онъ похожъ на шумный взлетъ
Отъ выстрѣла бѣгущей куропатки.

Прекрасна ты, прекрасна раннимъ утромъ,
Когда зоветъ гудокъ, настойчивый и звонкій,
И городъ, разбудивъ свои подонки,
Спѣшитъ омыть приливомъ силы свѣжей
Безчисленныхъ машинъ горячее желѣзо.

IV.

Прекрасна ты, въ глухой и поздній часъ,
Когда изсякнетъ жизнь на улицѣ полночной.
Не раздается шумъ шаговъ,
И стрѣлка башенныхъ часовъ
Свой кругъ описываетъ точный.

Прекрасна ты, въ глухой и поздній часъ,
Какъ знамя бѣлое, какъ облачная стая,
Надъ городомъ кочуетъ дымъ,
И улицы, лежащія подъ нимъ,
Окутаны луной, какъ горностаемъ.

Прекрасна ты, въ глухой и поздній часъ.
Погружены, какъ въ омутъ,
Всѣ голоса живущіе молчатъ...
И тѣни высятся, какъ остовъ баррикадъ,
И снова въ ночи тонутъ...

Лариса Рейснеръ.

А. УПИТЪ.

СОВѢСТЬ.

Владѣлецъ усадьбы Леясъ-Бреки, церковный староста Викъ, возвращался изъ церкви домой.

Пополуднее время въ среду — а онъ по обязанности долженъ былъ присутствовать въ церкви при крещеніи пасторомъ ребенка изъ сосѣдней усадьбы.

За угломъ церкви онъ выпилъ изъ предложенной ему гостями бутылки и сейчасъ, на ходу, закусывалъ пирогомъ съ начинкою изъ мелко-изрубленной, посыпанной перцемъ свинины. Закуска какъ разъ кончалась. Викъ облизалъ большой и указательный палецъ, а потомъ вытеръ ихъ о брюки. Эхъ! Хорошо бы теперь бутылку пивца!

Погода стояла ясная и жаркая. Изъ-подъ фуражки сочился потъ. Дорога съ полверсты поднималась въ гору. Сапоги покрывались пылью отъ измельченнаго колесами гравія. Глаза болѣли отъ сверкающей бѣлизны мощеной дороги.

Отъ водки и жирнаго пирога шла горькая отрыжка, во рту ощущался пріятный вкусъ. Викъ языкомъ выпихивалъ волокна жирнаго мяса, крѣпко засѣвшія межъ зубовъ. Въ продолженіе этого процесса пріятное ощущеніе какъ-то замѣнилось легкой брезгливостью.

Выходя изъ церкви, онъ надѣялся, что пасторъ пригласитъ его въ свои дрожки и довезетъ до аллеи пастората. Между тѣмъ, когда пасторъ, обогнавъ его, проѣхалъ мимо, Викъ увидѣлъ, что рядомъ съ пасторомъ сидитъ Розенбергъ, бывшій содержатель церковной корчмы. Розенбергъ кланялся ему, пасторъ тоже, какъ будто извиняясь, съ пріятной улыбкой кивнулъ ему головой, но на Вика вся эта любезность подѣйствовала не особенно сильно. Не потому, что идти пѣшкомъ было слишкомъ утомительно, а просто потому, что посидѣть рядомъ съ пасторомъ лестно для

всякаго, а для церковнаго старосты въ особенности. Кой чортъ занесъ сюда этого Розенберга!

Сейчасъ по выходѣ изъ церкви, Викъ замѣтилъ его на нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги. И уже тогда, въ недобромъ предчувствіи, собирался было обождать тутъ же и пропустить его мимо. А что-то такое, похожее на глупую застѣнчивость, помѣшало ему. Теперь онъ изъ-за этого сердился на самого себя.

Можетъ, совсѣмъ и не сердился, а только воображалъ, что сердится. Но скоро и это прошло. Пріятный вкусъ во рту сталъ еще чувствительнѣе. Захотѣлось пить. У рѣчки, повыше мостика, тамъ, гдѣ глубже и почище, онъ приляжетъ и напьется.

Вспомнилась Вику высокая сводчатая церковь, гдѣ висѣли двѣ позолоченныя вѣтвистыя люстры съ полудогорѣвшими свѣчами. Вспомнилось, какъ торжественно раздавался голосъ пастора въ пустомъ помѣщеніи. Содержанія проповѣди онъ, по обыкновенію, не помнилъ.. Но ему всегда очень нравилась торжественная тишина подъ бѣлыми сводами, раскатистый голосъ пастора и то, какъ прихожане съ серьезными, полными сосредоточеннаго вниманія и уваженія лицами, смотрѣли на него во время исполненія имъ священныхъ обязанностей у ограды алтаря.

А погода-то сегодня выдалась на славу! По одну сторону высоко насыпанный край подорожной канавы густо заросъ дикимъ горошкомъ и широколистымъ репейникомъ. По другую разстилалось поле полурасцвѣтшаго клевера. А за нимъ — гора съ накренившейся березой, гдѣ по преданію когда-то стоялъ замокъ латышскихъ феодаловъ. А дальше — невидимая отсюда — долина, по которой течетъ Даугава. А еще дальше, въ просвѣтахъ между верхушками старинныхъ липъ, блеститъ она, точно клочекъ запыленной слегка серебряной пластины. За ней поднимается покатая, песчаная, заросшая мелкой сосной пограничная полоса Курземы съ ровной каймой сосноваго бора вдоль верхняго края... Вику нечего было смотрѣть — вѣдь каждый день передъ его глазами эта скучная, надоѣвшая картина. А хорошее настроеніе все-таки опять вернулось.

Онъ остановился, понюхалъ и махнулъ рукой по воздуху. Глазу не замѣтно, а носомъ чувствовалась пыль, поднятая колесами дрожекъ пастора. Въ безвѣтренное время облака пыли обыкновенно долго держатся въ воздухѣ за пригоркомъ.

Шагнувъ дальше, онъ опустилъ глаза на земь, можетъ быть, для того, чтобы посмотрѣть на слѣдъ пасторскихъ дрожекъ. И увидѣлъ посреди дороги что-то блестящее. «Половинка сломанной подковы» — подумалъ Викъ и прошелъ мимо. Но потомъ ему

пришло въ голову, что можетъ быть и цѣлая подкова. А это ужъ хозяину какъ разъ пригодится.

Обернулся и наклонился. И вдругъ какъ будто горячей водою ошпарило ему спину. Съ перваго взгляда было видно, что не подкова лежала тамъ. Что-то кругловато-четыреугольное, блестяще-бѣлое. Нерѣшительно, осторожно, точно боясь ожога, поднялъ онъ вещицу. Совсѣмъ жаркая, накалена солнцемъ... Держа концами пальцевъ, онъ смотрѣлъ на нее широкими, неподвижными глазами. Придвинулъ ближе — и опять отодвинулъ на разстояніе длины руки. Глаза слѣпило отъ этого блеска.

Красивая и, по всей вѣроятности, дорогая вещица. Должно быть, серебряная... На одной сторонѣ выгравированъ ландышъ. На другой двѣ крупныя, замысловато переплетенныя между собою буквы. Викъ попытался было разобрать ихъ, но сейчасъ бросилъ. И вдругъ замѣтилъ, что рука его дрожитъ... И другая тоже немножко... И дышитъ онъ тяжело, какъ будто большой мѣшокъ у него на плечахъ. А по спинѣ катится горячая волна. Боже... изъ-за чего это? Чужая вещь! Какое ему дѣло!

Большой палецъ нечаянно задѣлъ небольшую продолговатую кнопку. Скрипнуло — крышка со слабымъ звономъ отскочила. А Викъ при этомъ пошатнулся, точно отъ сильнаго толчка. Внутри вещица оказалась вызолоченной, блѣдно-желтаго цвѣта. А за узенькой, туго натянутой полурезиновой тесемкой рядышкомъ лежали штукъ пять папиросъ...

Викъ закрылъ коробку и свободной рукой вытеръ лобъ. Отуманенными глазами повелъ кругомъ. Должно быть, какой-то шелопай потерялъ... Тоже человѣкъ — такая дорогая вещь, и не сумѣлъ уберечь...

Бросить? Ну, это не полагается. Другой, все равно, подниметъ, и тогда ужъ пиши пропало. И онъ нерѣшительно сунулъ коробку въ карманъ. Всунулъ и вытащилъ опять. Какъ-никакъ, а все-таки чужое добро...

Не зналъ, какъ поступить. Но на что-нибудь надо было рѣшиться, это онъ зналъ.

Ясно чувствовалъ, что чужая тяжесть тянетъ внизъ край пиджака. Опустилъ руку въ карманъ и крѣпко сжалъ находку въ кулакѣ. Но сейчасъ спохватился. Что такое! Онъ могъ призадуматься надъ тѣмъ, какая цѣна такой вещицѣ. Съ десяти рублей воображеніе его скоро добралось до цѣлыхъ сотенъ и тамъ застряло... А что ему до этого? Вѣдь — чужое добро!

Какъ будто кѣмъ-то чужимъ задѣтый, онъ сердито кашлянулъ и сталъ быстро шагать дальше. Тяжелые сапоги бороздили

пыльную дорогу. Бѣлое облачко вилось вокругъ ногъ. Викъ чувствовалъ сильное безпокойство и злобу.

Но за всѣмъ этимъ шевелилось и что-то сладостное, доселѣ неиспытанное, а потому особенно пріятное. Ну что жъ, отдастъ пастору съ тѣмъ, чтобы тотъ въ слѣдующее воскресенье оглашалъ въ церкви. Сейчасъ мимоходомъ завернетъ въ пасторатъ. Владѣлецъ коробки тогда ужъ навѣрное найдется. А онъ, хозяинъ усадьбы Леясъ-Бреки и церковный староста, съ снисходительно-упрекающей улыбкой хлопнетъ его по плечу... Ничего, ничего... Никакихъ благодарностей ... Онъ тутъ не при чемъ — вѣдь, обязанность всякаго хорошаго христіанина... А какъ торжественно перекатывается голосъ пастора по высокимъ сводамъ церкви...

Нѣтъ — въ концѣ концовъ, случай этотъ совсѣмъ не такъ непріятенъ... Викъ отодвинулъ фуражку болѣе на затылокъ и зашагалъ шибче. И вдругъ испугался. Съ пригорка навстрѣчу ему спускался человѣкъ. Незнакомый человѣкъ... Глупости... Не первый же разъ встрѣчаешь по дорогѣ чужого человѣка... А впрочемъ, какъ странно идетъ тотъ: самой серединой дороги, высоко поднимая ноги, какъ будто по глубокой грязи, какъ будто опасаясь наступить на что-то — кнутъ съ прижатой бичевкой у него въ одной рукѣ, потухшая папироска въ другой.

По лицу Вика ясно было видно: какое ему дѣло! Но внутри онъ напрасно искалъ чувство холодной непричастности. Слишкомъ ясно видѣлъ онъ сухощавое, раскраснѣвшееся отъ легкой тревоги юношеское лицо, видѣлъ жилистые пальцы, крѣпко сжимавшіе кнутъ. И то онъ замѣтилъ, какъ вздрагивали рѣсницы опущенныхъ вѣкъ, когда глаза поворачивались въ ту или другую сторону. И понялъ, что этотъ человѣкъ потерялъ что-то и ищетъ. А почему онъ знаетъ, чего ищетъ... А если и это — то какое право имѣлъ онъ показать и отдать? Гдѣ доказательства? Вѣдь, только дуракъ откажется отъ такой драгоцѣнной вещицы.

Викъ сунулъ обѣ руки въ боковые карманы пиджака. Пара тревожныхъ глазъ уставилась было на него и тотчасъ опять отвернулись, встрѣтившись съ его холоднымъ, строгимъ взглядомъ.

Викъ сухо кашлянулъ и, продолжая путь, ни разу не обернулся. А все-таки чувствовалъ, что уши пылаютъ. Сердце у него билось такъ сильно, какъ будто его накрыли при дурномъ поступкѣ. Онъ злился на самого себя. Что за глупости! Воромъ и подлецомъ онъ никогда не былъ. Но такую дорогую вещь отдать первому встрѣчному — это не дѣло. Всякій, вѣдь, можетъ сказать: да, мое! Нѣтъ, онъ не имѣетъ права. Пастору — это

совсѣмъ другая статья. Въ церкви будетъ оглашено, пускай тогда заявляютъ... Ну, вотъ и аллея...

Викъ замѣшкался и чуть было не остановился. Въ десяти шагахъ впереди безпокойно топталась запряженная лошадь, а человѣкъ въ телѣгѣ сидѣлъ обернувшись, крѣпко стянувъ вожжи.

Мальчикъ — настоящій молокососъ... Викъ бросилъ на него строгій взглядъ и чуть-чуть кивнулъ головой, когда тотъ свободной рукой дотронулся до шапки. Какъ будто знакомый... А впрочемъ — очень ему нужно знать всякаго молокососа...

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, Викъ остановился. Вдругъ ему пришло въ голову: а что, если отсюда видна дорога за пригоркомъ? Тревожно оглянулся. Нѣтъ — слава Богу, не видно. Лишь бѣлая колокольня и какое-то дерево, похожее на широкій, раскрытый зонтъ, торчало изъ-за горы. Успокоился было, но потомъ опять встревожился. А если мальчикъ замѣтилъ, что онъ оглядывается? Тайкомъ вскинулъ глаза. Нѣтъ — тотъ все сидѣлъ обернувшись и смотрѣлъ въ ту сторону.

Викъ такъ крѣпко упирался кулаками въ карманы пиджака, что чужая тяжесть тамъ совсѣмъ больше не чувствовалась. Пошелъ дальше и инстинктивно пытался вновь уравновѣшивать расшатанное сознаніе своего достоинства и успокоить непріятно взбудораженныя чувства. Мысленно выругалъ самого себя за постыдную слабость. Дуракъ, самый настоящій дуракъ! Ну зачѣмъ ему волноваться изъ-за какихъ-то молокососовъ? А относительно того, что у него въ карманѣ... такъ онъ самъ знаетъ, почему и для чего... Онъ церковный староста — примѣръ всему приходу, не ему учиться у чужихъ.

Аллея пастората А вѣдь онъ прекрасно знаетъ, что пасторъ, снявъ накидку, только что прилегъ на диванъ отдохнуть. И ясно, такъ ясно, какъ еще ни разу въ жизни своей, Викъ представилъ себѣ, какъ отдыхаетъ пасторъ на обтянутомъ кожей диванѣ. На немъ лишь рубашка и жилетъ; руки въ бѣлыхъ рукавахъ откинуты черезъ голову. Тутъ же на стулѣ черный таларъ, а на письменномъ столѣ бѣлый воротничекъ съ двумя хвостиками. А сквозь дырочки полузакрытыхъ ставенъ изъ парка вливается золотисто-зеленая зыбь листвы, перебираемой тонкими пальцами солнца... Нѣтъ, не хорошо тревожить пастыря въ часъ пополуденнаго отдыха. Лучше ужъ завернетъ туда завтра, а то послѣзавтра. Нѣтъ — во всякомъ случаѣ завтра.

Недалеко за спиной заговорили. Взволнованные, сердитые голоса. Должно быть, тѣ оба опять вмѣстѣ и усаживаются въ телѣгу. Догонятъ его — а то начнутъ и разспрашивать... Ну

и пускай спрашиваютъ! Развѣ онъ не церковный староста? А совѣсть его развѣ не чиста и спокойна?

Съ аллеи свернулъ прогонъ — черезъ поле на ельникъ и выгонъ пастората. А оттуда по краю канавы тропинка къ ручью и по крупному булыжнику черезъ него. Тамъ гораздо ближе до усадьбы. Почему въ такую жару не выбрать самый короткій и удобный путь?

За спиной затрещала телѣга, попрыгивая черезъ разсыпанный по дорогѣ булыжникъ. Отъ этого шума затрещали въ его тѣлѣ всѣ незамѣченныя доселѣ больно чувствительныя нервныя волокна. А что, если крикнуть вслѣдъ ему и остановятъ?.. Въ ушахъ у него шумѣло, спина обливалась потомъ. Ноги съ трудомъ повиновались, и ему казалось, что издали видно, какъ онъ спотыкается на вытоптанномъ, кочковатомъ прогонѣ, какого напряженія стоитъ ему держать прямо голову, которая, точно опасаясь удара, все стремится пригнуться и провалиться гдѣ-то между плечъ.

Когда онъ почувствовалъ, что ели закрываютъ его своей тѣнью, ему сразу стало легче. И чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Углубившись на нѣсколько десятковъ шаговъ въ ельникъ, онъ собрался съ духомъ и оглянулся.

Надо было наклониться, чтобы окинуть взоромъ дорогу. Такъ и есть: опасности никакой. Тѣ уже проѣхали мимо. Правда, медленно, но все-таки удалялись. Но потомъ Викъ снова вздрогнулъ и едва было не присѣлъ за ольховую кущу: ему показалось, будто бы тѣ въ своей телѣгѣ повернули головы и посмотрѣли сюда. Онъ сдѣлалъ усиліе и взялъ себя въ руки. Глупости! и не думали смотрѣть. Впрочемъ, пускай смотрятъ — все равно оттуда ничего не видно.

Какъ никакъ, а поглубже въ ельникъ все-таки безопаснѣе... Обождетъ, пока тѣ скроются въ лощинѣ.

Скрылись... Впрочемъ, обождать еще минуточку, пока выѣдутъ на пригорокъ по ту сторону ручья. Оттуда еще довольно хорошо видно. Выѣхали и завернули за сиреневый кустъ около волостного дома...

Викъ вздохнулъ облегченно и присѣлъ тутъ же на подгнившій ольховый пень. Невыносимая жара сегодня! Ему почудилось, что горячая вода течетъ по всему его тѣлу и заливаетъ сапоги.

Онъ снялъ фуражку и съ минуту прислушивался, какъ въ груди стучало точно маленькимъ молоткомъ. Дуракъ — настоящій дуракъ!

И вдругъ застылъ съ широко раскрытыми глазами и прико-

ваннымъ къ влажной подкладкѣ фуражки взоромъ... А! это только свистокъ поѣзда гдѣ-то довольно далеко. Извѣстное дѣло: поѣздъ, верстахъ въ двухъ отсюда. Кому другому тутъ свистѣть!.. Право, дуракъ — и только!

Странная, никогда еще въ жизни неизвѣданная радость проникла все существо Вика. Широкая и мощная волна... Въ глубинѣ тамъ еще прячутся старые осадки, а ужъ свѣжій прибой смѣло хлещетъ по нимъ, подхватываетъ, уноситъ и погребаетъ въ пучинѣ.

Шумъ въ ушахъ постепенно затихъ, сердце стало биться спокойно и ровно. Только ощущеніе жары все еще не проходило. Но при такомъ солнцѣ — это весьма понятно...

Потихоньку, какъ будто опасаясь разбудить заснувшаго, онъ опустилъ руку въ карманъ, осторожно взялъ двумя пальцами и вытянулъ. Что за блестящая бѣлизна! И какой вѣскій!.. Онъ разжалъ пальцы, выпустилъ и слушалъ, какъ тамъ въ глубинѣ мягко бухало. Край пиджака опять потянуло внизъ.

Надъ самой его головой зачирикала птичка. Викъ прогналъ шалунью. Затѣмъ тревожнымъ взглядомъ повелъ кругомъ. А что, если кто-нибудь изъ-за ближняго куста наблюдаетъ за нимъ? Но тотчасъ мысленно опять успокоилъ себя. Кому охота валандаться тутъ среди бѣла дня? Однакожъ, на всякій случай, звонко и вызывающе кашлянулъ, сунулъ и другую руку въ карманъ — вывернулъ загрязненную пылью и потомъ матерію и, точь-въ-точь какъ на томъ боку — посмотрѣлъ черезъ пазуху, тряхнулъ ладонью и сунулъ обратно. Кашлянулъ еще разъ — звонко и вызывающе.

Чего ему, въ самомъ дѣлѣ, бояться, а то еще прятаться? Воромъ и подлецомъ онъ никогда не былъ. Будетъ случай, встрѣтитъ — не разъ это бывало. Встрѣтитъ и отдастъ. Безъ всякихъ разговоровъ. Вѣдь каждый знаетъ, что въ жизни своей онъ никогда и иголки чужой не присвоилъ.

Воображеніе Вика опять путалось въ десяткахъ и сотняхъ рублей. Онъ всталъ и по тропинкѣ вдоль канавы направился къ усадьбѣ Леясъ-Бреки. Совѣсть его была чиста и спокойна.

Переводъ автора.

ФАЛЛІЙ.

Майскій день вечерѣетъ,
Міръ околдованъ, молчитъ.
Онъ млѣлъ подъ лобзаньемъ весеннимъ,
Теперь, въ ароматѣ, онъ спитъ.

Направо — лѣсъ, а налѣво —
Рѣка и черемухи цвѣтъ.
Чу! Слышенъ напѣвъ соловьиный
О счастьѣ утраченныхъ лѣтъ.

Мы слушаемъ . . . Странное пламя
Струится въ груди черезъ край.
Видѣнье чудесное міра.
О сердце! Отъ счастья истай!

В. Брюсовъ.

Окно открываю, гляжу я:
Майскій дождикъ идетъ;
Безъ вѣтра, росой тепловатой,
Онъ тихо, онъ тихо идетъ.

На зеленыхъ вѣткахъ каштана
Первые листья блестятъ;
Словно въ предчувствіи счастья,
Такъ радостно шелестятъ.

У края улицы мальчикъ,
Смотрите! безъ шапки стоитъ!
Нарочно онъ голову мочитъ . . .
Мнѣ дѣтство напомнилъ тотъ видъ.

Напротивъ — окна раскрыты,
Выносятъ цвѣты на балконъ...
Надо мной, надъ крышей зеленой,
Птицы чертятъ небосклонъ.

Все полно весеннимъ дыханьемъ,
Не крылья ль растутъ на плечахъ!
Дышу глубоко̀ и свободно,
Но блѣдныя щеки — въ слезахъ.

Въ груди моей смерть, это — знаю!
Ужель ея часъ недалекъ?
Глубоко вбираю дыханье,
Но катятся слезы вдоль щекъ...

В. Брюсовъ.

Саблю, и броню, и щитъ мнѣ давайте,
Въ золото тканный уборъ ополчайте,
Шпоры сюда! ихъ острѣй отточите,
Борзаго мнѣ скакуна приведите,
Спину покрывъ пурпуро̀вой попоной,
Кинувъ сѣдло на чепракъ золоченый!
Шире — ворота! Зовите трубою
Къ страшному, грозному, быстрому бою!
Вспыхнули молніи, ярко летучи,
Съ горъ наползаютъ зловѣщія тучи...
Гдѣ вы, борцы удалые? являйтесь!
Въ горномъ дворцѣ вкругъ меня собирайтесь,
Стройтесь подъ знаменемъ! время похода!
Ринемся въ битву съ врагами народа!
— Витязь! (скажу я) взываешь напрасно!
Тщетно ты рѣчью грозишь громогласной!
Рыцарей время давно миновало:
Лучше ложись и покойся устало!

В. Брюсовъ.

АПСЕСДЭЛЬСЪ.

ОТВЕРЖЕННЫЕ.

(Изъ сборника „Утомленіе".)

Жизнью выброшены мы...
Что намъ дня и ночи смѣны?
Только время... только время...
Да незыблемыя стѣны,
Стѣны тѣсныя тюрьмы...

Мы не вѣдаемъ, что тамъ,
За обставшими стѣнами...
Только темными вѣстями
Ужасъ что-то шепчетъ намъ.

В. Ходасевичъ.

ШАЛКОНЪ.

ЧЕРНЫЕ ЦВѢТЫ.

Сверкаетъ поле снѣговое,
Бодра струя воздушныхъ волнъ,
Снѣжинки на вѣтвяхъ — въ покоѣ,
Веселымъ гамомъ воздухъ полнъ.

Смѣется молодежь, какъ дѣти,
Рѣзвится парами, шумитъ...
Кто прикололъ мнѣ розы эти?
Ихъ запахъ сердце тяготитъ.

О, розы тьмы! Рукой незримой
На грудь приколоты онѣ, —
Нашептывать неумолимо
О горестяхъ и страхахъ мнѣ.

Прочь, темный лепетъ розы черной!
Гдѣ розы алыя, какъ кровь?
Гдѣ весла, гдѣ челнокъ проворный?
Въ объятья бурь пора мнѣ вновь.

В. Ходасевичъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Юрій Самаринъ. Окраины Россіи, т. VIII.

Памятники латышскаго народнаго творчества. *И. С. Спрогисъ.* Народныя пѣсни.

Я. Трейландъ. Матеріалы по этнографіи латышскаго племени; изд. Московскаго Общества любителей естествознанія, этнографіи и антропологіи: а) народныя пѣсни . . . . 1872 г.
б) поговорки, пословицы, загадки и т. д. 1881 г.

Э. Вольтеръ. Матеріалы по этнографіи латышскаго племени Витебской губ. СПБ. 1890.

Ч. Вѣтринскій. Среди латышей. Очерки. Москва 1901 г.

Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ. Сборникъ статей подъ ред. А. И. Кастелянскаго. Р. Петерсонъ, Латыши. Петроградъ, 1910 г.

Юрій Новоселовъ Латыши. Изданіе А. И. Кузнецова. 1911 г.

Латышскій Литературный Альманахъ „Вѣстника Знанія". Петроградъ, 1913 г.

Исторія Россіи въ XIX в. Изд. Тов. Гранатъ, т. II и V, *К. Ландеръ*, Прибалт. Край въ I половину XIX в. и Крестьян. вопросъ въ Приб. краѣ.

П. М. Токаревъ. Краткая исторія латышскаго края. Изданіе „Народные Всходы", 1915.

Г. И. Виграбъ. Прибалтійскіе нѣмцы. Ихъ отношеніе къ русской государственности и коренному населенію края въ прошломъ и настоящемъ. Юрьевъ. 1916.

Въ Прибалтійскомъ краѣ. Эсты и латыши, ихъ исторія и бытъ. Сборникъ статей, подъ ред. проф. М. А. Рейснеръ. Москва. 1916 г.

Отечество. Сборники національной литературы Россіи. Петроградъ, 1916 г.

Отдѣлъ библіографіи на русскомъ языкѣ о латышахъ крайне бѣденъ. До нынѣшней войны латыши для широкой русской публики существовали только, какъ этнографическое понятіе. Мы опускаемъ, конечно, статьи Энциклопед. словарей и журнальныя статьи, которыхъ также весьма немного.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

